

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 30 • 2025 • № 1

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration of PI FS 77-76 120
dated 24.06.2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – Ural State Pedagogical University (USPU)
620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: **filclass.ru**

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site **filclass.ru**

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS,
DOAJ, Scopus

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog
“Russian Press”, Index 84587

Адрес редакции:
Россия, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editorial Board postal address:
Russia, 620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
executive editor: Associate Professor **Ol'ga Aleksandrovna Skripova** (Russia, Ekaterinburg, USPU);

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th – early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU), Associate Professor **Lobin Alexander Mikhailovich** (Russia, Ulyanovsk, USPU named after I. N. Ulyanov), Associate Professor **Tagiltsev Alexander Vasilievich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopevich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in Business English: Dr. of Philology **Makarova Elena Nikolaevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Dr. of Philology, Chief Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); on issues of a second foreign language: Associate Professor **Sokolova Olga Leonidovna** (Russia, Ekaterinburg, Institute of International Relations); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Dr. of Philology **O. M. Valova** (Russia, Kirov, Vyatka State University); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Dyrdin** (Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Dr. of Philology **O. V. Nikitin** (Russia, Moscow, State University of Education; Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **R. Hodel** (Germany, Hamburg, University of Hamburg); Dr. of Philology **K. I. Sharafadina** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)

Главный редактор: проф. **Нина Петровна Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX в.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Лобин Александр Михайлович** (Россия, Ульяновск, УГПУ им. И. Н. Ульянова), доц. **Тагильцев Александр Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по деловому английскому языку: д-р филол. наук **Макарова Елена Николаевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, глав. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам второго иностранного языка: доц. **Соколова Ольга Леонидовна** (Россия, Екатеринбург, Институт международных связей); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); д-р филол. наук **О. М. Валова** (Россия, Киров, Вятский государственный университет); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Дырдин** (Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); д-р филол. наук **О. В. Никитин** (Россия, Москва, Государственный университет просвещения; Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцкий университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет); д-р филол. наук **К. И. Шарафадина** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

СОДЕРЖАНИЕ

- КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ
- 7 *Городилова Н. И.* Переписка В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой: полемика вокруг народного издательства «Посредник»
- 21 *Gorbovskaya S. G., Kondratieva E. A.* «La Nuit de mai» de A. de Musset en tant que source possible de réceptions figuratives et structurelles dans le poème de A. Fet «Le Rossignol et la rose»
- 29 *Shustrova E. V., Chudinov A. P.* Royals in Gastronomic Metaphor and Polycode Competence Development

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

- 40 *Большев А. О.* Подлинная жизнь Катерины Кабановой: опыт психобиографического прочтения драмы А. Островского «Гроза»
- 49 *Никитин О. В.* «Прозёванный гений»: феномен Н. С. Лескова в русской литературе

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИАДИСКУРС

- 57 *Будаев Э. В., Нахимова Е. А.* Литературный персонаж Железный Дровосек как метафора в российском медиадискурсе
- 67 *Ruzhentseva N. B.* Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 74 *Ваулина И. А.* Метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова
- 84 *Kuleshova A. V., Bogoyavlenskaya Ju. V.* Théorie des marqueurs discursifs en linguistique étrangère: problèmes controversés

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

- 94 *Игошева Т. В.* Субъект речи как ненадежный рассказчик в лирике А. А. Блока
- 102 *Жэнь Шуби.* Поэтическая книга Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь» в свете теории диалога М. М. Бахтина
- 111 *Кольшиева Е. Ю.* «Жизнеописание Мольера» в контексте создания образа мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
- 122 *Снигирева Т. А.* Homo traditor в рассказе М. Горького «Карамора» и романе Евг. Водолазкина «Чагин»
- 129 *Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В.* Концептуализация семейной идентичности в современной литературе для подростков

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 137 *Makarova L. Yu.* The “Golden Age” in Joseph Addison’s Essay *The Vision of Justice* (*The Tatler*, No. 100, 102, 1709)
- 148 *Gurianova A. A.* “Mythic Substance” of T. Hughes’ Drama
- 156 *Fedjajewa T. A.* Probleme des Schaffens der deutschsprachigen Kinderliteratur im sowjetischen Exil

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

- 164 *Фань Чуньюй, Сизых М. М.* Обучение качественной редукции гласных после мягких согласных в рамках коррекционного курса русской фонетики
- 173 *Vlavatskaya M. V., Djabieva L. Sh.* Actualizing Accumulative and Innovative Resource in Educational Lexicographic Project
- 185 *Шпильная Н. Н., Ширяева О. Ю.* Интерпретационная языковая способность школьников 5 класса: опыт типологии

CONTENT

- CONCEPTS. PROGRAMS. HYPOTHESES
- 7 *Gorodilova N. I.* Correspondence between V. G. Chertkov and E. S. Nekrasova: A Discussion Surrounding the Peoples Publishing House “Posrednik”
- 21 *Gorbovskaya S. G., Kondratieva E. A.* “The May Night” by A. De Musset as a Possible Source of Figurative and Structural Receptions in the Poem “The Nightingale and The Rose” by A. A. Fet
- 29 *Shustrova E. V., Chudinov A. P.* Royals in Gastronomic Metaphor and Polycode Competence Development

REREADING RUSSIAN CLASSICS

- 40 *Bolshev A. O.* The Real Life of Katerina Kabanova: An Experience of Psychobiographical Reading of A. Ostrovsky’s Drama “The Storm”
- 49 *Nikitin O. V.* “An Overlooked Genius”: The Phenomenon of N. S. Leskov in Russian Literature

LITERATURE AND MEDIA DISCOURSE

- 57 *Budaev E. V., Nakhimova E. A.* The Literary Character Tin Woodman as a Metaphor in Russian Media Discourse
- 67 *Ruzhentseva N. B.* Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media

TRENDS IN MODERN LINGUISTICS

- 74 *Vaulina I. A.* The Method of Cluster Analysis as a Way to Study the Phonosemantic Expressiveness of a Word
- 84 *Kuleshova A. V., Bogoyavlenskaya Yu. V.* The Theory of Discursive Markers in Foreign Linguistics: Controversial Issues

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH–21ST CENTURIES

- 94 *Igosheva T. V.* The Subject of Speech as an Unreliable Narrator in the Poems of Alexander Blok
- 102 *Ren Shubi.* From M. M. Bakhtin’s Theory of Dialogue: Exploring B. L. Pasternak’s Poetic Collection *My Sister – Life*
- 111 *Kolysheva E. Yu.* “The Life of Monsieur de Moliere” in the Context of Creating the Image of the Master in the Novel by M. A. Bulgakov “The Master and Margarita”
- 122 *Snigireva T. A.* Homo Traditor in M. Gorky’s Short Story “Karamora” and Evg. Vodolazkin’s Novel “Chagin”
- 129 *Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V.* Conceptual Representation of Family Identity in Modern Young Adult Literature

GLOBAL LITERATURE POETICS

- 137 *Makarova L. Yu.* The “Golden Age” in Joseph Addison’s Essay *The Vision of Justice* (*The Tatler*, No. 100, 102, 1709)
- 148 *Gurianova A. A.* “Mythic Substance” of T. Hughes’ Drama
- 156 *Fedyayeva T. A.* Problems of Creative Activity of German-Speaking Children’s Writers in the Soviet Emigration

METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

- 164 *Fan Chunyu, Sizykh M. M.* Teaching Qualitative Reduction of Vowels After Soft Consonants as Part of the Correction Course of Russian Phonetics
- 173 *Vlavatskaya M. V., Djabieva L. Sh.* Actualizing Accumulative and Innovative Resource in Educational Lexicographic Project
- 185 *Shpilmaya N. N., Shiryaeva O. Yu.* The Language Interpretive Ability of Fifth Grade Schoolchildren: An Experience of Typology

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-6+655.4. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8+Ч617.471.
ГРНТИ 17.07.21. Код ВАК 5.9.3

ПЕРЕПИСКА В. Г. ЧЕРТКОВА И Е. С. НЕКРАСОВОЙ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ НАРОДНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСРЕДНИК»

Городилова Н. И.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0856-3083>
SPIN-код: 1637-0376

А н н о т а ц и я. Статья посвящена рассмотрению деятельности издательства «Посредник», возникшего по инициативе Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, в контексте дискуссии о народной литературе 1880-х гг. Участие известного писателя и своеобразное направление издательства, воплощающего в художественной форме основные постулаты толстовского религиозно-философского учения, привлекли внимание общественности. Материалом работы послужили аналитическая, построенная на серьезном изучении проблемы народного чтения статья Е. С. Некрасовой «Книжки для народа», которая вызвала одобрение организаторов издательства, и неопубликованные письма Черткова и Некрасовой 1885 г., позволившие реконструировать диалог между корреспондентами, полемически отражающий разные идейные и эстетические направления в истории литературного процесса второй половины XIX века. Анализ документальных источников свидетельствует, что «программу» «Посредника», в соответствии с которой формировался круг достойных книг для народа, во многом определяли эстетические вкусы Черткова, ориентирующегося прежде всего на содержание литературного произведения. В определении качества книжной продукции главным критерием для издателя становятся не художественные достоинства произведения, а авторская идея, и идея эта должна была непременно совпадать с направлением «Посредника», т. е. отражать моральную суть учения Христа. Эту «программу» верно почувствовала Некрасова, отметившая в своей рецензии на народные издания заботу издателей новой книжной фирмы о народной нравственности. В своем первом письме к Черткову она, познакомившись с новыми произведениями «Посредника», высказалась еще более определенно: проповедь любимой идеи, преобладание поучительного элемента нарушают художественную целостность произведения. Polemika, возникшая было в переписке Некрасовой и Черткова и не продолженная по нежеланию последнего, раскрывает, с одной стороны, издательские принципы «Посредника», а с другой – личность Черткова, его общественно-литературные взгляды и убеждения, что особенно важно, учитывая его тесное сотрудничество с Толстым.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Л. Н. Толстой; В. Г. Чертков; издательство «Посредник»; народная литература; эпистолярный источник; архив; периодика второй половины XIX в.; рецензия; полемика; проблемы эстетики; редакция

Д л я ц и т и р о в а н и я: Городилова, Н. И. Переписка В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой: полемика вокруг народного издательства «Посредник» / Н. И. Городилова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 7–20. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.

CORRESPONDENCE BETWEEN V. G. CHERTKOV AND E. S. NEKRASOVA: A DISCUSSION SURROUNDING THE PEOPLES PUBLISHING HOUSE “POSREDNIK”

Natalia I. Gorodilova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0856-3083>

Abstract. The article explores the activities of the publishing house “Posrednik”, which was founded on the initiative of L. N. Tolstoy and V. G. Chertkov, in the context of the discussion of the folk literature of the 1880s. The participation of the famous writer and the unique orientation of the publishing house realizing the main postulates of Tolstoy’s religious and philosophical teachings in artistic form attracted public attention. The practical research material encompasses the analytical article by E. S. Nekrasova “Books for the People,” based on a serious study of the problem of popular reading, which was approved by the organizers of the publishing house, and the unpublished correspondence between Chertkov and Nekrasova in 1885, which made it possible to reconstruct the dialogue between the correspondents, polemically reflecting different ideological and aesthetic trends in the history of the literary process of the second half of the 19th century. The analysis of the documentary sources indicates that the “program” of “Posrednik,” in accordance with which a list of worthy books for the people was formed, was largely determined by the aesthetic tastes of Chertkov, who was guided primarily by the content of a work of fiction. In assessing the quality of the published products, the main criterion for the publisher is not the artistic merits of the work, but the author’s idea, and this idea must necessarily coincide with the orientation of “Posrednik”, i.e. reflect the moral essence of the teachings of Christ. This “program” was welcomed by

Nekrasova, who noted in her review of popular publications the concern of the publishers of the new book company about popular morality. After getting acquainted with the new publications of “Posrednik,” she spoke out in her first letter to Chertkov even more clearly: the preaching of a favorite idea and the predominance of an instructive element ruin the artistic integrity of the work. The discussion that arose in the correspondence between Nekrasova and Chertkov and was not continued due to the latter's reluctance, reveals, on the one hand, the publishing principles of “Posrednik”, and on the other, the personality of Chertkov, his social and literary views and beliefs, which is especially important, given his close collaboration with Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy; V. G. Chertkov; publishing house “Posrednik”; folk literature; epistolary source; archive; periodicals of the second half of the 19th century; review; discussion; problems of aesthetics; editing

For citation: Gorodilova, N. I. (2025). Correspondence between V. G. Chertkov and E. S. Nekrasova: A Discussion Surrounding the Peoples Publishing House “Posrednik”. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 7–20. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-7-20.

Введение

В филологических исследованиях, посвященных деятельности издательства «Посредник», акцент традиционно делается на фигуре Л. Н. Толстого, что вполне объяснимо, учитывая его место в истории русской литературы. В работах известных специалистов-толстоведов «Посредник», как правило, рассматривается сквозь призму анализа народных рассказов – их жанровой специфики [Николаева 2000], своеобразия поэтики [Арденс 1962; Храпченко 1965], отражения народных и литературных источников в сюжете [Грибушин 1978; Кущенко 1983]. При этом в научной рецепции не обойден вниманием и широкий круг вопросов, касающихся непосредственно истории издательства. Много фактических сведений о периоде зарождения и возникновения «Посредника» содержится в книгах первых биографов Толстого [Бирюков 2000; Гусев 1970]. Безусловную ценность представляют работы, посвященные истории непростых взаимоотношений издательства с цензурой [Лебедев 1968], анализу его значения в контексте проблемы народного чтения [Новикова 1984]. Думается, что на современном этапе изучения данной темы заметно не хватает личных свидетельств непосредственных участников издательского дела. Письма одного из организаторов «Посредника» В. Г. Черткова почти неизвестны в кругу специалистов: частично, с купюрами опубликованы лишь его письма к Толстому, при этом известно, что Чертков вел обширную переписку с самым широким кругом лиц касательно выпуска народных книг. Целью настоящей статьи является восполнение этого пробела, т. е. введение в научный оборот эпистолярных материалов, касающихся деятельности «Посредника» в первые годы его существования. Специфика материала определила методологию его изучения: методы текстологического анализа и историко-литературного комментирования в совокупности с использованием историко-биографического подхода дают возможность при изучении архивного документа глубоко осмыслить позицию каждого корреспондента, увидеть своего рода «подтекст» высказываемых суждений, уловить тонкости в полемическом ведении диалога.

Из истории возникновения «Посредника»

Переписка В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой – ценный эпистолярный документ по истории деятельности издательства «Посредник» (1885–

1935), внесшего значительный вклад в дело реформирования литературы для народа. В конце марта 1885 г. вышли первые его произведения: три рассказа Л. Н. Толстого – «Кавказский пленник», «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет» – и рассказ Н. С. Лескова «Христос в гостях у мужика». Внешне напоминая лубочную книгу, они выгодно отличались от нее качеством оформления. Небольшой формат, серый фон обложки¹, соответствующие содержанию рассказа картинки на первой и последней страницах, обрамление красной каемкой, белый крест на красном фоне и девиз «Не в силе Бог, а в правде» – составили типичный облик книжек «Посредника». Не менее привлекательны они были и со стороны содержания: поучительные рассказы отличались художественностью повествования и простым, доступным для малограмотного читателя языком (редкое достоинство в литературе для народа). В результате «Посреднику» удалось сделать то, что не удавалось до этого времени ни одному народному проекту (а их к середине 1880-х гг. насчитывалось уже значительное количество²): «Издания “Посредника” были первыми, очутившимися в деревне через короба офеней! Это была первая интеллигентная книга, которая явилась действительным конкурентом для лубочной <...>» [Некрасова 1902: 63].

Заметный успех новой книжной фирмы во многом объяснялся удачным творческим союзом двух людей. Настоящим ее вдохновителем стал Л. Н. Толстой, уже имевший значительный опыт в деле народного образования³ и давно мечтавший

¹ В дальнейшей своей практике «Посредник» будет использовать и разноцветные обложки.

² Начиная с 1860-х гг. проблема народного чтения была осмыслена творческой интеллигенцией как наиболее значимая и актуальная в деле народного образования [Васильева 2009: 167]. В соответствии с этим стали предприниматься серьезные попытки по вытеснению низкокачественного лубка, ориентированного исключительно на прибыль, и замене его доступной и полезной книгой, которая бы вполне удовлетворяла потребности чтения в народе. Одни за другими стали возникать различные организации, которые пытались решить эту проблему: «Общество распространения полезных книг», «Товарищество общественной пользы», несколько комиссий народных чтений, издательская фирма «Народные издания» под ред. Фан-дер-Флита и А. Кочетова, Московский и Петербургский комитеты грамотности, «Народная библиотека» В. Н. Маракуева и др. [Раппопорт 1913: 29–30].

³ Тут прежде всего нужно вспомнить педагогическую деятельность Толстого, его журнал «Ясная Поляна», в который поме-

об издании «книг для образования русских людей» [Толстой 1935: 27]. Организационную часть дела – поиск материала, переговоры с авторами и художниками, хлопоты по открытию книжного склада, проведение текстов через цензуру и др. – взял на себя друг и последователь писателя В. Г. Чертков. Организаторы «Посредника» внимательно и тщательно отбирали произведения, пригодные для публикации, – они должны были соответствовать определенным требованиям, не выходить за рамки «программы» издательства¹ [Городилова 2023: 377]. Толстой, переживший в середине 1880-х гг. мировоззренческий кризис и пришедший к новому взгляду на жизнь и искусство, активно пропагандировал его не только в своих религиозно-философских и социальных статьях и трактатах, но и в художественном творчестве. Его народные рассказы, по большей своей части предназначенные для «Чертково-Сытинского дела»² [Толстой 1934: 242], в полной мере отразили новую идейную и эстетическую позицию писателя, суть которой отразилась в тексте объявления об открытии книжного склада «Посредника». Говоря о желании выпускать «книги **хорошего содержания** по возможно **удешевленной цене**», издатели поясняют, что хорошими считают книги, выражающие учение Христа в доступной форме³.

Деятельность «Посредника» с самого своего основания привлекла к себе пристальное внимание общественности и стала предметом дискуссии, развернувшейся на страницах многочисленных периодических изданий⁴. Мнения высказывались самые разные, но и среди них были точки схождения. К безусловным достоинствам толстовских рассказов обычно относили чрезвычайную жизненность повествования, ясность и простоту стиля, а к недостаткам – наличие мистического элемента и преобладание ярко выраженной тенденции (в частности, осуждение вызвал знаменитый постулат толстовской философии – «непротивление злу насилием», который лег в основу многих народных рассказов писателя, да и других произведений, выходящих в «Посреднике»).

Книжки «Посредника» в оценке Е. С. Некрасовой

Из рецензий 1885 г., первого года деятельности издательства, особый интерес представляет статья «Книжки для народа», подписанная инициалами «Е. Н.» и опубликованная 16 июля 1885 г. на

щались различные материалы, «удобопонятные и занимательные для народа» [Толстой 1936: 370]. По сути, рассказы, размещенные в «Ясной Поляне», а затем рассказы, подготовленные в период работы над «Азбукой» и «Новой Азбукой», стали серьезной творческой лабораторией по созданию «специальной литературы для народа» [Агафонова 2017: 53].

¹ Так, Чертков писал Толстому 31 января 1885 г.: «Я продолжаю читать народные книжки и отбирать те, в которых нет ничего предосудительного» // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/66. Л. 1.

² Имеется в виду «Посредник».

³ Книжный склад «Посредник» // Русское богатство. 1885. № 4. С. 214.

⁴ О критической рецепции книжек «Посредника» см. подробнее: [Гусев 1970: 474–478].

страницах ежедневной газеты «Новости»⁵. За инициалами «Е. Н.» скрывалась Екатерина Степановна Некрасова, исследователь по истории русской литературы, журналист, чьи статьи и рецензии публиковались на страницах столичных газет и журналов («Русская газета», «Русские ведомости», «Новости», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Северный вестник» и др.). Человек демократических убеждений, «общественного темперамента и высокой нравственности», она «много сделала в борьбе за женское образование, за открытие высших женских курсов» [Павлюченко 1988: 176]. Не менее активное участие приняла Некрасова и в деле народного просвещения: писала статьи о народных изданиях, свидетельствующие о ее постоянном живом интересе и неравнодушии к тому, что читает «деревенский грамотник»⁶, пробовала свои силы в качестве автора книги для народа («Иоанн-воин», 1886 г.; «Юлиания Лазаревская», 1887 г.; «Больше, чем родная», 1889 г. и др.), составляла библиотечки из лучших дешевых изданий и рассылала их по народным школам. На проблему народного чтения Некрасова имела свой взгляд. Она считала, что необходимо «положить конец господству на книжном рынке коммерчески выгодной, но духовно недоброкачественной продукции» [Казбек 1999: 281], и призвала интеллигенцию взять в свои руки инициативу в этом деле; настаивала на том, что книга должна быть не только поучительной и информативной, но и интересной для читателя, который, как правило, отдает ей свой досуг после тяжелого физического труда; отстаивала принцип постепенности в приобщении простого человека к знаниям⁷.

Ее статья «Книжки для народа» отличается глубоким и серьезным, аналитическим подходом к проблеме народной литературы⁸. Обращаясь к истории вопроса, рассматривая деятельность различных народных организаций, Некрасова задается вопросами: каких весомых результатов к середине 1880-х гг. им удалось достичь, получилось ли вытеснить с книжного рынка лубочные, или, по выражению критика, «поддельные», тексты? Признавая, что активная публикационная деятельность Общества распространения полезных книг, петербургского комитета грамотности, «Народной библиотеки» побудила издателей лубка, учитывающих конкуренцию, заменить совсем зазорную безграмотную книгу⁹ книгой новой формации, грамотно напечатанной, имеющей законченный

⁵ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1–2.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ О Некрасовой см. подробнее: [Федоров 2000; Макшеева 1905].

⁸ В 1889 г. в журнале «Северный вестник» Некрасова опубликовала довольно большую статью «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» (Северный вестник. 1889. № 5. С. 127–149; № 6. Отдел 2. С. 1–15; № 7. Отдел 2. С. 1–24), которую рецензент «Русской мысли» расценил как «серьезное исследование из сферы отечественных вопросов» // Русская мысль. 1889. № 8. С. 368.

⁹ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1.

сюжет и яркое, привлекающее внимание заглавие, рецензент тем не менее приходит к неутешительному выводу: содержание лубочной книги новой формации по-прежнему отличают «пустота, безнравственность, ложность вымысла, карикатурность изображения жизни»¹.

Среди причин непопулярности книг интеллигентного издателя у народного читателя Некрасова называет несколько главных: ограничение торговли в пределах города, довольно медленное их распространение в народной среде (например, петербургский комитет грамотности действовал только посредством школы); непонимание запросов народного читателя, вкусы которого, как правило, не учитывались при выпуске книг (не имея ни привлекательной внешности, ни занятного содержания, они часто только поучали в довольно скучной форме); непродуманный план издания, когда выпускались в том числе и книги иностранных авторов, в которых изображались чужая страна, чужая обстановка, чужие нравы, недоступные для понимания без некоторых знаний; наконец, отсутствие простого и ясного изложения². Конечно, таким книгам трудно было конкурировать с лубочными изданиями, которые по большей части выпускали выходцы из крестьян, хорошо знавшие вкусы своей среды [Рейтблат 2009: 157]. Из всех народных издательств пока только «Посреднику», по мнению рецензента «Новостей», удалось несколько переломить сложившуюся на книжном рынке ситуацию: произведение новой фирмы проникли на знаменитую Никольскую улицу, центр московской книготорговли, и, значит, в скором времени через коробейников разойдутся по деревням и найдут наконец своего главного читателя.

Среди достоинств «Посредника» Некрасова отмечает: изящное внешнее оформление (хорошая бумага, крупный шрифт, приятная обложка, картинки, очевидно исполненные художниками), доступное содержание и изложение («все эти произведения чудно-хороши по своей художественной простоте»³), привлекательную цену. О недостатках она не упоминает, поскольку издательство только приступило к своей деятельности, но тем не менее обращает внимание на одну странность в толстовском рассказе «Бог правду видит, да не скоро ска-

жет», который впервые был опубликован еще в 1872 г. в журнале «Беседа», а в 1875 г. вошел в третью «Русскую книгу для чтения». Готовя текст к публикации, редакторы «Посредника» внесли в него некоторые изменения, на которые и обратила внимание Некрасова. На вопрос начальника острога, кто сделал подкоп под стенами, Аксенов ответил: «Я не видал и не знаю» [Толстой 1957: 252], – хотя на самом деле знал, что это сделал Макар Семенов, человек, по чьей вине безвинный Аксенов отбывал длительный срок заключения. В народном же издании ответ Аксенова изменен на следующий: «Не могу сказать, ваше благородие. Мне Бог не велит сказать. И не скажу. Что хотите со мной сделайте – власть ваша»⁴. Некрасова увидела здесь «заботливое охранение народной нравственности» и прокомментировала работу редакторов так: «На наш взгляд, – заботливость излишняя. Народ – не ребенок, он достаточно опытен в жизни, прекрасно сумеет отличить ложь безнравственную от лжи, служащей во спасение ближнего»⁵.

Подобный упрек рецензент мог бы сделать и в адрес другого толстовского рассказа: «Кавказский пленник», впервые изданный в 1872 г. в журнале «Заря», а затем – в 4-й «Русской книге для чтения» (1875 г.), в издании «Посредника» был отредактирован по тем же причинам, что и предыдущий текст. Инициатором всех этих изменений выступил В. Г. Чертков. 31 января 1885 г. он довольно подробно изложил Толстому свое мнение относительно двух его рассказов. В «Кавказском пленнике» он предложил вычеркнуть слова Жилина, свидетельствующие о том, что он прибегает к обману для достижения своей цели. Так, желая осмотреть окрестности, Жилин говорит мальчику, сторожившему его, что он поднимется на гору, чтобы добыть траву для лечения. По этому поводу Чертков пишет: «Если смотреть на Жилина, как на изображение живого человека с его достоинствами и недостатками, то с этой литературной точки зрения приведенные отрицательные черты, пожалуй, придают только больше реальности описываемому типу. Но я смотрю на книгу с точки зрения ее практического влияния на впечатлительного читателя, как дети и взрослые, еще мало читавшие и не знакомые с законами литературного изображения характеров. И я наверное знаю, что эти два места должны вызывать в таких читателях одобрительный смех и, следовательно, давать им еще один толчок в том уже слишком господствующем направлении, которое признает, что несравненно практичнее при достижении своих целей не слишком строго разбирать средства и что есть какая-то болезненная мнительность в педантическом избегании даже вполне «невинных» и никому не вредных, а иногда даже и положительно полезных

¹ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 1.

² Справедливость мнения Некрасовой, пишущей о непопулярности интеллигентной книги у народа, подтверждается высказываниями других деятелей в сфере книжного дела. Так, издатель книжек под фирмой «Народная библиотека» В. Н. Маракуев отмечал: «<...> незнание народа и неумение распространить свои издания было причиной постоянной неудачи нашей интеллигенции» в деле народного просвещения [Маракуев 1886: 33]. Известный в 1880-е гг. издатель лубочной литературы И. Д. Сытин вспоминал: «Как и всякий рядовой читатель, мужик ждал от книги занятного, интересного, увлекательного чтения, а его со всех сторон гвоздили нравоучениями. Вместо писателей к нему пришли проповедники и требовали от него терпения, нестяжания, всепрощения, непротивления и покаяния» [Сытин 1962: 55].

³ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 2.

⁴ Бог правду видит, да не скоро скажет. Рассказ графа Льва Николаевича Толстого. М.: Типография И. Д. Сытина и К°, 1885. С. 31.

⁵ Е. Н. Книжки для народа // Новости и биржевая газета. 1885. № 193. 16 (28) июля. С. 2.

уклонений от правды»¹.

То же прибежание к неправде смутило Чертова и в ответе Аксенова начальнику острога: «А между тем он “и видел и знает” и, следовательно, прибегает к сознательной лжи ради спасения своего товарища, что не согласуется с мыслью Христа, что следует говорить да, когда да, и нет, когда нет. Между тем сочувствие читателя остается на стороне Аксенова, самый этот его поступок производит впечатление высшего подвига его жизни. И таким этот поступок мог бы остаться и при освобождении его от обмана». И далее: «<...> вы доставили бы мне настоящее счастье, если б немножко изменили это место сами для лубочного издания. Рассказы эти так хороши, что я тем более принимаю к сердцу эти отступления от того, что представляется мне чистым учением Христа»². Толстой согласился с замечаниями Чертова, но не захотел сам приняться за исправления рассказов³, прося это сделать своего корреспондента (см. его письмо к Чертову от 5–6 февраля 1885 г.: [Толстой 1935: 139]). Судя по краткости ответа, по легкости, с которой было дано согласие, Толстой не придавал особой важности поднимаемому вопросу.

Полемика Е. С. Некрасовой и В. Г. Чертова вокруг «Посредника»

Статья Некрасовой обратила на себя внимание Чертова, вызвала желание познакомиться с автором и по возможности привлечь его к сотрудничеству. 5 сентября 1885 г. он сообщил Толстому: «Дорогой Лев! Николоевич, из нескольких прочтенных мною статей по поводу наших изданий одна только, прилагаемая, вызвала во мне серьезное желание поговорить с автором, и я думаю, что автором этой статьи мы можем воспользоваться для некоторых вещей»⁴. Интерес Чертова мог быть вызван несколькими причинами – и серьезностью рецензента в изучении вопроса, и лестными в адрес Чертова словами (Некрасова отмечала вклад в развитие «Посредника» не только Толстого, но и его соредатора, служащего делу не одними деньгами, а непосредственным участием), и, главное, желанием ответить на критический комментарий к толстовскому рассказу «Бог правду видит...», комментарий, адресатом которого, по сути, являлся именно Чертов. 4 сентября 1885 г. он отправляет Некрасовой довольно большое письмо, являющееся в какой-то степени своеобразным теоретическим обоснованием деятельности «Посредника», пояснением сути его «программы».

¹ Чертов В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 31 января 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/66. Л. 2–3.

² Там же. Л. 3–4.

³ Специалисты неоднократно цитируют слова Толстого в передаче А. Б. Гольденвейзера, которые раскрывают особенности работы писателя с текстами: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз. Я почти никогда не перечитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадет случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это все надо переделать <...>» [Гольденвейзер 2024: 32].

⁴ Чертов В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 5 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/107. Л. 1.

Поблагодарив своего корреспондента за «сочувственное и теплое отношение» к книжкам «Посредника»⁵, Чертов тут же переходит к разъяснению внесенных в рассказ изменений, в которых рецензент ошибочно, по его мнению, увидел заботу о народной нравственности. Он категорически отказывается от приписывания издателям «Посредника» таких побудительных мотивов: издание книги является для них своего рода исполнением долга перед народом, который не учить надо, а, напротив, у которого учиться надо. При этом Чертов признает, что члены «Посредника» имеют определенные взгляды на жизнь, убеждения и в соответствии с ними отбирают тексты для публикации. Желая не поучать, а следовать своим убеждениям, Толстой и внес в рассказ «Бог правду видит» ряд изменений: «<...> мы сами не можем признавать никакой лжи законной, нравственной, мы думаем, что цель никогда не оправдывает средства»⁶.

В письме Чертова обращают на себя внимание две детали. Во-первых, его письмо к Толстому от 31 января 1885 г. документально засвидетельствовало, что инициатором исправлений был Чертов, но о внесенных в рассказ изменениях он сообщает так, словно бы их сделал сам писатель, в то время как последний лишь согласился с предложенной ему правкой. Во-вторых, Чертов, характеризуя один из главных принципов деятельности «Посредника» – проповедь жизни в соответствии с определенными нравственными нормами, использует местоимение «мы», выступая, таким образом, не только от своего имени, но и от имени Толстого и подчеркивая свое с ним единомыслие (эта позиция духовного родства с писателем впоследствии будет неоднократно озвучиваться Чертовым).

Свой ответ Некрасовой, как и ее рецензию из «Новостей», Чертов отослал на просмотр писателю: «Но так как я пишу про вас и даже пользуюсь одним выражением в вашем последнем письме ко мне, то мне захотелось раньше попросить вас прочесть и сообщить мне ваше мнение» [Толстой 1935: 255]. Действительно, Чертов цитирует фразу Толстого (она выделена подчеркиванием) из письма от 29–30 августа 1885 г.: «Файнермана переход в православие я не сужу. Мне кажется, что я бы не мог сделать этого, потому что не могу себе представить такого положения, в котором бы было лучше не говорить и не делать правду; но знаю, что было время, когда я мог. И потому думаю, что и он в переходном состоянии» [Там же: 250]⁷. Здесь обращает на себя внимание контекст использования выражения: у Толстого терпимость к поступку, по духу ему не близкому, а потому сомнительное – «мне кажется», понимающее – «он в переходном

⁵ Чертов В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 4 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. Ф. 196. Картон 22. Ед. хр. 25. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Толстой отвечает на письмо Чертова от 25 августа 1885 г., в котором тот, помимо прочего, резко отзывается о принятии И. Б. Файнерманом, учителем по профессии, православия как об обмане и жалкой комедии [Толстой 1935: 251].

состоянии»; у Черткова четкая и бескомпромиссная позиция: мы не признаем лжи, цель не оправдывает средства, – и фраза Толстого, поданная в таком стилистическом контексте, тоже звучит как не предполагающее возражений утверждение.

Толстой назвал статью Некрасовой очень хорошей и вполне одобрил письмо Черткова к ней [Толстой 1935: 254], правда, с важной оговоркой касательно художественных произведений. Пересылая письмо своего единомышленника П. И. Бирюкову, еще одному деятельному участнику «Посредника», он писал ему 7 сентября 1885 г.: «Нельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное. Надо только осветить все так, что то – страдания, а это радость и счастье» [Толстой 1934: 283]. Короткая реплика писателя, сказанная как бы мимоходом, к слову, раскрывает важную сторону творческих отношений Толстого с издателями «Посредника»: она свидетельствует о неполном их совпадении в восприятии категории художественности. Тезис Толстого о заразительности искусства, в котором бы «мысль и чувство сливались воедино» [Громова-Опульская 2005: 29], наталкивался на требование Черткова неукоснительного следования нравственным истинам [Сизова 2022: 277]. Разность эстетических подходов будет сказываться и в дальнейшем их сотрудничестве, касаясь в том числе и издания толстовских текстов, проходящих через строгую цензуру ближайших единомышленников.

Некрасова ответила Черткову 19 сентября 1885 г. дружественным письмом, которое, как и статья, свидетельствовало о ее сочувственном отношении к новому издательству. Неслучайно она признавалась, что возникновение «Посредника» породило в ней большие надежды, стало настоящим праздником, и предлагала помощь в выборе материала для издания, выражая надежду после личного знакомства и на более тесное сотрудничество с кругом «Посредника». При этом ее комментарии к разъяснениям Черткова касательно принципов издания текстов еще очевиднее вскрыли различия корреспондентов в понимании того, какая литература нужна народу. Вполне соглашаясь со словами Черткова, что любой автор в создаваемом им произведении прежде всего отражает свое понимание жизни, Некрасова тем не менее проводит грань между отражением своего мировоззрения и его настойчивой пропагандой. Она откровенно признается, что в недавно прочитанном ею рассказе Толстого «Где любовь, там и бог» проповедь христианских идеалов, составившая центральную мысль рассказа, видится ей искусственной тенденцией, вредящей художественной цельности. Свое убеждение она высказывает эмоционально (экспрессия особенно заметна на фоне логически выстроенных, несколько риторических рассуждений Черткова): восклицательные знаки следуют почти через слово в ее монологе о проповеди идеалов смирения и терпения тому самому трудовому человеку, вся жизнь которого только и состоит в исполнении этих христианских заповедей.

На письмо Некрасовой Чертков лаконично откликнулся 30 сентября 1885 г.: вежливо поблаго-

дарив собеседника, он воздержался от каких-то принципиальных возражений. Тем не менее письмо Некрасовой не оставило его равнодушным и вызвало к диалогу, который он не решил продолжить в эпистолярной форме, видимо, поняв, что разница во взглядах приведет к многословной переписке. Но диалог был намечен: письмо Некрасовой испещрено многочисленными пометами, довольно развернутыми комментариями Черткова. Они раскрывают принципы, положенные в основание издательской практики «Посредника», деятельность которого во многом определялась идейно-эстетическими взглядами и вкусами одного из ее редакторов.

Обращаясь к типологии литературных произведений, Чертков признает, что в художественном отношении выигрывают те из них, которые отражают жизнь во всей ее реалистической достоверности, а в образах героев выводят запоминающиеся типы. Но это, по его мнению, нисколько не мешает бытованию и другого типа произведений, выставляющих «в ярких живых образах» идею, мысль, пусть даже и в ущерб художественности¹. То, что для Некрасовой является недостатком (подчинение художественного начала проповедническому), становится у Черткова своего рода нравственным долгом автора, обязанного высказать истину, если он по-настоящему верит в нее и «предвидит от этого пользу для других»². Продукцию «Посредника» Чертков относит именно к этой второй категории: книги издательства имеют в виду прежде всего – выставление в возможно более реальном виде учения Христа.

Не принимает Чертков и упрека Некрасовой в том, что неуместно призывать терпеть и смиряться народ, который и так всю жизнь терпит и смиряется. Ответ его интересен не риторической и несколько поучительно звучащей декламацией о том, что только в заповедях Христа человек, вне зависимости от своего социального положения, может обрести истинное счастье, а полемическим выпадом против церковной литературы, которая на потребностях читателя в божественном чтении выдает ему некачественный продукт в виде разного рода суеверий, басен, искажающих истинный смысл проповеди Христа. В этих словах в полной мере выразилась специфическая религиозно-философская позиция Толстого и Черткова, позиция, которая будет воспринята светскими и духовными властями как подрывающая догматы веры и церкви и пагубно действующая на народ [Жирков 2009: 126, 128]³.

Заключение

Несколько писем Черткова и Некрасовой, которыми они обменялись в 1885 г., еще не будучи

¹ Некрасова Е. С. Письмо к В. Г. Черткову от 19 сентября 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 435. Картон 126. Ед. хр. 58. Л. 2.

² Там же. Л. 106–2.

³ Специфика идейной программы «Посредника» быстро обратила на себя внимание цензурного ведомства, которое вскоре стало запрещать значительную часть продукции издательства [Лебедев 1968: 165].

лично знакомы, являются важнейшими документами историко-литературного процесса середины 1880-х гг. С одной стороны, они содержат богатые факты о деятельности народного книгоиздательства «Посредник» в самый ранний период его существования, когда делались еще только первые шаги на пути освоения книжного рынка и первые попытки завоевания народного читателя. Намотившаяся в них полемика по проблеме народного чтения была одной из самых обсуждаемых в литературе 1880-х гг. Вопросы о том, какие книги нужны народу, какова роль интеллигенции в деле его просвещения, как вытеснить низкокачественный лубок с рынка, активно обсуждались на страницах периодических изданий. «Посредник», таким образом, стал как нельзя более актуальным и востребованным издательским проектом, который вполне обосновано возбудил интерес в самых широких общественных кругах.

С другой стороны, письма раскрывают личность и убеждения одного из организаторов издательства, который во многом и определял отбор авторов и текстов для публикации. Цензура Черткова, строго следящего, чтобы изданные произведения соответствовали «программе» «Посредника», обосновывается им редакционной этикой (отсюда и использование местоимения «мы») и ссылкой на авторитет Толстого, обладавшего более широким и гибким взглядом на художественное творчество.

Приложение

В настоящей статье публикуется несколько писем В. Г. Черткова и Е. С. Некрасовой, хранящихся в их личных фондах ОР РГБ и РГАЛИ. Выбраны только те письма, в которых обсуждается народная литература и раскрывается идейная и эстетическая позиция редакторов «Посредника», что соответствует тематике настоящей статьи. Многие письма корреспондентов посвящены обсуждению конкретных вопросов по изданию книг (уточняется гонорар, обсуждается редакторская правка). Они представляют безусловную научную ценность при изучении проблемы редакторских принципов, принятых в «Посреднике», при привлечении текстов Некрасовой, предназначенных для народного издательства, с правкой Черткова и Толстого. Проблема «внутренней» цензуры, через которую проходил каждый публикующийся в издательстве текст, выходит за рамки настоящей работы.

Письма Некрасовой и Черткова публикуются впервые по автографам, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Раскрытые сокращения слов заключены в угловые скобки. Примечания следуют непосредственно за текстом конкретного письма.

1. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
4 сентября 1885 г. Лизиновка¹

Лизиновка² 4 сентября 1885 г.

Автору статьи «Книжки для народа»,
подписавшемуся «Е. Н.»

Статью вашу «Книжки для народа» я прочел в

«Новостях» и почерпнул полезные и интересные сведения из вашего краткого очерка хода развития у нас печатной литературы для народа. Вместе с тем меня обрадовало ваше сочувственное и теплое отношение к изданиям, в которых я, сообщая с другими лицами, принимаю участие.

Не знаю, оправдают ли наши книжки вполне ваши ожидания, это выяснится по мере выпуска большего числа их и, разумеется, будет зависеть от степени сходства или различия ваших и наших убеждений о том, что хорошо и что не хорошо в жизни, а следовательно, и в литературе.

Но не по этому поводу решил я письменно снестись с вами¹. Мне теперь хочется постараться устранить одно недоразумение, вкравшееся, довольно впрочем естественно, в вашу оценку нашего отношения к литературе. Указывая на изменение, сделанное в рассказе «Бог правду видит», в смысле избежания лжи, вы говорите: «Издатели не решаются оправдывать ложь перед народом», – потом несколько строк ниже вы обращаете особенное внимание на то, что изменение это сделано «здесь, в народном издании». И вы выводите заключение, что в этом, несомненно, проглядывает заботливое охранение народной нравственности. Вот здесь-то и заключается недоразумение. Дело в том, что мы не считаем и не можем считать себя охранителями чьей бы то ни было нравственности. Это во-первых. А во-вторых, мы вовсе не смотрим на народ как на ребенка по отношению к нам. Напротив того, мы искренно чувствуем и признаем, что не ему у нас, а скорее нам у него приходится учиться жить. Мы не стали бы даже предлагать народу книги, если бы он сам не просил их у нас. Для нас издание книг только одна из форм, в которых мы стараемся возвращать народу хоть частицу того, что мы получили от него. Он заявляет требование на книги. Каждый из нас, кто по мере своих слабых сил старается добросовестно отвечать на этот спрос, может предлагать только то, что он сам для себя считает хорошим, и будет избегать передачи того, что в его собственных глазах дурно. В общении с людьми, кто бы они ни были, мы хотели бы делать только то, что нам кажется действительно нужным, говорить только то, что мы действительно думаем и, в данном случае, издавать только то, что в наших собственных глазах действительно хорошо. Оценка литературных произведений, как и оценка достоинства чего бы то ни было, находится в прямой зависимости от субъек-

¹ Обратим внимание на одну интересную деталь. Первоначально в письме местоимение «с Вами» было написано с заглавной буквы, которую Чертков аккуратно исправил на строчную. Схожую правку можно найти и в письме Черткова к Толстому от 7 декабря 1883 г. (их личное знакомство состоялось в октябре этого же года): «Буду очень, очень рад опять повидаться с Крамским и [Вами] вами» (ОР ГМТ. Ф. 1. № 118/2. Л. 2 об.). В следующих нескольких письмах Чертков снова пишет Толстому «Вы», как в самых первых своих письмах, но постепенно в обращении к писателю утвердился строчная буква. С прописной неизменно будет именоваться Христос, Бог, и, соответственно, местоимения с большой буквы («Он», «Его») будут относиться только к Божественному учению.

тивного понимания цели жизни. Мы имеем очень определенное представление о цели нашей жизни. Верно или ошибочно оно – вопрос другой. Не стану теперь перед вами отстаивать справедливость именно нашего понимания жизни и, следовательно, нашего отношения к содержанию издаваемых нами книг. Мы, разумеется, признаем полную свободу совести и право каждого не соглашаться с нами и осуждать, если он находит нужным, наши убеждения. Но и вы, наверное, согласитесь с тем, что в оценке хорошего и дурного каждому приходится руководиться своею совестью, своим разумением и что, принимая участие в каком бы то ни было деле, каждый, имеющий свои убеждения, должен оставаться им верным и служить проводником только того, с чем он по совести и своему крайнему разумению действительно согласен. В рассказе «Бог правду видит» Л. Н. Толстой сделал замеченное вами изменение вовсе не ради охранения чьей-либо нравственности, а просто потому, что, пересмотрев рассказ, написанный им несколько лет тому назад, он решил поправить у себя то, с чем теперь не согласен. Когда он первоначально писал этот рассказ, то ему казалось хорошо, что Аксенов говорит: «не он» (или вернее: «Я не видал и не знаю»). А с тех пор тот же Лев Николаевич многое перечувствовал, передумал и теперь не может одобрить того, что вложил эти слова в уста Аксенова, и потому заменяет их другими. Это делается вовсе не потому, что не решаются перед народом оправдывать лжи в тех случаях, когда ее необходимость признается законной, нравственной. Это делается потому, что мы сами не можем признавать никакой лжи законной, нравственной, мы думаем, что цель никогда не оправдывает средств. Мы не можем себе представить такого положения, в котором бы было лучше не говорить и не делать правду. Следовательно, здесь проглядывает не охранение чьей-либо чужой нравственности, а просто желание быть верным своей собственной совести. Я не имею возможности в объеме письма изложить вам, из чего вытекают такие убеждения и насколько они вырабатываются в нас самою жизнью, а не отвлеченными умозаключениями, как вам может показаться. Да и не это было теперь моею целью. Я хотел только постараться устранить одно недоразумение, и вы не можете себе представить, как мне хотелось бы, чтобы оно действительно устранилось. Недоразумения хуже всего. От них всегда и дело страдает, и сам страдаешь. Мне даже кажется иногда, что всякое зло в мире можно было бы проследить до какого-нибудь первоначального недоразумения. Не знаю, выразился ли я понятно для вас (я не мастер писать), но если вы поняли то, что я хотел сказать, то, какое бы несогласие ни оставалось между нами, вы, однако, наверно перестанете приписывать нашим поступкам мотивы, в действительности не существующие.

Ваше серьезное и теплое отношение к народной литературе вызвало во мне сознание того, как хорошо было бы для дела, если б нам возможно было протянуть друг другу руку. В конце вашей

статьи вы говорите, что следовало бы помочь нам указанием, выбором тех именно вещей из наших лучших писателей, которые в данном случае могут быть пригодны. Вы упоминаете о Глебе Успенском, Левитове, Златовратском³. Мне как раз очень нужно получить такие указания. Пожалуйста, укажите, что именно, по вашему мнению, есть подходящего у этих писателей, – если при этом вы допускаете, что воспользоваться вашими указаниями мы имеем право только на столько, на сколько мы с своей стороны добросовестно согласны с вашей оценкой.

Итак, может быть, до свидания?

В. Чертков

(Я написал вам не своей рукой, поэтому захотел сохранить дубликат своего письма, и копия оказалась гораздо отчетливее написанною, чем оригинал).

Адрес: Владимир Григорьевич Чертков.

Склад «Посредник». 25, Больш^ая Дворянская.

С<анкт>-П<етер>б<ург>.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 1–4¹ (лл. 3 об., 4 и 4 об. остались пустыми).

Письмо занимает два двойных листа большого формата линованной бумаги (21,7 × 27 см). Текст написан писарской рукой. Чертков только исправил дату (изменил цифру 2 на 4), вписал место отправления (Лизиновка), в конце (л. 3) собственноручно сделал приписку в скобках и подписался.

В архиве Черткова сохранилась копия этого письма, тоже сделанная писарской рукой (ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 126. Ед. хр. 58. Л. 1–4). В нее Чертков внес несколько исправлений и дополнений, которые были учтены в заново переписанном тексте, который и был отправлен Некрасовой.

² Имени родителей Черткова (Острогжский уезд, Воронежская губ.).

³ Г. И. Успенский (1843–1902), А. И. Левитов (1835–1877) – писатели-разночинцы, представители демократического течения литературы; Н. Н. Златовратский (1845–1911) – писатель-народник.

2. Е. С. Некрасова – В. Г. Черткову
19 сентября 1885 г. Москва¹

Москва. 1-я Мещанская, Протопоповский пер., д. 18.

19 сент<ября> <1885 г.>

Милостивый Государь
Владимир Григорьевич,

Хотелось сейчас же ответить на Ваше хорошее письмо, но нездоровье не позволило сделать это до сегодня.

Да, Вы правы – одно вовремя не выясненное недоразумение порождает десятки новых и нередко отбрасывает в противоположные стороны людей, одинаково мыслящих и стремящихся к одной

¹ Во всех письмах указывается сплошная архивная нумерация, проставленная в правом верхнем углу листа.

цели. Благодарю Вас за желание рассеять подобное недоразумение и исправить сделанную мною ошибку. Я рада, что мой вывод оказался неверен, что желание «поучать», – как Вы говорите, – не входит в цель Вашей задачи; что Вы не смотрите на народ, как на ребенка; что вина моя – принять за искусственное охранение народной нравственности то, что есть не больше, как невольное «отражение» совести автора^{1*}. Если это так, то очень рада. Но чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом и уничтожить всякие сомнения насчет него, я остановлюсь еще на следующей – 5-ой книжке Вашего издания. Если бы свою заметку я писала по выходе брошюры «Где любовь, там и Бог», я уверена, что стремление «поучать» подчеркнула бы еще решительней. Здесь оно выступает несомненной, наставительный элемент является преобладающим – в ущерб всему остальному. Вы говорите: «принимая участие в каком бы то ни было деле, каждый – имеющий свои убеждения, – должен оставаться им верен и служить проводником только того, с чем он по совести и своему крайнему разумению согласен»^{**}. – Кто ж с этим не согласится? Разумеется, Вы правы: человек убежденный в каждом предпринятом деле *помимо воли отражает свою совесть*, свое понимание жизни, – то, в чем убежден, свои взгляды, «свое» дурное и хорошее. Но *отражать* или же ставить эту самую совесть центром, делать ее целью рассказа, все лучи направлять только на нее, остальное обращать в аксессуар (как, напр<имер>, в названной книжке), – согласитесь – это две вещи совсем разные^{***}. «Где любовь, там и Бог» является исключительно проповедью известных взглядов, их пропагандою; в них тут вся суть; они являются как бы предвзятой, искусственно вложенной тенденцией, по которой – как по живой нитке – шьется весь рассказ². Ради проведения этих взглядов автор прибегает к «неправде», к чудесам (таинственные голоса, видения, расплывающиеся, как облака...)^{***3}. Чем объясните Вы это преобладание поучительного элемента⁴? Смирись! терпи! подставь другую ланиту! отдай рубашку!.. Святое учение, святей слова! но с ними следует обращаться не к тому, кто всю жизнь смирялся, терпел, страдал и

страдает, жил и живет для других! говорите их тому, кто не знает страданий, голода, холода, плети, кто не знает, что значит жить для других... там такая проповедь будет уместна, а здесь она звучит насмешкой^{****}. Вот что до боли прискорбно мне, возлагающей большие надежды на Ваше издание, – для которой день появления первой книжки вашего издания был воистину торжественным праздником.

Для ради предпринятого Вами дела я желала бы определеннее и подробнее познакомиться с основными взглядами Вашими и положениями. Но, разумеется, это удобнее было бы сделать при свидании. Вы бываете – и кажется, не редко – в Москве. Быть может, найдете свободный час захватить ко мне или дадите знать – я приеду к Вам? В последний приезд в Петербург я рассчитывала познакомиться с Вами, попросить кое-каких разъяснений насчет изданий и хотела указать Вам на некоторые вещи из сочинений Г. Успенского, которые, на мой взгляд, очень могли бы идти для народной книжки (Соч. Златовратского и Левитова у меня нет под руками, но – думаю – и оттуда можно кое-что выбрать); напр<имер>, вставочный рассказ в «Записках маленького человека» с 179 стр. до 186 (Том III – издание Павленкова)². Этот рассказ может идти целиком, и, если его одобрите, – готова указать и другие, охотно готова служить указаниями и из других писателей. Не прочь, если мы с Вами более столкнемся и согласимся – принять более близкое участие, – в особенности пока не заручилась еще никакой другой обязательной работой.

Готовая к услугам
Екат<ерина> Некрасова.

¹ ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 126. Ед. хр. 58. Л. 9–12⁵.

Письмо написано на двух двойных листах lined бумаги (13,5 × 21 см). Все листы имеют широкие поля по левому краю.

Чертков свои комментарии к отдельным высказываниям Некрасовой помечает разными знаками и выносит их на поля или на отдельные листы, оставшиеся не заполненными текстом письма.

В настоящей публикации примечания Черткова помечены *:

* Почему непременно «невольное отражение», а не просто и естественно – намеренное соображение другому того, что автор думает и во что верит? (л. 9)

** Это было сказано по отношению к одному выражению в рассказе «Бог правду видит», вызвавшему осуждение со стороны Е. Некрасовой. Но из этого вовсе не следует, что автор имеет право только невольно отражать свои убеждения. Человек, чувствующий то, что ему кажется истиною, имеет не только право, но даже более или менее обязан высказывать эту истину в тех случаях, когда он предвидит от этого пользу для других. Одни высказывают свои убеждения в передовых статьях, другие, как, напр<имер>, Щедрин, сочиняют рас-

¹ Фраза «<...> невольное «отражение» совести автора <...>» подчеркнута Чертковым синим карандашом.

² В своей большой статье «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» Некрасова, которая к этому времени, т. е. к 1889 г., более подробно познакомится с продукцией «Посредника», будет говорить об их «сектантской односторонности в тенденциях» [Некрасова 1902: 73], об упорности, с которой издатели держатся за проповедуемую ими мораль христиански-нравственного содержания [Там же: 72]. Это расхождение по вопросу, какой должна быть литература для народа, намечилось уже в первых письмах, которыми обменялись Некрасова и Чертков в 1885 г.

³ Комментируя это место из письма Некрасовой, Чертков фразу «<...> автор прибегает к «неправде», к чудесам (таинственные голоса, видения, расплывающиеся, как облака...)<...>» выделяет скобкой на полях (по левому краю) и напротив скобки ставит знак сноски.

⁴ Фраза «<...> преобладание поучительного элемента <...>» подчеркнута Чертковым синим карандашом.

⁵ Текст письма Некрасовой занял лл. 9, 9 об., 10, 10 об., 11; на лл. 11 об., 12, 12 об. – комментарии Черткова.

сказы-притчи для более яркого изображения своей мысли. Если это допускается по отношению к сатире, т. е. к осуждению, то почему не допускать подобного же приема для выставления в возможно реальном виде учения Христа? (л. 9 об. – 10)

*** Ну так что же, что совсем разные. Это-то и хорошо, что разные, а не все одно и то же. Бывают рассказы, взятые из действительной жизни, более художественные, где необходимо придерживаться как можно ближе к действительности при описании фактов. Характеры также в подобных рассказах бывают верны действительности, и уместно бывает только концентрировать в одном лице соответствующие черты – выводить типы. Но бывают рассказы и другого характера – менее художественные, но и не имеющие целью воспроизводить в художественных формах действительность, а имеющие целью выставить в ярких, живых образах какую-нибудь мысль, идею. Тот и другой род изложения имеет свои достоинства, свою применимость к тем или другим целям (бесцельных рассказов, как и поступков, я не понимаю) и нельзя требовать от одного рода рассказа то, что присуще другому. Каждый имеет свое место. (л. 10 об. – 11)

**** Здесь нет неправды, т. к. всякий читатель, не лишенный здравого смысла, понимает, что видение – только форма изложения, а суть заключается в смысле видения. Это все равно, что сказать, что следует избегать, напр<имер>, выражения «солнце зашло», п<отому> ч<то> солнце не заходит в действительности, а земля вращается. Я согласен, что сверхъестественным элементом не следует в литературе злоупотреблять и что, когда возможно, лучше оставаться в области реальных форм, хотя это труднее и требует больше времени и работы со стороны писателя для достижения такого же яркого, очевидного впечатления. (л. 10)

***** Если хорошо жить по учению Христа и если крестьяне так и живут, то чем же нехороша книжка, которая указывает на такую жизнь, как на самую лучшую для человека, и ободряет людей, идущих по истинному пути, на котором, как всем известно, встречается немало препятствий и затруднений, часто ввергающих людей в сомнения относительно возможности продолжать по этому пути? Если же крестьяне и вообще трудящийся народ напрасно мирятся с теми условиями, в которые они поставлены внешними обстоятельствами, если в них желательно не подтверждать их (счастливую, по-моему) способность мириться с внешними условиями, а – напротив, возбуждать сознание недовольства и потребность борьбы, возмущения, то в таком случае последовательно ли предлагать учение Христа тем, кто не знает, что значит жить для других, и кто поэтому уже находится именно в том состоянии, в котором желательно видеть народ? С своей стороны я глубоко убежден, что учение Христа доставляет единственное возможное и действительное счастье для каждого человека, в какие бы условия жизни он ни был поставлен внешними обстоятельствами. И учение это одно для всех. Оно теряет всякий смысл, если относить его только к одному какому-нибудь раз-

ряду людей, считая его ненужным для другого разряда людей, поставленных в менее «выгодные» экономические, политические или социальные условия. Напротив того, чем хуже человеку, тем больше он сознает потребность в истине Христа и тем более он его ценит. Опыт подтверждает это, и народ сам представляет требования на книги «божественного» и «поучительного» содержания, как он сам выражается. До сих пор вместо хлеба ему подавали камни, и большая часть предлагаемой ему литературы состояла или из пошлых, бессодержательных и часто безнравственных сказок, или же из книг так называемого «духовного» содержания, в которых истинный, вечный смысл евангельского учения тщательно <?> маскировался и заменялся грубыми и безжизненными баснями, выставяющими суеверие и обрядность на место того, что «единое на потребу». Народ просит и определяет то, что ему нужно. Неужели отказывать ему в этом и давать совсем другое, только из опасения «ставить свою совесть центром, делать ее целью рассказа»? Напротив того, во всем, что мы делаем, следовало бы ставить нашу совесть именно центром. И это лучший способ удовлетворять нуждам других, п<отому> ч<то> совесть человеческая у всех людей одинакова (сама по себе, неискаженная) и потребности ее одинаковы для всех и выражены в учении Христа, которое можно считать *представителем* человеческой совести. (л. 11–12 об.)

² Имеется в виду повесть Г. И. Успенского «Из записок маленького человека». См.: Сочинения Глеба Успенского. Т. 4. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1884. Впервые повесть была опубликована под названием «Очень маленький человек. (Страницы из одних записок)» в журнале «Отечественные записки», 1884, № 2 и № 5.

3. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
30 сентября 1885 г. Лизиновка¹

30 сент<ября> <18>85

Лизиновка
Россошь², Ворон. губ.

Благодарю вас за письмо ваше от 19 сент<ября> и за указание на рассказ «Записки маленького человека».

На письмо ваше я не имею возможности письменно ответить и высказать все то, что хотелось бы сказать вам. Отложу это до личного свидания с вами. П. И. Бирюков говорил мне, что он познакомился с вами, и мы оба хотели навестить вас, когда были в Москве; но обстоятельства помешали нам. Лишь только опять буду в Москве, непременно постараюсь повидаться с вами и очень рассчитываю, что нам тогда удастся понять друг друга, и если не вполне во всем согласиться, то по крайней мере выяснить то, в чем мы согласны и в чем можем действовать заодно.

Следовательно, надеюсь до свидания.

В. Чертков.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 5 об.

Письмо написано на одном двойном листе нелинованной плотной бумаги (13,3 × 20,7 см). Л. 2 и 2 об. остались пустыми.

² Россошь – железнодорожная станция, ближайшая к имению Чертковых Лизиновка.

4. В. Г. Чертков – Е. С. Некрасовой
3 июня 1887 г. Россошь¹

Россоша. Ворон. губ. 3 июня <18>87

Екатерина Степановна,

Получив ваше письмо от 29 мая, спешу выслать вам при сем 40 рубл<ей> за рассказ «Марфа»². Пожалуйста, простите меня, что не исполнил этого раньше.

Что касается до опечаток в книжке «Юлияния»³, то поверьте мне, что никто больше меня не жалеет о том, что Сытиным выпускаются книжки в таком неудовлетворительном виде. Я делаю все, что могу, чтобы уменьшать подобные небрежности. Но напрасно вы думаете, что я в состоянии *организовать* что бы то ни было по отношению к механической стороне Сытинского издательского дела. Я могу только доставлять ему материал для издания и до известной степени влиять советами и указаниями, которые, надо отдать ему справедливость, он обыкновенно охотно принимает в соображение. Одно время он достиг весьма удовлетворительной корректуры. Последнее время опять корректура стала совсем плохая (вероятно, ему пришлось переменить корректора), и от этого страдают все его издания, в том числе и книжки «Посредника». Могу вам сказать, что я делаю все возможное с своей стороны для исправления подобных неаккуратностей, т. е. внимательно слежу за его изданиями и стараюсь *влиять* на их улучшение во всех отношениях. (Организовать, повторяю, я здесь ничего не могу, т. к. ведение дела *не* в моих руках). Следует также войти в положение самого Сытина для того, чтобы не осуждать его несправедливо. Он сам находится в весьма стеснительных условиях и не всегда может вводить сразу все те улучшения, которые он сам искренно желает, и даже поддерживать то, что он уже ввел. С одной стороны, особенно трудные условия собственно лубочной торговли, требующие быстрого выпуска множества изданий в громадном количестве для того, чтобы не отстать от других лубочных издателей. С другой стороны, компаньоны по торговому делу, требующие соблюдения во всем крайней экономии и не допускающие увеличения расходов по изданию. Одним словом, могу вас уверить, что если бы вы были ближе знакомы со всеми подробностями Сытинского издательского дела и вошли бы в его положение, то не осудили бы его, а, напротив, сочувствовали бы ему, как человеку, преследующему не исключительно коммерческие цели, поставленному в весьма стеснительные условия и борющемуся с ними с энергиею и настойчивостью, вызывающими даже удивление.

Жаль, что вы действительно не предложили Сытину самой держать корректуру вашего рассказа. Не живя в Москве, я не имею возможности своевременно предусмотреть все подобные случайности. Могу только в общем следить за делом и указывать на слабые стороны и промахи; но указа-

ния эти могут влиять только на последующие издания. Я пишу Сытину о том, что вы желаете держать корректуру «Марфы», и уверен, что он с радостью воспользуется вашим предложением.

Спешу отправить это письмо, т. к. нарочный ждет.

В. Чертков.

¹ ОР РГБ. Ф. 196. Карт. 22. Ед. хр. 25. Л. 23–24.

Письмо занимает один двойной лист линованной бумаги (13,5 × 21 см).

Письмо 1887 г. попало в подборку публикуемых писем, потому что в нем Чертков сообщает важные сведения о сотрудничестве «Посредника» с известным лубочным торговцем, крупным книгоиздателем И. Д. Сытиным (1851–1934). Чертков откровенно рассказывает о трудностях, которые возникали при выпуске народных книг, о положении самого Сытина, желающего улучшения книжной продукции, но вынужденного учитывать интересы своих компаньонов и следить за конкурентоспособностью собственного дела.

В своей статье «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» Некрасова, отмечая безусловную заслугу «Посредника» «в деле пробуждения общественного интереса к народной книге» [Некрасова 1902: 73], приходит к выводу, что он все-таки не доводит своего дела до конца, т. е. не вытесняет лубочные издания. Одна из причин неудачи видится Некрасовой в общей постановке дела: по сути, издательство Толстого и Черткова взяло на себя «посредническую» роль между народным читателем и интеллигентным автором, передав в руки И. Д. Сытина всю техническую сторону издания (типография, корректура, набор, распространение продукции), оставив за собой право выбора содержания, внешнего вида книжек, их цены [Там же: 62–63]. Трудно сказать, опиралась ли Некрасова, работая над статьей, на письмо Черткова или на собственный опыт сотрудничества с «Посредником», но сообщаемые ею факты совпадают со сведениями из письма Черткова.

² Имеется в виду рассказ-быль Е. Некрасовой «Больше, чем родная». Подготовленный для «Посредника» и прошедший через редакторскую правку издателей еще осенью 1886 г., рассказ не вышел даже в «побочной серии» «Посредника», хотя гонорар автору был выплачен. Рассказ был напечатан в 1889 г. в Петербурге, в типографии Е. Евдокимова. В письме он назван «Марфой» по имени главной героини.

³ Повесть «Юлиания Лазаревская» была опубликована в т. н. «побочной серии» «Посредника» в 1887 г., т. е. без обозначения его фирмы и девиза.

Сокращения

ОР ГМТ – Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Источники

- Некрасова Е. С. Письмо к В. Г. Черткову от 19 сентября 1885 г. // ОР РГБ. – Ф. 435. – Картон 126. – Ед. хр. 58. – Л. 9–11.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 4 сентября 1885 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 1–4.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 30 сентября 1885 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 5 об.
- Чертков В. Г. Письмо к Е. С. Некрасовой от 3 июня 1887 г. // ОР ГГБ. – Ф. 196. – Картон 22. – Ед. хр. 25. – Л. 23–24.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 7 декабря 1883 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/2. – Л. 1–2.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 31 января 1885 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/66. – Л. 1–5.
- Чертков В. Г. Письмо к Л. Н. Толстому от 5 сентября 1885 г. // ОР ГМТ. – Ф. 1. – № 118/107. – Л. 1.

Литература

- Агафонова, Я. Я. Борьба за классику: книга для народа и лубочные книжные издания / Я. Я. Агафонова // Русская филология 28 : сборник научных работ молодых филологов / отв. ред. Т. Гузаиров, И. П. Кюльмоя. – Тарту : Тартуский университет, 2017. – С. 52–61.
- Арденс, Н. Н. Творческий путь Л. Н. Толстого / Н. Н. Арденс. – М. : Издательство АН СССР, 1962. – 680 с.
- Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого : в 2 кн. Кн. 2 / П. И. Бирюков. – М. : Алгоритм, 2000. – 650 с.
- Васильева, С. А. Проблемы народного чтения в трактовке Вс. Соловьева / С. А. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 30. – С. 167–172.
- Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого (записи за пятнадцать лет) : в 2 т. Т. 1: 1896–1909 / А. Б. Гольденвейзер. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2024. – 496 с.
- Городилова, Н. И. Дружеская цензура в творческой истории рассказа Л. Н. Толстого «Свечка» / Н. И. Городилова // Studia Litterarum. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 370–387.
- Грибушин, И. И. Народные сюжеты в рассказах Л. Н. Толстого / И. И. Грибушин // Русская литература. Сборник 11. – Свердловск : Государственный университет им. А. М. Горького, 1978. – С. 103–113.
- Громова-Опульская, Л. Д. Литературно-эстетические взгляды Л. Н. Толстого / Л. Д. Громова-Опульская // Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды / отв. ред. М. И. Щербакова. – М. : Наука, 2005. – С. 11–50.
- Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год / Н. Н. Гусев. – М. : Наука, 1970. – 560 с.
- Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой и цензура / Г. В. Жирков. – СПб. : Роза мира, 2009. – 320 с.
- Казбек, М. М. Е. С. Некрасова / М. М. Казбек // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 4 / гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Научное издательство «Большая российская энциклопедия» ; научно-внедренческое предприятие «Фианит», 1999. – С. 280–282.
- Кущенко, З. А. Идеино-художественная роль сказовости в народных рассказах Л. Н. Толстого / З. А. Кущенко // Жанр рассказа в русской и советской литературе : сб. ст. – Киров : б. и., 1983. – С. 52–59.
- Лебедев, В. К. Книгоиздательство «Посредник» и цензура (1885–1889) / В. К. Лебедев // Русская литература. – 1968. – № 2. – С. 163–170.
- Макшеева, Н. Памяти Е. С. Некрасовой / Н. Макшеева // Русская мысль. – 1905. – № 2. – С. 189–191.
- Маракуев, В. Н. Что читал и читает русский народ: Публ. чтение 9 марта 1884 г. в Политехн. музее / В. Н. Маракуев. – М. : Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1886. – 39 с.
- Некрасова, Е. С. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями / Е. С. Некрасова. – Вятка : Издание Вятского товарищества, 1902. – 81 с.
- Николаева, Е. В. Художественный мир Льва Толстого. 1880–1900-е годы / Е. В. Николаева. – М. : Флинта, 2000. – 272 с.
- Новикова, Т. Н. «Посредник» и его читатель / Т. Н. Новикова // Историко-функциональное изучение русской литературы : межвузовский сборник научных трудов. – М. : МГПИ им В. И. Ленина, 1984. – С. 103–111.
- Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М. : Мысль, 1988. – С. 173–182.
- Раппопорт, С. А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя / С. А. Раппопорт. – М. : Универсальное издательство Л. А. Столяр, 1913. – 266 с.
- Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. – М. : НЛО, 2009. – 447 с.
- Сизова, И. И. Рукописный этап в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885–1886): вопросы текстологии и поэтики / И. И. Сизова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 2. – С. 268–280.
- Сытин, И. Д. Жизнь для книги / И. Д. Сытин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. – 280 с.

Толстой, Л. Н. Бог правду видит, да не скоро скажет / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 21: Новая азбука и Русские книги для чтения. 1874–1875 гг. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 246–253.

Толстой, Л. Н. Об издании нового журнала / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 8: Педагогические статьи 1860–1863. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – С. 370–372.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 63: Письма 1880–1886 гг. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1934. – 522 с.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 85: Письма к В. Г. Черткову 1883–1886 / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное издательство «Художественная литература», 1935. – 462 с.

Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Дополнения. Комментарии к т. IV / Н. Ф. Федоров. – М. : Традиция, 2000. – С. 558–561.

Храпченко, М. Б. Лев Толстой как художник / М. Б. Храпченко. – М. : Советский писатель, 1965. – 508 с.

References

Agafonova, Ya. Ya. (2017). Bor'ba za klassiku: kniga dlya naroda i lubochnye knizhnye izdaniya [The Fight for the Classics: A Book for the People and Popular Prints]. In Guzairov, T., Kyulmoya, I. P. (Eds.). *Russkaya filologiya* 28: *sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 52–61.

Ardens, N. N. (1962). *Tvorcheskii put' L. N. Tolstogo* [Creative Way of L. N. Tolstoy]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 680 p.

Biryukov, P. I. (2000). *Biografiya L. N. Tolstogo: v 2 kn.* [Biography of L. N. Tolstoy, in 2 books]. Book 2. Moscow, Algoritm. 650 p.

Fedorov, N. F. (2000). *Sobranie sochinenii: v 4 t. Dopolneniya. Kommentarii k t. IV* [Collection Works, in 4 vols. Additions. Comments to Vol. IV]. Moscow, Traditsiya, pp. 558–561.

Goldenveizer, A. B. (2024). *Vblizi Tolstogo (zapisi za pyatnadtsat' let): v 2 t.* [Near Tolstoy (Records for Fifteen Years), in 2 vols.]. Vol. 1: 1896–1909. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 496 p.

Gorodilova, N. I. (2023). Druzheskaya tsenzura v tvorcheskoi istorii rasskaza L. N. Tolstogo «Svechka» [Friendly Censorship in the Creative History of Leo Tolstoy's Short Story “Candle”]. In *Studia Litterarum*. Vol. 8. No. 4, pp. 370–387.

Gribushin, I. I. (1978). Narodnye syuzhety v rasskazakh L. N. Tolstogo [Folk Plots in the Stories of L. N. Tolstoy]. In *Russkaya literatura. Sbornik 11*. Sverdlovsk, Gosudarstvennyi universitet im. A. M. Gor'kogo, pp. 103–113.

Gromova-Opul'skaya, L. D. (2005). Literaturno-esteticheskie vzglyady L. N. Tolstogo [Literary and Aesthetic Views of L. N. Tolstoy]. In Gromova-Opul'skaya, L. D. *Izbrannye trudy*. Moscow, Nauka, pp. 11–50.

Gusev, N. N. (1970). *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1881 po 1885 god* [Leo Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1881 to 1885]. Moscow, Nauka. 560 p.

Kazbek, M. M. (1999). E. S. Nekrasova [E. S. Nekrasova]. In Nikolaev, P. A. (Ed.). *Russkie pisateli. Biograficheskii slovar'*. Vol. 4. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya», nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie «Fianit», pp. 280–282.

Khrapchenko, M. B. (1965). *Lev Tolstoy kak khudozhnik* [Leo Tolstoy as an Artist]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 508 p.

Kushchenko, Z. A. (1983). Ideino-khudozhestvennaya rol' skazovosti v narodnykh rasskazakh L. N. Tolstogo [The Ideological and Artistic Role of Fairy Tales in the Folk Short Stories of L. N. Tolstoy]. In *Zhanr rasskaza v russkoi i sovetskoi literature: sb. st.* Kirov, pp. 52–59.

Lebedev, V. K. (1968). Knigoizdatel'stvo «Posrednik» i tsenzura (1885–1889) [Book Publishing House “Intermediary” and Censorship (1885–1889)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 163–170.

Maksheeva, N. (1905). Pamyati E. S. Nekrasovoi [In Memory of E. S. Nekrasova]. In *Russkaya mysl'*. No. 2, pp. 189–191.

Marakuev, V. N. (1886). *Chto chital i chitaet russkii narod: Publ. chtenie 9 marta 1884 g. v Politekh. muzee* [What the Russian People Read and Are Reading: Public Reading on March 9, 1884 at the Polytechnic Museum]. Moscow, Tipolit. I. N. Kushnereva i K°. 39 p.

Nekrasova, E. S. (1902). *Narodnye knigi dlya chteniya v ikh 25-letnei bor'be s lubochnymi izdaniyami* [People's Books for Reading in Their 25-year Struggle with Popular Prints]. Vyatka, Izdanie Vyatskogo tovarishchestva. 81 p.

Nikolaeva, E. V. (2000). *Khudozhestvennyi mir L'va Tolstogo. 1880–1900-e gody* [Artistic World of Leo Tolstoy. 1880–1900s]. Moscow, Flinta. 272 p.

Novikova, T. N. (1984). «Posrednik» i ego chitatel' [“The Mediator” and His Reader]. In *Istoriko-funktional'noe izuchenie russkoi literatury: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, MGPI im V. I. Lenina, pp. 103–111.

Pavlyuchenko, E. A. (1988). *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii ot Marii Volkonskoi do Very Figner* [Women in the Russian Liberation Movement from Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow, Mysl', pp. 173–182.

Rappoport, S. A. (1913). *Narod i kniga. Opyt kharakteristiki narodnogo chitatelya* [The People and the Book. Experience of Characteristics of the National Reader]. Moscow, Universal'noe izdatel'stvo L. A. Stolyar. 266 p.

Reytblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow, NLO. 447 p.

Sizova, I. I. (2022). Rukopisnyi etap v istorii sozdaniya rasskaza L. N. Tolstogo «Dva starika» (1885–1886): voprosy tekstologii i poetiki [Manuscript Stage in the History of Creation of L. N. Tolstoy's Short Story “Two Old Men” (1885–1886): Issues of Textual Studies and Poetics]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 15. Issue 2, pp. 268–280.

Sytin, I. D. (1962). *Zhizn' dlya knigi* [Life for a Book]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 280 s.

Tolstoy, L. N. (1934). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Pis'ma* [Complete Works, in 90 vols. Letters]. Vol. 63: Pis'ma 1880–1886 gg. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 522 p.

Tolstoy, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Pis'ma* [Complete Works, in 90 vols. Letters]. Vol. 85: Pis'ma k V. G. Chertkovu 1883–1886. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura». 462 p.

Tolstoy, L. N. (1936). Ob izdании novogo zhurnala [About the Publication of the New Magazine]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Vol. 8: Pedagogicheskie stat'i 1860–1863*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», pp. 370–372.

Tolstoy, L. N. (1957). Bog pravdu vidit, da ne skoro skazhet [God Sees the Truth, but He Won't Tell You Soon]. In Tolstoy, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. Vol. 21: Novaya azbuka i Russkie knigi dlya chteniya. 1874–1875 gg.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, pp. 246–253.

Vasilieva, S. A. (2009). Problemy narodnogo chteniya v traktovke Vs. Solov'eva [Problems of Popular Reading in the Interpretation of Vs. Solovyev]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 30, pp. 167–172.

Zhirkov, G. V. (2009). *L. N. Tolstoy i tsenzura* [L. N. Tolstoy and Censorship]. Saint Petersburg, Roza mira. 320 p.

Данные об авторе

Городилова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25 а, стр. 1.

E-mail: natromanova2007@yandex.ru.

Author's information

Gorodilova Natalia Ivanovna – Candidate of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 15.07.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 15.07.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 821.161.1-1(Фет А. А.)+821.133.1-1(Мюссе А. де). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-21-28.
 ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,45+Ш33(4Фра)5-8,45.
 ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

**“THE MAY NIGHT” BY A. DE MUSSET AS A POSSIBLE SOURCE OF FIGURATIVE
 AND STRUCTURAL RECEPTIONS IN THE POEM “THE NIGHTINGALE AND THE ROSE” BY A. A. FET**

Svetlana G. Gorbovskaia

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4077-1769>

Ekaterina A. Kondratieva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5073-4980>

Abstract. The article considers a hypothesis about the possible influence of the cycle of poems by A. de Musset “The Nights” on the poem by A. A. Fet “The Nightingale and the Rose”. The urgency of the topic can be explained by the increased interest of researchers of the last decade in the motif of the nightingale’s love for the rose in Eastern, Russian, and Western literature, and in the poetry of Fet in particular. In this regard, a detailed survey of literary studies on this issue seems timely. The authors turn to the identification of the main semantic roots of this motif and specify the distinctive features of their semantic nuances in different national literatures: from the philosophical-religious foundation to the writer’s desire to decorate the text with an oriental detail. The authors of this study, employing historico-comparative and analytical methods of textual research, conclude that de Musset’s poem “May Night” may have influenced the poem written by Fet both from the structural point of view (dialogic structure) and from the point of view of choosing certain artistic images: bird / nightingale, flower / rose, poet / muse, mountain / rock, etc.

Keywords: 19th century poetry; romanticism; A. A. Fet; A. de Musset; “The Nightingale and the Rose”; “The May Night”; “The August Night”

For citation: Gorbovskaia, S. G., Kondratieva, E. A. (2025). “The May Night” by A. De Musset as a Possible Source of Figurative and Structural Receptions in the Poem “The Nightingale and The Rose” by A. A. Fet. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 21–28. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-21-28.

**«МАЙСКАЯ НОЧЬ» А. ДЕ МЮССЕ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК ОБРАЗНЫХ
 И СТРУКТУРНЫХ РЕЦЕПЦИЙ В СТИХОТВОРЕНИИ А. А. ФЕТА «СОЛОВЕЙ И РОЗА»**

Горбовская С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
 ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4077-1769>
 SPIN-код: 9825-9170

Кондратьева Е. А.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
 ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5073-4980>
 SPIN-код: 5971-9203

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза о возможном влиянии цикла стихов А. де Мюссе «Ночи» на стихотворение А. А. Фета «Соловей и роза». Актуальность темы обусловлена усилением в последнее десятилетие интереса исследователей к мотиву любви соловья к розе в восточной, русской, западной литературе и в поэзии А. А. Фета в частности. В связи с этим представляется своевременным подробное изучение литературоведческих исследований по данному вопросу. Авторы обращаются к выявлению основных семантических корней данного мотива, выявляют отличительные черты смысловых нюансов в разных национальных литературах: от философско-религиозного основания до стремления писателя украсить текст восточной деталью. Авторы представленного исследования, опираясь на историко-сопоставительный и аналитический методы изучения текста, делают вывод, что стихотворение А. де Мюссе «Майская ночь» могло оказать влияние на стихотворение А. Фета как со структурной точки зрения (диалогическая структура), так и с точки зрения выбора ряда художественных образов: птицы / соловья, цветка / розы, поэта и музы, горы / скалы и т. д.

Ключевые слова: поэзия XIX века; романтизм; А. А. Фет; А. де Мюссе; «Соловей и роза»; «Майская ночь»; «Августовская ночь»

Для цитирования: Горбовская, С. Г. «Майская ночь» А. Де Мюссе как возможный источник образных и структурных рецепций в стихотворении А. А. Фета «Соловей и роза» / С. Г. Горбовская, Е. А. Кондратьева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 21–28. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-21-28.

« LA NUIT DE MAI » DE A. DE MUSSET EN TANT QUE SOURCE POSSIBLE DE RÉCEPTIONS FIGURATIVES ET STRUCTURELLES DANS LE POÈME DE A. FET « LE ROSSIGNOL ET LA ROSE »

Svetlana G. Gorbovskaya

Université d'État de Saint-Petersbourg (Saint-Petersbourg, Russie)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4077-1769>

Ekaterina A. Kondratieva

Université d'État de Saint-Petersbourg (Saint-Petersbourg, Russie)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5073-4980>

Résumé. L'article examine l'hypothèse de l'influence possible du cycle de poèmes de A. de Musset « Les Nuits » sur le poème d'Afanassi Fet « Le Rossignol et la rose ». Au cours de la dernière décennie, l'intérêt augmenté des chercheurs vers le motif de l'amour du rossignol pour la rose dans la littérature orientale, russe, occidentale et dans la poésie de A. Fet en particulier, explique l'actualité du sujet. À cet égard, il semble important d'analyser en détail les études littéraires sur le sujet. Les auteurs identifient les racines sémantiques de base de ce motif, révèlent les caractéristiques distinctives des nuances sémantiques dans différentes littératures nationales: à partir des plus grands fondements, philosophique ou religieux, jusqu'aux petits détails orientaux. Les auteurs de l'étude présente, s'appuyant sur des méthodes historico-comparatives et analytiques d'étude de texte, concluent que le poème de A. de Musset « La Nuit de mai » aurait pu avoir une influence sur le poème de A. Fet, tant du point de vue structurel (structure dialogique) que du point de vue du choix d'un certain nombre d'images artistiques: oiseau / rossignol, fleur / rose, Poète et Muse, montagne / rocher, etc.

Mots-clés: poésie du XIXe siècle; romantisme; A. A. Fet; A. de Musset; « Le Rossignol et la rose »; « La Nuit de mai »; « La Nuit d'août »

Introduction

Le poème d'Afanassi Fet « Le Rossignol et la rose » (1847) fait partie du cycle « Imitation de l'oriental » [Фет 1988]. L'œuvre présente l'histoire éternelle de la poésie persane sur l'amour du rossignol pour la rose, qui se reflète à peu près à la fin du XIIe siècle dans la littérature d'Europe occidentale et, plus tard, russe (à partir des XVIII-XIX siècles). Le motif de l'amour du rossignol et de la rose chez Fet est représenté sous la forme d'un dialogue entre l'oiseau et la rose. L'oiseau est désigné par le pronom « Lui ». La rose prend le genre féminin avec le pronom « Elle ».

Ce poème a été étudié avec succès par les critiques littéraires modernes. Avant de passer à la version française, qui nous semble tout à fait justifiée, rappelons les principales versions liées aux sources antiques et médiévales, à la fois orientales et occidentales, ainsi qu'aux sources russes de la première moitié du XIXe siècle, qui ont inspiré, selon les scientifiques, le poète à créer son texte.

A. M. Sayarova [Саяпова 2021: 115], ainsi que le chercheur iranien H. Mostafavi Gero [Мостафави Геро 2018: 99–100] associent l'intrigue du rossignol et de la rose chez Fet à la poésie orientale médiévale. Dans la poésie persane (Rudaki, Saadi, Hafiz, Fuzuli, Omar Khayyam), ce motif était étroitement lié au soufisme, avec la juxtaposition symbolique d'un soufi cherchant la Vérité. Il est important de noter que la version tragique ou philosophique de cette intrigue est entrée dans la poésie occidentale, puis dans la version russe. La poésie persane a déployé tout un éventail de variations sur ce sujet – à la fois comique et ménager: le rossignol se moquait de la rose, la critiquait, la rose se moquait et grondait le rossignol, etc¹.

Dans le poème de Fet, la rose est présentée comme une fleur poussant sur une montagne. Dans le soufisme, l'image de la fleur sur la montagne est un symbole de la Vérité. L'ascension d'une montagne est un symbole de la compréhension de la Vérité [Саяпова 2021: 114–116]. Dans le monde chrétien, le motif de l'acquisition de la fleur, du chemin vers la fleur est lié à l'amour du Christ pour le Seigneur ou la vierge Marie², à la capacité chrétienne de pénétrer dans les profondeurs de la foi, à la voie spirituelle qui mène vers Dieu (par exemple, le chemin de Dante vers la Rose céleste dans « La divine comédie »). L'image du Christ est aussi étroitement liée à la rose³. Dans la Poésie occidentale courtoise laïque, le motif de la recherche de la fleur implique l'amour du chevalier pour La belle Dame (le chemin de l'Amour à la rose dans « Le Roman de la Rose » de Guillaume de Lorris et Jean de Meung). Dans le même temps, la rose dans les œuvres poétiques peut être remplacée par une autre fleur précise ou une fleur sans nom, ainsi que le rossignol peut prendre la forme d'un autre oiseau ou

à sa rose éclose et embaumée : / « Laisse ton orgueil! Tu n'es pas seule aux branches parfumées ». / Elle répondit riant : Tu as raison. Mais sous la lune / On ne dit pas de choses amères à sa vraie bien-aimée.; Омар Хайям «Плачет роза под прессом: “Зачем из меня / Соки жмут перегонщики, масло гоня?” / “Годы горя и слез, – соловей отвечает, – / Вот цена одного безмятежного дня!”» (Перевод Г. Плисецкого) [Лирика. Из персидско-таджикской поэзии 1987: 141]. [Переводы на французский язык в конце статьи] La traduction: « Pleure la rose sous la presse : pourquoi tant de labour, / en donnant tout mon jus, épuisée sans retour? / Rossignol qui lui dit : « Tant de peines et de larmes, / perdurant des années au profit d'un seul jour! »

² La vierge Marie dans les liturgies catholiques, les textes de l'église reçoit le nom de Rosa Mystica. Le terme est attribué à Saint Bernard de Clairvaux.

³ Le Christ comme une rose, expirant avec de l'huile de rose sur un buisson comme sur une Croix, est représenté par le poète vagant Walter Chatillon dans le poème «Ecce nectaropculus irrorat» (1163), écrit à l'occasion de la donation de la rose d'or pour Pâques par le Pape Adrien III au roi Louis VII [Гаспаров 1975].

¹ Хафиз «Расцветшей розе так сказал однажды соловей: “О, не гордись! Не ты одна меж розовых ветвей”. Она ответила, смеясь: “Ты прав. Но под луной Никто не скажет горьких слов возлюбленной своей”» (Перевод И. Сельвинского) [Лирика. Из персидско-таджикской поэзии 1987: 290] La traduction: « Le rossignol dit

en général d'un autre phénomène naturel (par exemple, le vent, l'abeille, le bourdon, etc.). L'image du rossignol et de la rose (ou de leurs analogues), étroitement liée aux connotations énumérées, peut être trouvée dans la poésie provençale médiévale (c'est le rossignol ou l'alouette et l'églantier dans les instigations printanières¹), dans la poésie des minnésinger allemands (rossignol et rose, rose et faucon²), dans le cycle Arthurien anglais (il existe des métonymies comme rose reine, rossignol ou faucon-chevalier ou roi³), etc.

K. I. Sharafadina cherche à trouver des parallèles avec le dialogue mystique du « Cantique des cantiques », bien qu'elle note qu'il n'y a pas d'image de la montagne dans le texte biblique [Шарафадина 2005: 35–37]⁴. Ici, à notre avis, il n'y a pas de contradiction particulière. La montagne dans les œuvres cultes et littéraires est souvent remplacée par un autre symbole de

¹ «В час, когда разлив потока / Серебром струи блесит, / И цветет шиповник скромный, / И раскаты соловья / Вдаль плывут волной широкой / По безлюдью рощи темной, / Пусть мои звучат напевы!» (Перевод В. Дынник) [Вентадорн 1979: 113] «Quan lo rius de la fontana s'esclarzis, si cum far sol e par la flors iglentina, el rossinholetz el ram volf e refranh e aplana son doutz chantar et afina, dreitz es qu'ieu lo mieu refranha.» [Rudel 1873: 57]; «Над цветком, в глуши зеленой / Соловей на ветке пел. / Нежной трелью умиленный, / Сам запел я – не стерпел!» Бернарт де Вентадорн (Перевод В. Дынник) [Вентадорн 1979: 72] «Lo rossinholz s'esbaudeya Josta la flor el verjan, E pren m'en tan grans enveya...» [Ventadour 1915: 335].

² «Когда в одной рубашке, бессонная, стою / И вспоминаю статность благородную твою, / Заалеюсь, будто роза, окропленная росой. / И сердце томится по тебе, любимый мой» (Перевод В. Микушевича) [Кюренберг 1974: 186] «Swenne ich stân aleine in minem hemedede, unde ich gedенke an dich, ritter edele, sô erblüet sich mîn varwe, als der rôse an dem dôrne tuot, und gewinnet daz herze vil manigen trûrigen muot.» [Kürenberg 1993]; «Этот сокол ясный был мною приручен. Больше года у меня воспитывался он. И взмыл мой сокол в небо, взлетел под облака. Когда же возвратится он ко мне издалека?» (Перевод В. Микушевича) «Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr. dô ich in gezamete, als ich in wolte hân, und ich im sîn gevidere mit golde wol bewant, er huop sich ûf vil hôhe und vlouc in ânderiu lant» [Kürenberg 1300–1340: 63].

³ Dans les romans en prose anglais du cycle Arthuriens (vers 1230 – Lancelot-Graal, cycle Vulgaire, auteurs anonymes), la belle dame, la reine est remplacée par une rose métonymiquement: «Quant ce vint après la pasques a l'entree de mai. si vint as fenestres & vit les arbres plains de fuelles & de flors & si uit la uerdour qui li faisoit son cuer resioir. et la rose qui cascu ior espanissoit fresce & nouelle. Si li souuint de sadame la royne et de sa face que elle auoit clere & uermelle que li rose ramenteuoit tout dis quar il regardoit la rose il li membroit de sa dame la royne » ([http://archive.org/details/arthuriano5sommuoft/page/n227/mode/1up]). «И когда после Пасхи наступил май, подошел он [Ланселот] к окну и увидел деревья в цвету. И зеленые растения в саду, от чего сердце его наполнилось радостью. И роза, которая каждое утро расцветала, свежая и прекрасная, напоминала ему его даму королеву и лицо ее, белое и румяное. И когда бы ни смотрел он на розу, напоминала она ему госпожу его королеву» [Вышенская 2023: 335] (Перевод Ю. П. Вышенской) (Из цикла романов о Ланселоте Озерном).

⁴ Il convient de noter, cependant, qu'il existe deux variantes de la représentation du « Cantique des cantiques » – biblique, canonique (sans dialogue) et pour ainsi dire laïque (avec le dialogue de Lui et d'Elle et le chœur des filles, de la Sulamite et du berger).

l'ascension: la colline, le vent, le vol de l'oiseau, la tour, l'escalier, etc. T. V. Sokolova note que le lieu sublime (la montagne, l'escalier, la tour) est le symbole central du romantisme et du symbolisme français dont des exemples peuvent être trouvés dans les œuvres de A. de Lamartine, S. Sainte-Beuve, V. Hugo, A. de Vigny, A. Rimbaud, S. Mallarmé, etc. [Соколова 2005] À part la montagne comme lieu élevé, c'est aussi l'oiseau ou un personnage mythopoétique ailé, ou bien son aile tout court, qui se classent chez le chercheur parmi les images symboliques de l'ascension [Соколова 2015].

Le dialogue entre le rossignol et la rose offre des parallèles dans la poésie occidentale, selon le chercheur N. I. Kamaliev. Elle cite le thème Oriental dans la poésie de G. Heine, I. V. Goethe (« Divan occidental-oriental »), J. G. Byron (poèmes orientaux), V. Hugo (cycle « Les Orientales ») [Камалиева 2012].

Des motifs analogues se croisent dans la poésie russe et chinoise, d'après l'analyse du chercheur chinois D. Chen [Чэнь 2020].

Les versions russes de ce sujet proposent également des analogies quant aux relations entre le rossignol et la rose en tant que Poète et sa Muse, notamment chez Pouchkine dans son poème « Le Rossignol et la rose » (1827) [Моххамиди 2008].

Fet appelle la rose « vierge-rose », ce qui relie cette image avec le topos séculaire de la vierge-fleur de la poésie grecque et romaine ancienne jusqu'au milieu du XIXe siècle – le moment où Fet a écrit son œuvre. En détail, cette histoire est explorée par N. N. Mazur qui cite un poème écrit par Baratynski [Мазур 2007]. L'image de la « vierge-rose » renvoie aux poèmes « orientaux » d'A. S. Pouchkine (« O vierge-rose, je suis dans les chaînes », 1824). Dans la poésie du XIXe siècle, le dialogue entre le rossignol et la rose est souvent perçu comme signe d'une relation entre le poète et sa muse. C'est-à-dire que les contextes religieux et amoureux reculent au second plan. En avant vient le message lié à la créativité: la quête de l'inspiration poétique voire de la rime propre, autrement dit de sa Muse.

A. M. Sayapova, se référant aux arguments de B. Ya. Buchshtab [Саяпова 2021: 119], envisage le dialogue entre les deux personnages comme clin d'œil biographique à l'histoire d'amour du poète avec Maria Lazitch. C'est-à-dire, le poète donne une vision globale à son expérience de vie, en accordant aux catégories métaphysiques un caractère personnel, particulier.

« La Nuit de mai » de A. de Musset en tant que source possible de réceptions dans le poème de A. Fet « Le Rossignol et la rose »

Aucune des études citées n'offre une comparaison du poème de Fet avec des poèmes du cycle « Les Nuits » de A. de Musset, notamment « La Nuit de mai », 1835 [Musset 1857: 44–51] et « La Nuit d'août », 1836 [Musset 1857: 59–64]. Néanmoins, la similitude des œuvres des deux poètes s'ouvre déjà dans leur structure dialogique. Chez Musset ce sont le Poète et la Muse qui parlent:

La muse.

Poète, prends ton luth et me donne un baiser ;

La fleur de l'églantier sent ses bourgeons éclore.

Le printemps naît ce soir ; les vents vont s'embraser ;

Et la bergeronnette, en attendant l'aurore,
Aux premiers buissons verts commence à se poser.
Poète, prends ton luth, et me donne un baiser.

Le poète.

Comme il fait noir dans la vallée !
J'ai cru qu'une forme voilée
Flottait là-bas sur la forêt.
Elle sortait de la prairie ;
Son pied rasait l'herbe fleurie ;
C'est une étrange rêverie ;
Elle s'efface et disparaît [Musset 1857: 44].

Chez Fet, ce sont Lui et Elle qui entrent en dialogue:

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник:
Мне чужие здесь цветы,
Страшны искры мне мороза, –
Друг мой, роза, дева-роза,
Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь – мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны;
Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слёзы,
Заревые сны [Фет 1912: 6].

En plus de la similitude structurelle, ce sont les images de l'oiseau et de la fleur qui surgissent chez Musset et chez Fet. Si chez Fet les personnages sont toujours désignés comme le rossignol et la rose, chez Musset ils prennent soit leur noms génériques (« Comme un oiseau que sa couvée appelle » [Musset 1857: 46]), soit d'autres noms, tels que le pélican et la fleur, le vent et la vierge-fleur. Dans « La Nuit d'août », la rose est remplacée par une fleur de rose musquée (« Une pâle fleur d'églantier ») [Musset 1857: 60].

Les poèmes de Musset et l'œuvre de Fet sont également unis par un thème oriental. Chez Musset, il se manifeste à travers les images bibliques. Fet fait référence à la mythologie grecque à travers les toponymes orientaux spécifiques: « Узрел и кустарник и птичку / В долине ночной Кашемира » [Фет 1912: 6]. Il est à noter que les traducteurs du poème de Musset en russe complètent le texte avec des détails orientaux qui ne figurent pas dans l'original. Par exemple, S. A. Andreevsky compare la Muse à Peri, l'un des génies de sexe féminin dans la mythologie iranienne, créatures d'une rare beauté, également appelées Izatas dans la mythologie indienne [Павленков 1907: 762] (« Одна лишь я иду, как изгнанная Пери ») [Мюссе 1898a: 296].

Le motif de l'ascension du rocher est également présent chez Musset. Par exemple, les enfants du pélican suivent leur père en montant le rocher: « Lui, gagnant à pas lents une roche élevée » [Musset 1857: 49]. C'est aussi le motif du vol qui est évoqué à travers les images de la colline, de la Muse entraînant le poète plus haut. Fet, dans son poème, représente l'image de

la montagne, déjà mentionnée dans notre étude.

A. A. Fet s'adressa à l'œuvre de A. de Musset plus d'une fois. Il traduit sa poésie (par exemple, le dialogue « Dupont et Durand », l'élégie « Lucie »). Le dialogue même comme principe de l'organisation du texte peut être hérité au prédécesseur français d'Afanassi Fet. O. B. Kafanova note: « On sait que Fet n'aimait pas beaucoup la poésie française. Il a laissé des critiques plutôt hostiles sur les écrits poétiques d'auteurs français contemporains – Béranger, Lamartine. Peut-être qu'il a fait une exception seulement pour Musset, notant son talent poétique » [Кафанова 2022: 261].

Si Musset organise l'image des métamorphoses du monde en quatre parties saisonnières, quatre poèmes distincts, parmi lesquels on pourrait citer l'hiver (« La Nuit de décembre », 1835) et l'automne (« La Nuit d'octobre », 1837), le moment de l'année où la nature dort et où le poète voit naître son talent poétique et va à la recherche de sa Muse. Fet dépeint le « sommeil » ou la mort temporaire de cette saison stagnante. Il montre la Terre à distance, comme vue par le Créateur et ses anges, tournant dans l'abîme des gaz et des nuages. Ensuite, le Créateur, voyant un arbuste desséché avec des épines et un oiseau engourdi, anime la terre et réveille le rossignol et la rose.

Musset voit le poète séparé de la figure de l'oiseau, ce dernier ne faisant que le supporter. L'oiseau est le masque du poète en dialogue avec la fleur. Cependant, la figure de la Muse ne se limite pas à celle d'une fleur, représentant la nature toute entière, d'abord mourante, puis ressuscitée. Chez Fet, le dialogue se déroule entre l'oiseau et la fleur, qui sont les personnifications directes de la vierge ou de la Muse et du Poète.

Ce qui est capital chez les deux poètes, c'est la parenté des images du rossignol torturé par des épines dans le poème de Fet, et du pélican qui nourrit ses enfants avec du sang chez Musset dans le poème « La Nuit de mai ».

Partageant à ses fils ses entrailles de père,
Dans son amour sublime il berce sa douleur
[Musset 1857: 49].

Он сердце лишь свое принес для насыщенья
Любимых им детей, и молча делит он
Свою всю внутренность. Не чужа истощенья
(Пер. С. А. Андреевского, 1886) [Мюссе 1898b: 295].

Fet emprunte le sujet de la Poésie médiévale persane qui représente un rossignol vivant dans un rosier caché derrière les épines acérées d'une rose. Les épines protègent les poussins du rossignol des serpents, et le rossignol protège la rose, prêt à donner sa vie pour une belle fleur. C'est ainsi que la rose blesse le rossignol:

Роза хитростью хочет испить кровь соловья,
Скажите воде, пусть спасет соловья.

Füzuli (poète et penseur du XVIe siècle)¹

¹ Füzuli « C'est la rose qui par sa ruse cherche à boire le sang le rossignol. / Que l'eau qui coule, qu'elle coure vite, qu'elle sauve le rossignol! ».

[Соловей и роза в восточной поэзии 2020].

C'est-à-dire, l'image du rossignol dans les épines transmet le symbolisme du sacrifice de soi, de l'amour indéfectible. Le même sujet est utilisé par Oscar Wilde dans son célèbre conte-parabole « Le Rossignol et la rose » où le rossignol donne son sang à une rose blanche pour qu'elle devienne rouge en raison de l'amour de l'étudiant envers une belle fille. Musset représente également une histoire de charité, de dévouement. Le pélican qui nourrit ses enfants est le symbole du Christ (figure comme élément iconographique dans des églises chrétiennes, des maisons de charité en Europe et en Russie) [О птице-неясыти 1911: 181]. L'image du pélican sacrificiel est également aussi juxtaposée à la figure de Prométhée. Le pélican est au même titre vénéré dans l'Islam comme un oiseau portant des pierres dans son bec pour la construction des structures du temple à la Mecque [Горбовская, Бейнарович, Старкова 2024: 217]. La même image a été utilisée dans le symbolisme maçonnique et celui de la Rose-Croix, au pied de laquelle se trouvent un pélican avec des poussins. « Le pélican nourrit ses petits avec son sang en déchirant sa poitrine, et cet oiseau a été crédité de nombreuses propriétés mystiques, définies souvent comme allégoriques » [Холл 2005: 200]. Ainsi, en mentionnant les épines ou les épines du buisson dans lequel se cache le petit oiseau, Fet fait probablement allusion au symbolisme du sacrifice de soi du pélican chez Musset.

À notre avis, Fet, contrairement à Musset, s'engage profondément dans le mysticisme soufi et, à travers lui, dans les profondeurs de la Philosophie chrétienne. À travers la représentation universelle du monde, par le biais de deux voix – celle qui va à la recherche de la Vérité et celle de la Vérité même, il représente l'idée mondiale du Créateur partagée entre le christianisme et l'Islam, ce qui relie la conception orientale et occidentale de la création du Monde.

Musset se concentre davantage sur la question de la Poésie elle-même, de l'inspiration poétique, de l'histoire de la littérature. Il mentionne la Poésie Grecque, Italienne, Persane, Écossaise, Provençale [Musset 1857: 46–48], les périodes de l'organisation de la littérature mondiale. C'est-à-dire, le pélican chez Musset est un poète au service de sa Muse, au service de la littérature. Cette image, à notre avis, anticipe l'image du pin de Land chez T. Gauthier, de l'Albatros chez Baudelaire, des perles de larmes chez Musset lui-même, de Danko chez Gorky. Il est important de noter qu'au moment de l'écriture du cycle « Nuits », Musset était en rupture avec G. Sand, sans abandonner, quand même, la correspondance avec elle. Selon le chercheur français A. Eltayeb [Eltayeb 2019: 254] Musset dans ce cycle se réfère à G. Sand comme sa Muse, et dans le fragment sur le pélican, il se compare à cet oiseau mystique. Il se donne entièrement à son

lecteur, en faisant partager sa douleur avec lui. Le poète est épuisé. C'est la Muse qui l'appelle à monter plus haut, en se souvenant de son ancien vol spirituel, de l'ascension. Elle évoque chez lui le souvenir des jours passés, pleins de lumière et de joie, à travers un contact ou un baiser. Il a été mentionné ci-dessus que M. A. Sayapova suggère également chez Fet le dialogue du poète avec sa bien-aimée Maria Lazich.

Dans les œuvres des deux auteurs le motif du rêve est d'une grande importance. Chez Musset, le dialogue du Poète et de la Muse a lieu dans la nuit, quand tout le monde est endormi, et peut-être que le poète voit aussi un rêve dans lequel il communique avec sa Muse. Chez Fet, tout ce qui se passe dans le poème s'avère être le songe de la rose. Ce motif est lié aux contes populaires, à la Poésie antique, aux sujets des poèmes médiévaux, par exemple, « le Roman de la Rose » de Guillaume de Lorris et Jean de Meung, où tout commence à partir du rêve d'un jeune poète. Le même motif joue également le rôle le plus important dans les œuvres des romantiques allemands. Par exemple, Heinrich dans le roman inachevé de Novalis « Heinrich von Ofterdingen » voit pour la première fois une fleur bleue sur une haute montagne dans un rêve.

Conclusion

Ainsi, la poésie russe du XIXe siècle a été sérieusement influencée par la poésie européenne de l'époque, en particulier par la poésie française. Bien entendu, la recherche de sources possibles d'emprunt dans ce cas ne peut pas ignorer les exemples occidentaux. Comme point de référence ou exemple d'une telle étude, peuvent être cités les travaux de M. P. Alekseev sur le poème « Rose » de A. S. Pouchkine [Алексеев 1968; 1972], qui énumère toutes les sources possibles, tant occidentales que russes, slaves, etc. Dans le cas du poème « Le Rossignol et la rose » de A. A. Fet, nous sommes confrontés à la même variété de réceptions possibles, y compris les œuvres françaises et, plus particulièrement, les emprunts aux poèmes de A. de Musset.

En repensant à notre analyse, nous constatons que dans les œuvres de Musset et de Fet il y a un certain nombre de coïncidences symboliques, figuratives et structurelles évidentes, comme une structure de dialogue similaire; l'image du dialogue entre l'oiseau et la fleur; le dialogue du poète avec sa bien-aimée; les images de l'oiseau se sacrifiant; le thème Oriental; le motif du rêve; l'élan poétique du Moi lyrique ou de la Muse vers le haut. En outre, Fet avait écrit deux propres poèmes intitulés « La Nuit de mai » (1870) et « Une autre nuit de mai » (1857). Il est évident que l'œuvre de Musset a eu une influence sérieuse sur Fet, y compris, apparemment, sur le poème « Le Rossignol et la rose ».

Литература

- Алексеев, М. П. Споры о стихотворении «Роза» / М. П. Алексеев // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. – Л. : Наука, 1972. – С. 326–377.
 Алексеев, М. П. Еще раз о стихотворении Пушкина «Роза» / М. П. Алексеев // Русская литература. – 1968. – № 3. – С. 91–115.
 Вентадорн, Б. де. Песни / Б. де Вентадорн ; под редакцией В. А. Дынник. – М. : Наука, 1979. – 311 с.

- Вышенская, Ю. П. Формирование категории «художественный стиль» в средневековом художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук / Ю. П. Вышенская. – СПб., 2023. – 405 с.
- Гаспаров, М. Л. Поэзия вагантов / М. Л. Гаспаров // Поэзия вагантов. – М. : Наука, 1975. – С. 421–515.
- Горбовская, С. Г. Имагопозеологическая энциклопедия авторских литературных образов. Флора / С. Г. Горбовская, О. Л. Бейнарович, Д. Д. Старкова ; под редакцией С. Г. Горбовской. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2024. – 519 с.
- Горбовская, С. Г. Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери / С. Г. Горбовская // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 280–297.
- Камалиева, Н. И. А. А. Фет и Г. Гейне в интертекстуальных связях: образ соловья и розы / Н. И. Камалиева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 45. – С. 128–141.
- Кафанова, О. Б. Творческая лаборатория А. А. Фета: перевод из А. де Мюссе / О. Б. Кафанова // Два века. – 2022. – № 2. – С. 246–261.
- Кюренберг. Когда в одной рубашке, бессонная, стою... / Кюренберг // Лирическая поэзия средних веков. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. Т. 23 / сост. Б. И. Пуришев. – М. : Художественная литература, 1974.
- Лирика. Из персидско-таджикской поэзии. – М. : Художественная литература, 1987. – 462 с.
- Мостафави Геро, Х. Соловей и роза в русской и персидской литературах / Х. Мостафави Геро, С. Хусейни-насаб // Современные гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (82). – С. 98–103.
- Мазур, Н. Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») / Н. Н. Мазур // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария : мат-лы международной конференции. – 2007. – С. 345–378.
- Мохаммади, З. Пушкин и Хафиз: к проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина : дис. ... канд. филол. наук / З. Мохаммади. – М., 2008. – 167 с.
- Мюссе, А. де. Августовская ночь / А. де Мюссе // Стихотворения. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1898а. – С. 296–300.
- Мюссе, А. де. Майская ночь / А. де Мюссе // Стихотворения. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1898б. – С. 287–295.
- О птице-неясыти // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. – Сергиев Посад : Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911.
- Павленков, Ф. Энциклопедический словарь / Ф. Павленков. – СПб. : Типография Ю. Н. Эрлиха, 1907. – 3050 с.
- Саяпова, А. М. Стихотворение-поэма «Соловей и роза»: парадокс любви как основная форма человеческого существования / А. М. Саяпова // Диалог творческого сознания А. А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). – М. : Флинта, 2021. – С. 100–121.
- Соколова, Т. В. Птичье крыло в регистре суггестивных иносказаний символизма / Т. В. Соколова // Романский коллегийум : междисциплинарный сб. науч. труд. / под ред. С. Л. Фокина. – 2015. – С. 113–126.
- Соколова, Т. В. Высота и восхождение как эстетические концепты поэзии XIX в. / Т. В. Соколова // Соколова Т. В. От романтизма к символизму: очерки истории французской поэзии. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – С. 17–29.
- Соловей и роза в восточной поэзии // Исламосфера. Культура как образ жизни. – 2020. – URL: <http://islaamosfera.ru/solovej-i-roza-v-vostochnoj-poezii/> (дата обращения: 02.02.2025).
- Фет, А. А. Соловей и роза / А. А. Фет // Полное собрание стихотворений А. А. Фета / Приложение к журналу «Нива» на 1912 г. Т. 2. – СПб. : Товарищество А. Ф. Маркс, 1912. – С. 5–9.
- Фет, А. А. Подражание восточному / А. А. Фет // Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. – М. : Правда, 1988. – URL: <http://public-library.ru/Fet.Afanasiy/podra.html> (дата обращения: 14.01.2025).
- Холл, М. П. Энциклопедическое изложение герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии / М. П. Холл. – М. : АСТ ; Астрель, 2005.
- Чэнь, Д. Орнитоним соловей в русской и китайской поэзии / Д. Чэнь // Мы говорим на одном языке : материалы международной межвузовской студенческой конференции, заочно прошедшей в РГГМУ. – 2020. – С. 32–36.
- Шарафадина, К. И. Обновление традиций флоропэтики в лирике А. Фета / К. И. Шарафадина // Русская литература. – 2005. – № 2. – С. 18–54.
- Eltayeb, L. A. Le symbolisme de l'oiseau dans la poésie française à travers "La Nuit de mai" d'Alfred de Musset / L. A. Eltayeb // International Journal of Language Academy. – 2019. – Vol. 7/3. – P. 252–261.
- Kürenberg. Ich von der Zoch mir einē valken mere danne ein iar / Kürenberg // Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse). Universitätsbibliothek Heidelberg. – Zürich, 1300–1340.
- Kürenberg von der Leit machet sorge, vil liebe wünne. – URL: http://www.fabelnundanderes.at/der_von_kuerenberg.htm / (mode of access: 25.01.2025).
- Musset, A. de. Poésies nouvelles (1836–1852) / A. de Musset. – Paris : Charpentier, 1857. – P. 44–75.
- Rudel, J. Quan lo rius de la Fontana / J. Rudel // Der Troubadour Jaufré Rudel, sein Leben und seine Werke. – Berlin : A. Hettler, 1873. – P. 57–59.
- Ventadour, B. de. Lo rossinhols s'esbaudeya / B. de Ventadour // Bernart von Ventadorn. Texte établi par Carl Appel. – Halle : Max Niemeyer Verlag, 1915. – P. 335–339.

References

- Alekseev, M. P. (1968). Eshche raz o stikhotvorenii Pushkina «Roza» [Once again about Pushkin's Poem "Rose"]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 91–115.
- Alekseev, M. P. (1972). Spory o stikhotvorenii «Roza» [Controversy about the Poem "Rose"]. In *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya*. Leningrad, Nauka, pp. 326–377.
- Chen, D. (2020). Ornitonim solovei v russkoi i kitaiskoi poezii [Ornithonym Nightingale in Russian and Chinese Poetry]. In *My govorim na odnom yazyke: materialy mezhdunarodnoi mezhvuzovskoi studencheskoi konferentsii, zaочно proshedshei v RGGMU*, pp. 32–36.
- Eltayeb, L. A. (2019). Le symbolisme de l'oiseau dans la poésie française à travers "La Nuit de mai" d'Alfred de Musset. In *International Journal of Language Academy*. Vol. 7/3, pp. 252–261.
- Fet, A. A. (1912). Solovei i roza [The Nightingale and the Rose]. In *Polnoe sobranie stikhotvorenii A. A. Feta / Prilozhenie k zhurnalu «Niva» na 1912 g.* Vol. 2. Saint Petersburg, Tovarishchestvo A. F. Marks, pp. 5–9.
- Fet, A. A. (1988). Podrazhanie vostochnomu [Imitation of the Oriental]. In *Stikhotvoreniya, poemy. Sovremenniki o Fete*. Moscow, Pravda. URL: <http://public-library.ru/Fet.Afanasiy/podra.html> (mode of access: 14.01.2025).
- Gasparov, M. L. (1975). Poeziya vagantov [Poetry of Vagants]. In *Poeziya vagantov*. Moscow, Nauka, pp. 421–515.
- Gorbovskaya, S. G. (2023). Tri pervoosnovy obraza nebesnoi rozy v «Bozhestvennoi komedii» Dante Alig'eri [The Three Fundamental Principles of the Image of the Heavenly Rose in Dante Alighieri's The Divine Comedy]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 12. No. 4, pp. 280–297.
- Gorbovskaya, S. G., Beinarovich, O. L., Starkova, D. D. (2024). *Imagopoetologicheskaya entsiklopediya avtorskikh literaturnykh obrazov. Flora* [Imagopoethological Encyclopedia of Author's Literary Images. Flora]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 519 p.
- Hall, M.P. (2005). *Entsiklopedicheskoe izlozhenie germeticheskoi, kabbalisticheskoi i rozenkreiterskoi simvolicheskoi filosofii* [Encyclopedic Exposition of Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian Symbolic Philosophy]. Moscow, AST, Astrel'.
- Kafanova, O. B. (2022). Tvorcheskaya laboratoriya A. A. Feta: perevod iz A. de Myusse [The Creative Laboratory of A. A. Fet: A Translation from A. de Musset]. In *Dva veka*. No. 2, pp. 246–261.
- Kamalieva, N. I. (2012). A. A. Fet i G. Geine v intertekstual'nykh svyazyakh: obraz solov'ya i rozy [A. A. Fet and G. Heine in Intertextual Relations: The Image of a Nightingale and a Rose]. In *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*. No. 45, pp. 128–141.
- Kürenberg von der Leit machet sorge, vil liebe wünne. URL: http://www.fabelnundanderes.at/der_von_kuerenberg.htm / (mode of access: 25.01.2025).
- Kürenberg. (1300–1340). Ich von der Zoch mir einē valken mere danne ein iar. In *Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse)*. Universitätsbibliothek Heidelberg. Zürich.
- Kyurenberg. (1974). Kogda v odnoi rubashke, bessonnaya, stoyu... [When I'm in My Shirt Sleeves, Sleepless, I'm Standing...]. In *Liricheskaya poeziya srednikh vekov. Poeziya trubadurov. Poeziya minnezingerov. Poeziya vagantov*. Vol. 23. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Lirika. *Iz persidsko-tadzhikskoi poezii* [Lyrics. From Persian-Tajik Poetry]. (1987). Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 462 p.
- Mazur, N. N. (2007). Eshche raz o deve-roze (v svyazi so stikhotvoreniiem Baratynskogo «Eshche kak Patriarkh ne dreven ya...») [Once Again about the Virgin Rose (in Connection with Baratynsky's Poem "Even as a Patriarch I am not Ancient...")]. In *Pushkinskie chteniya v Tartu. Pushkinskaya epokha: problemy refleksii i kommentariya: mat-ly mezhdunarodnoi konferentsii*, pp. 345–378.
- Mokhammadi, Z. (2008). *Pushkin i Khafiz: k probleme «vostochnogo sloga» v tvorchestve Pushkina* [Pushkin and Hafiz: On the Problem of the "Oriental Style" in Pushkin's Works]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 167 p.
- Musset, A. de. (1857). *Poésies nouvelles (1836–1852)*. Paris, Charpentier, pp. 44–75.
- Musset, A. de. (1898). Avgustovskaya noch' [August Night]. In *Stikhotvoreniya*. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, pp. 296–300.
- Musset, A. de. (1898). Maiskaya noch' [May Night]. In *Stikhotvoreniya*. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, pp. 287–295.
- Mustafavi Gero, H., Huseyninasab, S. (2018). Solovei i roza v russkoi i persidskoi literaturakh [The Nightingale and the Rose in Russian and Persian Literature]. In *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya*. No. 3 (82), pp. 98–103.
- O ptitse-neyasyti [About the Bird-It's Unclear]. (1910–1911). In *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode*. Part 3. Sergiev Posad, Sv.-Troitskaya Sergieva lavra, sobstvennaya tip.
- Pavlenkov, F. (1907). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, Tipografiya Yu. N. Erlikha. 3050 p.
- Rudel, J. (1873). Quan lo rius de la Fontana. In *Der Troubadour Jaufre Rudel, sein Leben und seine Werke*. Berlin, A. Hettler, pp. 57–59.
- Sayapova, A. M. (2021). Stikhotvorenie-poema «Solovei i roza»: paradoks lyubvi kak osnovnaya forma chelovecheskogo sushchestvovaniya [Poem "The Nightingale and the Rose": The Paradox of Love as the Main form of Human Existence]. In *Dialog tvorcheskogo soznaniya A. A. Feta s Vostokom (Fet i Khafiz)*. Moscow, Flinta, pp. 100–121.
- Sharafadina, K. I. (2005). Obnovlenie traditsii floro-poetiki v lirike A. Feta [Updating the Traditions of Floropoetics in the Lyrics of A. Fet]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 18–54.

Sokolova, T. V. (2005). Vysota i voskhozhdenie kak esteticheskie kontsepty poezii XIX v. [Height and Ascent as Aesthetic Concepts of Poetry of the 19th Century]. In Sokolova, T. V. *Ot romantizma k simbolizmu: ocherki istorii frantsuzskoi poezii*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, --. 17–29.

Sokolova, T. V. (2015). Ptich'e krylo v registre suggestivnykh inoskazanii simbolizma [The Bird's Wing in the Register of Suggestive Allegories of Symbolism]. In Fokin, S. L. (Ed.). *Romanskii kollegium: mezhdistsiplinarnyi sb. nauch. trud.*, pp. 113–126.

Solovei i roza v vostochnoi poezii [The Nightingale and the Rose in Oriental Poetry]. (2020). In *Islamosfera. Kul'tura kak obraz zhizni*. URL: <http://islamosfera.ru/solovej-i-roza-v-vostochnoj-poezii/> (mode of access: 02.02.2025).

Ventadour, B. de. (1915). Lo rossinhols s'esbaudeya. In *Bernart von Ventadorn. Texte établi par Carl Appel*. Halle, Max Niemeyer Verlag, pp. 335–339.

Ventadour, B. de. (1979). *Pesni* [Songs]. Moscow, Nauka. 311 p.

Vyshenskaya, Yu. P. (2023). *Formirovanie kategorii «khudozhestvennyi stil'» v srednevekovom khudozhestvennom tekste* [The Formation of the Category “Artistic Style” in a Medieval Literary Text]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg. 405 p.

Данные об авторах

Горбовская Светлана Глебовна – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: vard_05@mail.ru.

Кондратьева Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: elli_verano@yahoo.fr.

Authors' information

Gorbovskaia Svetlana Glebovna – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of French Language, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Kondratieva Ekaterina Aleksandrovna – Senior Lecturer of Department of French Language, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Дата поступления: 04.02.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 04.02.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 378.016:811.111'42+378.147. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-29-39.
ББК Ш143.21-9-5.
ГРНТИ 14.01.11; 14.35.09. Код ВАК 5.8.2

ROYALS IN GASTRONOMIC METAPHOR AND POLYCODE COMPETENCE DEVELOPMENT

Elizaveta V. Shustrova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

Anatoly P. Chudinov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

Abstract. This article examines different ways of using historical and linguocultural data while conducting theoretical classes and tutorials in professional language groups. We share our experience how to form problem-based tasks on the basis of the so-called polycode or multimodal texts. We also demonstrate how purely linguistic facts can be revealed and taught with the help of graphic means. We discuss the history of key terms and express our own understanding of the matter. Another aim of the article is to share possible sources of polycode data. Examples of English political cartoon of the end of the 18th century created by James Gillray illustrate the methodological procedure. As a more specific type, we focus on graphic examples of gastronomic cognitive metaphor, which is defined and discussed as a separate object of investigation. The research is aimed to join the principles of polycode text analysis with the principles of the competence approach in language learning and teaching. This aim justifies both the theoretical and practical importance of our research and its results. The results are of interest to the university staff who introduces linguocultural data while conducting various theoretical disciplines in linguistic professional training. The results may also be of interest to the staff and scholars dealing with linguocultural data in general.

Keywords: polycode competence; polycode text; professional training; professional foreign language competencies; language professional development

For citation: Shustrova, E. V., Chudinov, A. P. (2025). Royals in Gastronomic Metaphor and Polycode Competence Development. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 29–39. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-29-39.

МОНАРХИЯ В ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ И ПОЛИКОДОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Шустрова Е. В.

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

SPIN-код: 6690-1583

Чудинов А. П.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

SPIN-код: 4516-4166

Аннотация. Статья посвящена описанию опыта использования исторических и лингвокультурных данных в практике преподавания теоретических курсов в рамках профессионального языкового и иноязычного образования. Мы также делимся опытом разработки и внедрения проблемно-ориентированных заданий и задач, предполагающих опору на поликодовый текст. Авторы обращаются к описанию пошаговой процедуры введения и закрепления языкового материала при помощи графических средств. В статье также обсуждаются история вопроса и стадии формирования основной терминологии, связанной с поликодовыми системами. Еще одна задача статьи – представить возможные источники поликодового материала. В качестве иллюстративного материала были использованы примеры английской политической карикатуры конца XVIII в. Джеймса Гилрея, которые содержат гастрономическую концептуальную метафору. Последняя обсуждается как отдельный объект исследования. Методология исследования построена на комбинации проблемного метода лингводидактики и лингвистических методик анализа, в частности структурно-семантических, сравнительно-исторических и дискурсивных. Основные результаты будут полезны преподавателям, работающим с материалом лингвострановедческой направленности в рамках различных теоретических курсов профессиональной предметной подготовки. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

Ключевые слова: поликодовая компетенция; поликодовый текст; профессиональное образование; профессионально-коммуникативная иноязычная компетенция; обучение иностранным языкам в вузе

Для цитирования: Шустрова, Е. В. Монархия в гастрономической метафоре и поликодовая компетенция / Е. В. Шустрова, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // *Филологический класс*. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 29–39. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-29-39.

Introduction

Addressing the problem of new requirements in professional language training, we sought to bridge the gap between the existing theoretical research and its practical application. The main problem arrives as a result of the discrepancy between what students of university linguistic departments can do while analysing linguistic data and what they are expected to do in modern environment. Polycode texts turn to be one of the most problematic sources and objects. The research is aimed to align the principles of polycode text analysis, elaborated in a modern linguistic research, with the principles of the competence approach in language learning and teaching. This aim justifies both the theoretical and practical importance of our research and its results.

Discussing the main term “polycode text” and its history, we should mention that the role of metaphor in blended semiotic systems constitutes a separate trend in linguistic studies. In Russian linguistic studies Y. A. Sorokin and E. F. Tarasov were the first to use the term “creolized” in reference to texts [Sorokin, Tarasov 1990; cf. Tarasov, Nistratov, Matveev 2020]. These are such textual forms that combine various semiotic systems including both verbal and visual components. At the same time other terms, such as *multimodal*, *polycode*, *polymodal* texts have come into wide use [Bearne 2010; Benson 2016; Bowcher 2012; Jager, Ucht 1974, Ferdig, Pytash 2014; Forceville, Urios-Aparisi 2009; Koller 2009; Kress, Van Leeuwen 2006; McNeill 2005; McQuarrie, Phillips 2008; Molchanova 2021; Müller 2004; O'Halloran 2004; Ventola, et al. 2004]. Alongside other terms coexist, including *cinematographic metaphor* [Whitlock 1990], *linguovisual complex* [Bolshiyanova 1986], *izoverbal complex* [Bernatskaya 2000], *izoverb* [Mikheev 1987], *semiotically complex texts* [Protchenko 2006], *visual metaphor* [Carroll 1996], *videoverbal texts* [Poymanova 1997], *visual hybrid* [Carroll 1996], *pictorial metaphor* [Forceville 2009], *multisemiotic text* [Trklja 2014].

According to Ch. Forceville, “In contrast to monomodal metaphors, multimodal metaphors are metaphors whose target and source are each represented exclusively or predominantly in different modes. The qualification ‘exclusively or predominantly’ is necessary because non-verbal metaphors often have targets and/or sources that are cued in more than one mode simultaneously” [Forceville, Urios-Aparisi 2009: 24]. L. S. Bolshiyanova singles out linear and non-linear texts, the latter falling into three subtypes: monocode, polycode and creolized [Bolshiyanova 1986]. Thus, the author uses the terms polycode and creolized texts not as synonyms but as phenomena of different nature. Initially, however, all these theories are based upon semiotics and intertextuality.

Various forms that a comic element may take in a polycode text are undoubtedly connected with the genre, textual functions, and an expected pragmatic effect. It is common knowledge that there is no universal typology of genres even in reference to the traditional textual forms. It is quite a challenge to introduce a universal typology of polycode texts which are initially a blend of various semiotic systems. In far

general terms we can single out genres with the predominance of the *arts* component (feature films, screen versions, cartoons, clips, comic strips, collage), *political*, including propaganda, component (political cartoons and caricatures, collage, clips, demotivators, fliers, handouts, memes), *advertising* component (posters, clips, fliers, stuffers, videos), *private* component (blogs, graffiti, all kinds of laptop publishing and ‘domestic’ amateur photo and video production, scrapbooks).

For sure, each of the trends may in its turn include genre variations of its own dependent on the aim of creation, expected functions, pragmatic effect, means of circulation (TV, Internet, print, etc.), environment, and other numerous factors. At the same time one and the same text may easily combine different components of the above-mentioned types. Thus, a feature film, which initially falls under the category of arts, may show elements of bitter political or social irony and thus become blended with political and private types. In recent years much popularity has been won by feature films that together with the esthetic effect include an advertisement in disguise.

The connection between the iconic and verbal parts is described on the levels of content proper, content and composition, content and linguistic means [Anisimova 2003; Chudinov, Segal 2024; Marchand 1986; Ruzhentseva, Shustrova, Voroshilova 2015; Shustrova 2014].

The scholars [Anisimova 2003; Bernatskaya 2000; Ruzhentseva, Shustrova, Voroshilova 2015; Shustrova 2014] describe two basic types of creolized/multimodal texts as far as their structure is concerned: texts with partial creolization and completely creolized texts. In the first case the verbal elements are more or less autonomous with the graphic part just supporting the verbal one. Here we find scientific discourse and traditional fiction. In the second case the verbal part is blended with graphics the latter serving as an integral component. Cartoons and advertisements are the most vivid examples.

Taking all this into consideration we may state that it would be better, especially in cognitive studies, if the linguistic data were married to the non-verbal means, and then conceptual metaphor and its transformations will be an excellent connector between the two. Of importance are the results of psycholinguistic studies which prove that the information, being perceived from sources of different nature (verbal and visual), is further “integrated and processed by the recipient in mode and the same universal object-oriented mental code” [Zhinkin 1982]. It gives us grounds to say that in the structure of the multimodal text the verbal and visual images are interdependent. This bond of different semiotic elements justifies and provokes the creation of a new, more complex, creolized, metaphoric image which meaning cannot be taken as a simple sum of the verbal and non-verbal components. The purpose of our investigation is connected with interpreting the new product, political cartoons being the database as they give the conflict, the tension of the parts.

It is true that polycode texts are easy to be found

in the long history of humanity, including icons, illustrated hagiography, chronicles, etc. But it is the era of advertising and consuming together with the film industry appearance that brought polycode texts into the centre of modern civilization. That being an important part of our life makes them an easy and often entertaining source of linguocultural information and gives rise to scholarly interest. At the same time such types of texts cannot but become a user-friendly source in teaching, helping to add to a student-centred, adaptive environment. The potentials of such polycode systems in their new varieties become part of implementing technology-based, AI-relied teaching techniques and design thinking. The problems of new approaches in university education in connection with these data are being discussed in numerous publications.

As D. Swallow and B. Tomalin describe the process: “the field of education is witnessing significant changes... Increasingly, educators are exploring its potential to reshape educational practices, particularly in language learning – a domain deeply intertwined with communication, cultural exchange, and adaptability. Although design thinking has proven effective in driving creativity and flexibility in other areas, its application within education, especially in language instruction, currently remains limited. Language acquisition continues to face obstacles such as rigid teaching practices, cognitive overload, and cultural misunderstandings, all of which can hinder student engagement and progress. Traditional approaches, often reliant on rule-based learning and memorisation, struggle to prepare learners for the interactive demands of real-world communication. Furthermore, existing studies tend to focus on the theoretical possibilities of design thinking and suggest little in the way of practical, field-specific strategies” [Swallow, Tomalin 2024: 86].

While addressing modern educational challenges in connection with AI and digitalisation, L. Stošić and F.D. Guillén-Gámez emphasise the problems as follows. “IT tools have undoubtedly become integral to contemporary education, yet their application in foreign language instruction remains inconsistently implemented and inadequately studied. The global shift towards digitalisation in education has created a disparity in access to technological resources, exacerbating the ‘digital divide’ and limiting equitable learning opportunities. Furthermore, teachers frequently lack the requisite skills or professional development to effectively integrate advanced IT solutions, such as artificial intelligence (AI) or virtual reality (VR), into their pedagogical practices. This gap in teacher competency undermines the potential of IT to maintain learning and perpetuates reliance on conventional teaching strategies, which may fail to address the complexities of modern language acquisition” [Stošić, Guillén-Gámez 2024: 95–96].

In this aspect, of interest is the thought of M.-L. Liaw and H.-I. Chen, who claim that all our communication has multimodal or polycode character [Liaw, Chen 2023]. It means that our salient beliefs are formed under the influence of polycoding. It brings us to the conclusion that under modern circumstances

and educational challenges polycode systems should become a more frequent subject for investigation and close reading in professional language training. The students should acquire competences of new types resulting in the students’ potential not only to understand and decode such semiotic complex but also to produce such products, including those, which may be heavily loaded with linguocultural information. Further on, we will combine methodological steps of linguistic analysis with linguodidactic ones and demonstrate how professional language acquisition and training can be supported via the suggested framework of activities on the basis of polycode texts.

Data and Methodology

In the methodological aspect polycode texts still remain a very problematic object of investigation due to the complexity of their nature. In this article we demonstrate how linguocultural, social, semantic and semasiological, discursive methods may be applied to political cartoon as a kind of polycode texts. In the field of linguodidactics these are the problem-based and competence approaches. They imply that educational environment, especially in universities, should be structured on the basis of problem-solving assignments. In the course of professional linguistic training it would add to the formation and development of design and creative thinking, critical assessment, alongside professional competences of a mediator and a researcher.

We also present new results and argue that design of such tasks on the data of polycode texts and with proper linguistic instruments should become a constant and integral part of university linguistic training. Moreover, it assists in creating student-friendly environment, easily adoptable for traditional theoretical subjects such as lexicography, history of a particular language, stylistics, linguocultural and cognitive studies.

As the data is concerned, for this research we have chosen archive materials of British political cartoon, created by James Gillray – one of the most renowned British caricaturists at the end of the 18th century. Here we shall analyse only several examples of the royal family turning into part of gastronomic cognitive metaphor, including graphic representations. We understand graphic cognitive metaphor as a cognitive operation, which results in the creation of a visual image. This image is designed on the parallel bonds between two objects (known in linguistics as ‘denotations’, ‘denotata’). These bonds may depend on transferred, auxiliary semantics and potential axiological projections.

Results and Discussion

Traditions of national cuisine and eating habits have always been considered an important aspect of both speaking practice and linguocultural activities when learning and teaching languages. Such material allows introducing to the students many other national traits and historical aspects. As far as British cuisine is concerned, many find it solid, heavy, not very varied, sometimes not even tasty. But the English folklore and

literature are abundant in mouth-watering descriptions of delicacies to be found part of everyday life. In connection with this it should be mentioned that eating is used to propagate certain regimes, benefits and values. Thus, political aspect of such objects when they are used as certain symbols should be born in mind. These features should become part of thorough analysis both in-class and in individual problem-based assignments.

Further on we will demonstrate certain metaphoric, symbolic, axiological and other characteristics of food and eating typical for the British political cartoon at the end of the 18th century. We will limit the analysis with four cartoons in which eating habits serve as an important political vector because they represent the clear-cut opposition in the royal family and the slow transition of power. This is done to better illustrate the linguodidactic procedures, which we suggest introducing in professional language training.

When the cartoon shows some heavily and richly laid tables or plenty of savory and fatty products, it is often the case of ridicule for greed, unrestrained am-

bitions, avarice. Although in the English cartoon this can also be a sign of cheating with some scapegoat to pay for that. As a rule, it is some stereotypical taxpayer, John Bull being one of them, – the incarnation of the middle class or a tradesman. At the same time, too lean or sickly constitution, a lack of food often arrived as a feature of either foreigners, especially French, or some bad times and tides in domestic policies. When creating problem-based tasks, the specialist may rely on these traits for demonstrating binary privative oppositions which are ideologically loaded. “Overeating – vs. undernourishment, hunger” as the basic opposition of vice and victim may become a good basis to start from as it is easily understandable in Russian culture as well. Let’s turn to the polycode texts of James Gillray, and the first subject will be His Royal Highness, the then-Prince of Wales, the would-be George IV, King of the United Kingdom of Great Britain and Ireland and King of Hanover (for official portraits see Fig. 1, 2).

Fig. 1. George IV, King of Great Britain and Ireland.
Miniature by R. Cosway¹

Fig. 2. George, the Prince of Wales.
Portrait by W. Beechey²

¹ Сайт Национальной портретной галереи (The National Portrait Gallery). URL: <https://www.npg.org.uk/>; <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait-list.php?search=sp&sText=George%20IV%20%201792&firstRun=true&OOnly=true> (accessed: 11.10.2024).

² Сайт Королевской академии изящных искусств (Royal Academy of Arts). URL: <https://www.royalacademy.org.uk/>; <https://www.royalacademy.org.uk/art-artists/work-of-art/the-prince-of-wales-later-george-iv> (accessed: 11.10.2024).

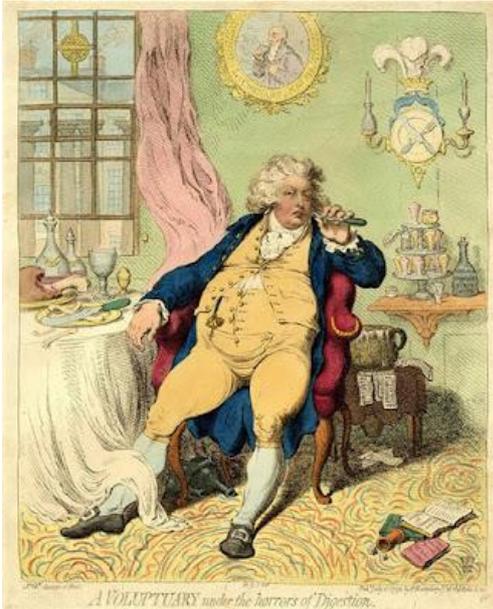

Fig. 3. *A Voluptuary under the horrors of Digestion*¹

Fig 4. *Temperance enjoying a Frugal Meal*²

¹ Сайт Британского музея (The British Museum). URL: <https://www.britishmuseum.org/>; https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1851-0901-618 (accessed: 11.10.2024). © Trustees of the British Museum.

² Сайт Британского музея (The British Museum). URL: <https://www.britishmuseum.org/>; https://media.britishmuseum.org/media/Repository/Documents/2014_10/1_10/fb377d1b_bbd4_43fa_b455_a3b700a6a06b/mid_00046515_001.jpg (accessed: 11.10.2024). © Trustees of the British Museum.

The first cartoon (Fig. 3) is devoted to sensual life and pleasures of the Prince of Wales. This picture was the first in the series of cartoons which would be connected with eating habits of the royals and which we would discuss later. It was published on July, 2, 1792 under the title “A Voluptuary under the horrors of Digestion”. J. Gillray chose not to call his model directly. Instead, he used the word «voluptuary – a person devoted to luxury and sensual pleasure». Digestion is also used both in the direct and metaphoric meanings as His Royal Highness was well-known for his debauchery and long rows of mistresses. The Prince, as the majority of royal male heirs, was proclaimed as an example of man’s beauty, a paragon of style and taste. His official portraits by W. Beechey, R. Cosway, T. Gainsborough, T. Lawrence, J. Reynolds, and D. Wikie show His Royal Highness as very sophisticated, spiritually-set, attractive and romantic (cf. Fig. 1, 2). J. Gillray took them as precedent texts and produced a caricature which gained much more popularity than the prototypical portraits. The facial features are very much the same but the expression of the face is that of satiety, surfeit, a mixture of indifference and effrontery.

The cartoon presents a very rich semiotic complex. Thus, there are numerous significant details which deserve to be given due attention. Just behind the Prince there is an overflowing (just like him) chamber-pot which is firmly placed over the unpaid bills from the baker, the butcher, the poulterer and the doctor. Another name for a chamber-pot is a Jordan. And this gives a very transparent allusion to the younger brother of the Prince of Wales, Prince William, who shared his elder brother’s exuberance and love for sensual pleasures. As the cartoon appeared in 1792, there are good grounds for connection with the

affair of Prince William and Dorothea Jordan (Dora Jordan, Mrs. Jordan). The latter was an actress and a courtesan, the would-be mother of 10 illegitimate children of the Prince, all of whom received the surname FitzClarence. Among the successors of this bond is J. Cameron, the former Prime Minister of the UK. The affair started in 1790, and in 1791 J. Gillray produced a series of cartoons on the subject, using the connection between the night vessel and the name ‘Jordan’. Here it stands for something like “Birds of a feather flock together” or “Great minds think alike, fools seldom differ” as the brothers were plunging (yet another word which comes here to mind in connection with any liquid substance, including feces) in sin, lust and dissipation. It would further end in a very tragic way for the monarchy being left with no legitimate heir or heiress and the throne being inherited by Princess Victoria. In the cartoon this Jordan is made visible to the observer but if we take another angle, the Prince may think that he is blocking the sight, fully covering his unpaid debts in connection with his enormous love expenditures.

The wall is also full of interesting artifacts. On the shelf with multi-coloured jelly-glasses, resembling light colours of lady’s dresses, there are jars and small bottles with medicine – “For the Piles” (another common name for hemorrhoids), “Drops for a Stinking Breath”, “Leakes Pills”, “Velnos Vegetable Syrup”. The last remedy was patented by I. Swainson who proclaimed the syrup could cure venereal diseases as well as many other ailments including diarrhea. The candle-sconce is decorated with all pretence: lavish ostrich plumage over the gilt coronet and the coat of arms. The incongruity of this is intensified by the huge plate serving as the field and the crossed knife and fork

playing the part of the most important herald symbols.

The candle-holder comprises two branches: one with a wine-bottle and the other with a wine-glass supporting two not matching sticks of candles. The branches should stand for the gold lion rampant and the silver unicorn, which support the real shield for the coat of arms of the Prince of Wales. It helps to emphasise again not only unhealthy eating and drinking habits of the Prince but his constant fornication. The motto for the real coat of arms is "Ich dien" – "I Serve" but instead of that the sound imitation of these German words in English would lead to "I Dine". This would be completely in accord with what is shown. Right behind the Prince, imitating the rounded form of the coat of arms there is a portrait of Luigi Cornaro of Padua by Tintoretto. Luigi Cornaro was famous for his healthy diet discovered when he was on the death brink at the age of forty. The humor of this fact is connected with the products which Luigi Cornaro recommended. These included bread, meat, soup, eggs and light wine. The principle was in quantity of food and its being minimally processed. According to these standards His Royal Highness is the true adept of this diet as his menu consists of a hearty portion of beef, raw or half-done, port, brandy and pepper. The decanters resemble a woman's shape, and the wine glass is practically the exact copy of the glass with water held by Luigi Cornaro. The plate with some bony leftovers compliments the coat of arms. If we take into consideration that the real coats of arms includes the shield with the so-called Royal Arms and the synonym for 'arms' is 'weapon', then the 'Royal Weapons' would become just the knife and fork.

The window overlooks the Carlton House – the new residence of Prince George – but the heavy smoke from its chimneys in Gillray's cartoons usually stands for some bad omen definitely not wealth or some luck. It would become especially important taking into account the revolutionary events in France. In the right front corner there is a dice-box, two dice and three volumes "Debts of Honor Unpaid", "Newmarket List", and "Faro Partnership Account Self Archer Hobart & Co.". The number of dice and the combination "Self Archer Hobart" stand for the company of the Prince, Mrs. Hobart (Lady Buckinghamshire) and Lady Archer. These ladies of society were notorious for their so-called "faro-tables" or gambling tables, making huge money, and the Prince was suspected to share in their profits and cover up the activities thought to be scandalous. The fact was that at that time the expected proper social behaviour for an aristocratic woman in contrast to man was not to gamble. Gambling women would often lose their "pin-money" and then the only way to cover the debt was to prostitute. Yet another gruesome aspect was to try and manipulate the politics thought to be part of a joint company of ladies and gentlemen – again a much discussed thing. Thus, the faro-tables and ladies were associated with witchcraft, sin, sexual misconduct in general, undue political advances and pretensions, attempts to seduce and manipulate younger women. Other famous Faro Ladies, or "the company", included Mrs. Sturt, Mrs. Concannon, and Lady Luttrell. As a result of all these exuberances

King George III and Queen Charlotte made their son marry on the condition to cover up his debts and increase his stipend.

It might be of interest to compare this cartoon with the cartoon "The Prince of Whales or the Fisherman at Anchor" by George Cruikshank and the poem by Charles Lamb "The Triumph of the Whale" (1812). There the Prince, having become a regent, is described as a 'mighty whale', 'not a fatter fish than he', being surrounded by 'mermaids, with their tails and singing, his delighted fancy stinging'. Yet another typical feature is his ability to digest everything – 'In his stomach, some do say, no good thing can ever stay, had it been the fortune of it' [cf. Lamb <https://allpoetry.com/The-Triumph-Of-The-Whale>]¹.

This social misconduct could not but become a great concern for the royal family. At the same time the mental health of George III was evidently declining, and his ability to stay the king was being questioned. Thus, the series of other cartoons by James Gillray appeared among which were those both fully supporting the king and showing his weaknesses. But there is an opinion [cf. *Anatomy of Laughter* 2016: 10–11] that these very attempts at ridicule greatly assisted in saving the monarchy in England when in France it fell prey of the revolution. Further on we will discuss three cartoons showing eating habits of Prince George's parents deeply contrasting with his.

Fig. 2 shows the cartoon "Temperance enjoying a Frugal Meal". The title in the phrase syntactic model imitates the one of the previous cartoon but the words create an opposite meaning. It is thought to satirise the miserliness of the royal couple but we are of the opinion that, appearing the same month together with "Frying Sprats" and "Toasting Muffins", it propagated the domestic economy of the Crown, King's wisdom, prudence, austerity and carefulness, lack of selfishness, financial discipline and constant self-restraint. When compared with "A Voluptuary under the horrors of Digestion", it should become evident who is the true and shrewd leader of the country. It becomes more necessary if we consider constant attempts of the Whigs party and the Prince of Wales himself to seize the throne on the pretext of George III's cognitive weakness and disability to rule. It also helped to tolerate more and more new taxes imposed by the government.

The royal menu includes very cheap and sensible products, such as soft-boiled eggs, salad greens, some mustard and water. The upholstered furniture and the bell are covered not to be worn out. Instead of table linen the couple uses the table cloth, and the carpet is protected against wear by some plain rug. The clothes show evident signs of long wear, stitching and patching. No signs of extra expense as there is no fire to warm up, the statuette of Munificence has nothing to offer, the candles are definitely economised. The only pictures to be seen are the miniature of George III himself and "The Fall of Manna". The gilt empty frames belong to the pictures of Epicurus, "The Parting of the

¹ Lamb Ch. The Triumph of the Whale // All Poetry. 21.11.2024. URL: <https://allpoetry.com/The-Triumph-Of-The-Whale> (accessed: 21.11.2024).

Loaves and Fishes” and “The Triumph of Benevolence”. These should stand for what is not to be expected at court. The books are also allusions and have such titles as “Dr. Cheyne on the Benefits of a Spare Diet”, “The Life of Old Elwes, a famous miser” and “Essay on the Dearness of Provisions”. It adds to the general at-

mosphere of severe economy. At the same time the heavy chest at the King’s feet and the safe with the table of interest behind the Queen show that their efforts are well-justified and rewarded. The scales at the mantelpiece demonstrate equality, impartialness and balance.

Fig. 5. Queen Charlotte, spouse of George III, King of Great Britain and Ireland *цынпызу* Георга III

Fig. 6. George III, King of Great Britain and Ireland²

Fig. 7. *Frying Sprats / Toasting Muffins*³

¹ Сайт Национальной портретной галереи (The National Portrait Gallery). URL: <https://www.npg.org.uk/>; <https://www.nationalgallery.org.uk/paintings/sir-thomas-lawrence-queen-charlotte> (accessed: 11.10.2024).

² Сайт Национальной портретной галереи (The National Portrait Gallery). URL: <https://www.npg.org.uk/>; <https://www.npg.org.uk/collections/search/portraitExtended/mwo2455/King-George-III> (accessed: 11.10.2024).

³ Сайт Британского музея (The British Museum). URL: <https://www.britishmuseum.org/>; <https://www.james-gillray.org/pop/sprats.html> (accessed: 11.10.2024). © Trustees of the British Museum.

“Frying Sprats” and “Toasting Muffins” (Fig. 7) were intended as parodies of companion portraits of man and wife. Of interest may be the contrast between these cartoons and the real official portraits of King George III and Queen Charlotte (Fig. 5, 6). In the cartoon both spouses are preparing their family supper and breakfast, thus, “Temperance enjoying a Frugal Meal” creates the extension for these portraits. The fire is used in a very economical way, both for heating and cooking and boiling the kettle. The clothes are not appropriate for aristocracy, being cheap, untidy, mismatched, and showing signs of repair. The garter of the king bears the motto: ‘Honi soit qui mal y pense’ – ‘Shame on him who thinks evil of this’. It is the Anglo-Norman maximum further connected with the Order of Garter. Here it is a sure allusion to what is happening in the cartoon. The inscription below gives the first two lines of the popular song from the comic opera “The Duenna”: “Ah, sure a pair was never seen, / So justly formed to meet by nature...”. The next rhyming lines are “The youth excelling is in mien / The maid in every grace of feature”. As the couple is definitely not excelling in these, the main object of parody becomes their domestic economising, which brings coins to the pocket. Yet another aspect is added by the fact that the libretto for the opera was written by R. Sheridan – an ardent critic of the official line and a talking head of the Whigs party. Thus, even he cannot but pay due to the royal couple, although it is definitely an irony.

As for the assignments on the basis of such data, they should be problem-based in general character. The first stage should imply various techniques of decoding. The more complex the material, the better. The students would evidently benefit from being introduced to and themselves suggesting a variety of interpretations. This process should come together with a prolific study of historic and lexicographic sources. Such decoding should include both graphic and verbal constituents and should be done step-by-step accurately following the previously designed algorithm. Comparison of the results within the group would be welcome.

While giving instructions, it is worth taking into account the interdisciplinary connections and relying on these data illustrate different ways and angles of analytical procedures or, a better way still, lead the students to such results. It would also assist in building and accumulating practical language skills, linguistic awareness and assurance. These competences cannot be overestimated when in future students become exposed to the hard realities of interpreting and other spheres of mediation.

Yet another, very important, component is connected with students becoming researchers and their potential in reading, perception, interpreting, predicting and producing various types of information, which arrive in multi-channeled formats and require the skill to interpret simultaneously both direct and transferred, verbal and polycode meanings. Such research-oriented assignments should also be included in the process. Activities may be done in a large group, especially when just explaining certain steps with the students not being that active. However, to achieve more

tangible results, we would recommend opting for small group, tandem activities or individual projects. The instructor should spare no effort in correcting the procedure steps, being taken by the students, explaining their own findings and going beyond, thus showing or sometimes pretending a little bit how important the student’s results are. A bit of “white” lie in estimating the value of results would not harm anyone. On the contrary, it should create for the students the situation of success and let them think that next time they could achieve even more. If deplorable results sometimes may occur, they should not be criticised but rather patiently and tactfully corrected *together* with the student or in the group. It may also assist in demonstrating certain procedures unknown to the students, thus, making them aware of structural, axiological and pragmatic potential of the text under analysis. Each next step would allow them to do more on their own. It would be also better to choose such polycode texts, which are built on the same principles, include the same or very similar images, tropes, cognitive models and metaphors. These would soon become easily recognisable, and you can introduce another type of semiotic interconnections.

As such texts are semiotic blends, they often require blending of research and analytical procedures. It should become the next goal as your students become more aware of more simple steps. It may also produce a good subject for discussion and practicing. At this stage the instructors may also take their time and let the students go at their own pace, taking wrong turns arriving nowhere. It would further allow showing potential risks of the analytical and research algorithms not being properly designed or followed.

Another big group of assignments may include prediction of possible practical spheres for the results. While doing this, the instructor should consider the environment of the day, the character of possible or real threats and challenges. Among them are those connected with the implementation of new manipulation strategies and techniques, ideological coding on the basis of AI and polycode systems.

Conclusion

By and large, we would like to emphasise that our research illustrates the ways how we may assist in forming the culture of interpretation and design for the new text formats. Such texts need to be given their due attention because they often become not only the source of entertainment. They easily turn into a powerful tool for marketing techniques, social engineering, manipulation, formation and imposing of stereotypes, eradication of existing axiological norms and values. It justifies the necessity for the students to be more frequently exposed to special educational techniques, which would result in the formation of new professional competences, polycode competence and awareness being part of them. In their turn, these educational techniques should be designed on the solid ground of other professional techniques, including those of linguistics, social and political studies. This would bring together on a wider scope the results of various scientific knowledge and make the process of linguistic training more profound and science-oriented.

Литература

- Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII – первой трети XIX века / сост. В. М. Успенский. – М. : Арт-Волхонка, 2016. – 352 с.
- Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
- Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
- Большаянова, Л. С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Большаянова. – Л. : [б. и.], 1986. – 17 с.
- Ейгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–110.
- Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
- Михеев, А. В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста / А. В. Михеев // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. – М. : Издательство Института языкознания РАН, 1987. – С. 190–199.
- Молчанова, Г. Г. Генеральная поликодность коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? / Г. Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 9–16.
- Пойманова, О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Пойманова. – М. : [б. и.], 1997. – 237 с.
- Протченко, А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Протченко. – Самара : [б. и.], 2006. – 229 с.
- Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 108–186.
- Руженцева, Н. Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе : коллективная монография / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2015. – 253 с.
- Тарасов, Е. Ф. Креолизованный текст. Смысловое восприятие : коллективная монография / Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. – М. : Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
- Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 42–48.
- Шустрова, Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура / Е. В. Шустрова. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2014. – 370 с.
- Bearne, E. *Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text* / E. Berne. – United Kingdom Literacy Association, 2010. – 44 p.
- Benson, Ph. *The Discourse of YouTube: Multimodal Text in a Global Context* / Ph. Benson. – Routledge : Taylor & Francis Group, 2016. – 125 p.
- Carroll, N. *A note on film metaphor* / N. Carroll // *Theorizing the Moving Image*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 212–223.
- Exploring Multimodal Composition and Digital Writing* / ed. by R. E. Ferdig, K. E. Pytash. – USA : IGI Global, 2014. – 352 p.
- Forceville, Ch. *Multimodal Metaphor* / Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. – 430 p.
- Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric* / ed. by E. F. McQuarrie, B. J. Phillips. – Armonk, New York : ME Sharpe, 2008. – 330 p.
- Koller, V. *Branding Images: Multimodal Metaphor in corporate branding messages* / V. Koller // *Multimodal Metaphor*. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. – P. 45–72.
- Kress, G. *Reading Images: The Grammar of Visual Design* / G. Kress, T. Van Leeuwen. – London ; New York : Longman, 2006. – 292 p.
- Liaw, M.-L. *Guest Editorial: Contextualized Multimodal Language Learning* / M.-L. Liaw, H.-I. Chen // *Educational Technology & Society*. – 2023. – No. 26 (3). – P. 1–4. – [https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26\(3\).0001](https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26(3).0001).
- Marchand, R. *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920–1940* / R. Marchand. – California : California University Press, 1986. – 448 p.
- McNeill, D. *Gesture and Thought* / D. McNeill. – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 328 p.
- Müller, C. *Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking: A Cognitive approach to Metaphors in Language Use* / C. Müller. – Habilitationsschrift, Freie Universität Berlin, Germany, 2004. – 290 p.
- Multimodal Discourse Analysis* / ed. by K. L. O'Halloran. – London ; New York : Continuum, 2004. – 256 p.
- Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights* / ed. by W. L. Bowcher. – UK : Palgrave Macmillan, 2012. – 330 p.
- Stošić, L. *The potential of IT tools in foreign language acquisition: A comparative assessment* / L. Stošić, F. D. Guillén-Gámez // *Training, Language and Culture*. – 2024. – No. 8 (4). – P. 95–108.
- Swallow, D. *Design thinking in education: A paradigm shift in language learning* / D. Swallow, B. Tomalin // *Training, Language and Culture*. – 2024. – No. 8 (4). – P. 86–94.

Trklja, A. A Corpus Approach to Semantic Transformations in Multisemiotic Texts / A. A. Trklja // *Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework* / ed. by A. Maiorani, Ch. Christie. – New York ; London : Routledge ; Taylor & Francis Group, 2014. – P. 159–173.

Ventola, E. Perspectives on Multimodality / E. Ventola, Ch. Cassily, M. Kaltenbacher. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2004. – 249 p.

Whittock, T. *Metaphor and Film* / T. Whittock. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 178 p.

References

Anatomiya smekha. Angliiskaya karikatura XVIII – pervoi treti XIX veka [Anatomy of Laughter. English Cartoon of 18th – First Third of 19th Centuries]. (2016). Moscow, Art-Volkhonka. 352 p.

Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Text Linguistic Studies and Cross-Cultural Communication]. Moscow, Akademiya. 128 p.

Bearne, E. (2010). *Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text*. United Kingdom Literacy Association. 44 p.

Benson, Ph. (2016). *The Discourse of YouTube: Multimodal Text in a Global Context*. Routledge, Taylor & Francis Group. 125 p.

Bernatskaya, A. A. (2000). K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [About the So-called Text Creolization: History and the Present State]. In *Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik*. Issue 3 (11), pp. 104–110.

Bolshyanova, L. S. (1986). *Verbal'noe soprovozhdenie fotoizobrazheniya v sovremennoi britanskoi presse: sodержanie i struktura* [Verbal Means of Photo Enhancement in Modern UK Mass-Media: Content and Structure]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad. 17 p.

Bowcher, W. L. (Ed.). *Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights*. UK, Palgrave Macmillan. 330 p.

Carroll, N. (1996). A note on film metaphor. In *Theorizing the Moving Image*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 212–223.

Chudinov, A. P., Segal, N. A. (2024). Metaforicheski obraz Rossii v ukrainiskikh kanalakh Telegram 2022–2024 gg. [The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022–2024]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 3 (105), pp. 42–48.

Ferdig, R. E., Pytash, K. E. (Eds.). *Exploring Multimodal Composition and Digital Writing*. USA, IGI Global. 352 p.

Forceville, Ch., Urios-Aparisi, E. (2009). *Multimodal Metaphor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter. 430 p.

Jager, G. V., Ucht, V. L. (1974). K postroeniyu tipologii tekstov [About Text Typology]. In *Lingvistika teksta: materialy nauchnoi konferentsii pri MGPIYa im. M. Toreza*. Part I. Moscow, pp. 103–110.

Koller, V. (2009). Branding Images: Multimodal Metaphor in corporate branding messages. In *Multimodal Metaphor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 45–72.

Kress, G., Van Leeuwen, T. (2006). *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, New York, Longman. 292 p.

Liaw, M.-L., Chen, H.-I. (2023). Guest Editorial: Contextualized Multimodal Language Learning. In *Educational Technology & Society*. No. 26 (3), pp. 1–4. [https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26\(3\).0001](https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26(3).0001).

Marchand, R. (1986). *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920–1940*. California, California University Press. 448 p.

McNeill, D. (2005). *Gesture and Thought*. Chicago, University of Chicago Press. 328 p.

McQuarrie, E. F., Phillips, B. J. (Eds.). *Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric*. Armonk, New York, ME Sharpe. 330 p.

Mikheev, A. V. (1987). O nekotorykh tipakh vzaimodeistviya izobrazheniya i teksta [About Some Types of Interaction between Caption and Text]. In *Tipy kommunikatsii i sodержatel'nyi aspekt yazyka*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta yazykoznaniiya RAN, pp. 190–199.

Molchanova, G. G. (2021). General'naya polikodovost' kommunikativnykh modusov. Kakoi on, chelovek novogo pokoleniya? [General Polycode Character of Communicative modes. What is He, a Man of the New Generation?]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 9–16.

Müller, C. (2004). *Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking: A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use*. Habilitationsschrift, Freie Universität Berlin, Germany. 290 p.

O'Halloran, K. L. (Ed.). (2004). *Multimodal Discourse Analysis*. London, New York, Continuum. 256 p.

Poymanova, O. V. (1997). *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta* [Semantic Plane of Videoverbal Text]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 237 p.

Protchenko, A. V. (2006). *Tipologicheskie i funktsional'no-stilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo putevoditelya* [Typological and Functional-stylistic Characteristics of English Guide-books]. Dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 229 p.

Ruzhentseva, N. B., Shustrova, E. V., Voroshilova, M. B. (2015). *Yumor i ironiya v politicheskom diskurse* [Humour and Irony in Political Discourse]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 253 p.

Shustrova, E. V. (2014). *Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura* [Barack Obama and Modern American Cartoon]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 370 p.

- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized Texts and Their Communicative Function]. In *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. Moscow, Nauka, pp. 108–186.
- Stošić, L., Guillén-Gámez, F. D. (2024). The Potential of IT Tools in Foreign Language Acquisition: A Comparative Assessment. In *Training, Language and Culture*. No. 8 (4), pp. 95–108.
- Swallow, D., Tomalin, B. (2024). Design Thinking in Education: A Paradigm Shift in Language Learning. In *Training, Language and Culture*. No. 8 (4), pp. 86–94.
- Tarasov, E. F., Nistratov, A. A., Matveev, M. O. (2020). *Kreolizovannyi tekst. Smyslovoe vospriyatie* [Creolized Text. Semantic Perception]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN. 206 p.
- Trklja, A. (2014). A Corpus Approach to Semantic Transformations in Multisemiotic Texts. In Maiorani, A., Christie, Ch. (Eds.). *Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework*. New York, London, Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 159–173.
- Ventola, E., Cassily, Ch., Kaltenbacher, M. (2004). *Perspectives on Multimodality*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins. 249 p.
- Whittock, T. (1990). *Metaphor and Film*. Cambridge, Cambridge University Press. 178 p.
- Zhinkin, N. I. (1982). *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as Information Vehicle]. Moscow, Nauka. 159 p.

Данные об авторах

Шустрова Елизавета Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620087, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 51.
E-mail: shustrovaevz@bk.ru.

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Authors' information

Shustrova Elizaveta Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Chudinov Anatoly Prokopyevich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 20.02.2025; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 20.02.2025; date of publication: 28.03.2025

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1-21(Островский А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-40-48.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,46.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ КАТЕРИНЫ КАБАНОВОЙ: ОПЫТ ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ДРАМЫ А. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»

Большев А. О.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0974-2145>

SPIN-код: 8538-8826

А н н о т а ц и я. Основная цель статьи заключается в реинтерпретации драмы А. Островского «Гроза» на основе принципов психобиографического подхода, который предполагает необходимость поиска и анализа в литературно-художественном тексте исповедального импульса. Гипотеза, положенная в основу статьи, состоит в том, что пьеса была написана Островским в период страстного увлечения актрисой Л. Косицкой, которая и стала прототипом главной героини «Грозы»; соответственно, драматурга волновали не столько социально-нравственные проблемы тогдашнего русского общества, сколько специфические особенности личности его возлюбленной. Косицкая была чрезвычайно стихийной натурой, она принимала решения и совершала поступки (особенно в любовно-семейной сфере своей жизни), прислушиваясь исключительно к внутреннему голосу и не обращая внимания на рационально-логические резоны. В значительной степени такова же и Катерина Кабанова – главная героиня драмы «Гроза». Традиционная трактовка произведения основана на том, что трагическая судьба Катерины обусловлена воздействием внешней среды: в соответствии с этой точкой зрения героиня – жертва уродливых порядков, жестоких нравов или сложных исторических процессов (таких, например, как кризис и разрушение традиционного патриархального уклада). В произведении, действительно, важное место занимает изображение общественного неблагополучия, однако, несмотря на это, первопричиной произошедшего с Катериной, как показывает анализ, явилось роковое замужество, ставшее результатом ее собственного добровольного выбора (версия, согласно которой героиню выдали замуж вопреки ее воле, вступает в противоречие с сюжетно-смысловыми реалиями текста). Таким образом предпринятое исследование приводит к выводу, что трагедия Катерины в значительной мере объясняется фактором ее специфической стихийно-иррациональной ментальности. Образ главной героини «Грозы» следует рассматривать в контексте конфликта «головой и сердца», который во многом определял культурно-идеологическую атмосферу, характерную для русского общества тогдашней эпохи, когда женская эмансипация воспринималась как бунт эмоционального начала против рассудочности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Островский; «Гроза»; Катерина; Косицкая; стихийность

Д л я ц и т и р о в а н и я: Большев, А. О. Подлинная жизнь Катерины Кабановой: опыт психобиографического прочтения драмы А. Островского «Гроза» / А. О. Большев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 40–48. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-40-48.

THE REAL LIFE OF KATERINA KABANOVA: AN EXPERIENCE OF PSYCHOBIOGRAPHICAL READING OF A. OSTROVSKY'S DRAMA "THE STORM"

Alexander O. Bolshev

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0974-2145>

A b s t r a c t. The main objective of the article is to reinterpret A. Ostrovsky's drama "The Storm" based on the principles of the psychobiographical approach, which presupposes the need to search for and analyze the confessional impulse in the literary text. The hypothesis underlying the article is that the play was written by Ostrovsky during his passionate infatuation with the actress L. Kositskaya, who became the prototype of the main character of "The Storm"; accordingly, the playwright was concerned not so much with the social and moral problems of the Russian society of that time, but with the specific personality traits of his beloved. Kositskaya was an extremely spontaneous person; she made decisions and took actions (especially in the love and family sphere of her life), listening exclusively to her inner voice and not paying attention to rational and logical reasons. To a large extent, Katerina Kabanova, the main character of the drama "The Storm", has a very similar disposition. The traditional interpretation of the work is based on the fact that Katerina's tragic fate is determined by the influence of the external environment: according to this point of view, the character is a victim of ugly traditions, cruel morals or complex historical processes (such as, for example, the crisis and destruction of the traditional patriarchal order). The depiction of social unrest occupies a truly important place in the work, however, despite this, the root cause of what happened to Katerina, as the analysis shows, was the fatal marriage, which was the result of her own voluntary choice (the version according to which the main character was married against her will contradicts the plot and se-

matic realities of the text). Thus, the undertaken research leads the reader to the conclusion that Katerina's tragedy should be largely attributed to the factor of her specific spontaneously irrational mentality. The image of the main character of "The Storm" should be considered in the context of the conflict between the "head and the heart," which largely determined the cultural and ideological atmosphere characteristic of the Russian society at that time, when women's emancipation was perceived as a rebellion of the emotional principle against rationality.

Key words: Ostrovsky; *The Storm*; Katerina; Kositskaya; spontaneity

For citation: Bolshev, A. O. (2025). The Real Life of Katerina Kabanova: An Experience of Psychobiographical Reading of A. Ostrovsky's Drama "The Storm". In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 40–48. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-40-48.

Современники А. Островского в большинстве своем увидели в «Грозе» социально-обличительное произведение, направленное против архаических законов и порочных нравов русского общества. В контексте крайне злободневного для тогдашней эпохи «женского вопроса» пьеса была прочитана как история жертвы патриархально-домостроевского уклада, против воли выданной замуж родителями, а затем, под влиянием страсти, вступившей в запретную любовную связь и, вследствие травли в семье супруга, покончившей с собой. Подобная трактовка «Грозы» дожила до наших дней – правда, ограничиваясь в основном рамками школьного изучения пьесы.

Разумеется, далеко не вся современная Островскому критика усмотрела в пьесе осуждение жестокости семейно-бытового деспотизма и призыв к радикальным преобразованиям. Например, М. Достоевский, отказываясь видеть в главной героине «Грозы» жертву «темного царства», посчитал ее «жертвой собственной чистоты и своих верований» [Достоевский 1990: 150]. Для Д. Писарева же Кaterина, которую он назвал «полоумной <...> визионеркою» [Писарев 1990b: 298], была скорее жертвой собственной деструктивности, порожденной темнотой и предрассудками: «Вся жизнь Кaterины состоит из постоянных внутренних противоречий; она ежеминутно кидается из одной крайности в другую; она сегодня раскаивается в том, что делала вчера, и между тем сама не знает, что будет делать завтра...» [Писарев 1990a: 255].

Но, несмотря на различия в подходах, великая драма воспринималась критиками главным образом в качестве достоверного отображения и художественного исследования российской действительности того времени. Надо сказать, что и современные интерпретаторы, отказываясь от школьно-хрестоматийного редуционизма, обычно склонны объяснять драму Кaterины всякого рода социально-историческими факторами¹. Показательным примером в данном случае является развернутая в исследованиях А. Журавлевой оригинальная трактовка «Грозы» как трагедии, обусловленной столкновением двух исторических

эпох: «Если понимать гибель Кaterины как результат столкновения со свекровью, видеть в ней жертву семейного гнета, то масштаб героев, действительно, выглядит мелковато для трагедии. Но если увидеть, что судьбу Кaterины определило столкновение двух исторических эпох, то трагедийный характер конфликта окажется бесспорным» [Журавлева 1998: 39]. С точки зрения Журавлевой, Кaterина воплощает дух патриархального мира, его идеалы «всепронизывающей взаимной любви», основанные на гармонии личности с целостной системой незыблемых традиций и морально-поведенческих норм. Однако патриархальный уклад в «Грозе» изображен в стадии надлома и деструкции: «Кaterина живет в эпоху, когда сам дух этой морали – гармония между отдельным человеком и нравственными представлениями среды – исчез и окостеневшие формы отношений держатся только на насилии и принуждении. Ее чуткая душа уловила это» [Там же: 44]. Итак, по Журавлевой, Кaterина является жертвой глобальных исторических сдвигов, связанных с разрушением патриархального мира.

Что ж, нельзя недооценивать фактор внешнего давления, которому подвергается Кaterина, однако не следует забывать, что перед нами прежде всего любовная история, и в ее координатах весьма важным регулятором оказывается воля самой героини. В предлагаемой читателю статье предпринята попытка психобиографического прочтения «Грозы». Психобиографический подход как методологический инструментарий, яркой демонстрацией эффективности которого стала монография А. Жолковского «Михаил Зощенко: поэтика недоверия» [Жолковский 1999], нацеливает интерпретатора на поиск в литературно-художественном тексте исповедального импульса: акцент переносится с внешних факторов на сокровенные персональные проблемы автора.

Чаще всего литературная love-story вырастает из персонального жизненного опыта автора: писатель использует творческий процесс для того, чтобы, воскресив в памяти пережитую любовную ситуацию (нередко болезненно-травматичную), как бы заново психологически погрузиться в нее в фикциональном мире создаваемого текста². Отчасти подобным образом возникла и любовная история, составляющая сюжетно-смысловую основу «Грозы». Хорошо известно, что Островский в период работы над пьесой был влюблен в актрису Любовь Павловну Косицкую. Любовная связь драматурга и актрисы, возникшая в конце 1850-х,

¹ Едва ли не единственным исключением в этом плане представляется психоаналитическая трактовка «Грозы», предложенная В. Рудневым, в координатах которой «пружиной интриги драмы вовсе не является социально-бытовое начало» – Кaterина погибает «в силу своей шизоимности» [Руднев 2001: 15, 17]. К сожалению, исследователь, увлекшись диагностикой персонажей, практически не уделил внимания целевым установкам автора, демиургической волей которого структурирован текст пьесы.

См. об этом подробнее: [Большев 2013].

продолжалась в течение нескольких лет. Косицкая, судя по всему, относилась к Островскому с бесконечным уважением, называла его «добрым другом» [Лакшин 2004: 480], но не испытывала к нему по-настоящему сильной любви. «Она просто жалеет его, уклоняясь от решительного ответа на единственно важный ему вопрос: любит ли она?» [Там же]. Между тем сам драматург был охвачен подлинной страстью и очень надеялся на взаимность. «Но время неизбежно и грубо приводит к ясности всякую неопределенность. Год ли, два теплилась их близость, не упрочиваясь вполне, но и не приводя к разрыву, пока Косицкая не потеряла голову, отчаянно влюбившись в купеческого сына Соколова» [Там же]. Эгоистичный и безответственный молодой повеса, прокутив собственное состояние, вскоре растратил и деньги актрисы, а потом бросил ее. Несомненно, этот удар ускорил кончину Косицкой – она умерла 17 сентября 1868 года в сорокадвухлетнем возрасте.

Разумеется, объявлять «Грозу» художественной репрезентацией биографического опыта ее автора было бы неоправданной натяжкой. Пьеса, написанная задолго до разрыва с Косицкой, на начальном, достаточно благополучном этапе отношений, когда ничто не предвещало катастрофической развязки, не имеет прямого отношения к любовной истории Островского. И все же трагическая судьба Катерины стала порождением напряженных раздумий и переживаний драматурга, связанных именно с персональной любовной ситуацией: «Пока Островский писал пьесу, легкая тень Косицкой падала на рукопись...» [Лакшин 2004: 480]. Слушая рассказы актрисы о своей жизни, всматриваясь в ее внутренний мир, Островский с проницательностью гения разглядел контуры трагического исхода, вероятность (и даже неизбежность) которого предопределялась не столько неблагоприятными внешними факторами, сколько глубинными свойствами личности его возлюбленной.

Загадка рокового замужества

Обратимся прежде всего к внесценическому событию, которое сыграло ключевую роль в судьбе Катерины, – к вступлению красивой и харизматичной девушки, на которую, по ее признанию, заглядывались парни, в брак с инфантильным, безвольным и лишенным мужской привлекательности алкоголиком Тихоном, в доме которого героиня вынуждена терпеть бесконечные незаслуженные попреки вздорно-деспотической свекрови. Очевидно, что прямым следствием злосчастного и рокового замужества стали все дальнейшие ситуации и коллизии, составляющие сюжетную основу пьесы: непреодолимое влечение Катерины к Борису Дикому (вспыхнувшее довольно скоро), тайные ночные свидания, публичное признание в супружеской измене, жестокая травля со стороны Кабанихи и, наконец, суицид. И в этой связи возникает вопрос о причинах, которые могли заставить героиню заключить, вопреки всем рационально-логическим резонам, такой, поистине са-

моубийственный, брачный союз. Конечно же, некоторые изъяны жениха (например, алкогольную зависимость) нелегко было обнаружить в ходе сватовства, но можно ли было не заметить, что личность Тихона необратимо деформирована, в силу чего он не имеет собственной воли и бездумно исполняет любые прихоти злобной матери?

Невольно возникает мысль о том, что Катерина не могла добровольно обречь себя на такие страдания – а стало быть, речь должна идти о вынужденном подчинении родительской воле. Именно версия о замужестве по принуждению родителей позволяла первым интерпретаторам пьесы хоть как-то объяснить логику мезальянса, который с необратимостью обрек Катерину на гибель. Мифологема насильственного замужества удачно вписывалась в трактовку «Грозы» как произведение, избобличающего патриархально-домостроевский деспотизм. В этом плане очень характерным примером представляется комментарий П. Мельникова-Печерского, известного писателя и выдающегося знатока национальных семейно-бытовых реалий.

Катерина (главное лицо в драме) выдана замуж в другой город за купеческого сына Тихона Кабанова. По патриархальному домостроюному обычаю – она *выдана* замуж, а не *вышла*. Ее не спрашивали, любит ли она Тихона, ее выдали по благословению родителей за немилого, в той надежде, что, дескать, «стерпится – слюбится» [Журавлева 1998: 103–104]. «Катерину *выдали*, она не *вышла* замуж. Домостроюный брак не по своей, а по родительской воле до того утвердился в быте нашего народа, что самая форма “*вышла замуж*” никогда не встречается в разговорном языке купеческого, мещанского и крестьянского круга, никогда не встречается в песнях семейных и свадебных, этих вернейших выражениях народного быта. Эта форма заменяется другою: “*выдана замуж*”. Но отдача замуж, почти всегда столь же отрадное для девушки, сколько отдача в рекруты для молодого парня, не коренное, не исконное правило нашего народного быта – оно тоже принадлежит к числу драгоценностей, доставшихся нам в наследство от темного Сарая и канонизированных византийскими попрошайками, толпой нахлынувшими в освобожденную от татарского ига Россию из попавшего в то время под власть другой ветви татар – османов, Цареграда. Да, *отдача* замуж дочерей – обычай, заимствованный у татар, покупающих жену как вещь, дающих за нее калым» [Мельников-Печерский 1990: 106–107].

Однако, при всей кажущейся логичности и убедительности, версия о насильственной выдаче замуж вступает в слишком явное противоречие с текстовыми реалиями. Всякий раз критики, повторявшие этот ключевой для школьно-хрестоматийной трактовки пьесы постулат, либо вообще отказывались от каких бы то ни было доказательств, либо же в поисках аргументации выходили за границы фикционального мира «Грозы». Резкая критика, которой Мельников-Печерский подвергает укоренившуюся в тогдашней России

порочную практику насильственной «отдачи замуж», представляется безусловно справедливой, но имеет ли отношение эта отвратительная традиция к судьбе Катерины? Уверенно утверждая, что Катерину выдали за немилого, даже не спросив согласия, критик ссылается отнюдь не на текст произведения, а на патриархально-домостроевский кодекс, власть которого носила в тогдашней России якобы тотальный характер. Мельников-Печерский не сомневается, что домостроевским принципам неукоснительно следовали все без исключения купеческие семьи (включая и семейство Катерины) и что именно данная проблематика находилась в центре внимания драматурга. Однако правомерность подобной точки зрения вызывает большие сомнения.

Прежде всего сомнительной представляется уверенность в тотальном и безусловном соблюдении всеми мещанско-купеческими семьями тогдашней России домостроевских порядков. В современных исследованиях, посвященных особенностям заключения брака в купеческой среде того времени, подчеркивается, что игнорирование воли вступающих в брак было характерно лишь для тех семей, в которых царила родительская строгость: «Обязательным условием была добрая воля вступающих в брак. Однако в семьях с авторитарной моделью отношений отцов и детей такое согласие нередко бывало вынужденным, т. к. пары складывались не сами по себе, а подбирались родителями. Дети, как правило, в таком случае не протестовали и вынуждены были смириться» [Бабушкина 2009: 335]. Между тем внимательное чтение пьесы убеждает: атмосфера, царившая в семье Катерины, явно противоречила домостроевским нормам.

В воспоминаниях Катерины о детстве и отрочестве ничего похожего на «родительский деспотизм» не обнаруживается.

Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы – у нас полон дом был странниц да богомолков. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было! [Островский 1974: 221].

Семья, в которой росла Катерина, явно не бедствовала, имела возможность содержать большое количество странниц и богомолков, а потому вряд ли нуждалась в скоропалительном браке по расчету. Но прежде всего в монологах Катерины бросается в глаза не материальный достаток семьи (богатство вовсе не исключает родительского деспотизма), а атмосфера любви и обожания, окру-

жавшая наряженную, как кукла, героиню, которая наслаждалась абсолютной свободой.

В высшей степени характерным представляется эпизод из детской жизни Катерины, о котором она рассказывает Варваре в начале второго действия: «Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!» [Островский 1974: 227]. Судя по реакции шестилетнего ребенка на обиду (вероятно, мнимую: не случайно героиня не может вспомнить, чем тогда провинились перед ней родители), можно предположить, что никакого гнета и деспотизма до замужества в ее жизни не существовало.

Итак, воспитывая ребенка, родители Катерины явно не следовали домостроевским правилам. Можно ли поверить, что именно в ситуации сватовства и замужества они вдруг решили резко изменить отношение к дочери и перейти от безграничной любви и терпимости к тирании?

Впрочем, версия об отсутствии родительского гнета может вызвать сомнения, поскольку она основана исключительно на рассказах Катерины. А что, если героиня приукрашивает (разумеется, бессознательно) свое прошлое? Надо признать, что содержание пьесы отчасти дает основания для подобных предположений: многие утверждения и самопрезентационные характеристики Катерины действительно обнаруживают заведомо фантазийный характер. Оказавшись в ситуации напряженной борьбы между охватившей ее греховной страстью и супружеским долгом, героиня порой пытается спрятаться от пугающей действительности в мире собственных грез. Кризис повествовательной аутентичности достигает кульминации в момент, когда героиня прощается с Тихоном и принимает решение о вступлении в любовную связь с Борисом. Проводив супруга, Катерина произносит монолог о благостном образе жизни, который будет вести до его возвращения: «А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостинный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня богу помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша придет» [Островский 1974: 234]. Однако через минуту берет из рук Варвары ключи от калитки, ведущей к месту будущих ночных свиданий с любовником. Далее Катерина говорит о необходимости избавиться от ключа: «Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. <...> Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал?» [Там же: 235]. Однако тут же кардинально меняет свои планы: «Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..» [Там же: 235]. Почему бы не допустить, что и в монологах о жизни в родительском доме героиня отворачивается от горестных реалий, идеализируя свое недавнее прошлое?

Однако анализ текста драмы убеждает в несо-

стоятельности подобного допущения. Дело в том, что все заведомо фиктивные самопрезентационные комментарии Катерины немедленно дезавуируются. И когда Катерина декларирует любовь к Тихону или планирует в отсутствие мужа шить белье и раздавать его бедным, эти (и тому подобные) высказывания опровергаются либо ее же собственными противоположными по смыслу репликами, либо объективной логикой событийного ряда. Что же касается восторженных монологов героини о родительском доме, то содержащаяся в них идиллическая версия ее дозамужней жизни остается в пьесе недезавуированной.

Очевидно, в ходе реконструкции особенностей Катеринино прошлого необходимо прежде всего опираться на авторскую позицию, находящую выражение в объективной логике как характера героини, так и мотивно-смысловой структуры пьесы в целом. Речь должна идти именно о целевых установках автора пьесы: и самом деле, если бы Островский действительно стремился показать трагедию несчастной жертвы уродливых социально-экономических порядков и патриархально-домостроевских предрассудков, то он бы по меньшей мере поставил под сомнение аутентичность благостных Катерининых воспоминаний о родительском доме. Между тем Катерина настойчиво характеризует себя как личность, привыкшую к свободе, – и все ее поступки подтверждают достоверность этой самопрезентации.

Во втором действии Катерина заявляет: «Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!» [Островский 1974: 227]. О том, что это не пустые слова, свидетельствует ночной демарш, которым отреагировала шестилетняя героиня на обиду (очевидно, пустяковую), уплыв за десять верст от дома. Незачем напоминать, чем закончились попытки Кабанихи посадить уже замужнюю Катерину под замок. Легко представить, как повела бы себя героиня при попытке навязать ей брак, которого она категорически не желала.

Ни о каком силовом давлении на героиню с подобной ментальностью в ситуации сватовства и замужества не могло быть и речи. Катерину действительно выдали замуж («Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось...» [Островский 1974: 227], – говорит ей Варвара), но при этом мнение самой девушки не могло быть проигнорировано. Очевидно, что Катерина *дала согласие* на брак. Героиня по собственной воле вступила на гибельный путь к попрекам, унижениям, а потом и травле. Вопрос о причинах, которые подвигли ее на этот, поистине роковой для нее, шаг, является принципиально важным.

Мироощущение Катерины

В поисках ответа на вопрос о мотивах, побудивших Катерину согласиться на роковое замужество, обратимся к двум эпизодам, где Катерина в беседах с Варварой высказывает мысль о жалости

как первооснове любви:

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?
Варвара (глядя в сторону). Разумеется, жалко.
Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня?
(Крепко целует.)

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!
Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти [Островский 1974: 220].

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.
Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь [Островский 1974: 227].

Судя по этим рассуждениям, можно предположить, что в ситуации замужества Катерины сыграло роль именно охватившее героиню острое чувство жалости к Тихону Кабанову. Вероятно, Катерина пожалела несчастного молодого человека, от природы доброго (и даже неглупого), который стал жертвой уродливо-гипертрофированной материнской любви. В любом случае очевидно, что замужество явилось всецело импульсивной акцией Катерины, следствием эмоционального порыва – впрочем, как и другие ее значимые поступки, начиная с ночного волжского демарша в шестилетнем возрасте.

Обращаясь к вопросу о специфике ментальности главной героини, следует отметить характеристику, которую в 5 действии дает Катерине Варвара, знающая ее, безусловно, лучше всех в городе Калинове: «Она ведь чудная какая-то у нас» [Островский 1974: 253]. Очевидно, что *чудной* в глазах окружающих Катерину делают прежде всего иррациональность и стихийность ее поведения – особенности, нашедшие наиболее яркое выражение именно в решении выйти за Тихона. Спонтанность, вследствие которой Катерина, согласно приведенному выше писаревскому комментарию, никогда «не знает, что будет делать завтра», осложняется фактором поистине экстатической религиозной веры:

И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану – у нас тоже везде лампадки горели – да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила – не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно [Островский 1974: 221–222].

Молитвенный экстаз резко отличает Катерину от всех окружающих, так было и в родных местах, и в Калинове – не случайно и Борис обратил

на Катерину внимание именно в церкви: «Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится» [Островский 1974: 244].

Девушка, дозамужняя жизнь которой была столь безмятежной и благополучной, постоянно, буквально днем и ночью, молилась и плакала, не задумываясь о содержании и природе своих молитв и слез, видела ангелов под куполом церкви и слышала их пение. Стихийно возникло у Катерины решение покинуть родительский дом, где ее окружала любовь, и обречь себя на пребывание в кабановском семействе, в котором царила абсолютно чуждая ей атмосфера принуждения и лицемерия. Аналогичным образом, под влиянием своего мистически-визионерского мироощущения¹ героиня бросилась и в омут запретной любви к Борису, которую она сама признавала страшным грехом. Рационально-логический же подход к действительности всегда был чужд героине, с образом которой не случайно соотнесен в драме мотив полета. Разумеется, жестокие нравы города Калинова наложили свой отпечаток на ее судьбу, но в целом же трудно признать Катерину жертвой патриархально-домостроевского деспотизма.

Катерина Кабанова и Любовь Косицкая: черты сходства и различия

В том, что цели драматурга явно выходили за социально-обличительные рамки, убеждает и обращение к запискам Любови Павловны Косицкой, которые «перекликаются эхом с рассказами Катерины о своем детстве и девичестве» [Лакшин 2004: 469]. Читая этот мемуарный текст, мы видим, насколько резко и разительно внешняя, фактологическая сторона биографии актрисы отличается от реалий безмятежной жизни, фигурирующей в монологах Катерины. Косицкая, выросшая в семье крепостных крестьян, справедливо именует собственное детство «горемычным» [Записки... 1878, вып. 1: 73]. Когда Любе было шесть лет, ее отца заковали в кандалы и отправили в острог. Чуть позже (но все в том же шестилетнем возрасте) девочка была зверски избита барыней за ничтожную провинность: «Она била меня до того, что я потеряла память и потому не знаю, сколько и как долго наслаждалась она моими мучениями. Меня отнесли домой полумертвую, и целую неделю у меня из ушей текла кровь» [Там же: 76]. (Напоминаю: именно в этом же шестилетнем возрасте Катерина, усмотрев в поведении обожающих ее родных что-то обидное, в знак протеста уплыла ночью за десять верст от дома). Когда Любе было двенадцать, мать упрекнула ее в дармоедстве, после чего девочка устроилась на работу: «Этот упрек так был горек для меня, что я не могла даже плакать, и не долго думая пошла да и нанялась в горничные, из-за хлеба и платья» [Там же, вып. 2: 281]. Нет необходимости напоминать в этой связи, что Катерину,

даже во взрослом возрасте, маменька «работать не принуждала»: «что хочу, бывало, то и делаю» [Островский 1974: 221]. Конечно же, именно судьба Косицкой была по-настоящему типичной для русской действительности того времени. И если бы Островский на самом деле стремился к разоблачению бесчеловечного гнета, он бы, вне всякого сомнения, акцентировал в воспоминаниях героини те «горемычные» обстоятельства, о которых рассказывала ему Косицкая. Однако драматург не просто избавил свою героиню от кошмарных реалий, которыми была наполнена жизнь ее основного прототипа, но подарил Катерине воистину безмятежно-счастливое, идиллическое по любым меркам существование, продолжавшееся вплоть до замужества.

Итак, в социально-бытовом плане судьбы Любови Косицкой и Катерины Кабановой едва ли не диаметрально противоположны друг другу. В чем же тогда состоит их сходство и подобие? Обратимся к характеристике, которую дал Косицкой В. Лакшин: «Никогда не притворялась – как чувствовала, так и поступала, а чувство управляло ею капризно и изменчиво. Она верила движениям своего сердца, и только им, в сущности, и верила, легко плакала и легко смеялась. Она все могла выговорить – ни себя, ни близких не щадила, и инстинкт искренности делал ее сразу и очень сильной, и совсем незащитной. В смелой правде душевных движений, захватывавших ее до полного забвения себя, условностей, окружающих ее людей, она временами будто слепла» [Лакшин 2004: 467]. Итак, критик подчеркивает прежде всего стихийность личности Любови Косицкой, спонтанность и импульсивность ее поведения – что ж, согласимся: именно эти качества Островский положил в основу характера своей Катерины.

В «Записках» Косицкой без труда обнаруживаются те всецело амбивалентные особенности, которые хорошо знакомы нам по поведению Катерины – например, беспричинные перепады настроения, склонность к религиозно-мистическому визионерству. Вот характерный фрагмент – воспоминание о подростковом периоде жизни:

«Хорошо мне», думала я, «но чего же я хочу еще-то?», и сколько раз безотчетная тоска овладевала мною, сколько раз я хотела бежать далеко-далеко – а куда, сама не знаю. Грудь мне сожмет, слезы хлынут, и я, изнеможенная, упаду на подушку и выплачу свое тайное горе. Иногда страшные видения тревожат меня, под ногами пропасть, а мне идти надо, я кричу и просыпаюсь, и страх нападет на меня; или вдруг рай небесный откроется передо мною, и я наслаждаюсь райскою жизнью, и целая ночь пройдет, и встать не хочется. ... А иногда безотчетная бешеная радость овладевала мною, я пела, прыгала, плясала, как будто горе никогда не касалось до меня [Записки... 1878, вып. 2: 282].

Стихийность Косицкой, ставшая ключевой особенностью личности Катерины, как уже подчеркивалось, предельно ярким образом прояви-

¹ Религиозная вера Катерины, как показано в исследовании Т. Москвиной, специфическим образом совмещает элементы христианства и язычества [Москвина 2010: 53–85].

лась в ситуации, когда актриса отвергла любовь великого драматурга под влиянием воистину слепой страсти к ничтожному инфантильному эгоисту. Этот роковой и всецело добровольный выбор (ибо «она верила движениям своего сердца, и только им, в сущности, и верила») фактически разрушил жизнь Косицкой.

Образ Катерины: литературные параллели

Писарев, как уже отмечалось выше, посчитал Катерину странной персонификацией темных предрассудков и суеверий, потерявшей по ходу сюжета «последний остаток своего ума» [Писарев 1990а: 254], а между тем принцип безусловной веры движениям своего сердца, а также и полного отказа от рассудочных соображений, которому героиня «Грозы» неукоснительно следует (прежде всего в любовной сфере), обнаруживает несомненную связь с культурно-идеологической атмосферой, характерной для русского общества тогдашней эпохи. Эмансипация женщины воспринималась как эмоциональное раскрепощение, высвобождение чувств от оков рассудка и благоразумия: «...бесчувственность и холодность не просто означали личную ущербность – они становились символами несостоятельности духовной и гражданской» [Паперно 1996: 55].

Представляется, что образ Катерины следует рассматривать именно в этом специфическом контексте противостояния «голова и сердца» – в одном ряду с такими необузданно стихийными литературными героинями, как, например, толстовская Наташа Ростова, которая в семнадцатилетнем возрасте под влиянием эмоционального порыва (и вопреки всем рационально-логическим резонам) порывает с благородным, умным и любящим ее женихом Андреем Болконским ради ничтожного развратника Анатоля Курагина. С Катериной толстовскую Наташу сближает соотнесенный с ее образом мотив полета – фактически Болконский полюбил ее в тот момент, когда она ночью рассказывала Соне о желании улететь в небо: «Так бы вот села на корточках, вот так, подхватила бы себя под колени – туже, как можно туже, натужиться надо, – и полетела бы. Вот так!» [Толстой 1955: 157]. Решение отказать жениху и стать «рабой» Курагина¹ Наташа Ростова принимает сугубо спонтанно, а все убедительные возражения Сони вызывают у нее вспышки невротического гнева: «Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. Как ты смеешь говорить, что он неблагороден? Ты разве не знаешь, что я его люблю? – кричала Наташа. – Соня, уйди, я не хочу с тобой ссориться, уйди, ради Бога, уйди: ты видишь, как я мучаюсь, – злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженным и отчаянным голосом» [Там же: 348–349].

Принципиальное отличие Наташи Ростовой от Катерины состоит в том, что спонтанный порыв,

¹ «Как только я увидела его, я почувствовала, что он мой властелин, а я раба его и что я не могу не любить его. Да, раба! Что он мне велит, то я и сделаю», – так характеризует свои чувства к Анатолю Наташа [Толстой 1955: 347].

подчинившись которому толстовская героиня разрушила свой союз с Болконским, в конечном счете, как потом обнаруживается, сыграл благотворную роль и привел ее к любовно-семейному счастью. Ситуации разрыва Наташи с князем Андреем Толстой придавал первостепенное значение, называя ее «узлом всего романа», «самым важным местом романа» [Бочаров 1978: 61]. Помимо всего прочего, действия Наташи, кажущиеся безумными, являются экспликацией толстовского посыла, суть которого А. Жолковский и Ю. Щеглов охарактеризовали следующим образом: «постичь истину можно интуицией, а не рассуждением»; «следует действовать спонтанно, инстинктивно, а не <...> рассчитывать на возможность полного вычисления всех факторов» [Жолковский 2016: 15–16]. Таким образом Наташа, находясь во власти слепых эмоций, как будто бы разрушает свою жизнь, но на самом деле постигает истину интуицией и обеспечивает возможность для подлинной личностной самореализации². Между тем Катерина, положившись на интуицию, вступила в роковой брак, который в конечном счете погубил ее.

Впрочем, известная толстовская склонность к апологии спонтанности не оборачивалась односторонностью и схематизмом, о чем свидетельствует прежде всего судьба еще одной его героини – Анны Карениной. Как убедительно доказывает М. Заламбани, важнейшую роль в романе «Анна Каренина» играет фактор «борьбы разума с чувствами» [Заламбани 2019: 119] – по ходу развертывания сюжета главная героиня произведения отказывается от «благоразумия, прежде господствовавшего в ее жизни благодаря полученному воспитанию»: «Метаморфоза в Анне происходит в тот момент, когда она решает поставить эмоции на первый план» [Там же: 71]. Но, в противоположность Наташе Ростовской, которая, доверившись эмоциям, добилась жизненного успеха, Анну Каренину отказ от благоразумия приводит к катастрофе.

Характерологический комплекс, связанный со стихийной отчаянной иррационального порыва в неведомые дали и бездны, обнаруживается и в литературных образах некоторых отечественных *femme fatales* (а также «падших женщин»). Такова, например, тургеневская княгиня Нелли Р. из романа «Отцы и дети», которая вдребезги разрушила благополучную жизнь сверхуспешного красавца Павла Петровича Кирсанова: «Она слыла за легкомысленную кокетку, с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям, танцевала до упаду, хохотала и шутила с молодыми людьми, которых принимала перед обедом в полумраке гостиной, а по ночам плакала и молилась, не находила нигде покою и часто до самого утра металась по комнате,

² Небесная, возвышенно-платоническая любовь Андрея Болконского к Наташе – это утопический порыв, который обнаруживает в романе роковую несовместимость с форматом земного супружеского союза. В силу неумолимой и непреложной логики человеческого бытия, Наташа позже вступила в брак с Пьером Безуховым, а затем превратилась из «девочки, которая хотела улететь в небо» [Толстой 1955: 158] (так ее называл Болконский), в «сильную плодovitую самку».

тоскливо ломая руки, или сидела, вся бледная и холодная, над псалтырем. <...> Что гнездилося в этой душе – Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил...» [Тургенев 1981: 30–31]. В этот же ряд можно поставить также некоторых героинь Достоевского (прежде всего Настасью Филипповну из «Идиота») и Бунина (прежде всего Марию Сосновскую из «Дела корнета Елагина»).

Бунинская Сосновская, поклонница Шопенгауэра, по-видимому, находилась во власти Танатоса: «жизнь ее была сплошным томлением, непрестанной жаждой уйти прочь от постылого земного мира, где все не то и не то» [Бунин 1966: 289]. Трудно отрешиться от мысли, что и героиня «Грозы», сама того не сознавая, фактически следовала танатотическим путем, поскольку не в силах была принять глубоко несовершенный земной мир, в котором люди не способны летать как птицы. На этот гибельный путь Катерина, как уже подчеркивалось выше, вступила фактически в момент заключения брака с Тихоном Кабановым.

Литература

- Бабушкина, З. Институт семьи в культуре купеческого сословия (30–60-е гг. XIX вв.) / З. Бабушкина // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2009. – Вып. 4. – С. 330–340.
- Большев, А. Морфология любовной истории / А. Большев. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 160 с.
- Бочаров, С. Роман Л. Толстого «Война и мир» / С. Бочаров. – М. : Художественная литература, 1978. – 103 с.
- Бунин, И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 5 / И. Бунин. – М. : Художественная литература, 1966. – 544 с.
- Достоевский, М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского / М. Достоевский // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике : сб. статей. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. – С. 141–160.
- Жолковский, А. Михаил Зощенко: поэтика недоверия / А. Жолковский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 392 с.
- Жолковский, А. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности / А. Жолковский, Ю. Щеглов. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 280 с.
- Журавлева, А. Александр Николаевич Островский. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / А. Журавлева, М. Макеев. – М. : Издательство МГУ, 1998. – 111 с.
- Заламбани, М. Институт брака в творчестве Л. Н. Толстого: «Семейное счастье», «Анна Каренина», «Крейцерова соната» / М. Заламбани ; пер. с итал. К. Ланда. – М. : РГГУ, 2019. – 275 с.
- Записки Л. П. Никулиной-Косицкой, артистки московских театров, 1829–1868 // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – 1878. Январь. – Т. XXI, вып. 1. – С. 65–78; вып. 2. – С. 279–290.
- Лакшин, В. А. Н. Островский / В. Лакшин. – М. : Гелеос, 2004. – 768 с.
- Мельников-Печерский, П. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского / П. Мельников-Печерский // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике : сб. статей. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. – С. 99–121.
- Москвина, Т. В спорах о России: А. Н. Островский: статьи и исследования / Т. Москвина. – СПб. : Лимбус Пресс, 2010. – 312 с.
- Островский, А. Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 2 / А. Островский. – М. : Искусство, 1974. – 807 с.
- Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с.
- Писарев, Д. Мотивы русской драмы / Д. Писарев // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике : сб. статей. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990а. – С. 251–280.
- Писарев, Д. Посмотрим! / Д. Писарев // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике : сб. статей. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990б. – С. 294–300.
- Руднев, В. Поэтика «Грозы» Островского / В. Руднев // Метафизика футбола. – М. : Аграф, 2001. – С. 9–25.
- Толстой, Л. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 10 / Л. Толстой. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 439 с.
- Тургенев, И. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 7 / И. Тургенев. – М. : Наука, 1981. – 559 с.

О собственной смерти как неизбежности главная героиня «Грозы» начинает говорить с самого первого действия: «Я умру скоро. <...> Нет, я знаю, что умру» [Островский 1974: 222]. И далее, на всем дальнейшем протяжении пьесы Катерина настойчиво возвращается к мотиву своей неминуемой гибели – причем смерть для нее неотделима от любви: «...я сама тебя люблю до смерти» [Там же: 220]; «...до смерти я любила в церковь ходить» [Там же: 221]. Не случайно начало любовной связи с Борисом окончательно убеждает ее в скорой смерти: «Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить» [Там же: 246].

Разумеется, мы видим в пьесе «Гроза» отображение деспотизма, равно как и других явлений тогдашней русской действительности, включая процесс разрушения патриархального уклада. Но трагедия Катерины в первую очередь обусловлена фактором специфической максималистско-визионерской ментальности героини, для которой жизнь – это стихийный полет вопреки благоразумию и расчету.

References

- Babushkina, Z. (2009). Institut sem'i v kul'ture kupecheskogo sosloviya (30–60-e gg. XIX vv.) [The Institution of Family in the Culture of the Merchant Class (1830s – 1860s)]. In *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGKhTU*. Issue 4, pp. 330–340.
- Bocharov, S. (1978). *Roman L. Tolstogo «Voina i mir»* [L. Tolstoy's Novel "War and Peace"]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 103 p.
- Bolshev, A. (2013). *Morfologiya lyubovnoi istorii* [Morphology of Love Story]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. 160 p.
- Bunin, I. (1966). *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works, in 9 vols.]. Vol. 5. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 544 p.
- Dostoevsky, M. (1990). «Groza». Drama v pyati deistviyakh A. N. Ostrovskogo ["The Storm". Drama in Five Acts by A. N. Ostrovsky]. In *Drama A. N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sb. statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 141–160.
- Lakshin, V. (2004). *A. N. Ostrovskii* [A. N. Ostrovsky]. Moscow, Geleos. 768 p.
- Melnikov-Pechersky, P. (1990). «Groza». Drama v pyati deistviyakh A. N. Ostrovskogo ["The Storm". Drama in Five Acts by A. N. Ostrovsky]. In *Drama A. N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sb. statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 99–121.
- Moskvina, T. (2010). *V sporakh o Rossii: A. N. Ostrovskii: stat'i i issledovaniya* [In Disputes about Russia: A. N. Ostrovsky: Articles and Studies]. Saint Petersburg, Limbus Press. 312 p.
- Ostrovsky, A. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t.* [Complete Works, in 12 vols.]. Vol. 2. Moscow, Iskusstvo. 807 p.
- Paperno, I. (1996). *Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – a Man of the Era of Realism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.
- Pisarev, D. (1990). Motivy russkoi dramy [Motives of Russian Drama]. In *Drama A. N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sb. statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 251–280.
- Pisarev, D. (1990). Posmotrim! [Let's See!]. In *Drama A. N. Ostrovskogo «Groza» v russkoi kritike: sb. statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 294–300.
- Rudnev, V. (2001). Poetika «Grozy» Ostrovskogo [The Poetics of Ostrovsky's "The Storm"]. In *Metafizika futbola*. Moscow, Agraf, pp. 9–25.
- Tolstoy, L. (1955). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works, in 90 vols.]. Vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 439 p.
- Turgenev, I. (1981). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters, in 30 vols.]. Vol. 7. Moscow, Nauka. 559 p.
- Zalambani, M. (2019). *Institut braka v tvorchestve L. N. Tolstogo: «Semeinoe schastie», «Anna Karenina», «Kreitzerova sonata»* [The Institute of Marriage in the Works of L. N. Tolstoy: "Family Happiness", "Anna Karenina", "The Kreutzer Sonata"]. Moscow, RGGU. 275 p.
- Zapiski L. P. Nikulinoi-Kositskoi, artistki moskovskikh teatrov, 1829–1868 [Notes of L. P. Nikulina-Kositskaya, an Actress of Moscow Theaters, 1829–1868]. (1878). In *Russkaya starina. Ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie*. Vol. XXI. Issue 1, pp. 65–78; issue 2, pp. 279–290.
- Zholkovsky, A. (1999). *Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: The Poetics of Mistrust]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 392 p.
- Zholkovsky, A., Shcheglov, Yu. (2016). *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. Children's Stories by L. Tolstoy and the Poetics of Expressiveness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p.
- Zhuravleva, A., Makeev, M. (1998). *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskii. V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky. To Help Teachers, High School Students and Applicants]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 111 p.

Данные об авторе

Большев Александр Олегович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

E-mail: olegovich1955@mail.ru.

Author's information

Bolshev Alexander Olegovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of History of Russian Literature, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 03.12.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 03.12.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 821.161.1-3(Лесков Н. С.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

**«ПРОЗЁВАННЫЙ ГЕНИЙ»:
ФЕНОМЕН Н. С. ЛЕСКОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

SPIN-код: 7396-4230

А н н о т а ц и я . Жизнь и творчество замечательного русского писателя Н. С. Лескова (1831–1895) не оставляли равнодушными ни его современников, ни литературных последователей. Неоднозначная личность «прозёванного гения» всегда была предметом большого интереса филологов, историков культуры и церкви. Художественные таланты писателя известны читателям по хрестоматийным «Левше», «Очарованному страннику», «Соборьянам». Однако его биография, олицетворяющая нравственные споры и искания русской интеллигенции XIX века, до конца не переосмыслена. Современное литературоведение использует актуальный инструментарий средств, позволяющих по-новому увидеть и проанализировать путь и литературные скитания Н. С. Лескова в кругу исторических и духовных событий той сложной эпохи. Автор статьи ставит задачу раскрыть феномен писателя в русской литературе, показать специфические черты его «художественного филологизма», выделить и обосновать свойства феноменальности Н. С. Лескова сквозь призму суждений литературных критиков и исследователей творчества. Обсуждение личности Н. С. Лескова соотносится с культурно-историческими событиями его времени и личными мотивами. Отмечаются сложный путь вхождения писателя в литературные круги, его непохожесть, стилистические чудачества. Утверждается, что образ Н. С. Лескова многомерен и еще не полностью освоен с точки зрения осмысления его художественно-эстетических и словесных открытий. Статья позволяет современным исследователям прочесть писателя в его откровениях и художественных прозрениях, духовных терзаниях и жизненных противоречиях. Мы высветили и прокомментировали спорные моменты в интерпретации его художественного творчества. Полагаясь на обширный пласт литературоведческой и мемуарной литературы, мы конкретизировали признаки феноменальности Н. С. Лескова. И в этом смысле статья представляет интерес как опыт анализа образа писателя в его динамике, психологической рефлексии, особой литературной эстетике. Подчеркивается, что словесные «аномалии» творчества Н. С. Лескова являются отражением наполненной социальными коллизиями, приключениями и духовно-нравственными исканиями жизни. Говорится о необходимости «реставрации» личности Н. С. Лескова в науке XXI века и поиске новых подходов к оценке и анализу «прозёванного гения».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Н. С. Лесков; историко-литературный процесс; биография; духовная культура; художественная литература; образ; публицистика; филологическая критика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин, О. В. «Прозёванный гений»: феномен Н. С. Лескова в русской литературе / О. В. Никитин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 49–56. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.

**“AN OVERLOOKED GENIUS”: THE PHENOMENON
OF N. S. LESKOV IN RUSSIAN LITERATURE**

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

A b s t r a c t . The life and creative activity of the remarkable Russian writer N. S. Leskov (1831–1895) have not left indifferent either his contemporaries or his literary followers. The ambiguous personality of the “overlooked genius” has always been a subject of great interest to philologists, cultural historians and the church. The writer’s artistic talents are known to his readers in connection with the syllabus works “Levsha”, “The Enchanted Wanderer”, and “The Soborians”. However, his biography, epitomizing the moral disputes and searches of the Russian intelligentsia of the 19th century, has not been amply rethought yet. Modern literary criticism uses an up-to-date tool kit that makes it possible to see and analyze the path and literary experiments of Leskov in the context of historical and spiritual events of that difficult era in a new light. The author of the article sets the task to describe the phenomenon of the writer in Russian literature, to show the specific features of his “artistic philologism”, and to identify and explain the properties of Leskov’s phenomenality through the prism of the judgments of literary critics and researchers. The discussion of Leskov’s personality correlates with the cultural-historical events of his time and personal motives. The author notes the difficult path of the writer’s entry into literary circles, his dissimilarity and stylistic eccentricities. It is argued that the image of Leskov is multidimensional and has not yet been fully explored in terms of understanding his artistic, aesthetic and verbal discoveries. The article allows modern researchers to read the text of the writer with all his revelations and artistic insights, spiritual torments and life contradictions. The article highlights and comments on the controversial points in the interpretation of his artistic creative activity. Drawing on the extensive body of literary critical and memoir literature, the author of the article summarizes the signs of Leskov’s phenomenality. In this sense the article is of interest as an experience of analyzing the image of a writer in its dynamics, psychological reflection and special literary aesthetics. It is emphasized that the verbal “anomalies” of Leskov’s creative work reflect a life filled with social collisions, adventures and spiritual-moral pursuits. The author of the article believes that it is necessary to “restore” the personality of Leskov in the literary studies of the 21st century and to search for new approaches to the assessment and analysis of the “overlooked genius”.

Key words: N. S. Leskov; historico-literary process; biography; spiritual culture; literature; image; journalism; philological criticism

For citation: Nikitin, O. V. (2025). "An Overlooked Genius": The Phenomenon of N. S. Leskov in Russian Literature. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 49–56. DOI:10.26170/2071-2405-2025-30-1-49-56.

*Достоевскому равный, он – прозёванный гений.
Очарованный странник катакомб языка!*
Игорь Северянин. «На закате» (1928)

«Прозёванный гений», – так охарактеризовал Н. С. Лескова поэт Игорь Северянин в стихотворении «На закате». Мечтая о воскрешении писателя, он назвал его книги «премудрости вечной самой» и в художественной, совсем не футуристической манере изобразил основные черты облика Гения: «независимый, гневный, надпартийный, прямой» [Северянин 2004: 251]. Поэт восхищался «ритмами» текстов Н. С. Лескова и залежью «слов ядреных и точных русского языка» [Там же].

Н. С. Лесков всегда плыл против течения и не мог вписаться ни в какую литературную или общественную группу. «Его постоянно “вело и корчило”, растаскивало между скепсисом и восхищением, гимном и проклятьем, идиллией и сатирой, нежным умилением и самой ядовитой иронией, ангелом и аггелом, праведниками и злодеями» [Кучерская 2021: 5]. Уже сама жизнь Лескова – это «История государства Российского» в период разрушения созидательной силы веры и смены ценностей, когда героем становился разночинец, а «взамен прежних сражений разливалась дрязга» [Там же: 6]. Он всегда искал свой нравственный идеал и находил его то в Иване Северьяновиче Флягине, искупившем грех и долгами путями жизненных истязаний понявшем свое предназначение, то в правдоискателе Савелии Туберозове – гуманном, совестливом, терпеливом и в то же время твердым духом священнике... Они, как исполины, поднимались со страниц его неудобных произведений и решали главную задачу – на что опереться? Образы праведников – один из главных феноменов Н. С. Лескова, его литературное открытие [Новикова-Строганова 2023]. У него они представлены не в житийных киотах, а в реалистических. И сам автор настолько проникается религиозным самосознанием личности героя, «большого грешника», что заставляет и читателей верить происходящему и возвращать в себе светлые чувства: «Как и его герой – “очарованный странник”, Лесков был очарован русским чудом подвижничества, праведничества. Он не устал восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, “живой дух веры”. Даже в атмосфере “нынешнего преглупого и преподлого времени” писатель воодушевлен верой в духовность человека» [Там же: 233].

При этом Н. С. Лесков в разные годы много путешествовал и повидал «чудаковатых» героев, которых впоследствии так мастерски изобразил в своих произведениях. И везде он искал правду. Помню, что в одном из исторических очерков писатель рассказывал, как он проверял отпечаток стопы Богородицы в Почаевской лавре (для кого –

святыня, а для Н. С. Лескова – нечто большее). Он и в вере своей не укладывался в принятые уставы, подмечая в служителях Бога не только светлое, но и безрассудное, несправедное (вспомним хотя бы его «Заметки неизвестного»). В языке и мифологии Н. С. Лескова столько же очарования и неразгаданности метафор и смыслов, как и в его человеческом облике. Здесь каждая деталь образна, а наигранность манер раскрывается словом. Ср.: «жить на “разновиле”», «таусинный камень» в «Пугале» [Лесков 1973, т. 5: 6, 35], «княжеский главноуправитель», «безоглядное чувство личной чести женщины» в «Интересных мужчинах» [Лесков 1973, т. 5: 62, 93]. Оно для писателя одновременно и тайна, и прозрение, и удар, и покаяние, и ирония: «Это была дама родовитая, умная, очень воспитанная, а называлась она “змеею”. Кличка эта была глупая, змеей эту даму звали не за зло, которого она решительно никому не делала, а за презрительность, про которую говорили много. Она будто не любила ничего своего, русского – ни языка, ни веры, ни обычая, а все презирала, и презирала не с легкомыслием, не с фатовской замашкой, которые легче простить, – а прочно, глубоко и искренно, с каким-то сознанием» [Лесков 1973, т. 5: 97–98]. Так тонко, иронично, смачно и изобразительно, как говорят его персонажи, мы не встретим, пожалуй, ни у одного из современников писателя:

– Ага! Вы мистик!.. это значит – вы любите поиграть в вистик [Лесков 1973, т. 5: 70].

Отсюда и замысловатость стиля, жанровые «трещины», душевные скрипы – своеобразный литературный модерн, но другой, не такой, как у остальных, русофильский, со всеми его «инстинктами», запахами и словесными тропами.

Феномен Н. С. Лескова в русской литературе еще не раскрыт, несмотря на обилие исследований и воспоминаний о писателе. Но его самобытность и по свойствам характера, по витиевому пути, и как деятеля литературы отмечали уже многие современники, как бы подчеркивая неразгаданную глубину Мастера. Его называли пльвущим «против течений», с «умственными переломами» и «парадоксами» (А. И. Фаресов), именовали «загадочным талантом» (В. Г. Авсеенко), «растерянным» (Б. В. Варнеке). Он не оставлял никого равнодушным – ни коллег по писательскому цеху, ни критиков, ни служителей Фемиды, ни религиозных мыслителей, ни государственных властей... О нем пылко спорили, в него влюблялись и жестоко порицали его талант, в общем-то находясь «в гостях» у Гения. Собранный книга воспоминаний современников о Н. С. Лескове показала эти культурные «взрывы» его друзей, знакомых и недоброжелателей [Н. С. Лесков в воспоминаниях... 2018; Ранчин 2018].

О своеобразности его феномена тактично выразился знаток литературы Б. М. Эйхенбаум, всегда подмечавший главное в образе героя

(а Н. С. Лесков, несомненно, был героем своего времени): «Такой писатель, как Лесков, мог (и должен был) явиться только на основе проделанной раньше огромной филологической работы – от Шишкова и Востокова до Даля, Вельтмана, Снегирева, Сахарова, Афанасьева, Бессонова, Каткова, П. Киреевского, К. Аксакова и др.» [Эйхенбаум 1986: 241–242]. Н. С. Лесков и в смысле традиции поэтики казался современникам чопорным, «внесистемным». И это прежде всего выразилось в его языковой «чрезмерности». Здесь и кроется источник феноменальности писателя – в «художественном филологизме» (выражение Б. М. Эйхенбаума). Он назвал Н. С. Лескова «эстетической гранью славянофильства», подразумевая и то, что писатель в его социальной обеспокоенности выражал духовно-эстетические напряжения того времени [Там же: 242], мимо которых он не мог пройти, а потому постоянно попадал в злободневные ситуации и находился в центре скандалов.

О Н. С. Лескове неудобно писать просто биографические работы – о нем надо сочинять художественные тексты, сопровождать их богатыми документальными источниками и архивными находками и тем самым пытаться реконструировать события его жизни, но с опорой на ожерелье лесковских строчек. Н. С. Лескова пробовали «классифицировать», раскладывать по принятым в науке теориям и направлениям, избегая острых углов и противоречий. Но тогда его портрет оказывался безжизненным. Писать о Лескове-художнике может только такой мастер, который исполнен духовной чуткости, психологической проницательности, литературного дарования, смелости – такой, как, например, Л. А. Аннинский, у которого журналист и беллетрист Стебницкий превращался в героя своего времени, игрока, нигилиста, провокатора и одновременно неприкаянного богомольца – русского человека, «двинувшегося с земли» [Аннинский 2012: 208] и противостоящего всем. Этот прием позволяет и нам оттолкнуться от обыденного пера и прикоснуться к писателю-творцу как к живому страннику, все время подглядывавшему за своими героями, а значит, наблюдательному, увлекающемуся и порой неистовому.

О Н. С. Лескове нельзя писать безучастно, применяя современный казуистический научный язык и тем самым искажая его картину мира. Но и бойкий утверждающий слог не вяжется с обликом писателя. Здесь важно прикосновение к *его* миру, вхождение в *его* «теорию». Так можно проникнуть в феноменологию искусства «ересиарха» – постепенно, двигаясь тропинками неведомых лесковских бродяг, читая их письма, слушая разговоры, живя в свое литературное воображение дух и стиль Гения.

Из «Очарованного странника»:

«Вот меня и отпустили, и я теперь на богомолье в Соловки к Зосиме и Савватию, благословился и пробираюсь. Везде был, а их не видел и хочу им перед смертью поклониться.

– Отчего же “перед смертью”? Разве вы больны?

– Нет-с, не болен; а все по тому же случаю, что

скоро надо будет воевать.

– Позвольте: как же это вы опять про войну говорите?

– Да-с.

– Стало быть, вам “Благое молчание” не помогло?

– Не могу знать-с: усиливаюсь, молчу, а дух одолевает.

– Что же он?

– Все свое внушает: “ополчайся”.

– Разве вы и сами собираетесь идти воевать?

– А как же-с? Непременно-с: мне за народ очень помереть хочется.

– Как же вы: в клобуке и в рясе пойдете воевать?

– Нет-с; я тогда клобучок сниму, а амуничку надену» [Лесков, 1973, т. 3: 132].

Наверное, и это качество писателя, говорящего голосами десятков чудаковатых персонажей, можно назвать феноменом, открывающимся не каждому читателю, а только тому, кто ведет «путевые заметки» на полях, постоянно колеблется, вычеркивает и снова карабкается в поисках лесковской истины.

Еще один феномен Мастера состоит в том, что исторический контекст почти всегда вкраплен в художественные полотна Н. С. Лескова, и наоборот. Известно, что многие его сюжеты имели документальную основу. Так, в образе Меркулы Протцева «проступают черты автопортрета, пусть и достаточно вольного. Очень похоже, что “Детские годы” – поздняя, идеализированная версия собственного пути, роман воспитания по-лесковски» [Кучерская 2021: 80]. Изучая произведения писателя, мы невольно подталкиваем себя к мысли, что Н. С. Лескова надо читать вразумительно, это целая энциклопедия бытовой и духовной культуры, тот самый сундучок, где хранятся впечатления. В ранние годы это были «Барки Шкотта», заменившие писателю литературное образование. Без службы в коммерческой компании «Лесков, скорее всего, вообще не смог бы сочинить прозу; во всяком случае, она была бы совершенно иной» [Там же: 94].

Нетипичен литературный путь Н. С. Лескова: становление его творческого дарования происходило в журналистских баталиях на страницах газет, в общественно-политических, историко-культурных изданиях – он шел от публицистической заметки к художественной прозе. А. И. Фаресов как-то выразился в своей книге о «мученичестве в литературе» Н. С. Лескова – это было его состояние духа, убеждение: «Писатель обречен на мученичество, – повторил он. – Писатель должен всегда идти против господствующих течений, имея лучший и более критический взгляд на положение дел. В этом состоит значение писателя» [Фаресов 1904: 398].

Одним из самых ранних рассказов Н. С. Лескова стало «Погасшее дело», которое автор переписывал, менял название, придавая больше драматизма и смысла. Так возникла «Засуха» как «олицетворение обдерганного крестьянского мира» [Кучерская 2021: 140]. Правда, главный герой в этом рассказе – священник, «забитый, кроткий, глубоко сострадающий своим прихожанам, но не име-

ющий возможности развеять тьму их невежества» – тоже автобиографичен. Уже здесь проявились, как полагает М. А. Кучерская, лучшие черты Лескова-беллетриста: психологизация образов, мастерство в изображении типажей, языковые ребусы, ирония вкупе с острой проблемной ситуацией (судьбы духовенства, тяжелая жизнь крестьян в России), которая угнетает, заставляет горько переживать и как бы своей безысходностью ищет свет разума [Там же: 144].

Если бы мы вслед за М. А. Кучерской начали писать о «прозеванном гении», это были бы роман, или повесть, или историческое исследование не только о писательском таланте, но и своеобразный путевой дневник, представляющий Н. С. Лескова в разных ситуациях и в живом общении с современниками, чьи голоса так правдиво звучат и в его публицистике, и в художественном творчестве. Здесь и сказовая речь (разве это не феномен?), и «забавные» словечки, и выразительные новообразования, выдуманные самим автором [Романов 2021: 56]. «Ажидация» и «толпучка» в «Полуночниках» [Лесков 1973, т. 6: 3–4], «подурасливее», «лихоманка бьет» и «галлюцинировали “банькой”» в «Юдоли» [Лесков 1973, т. 6: 200, 206, 208] – цветник народной речи вперемешку с карнавалом словесной живописи, и все к месту. «Сочный» язык и стиль Н. С. Лескова формировались как «литературная интрига», загадка [Лихачев 1987: 331]. Вот он приехал в Париж, завтракал в студенческом кафе «Ротонда», заглядывался на французенок и русских дам... Последних он разделил на три сорта: «больные, приехавшие на лечение – раз; притворяющиеся таковыми – два; те, кто живет из расчета, будто за границей дешевле, – три» [Кучерская 2021: 173]. Н. С. Лесков интересен с точки зрения преломления в нем психологических характеристик времени и общественных мнений, которые он чаще всего взрывал своим нигилизмом. Так было и в цикле «Русское общество в Париже». Показательны здесь не только тонкие душевные характеристики, но и в целом проникновение Н. С. Лескова в особенности быта, национальный уклад жизни, черты характера тех, с кем он общался, – русских, французов, чехов, поляков... Отсюда у него появился такой беллетристический вкус – видеть особенных героев в толпе. Приведем одно признание Николая Семеновича: «Литератор вообще должен прежде всего *понимать человека* и затем иметь *начитанность*, чтобы, выработав в себе оригинальный взгляд на жизнь, занимать им весь мир даже в маленьком рассказе. Литератор не ученый, но он более чем ученый. Он не так фундаментально образован, как последний, но он всестороннее его. <...> Литератор должен знать все и по “начитке”, и по личному опыту» [Фаресов 1904: 390].

Н. С. Лесков хорошо знал духовную жизнь самых низов, оттого его произведения так полемичны, с богатыми деталями и самыми неожиданными подробностями. Так, он неоднократно общался со старообрядцами, посещал их «секретные» школы (в 1860-е годы Н. С. Лесков по просьбе министра народного просвещения А. В. Головнина

обследовал старообрядческие общины на предмет их отношения к образованию), и впоследствии данная проблема всегда интересовала Лескова не только как писателя, но и как историка церковной культуры (статья «С людьми древнего благочестия»). Согласимся с мнением, что «изнутри почувствовавший драму раскола, полюбивший культуру и уклад российских староверов, зачарованный стариной и даже логикой “чем старее, тем лучше”, Лесков вырастил из этих любви и сродства и “Запечатленного ангела, и “Печерских антиков”, отчасти и “Соборян”, в которых чувствуется влияние Жития протопопа Аввакума...» [Кучерская 2021: 203].

Феномен Н. С. Лескова в русской литературе заключается и в том, что его писательские открытия, по сути, были отвергнуты современниками. Мы имеем в виду роман «Некуда», который критики втиснули в литературное движение 1860-х гг., высмеивавшее «новых людей». Это, наверное, одно из самых «шумных» произведений Н. С. Лескова [Фаресов 1904: 398]. В нем писатель выразил свои духовные страдания очень непосредственным, реалистическим образом. Просматривается и трагическая личная интонация Н. С. Лескова. Он как бы приоткрывает здесь свои секреты, исповедуется: семейная разлука, поиски философских основ бытия, бесконечные блуждания, задавленность и цинизм... «Некуда» – это не донос, а прощание с незадавшейся молодостью и проклятие ее. Лесков рвал со всеми, не простив им своих ошибок. Он снова и снова убеждал себя и мир в узости их взглядов на мужчину и женщину, на семью и образование, на политическое и экономическое будущее России. Люди, прежде близкие ему, обратились в «памятники прошедших привязанностей» [Кучерская 2021: 211]. В романе, по признанию автора, «я также дал симпатичных нигилистов: Райнера, Лизу Бахареву, Помаду и даже Бертольди – эту глупенькую стриженую девочку, но с чистой детской душой» [Фаресов 1904: 381–382].

Биография Н. С. Лескова – тоже литературный феномен. От Орла, Киева до Парижа и столицы Российской империи – он исколесил всю центральную часть России, побывал в самых заветных уголках. На Фурштатской в Петербурге произошло событие, которое во многом определило и посмертную судьбу писателя – рождение сына Андрея, впоследствии известного биографа, хранителя архива своего отца. Н. С. Лесков снова пытается создать семью и сочиняет свое единственное произведение о любви – «Обойденные», о котором говорил, что это «роман “без направления”, о самых обыкновенных, “маленьких” людях “со слабостями”», они «не соотносят свою частную жизнь с магистралями общественной и гражданской и потому обойдены вниманием модных литераторов» [Кучерская 2021: 261].

И все же главное для Н. С. Лескова, в чем заключается сила таланта писателя, как он сам его определял, – «в положительных типах»: «Я дал читателю положительные типы русских людей. <...> Покажите мне у другого писателя такое обилие положительных русских типов» [Фаресов 1904: 381].

Роман Н. С. Лескова «Соборяне» – переломное событие и в жизни писателя, и во всей русской литературе XIX века: «И только Лесков в “Соборянах” сумел сделать с духовенством примерно то же, что за 20 лет до того Тургенев в “Записках охотника” с крестьянами: рассказал о клириках как о людях – со своей психологией, со своей неповторимой манерой говорить и мыслить» [Кучерская 2021: 290]. И что показательнее с точки зрения художественного мастерства – Н. С. Лесков «запечатлел совершенно новые для литературы типы...» пастыря-ревнителя, пастыря-смирненника, дьякона-богатыря, создав для их жизнеописания *новый повествовательный жанр романа-хроники* [Кучерская 2021: 290] и настаивая, что этот нарратив «без любовной интриги» [Лесков 1981: 258]. В нем все ново: и удивительное лесковское изобретательство, и тонкий психологизм, и драматический смех, и звучащие фамилии и образы «с умыслом», и портрет жены главного героя Савелия Туберозова. «Лесков не только придумал Савелию Туберозову имя, биографию, взгляды, чудную жену, но и создал для него особенный поповский язык, соединив разговорный стиль со слогом древнерусских сказаний, богослужебных текстов и периодики 1860-х годов» [Кучерская 2021: 299]. Особый жанр хроники позволил писателю сместить акцент художественности в сторону реалистичности событий, подкрепляя повествование посланиями, документами, дневником и правдивыми историями. «Это делает “Соборян” стилистически многоголосьем произведением» [Романов 2021: 55]. Перед читателем панорама духовной жизни, в представлении которой Н. С. Лесков выразил свои самые светлые и добрые чувства уважения и любви к праведным людям, страдающим, мудрым, безупречным нравственно, но бессильным перед чиновничьим натиском и игрой, перед подлостью и доносами. Об этой черте феноменальности писателя размышлял Л. А. Аннинский: «Герои Лескова – люди вдохновенные, очарованные, загадочные, опьяненные, отуманенные, безумные, хотя по внутренней самооценке всегда “невиноватые”, всегда – праведники» [Аннинский 2012: 219]. Н. С. Лесков в «Соборянах», наверное, присутствует и сам как богатырь-правдолюбец, оболганный и потрепанный современниками. Это роман и о его метущейся душе грешного идеалиста-скитальца.

Черты непохожести, литературного одиночества Н. С. Лескова отчасти являются зеркалом его непростой жизни: неудачи на службе, всеобщее порицание, любовные трения, несладкая судьба его младшего брата, страдания из-за сына Дроношки, взаимоотношения художника с властью, на службе у которой он находился, но не приобрел ни чинов, на званий (так, он был уволен из Учебного комитета после публикации статьи «Поповская чехарда и приходская прихоть...») – все это художественным камертоном вернулось и вошло в повествовательные сюжеты его духовно-исторических и даже психологических «драм».

В биографии Н. С. Лескова мы встречаем вообще много реальных имен и «онимов», которые

удивительным образом вписаны в его изобразительный мир: и смиренный филолог Ф. И. Буслаев, сотрудники журналов, критики, государь, министры, Е. В. Салиас-де-Турнемир, Крымская война, «Русская речь», «Современник», «Исторический вестник», Киев, Москва, Париж, Тургенев, Лев Толстой, Чехов, ставший помазанником Гения в литературном ремесле, М. О. Меньшиков ... Это сюжетные линии с «кодовыми замками». Из них складывались достоверные истории, выходящие из-под пера неутомимого публициста и писателя, показывая его литературные притязания. По сути, Н. С. Лесков во многих произведениях дает нам панораму общественной жизни России и Европы (отчасти) в XIX веке, в которую он был вовлечен сполна как странствующий апологет, так и не примкнувший ни к одному берегу. То же мы наблюдаем и в его произведениях: характерная черта филологизма Н. С. Лескова – в пристальном внимании к имяславческой традиции и вообще «конструированию» слова. У него все имена звучат: например, в «Соборянах» *Десницын, Туберозов, Препотенский* – и каждая с подтекстом [Коршунков 2024: 270–273].

Рельефный, характерный образ писателя мы также представляем по реальным документам и портретам, которые выразительно дополняют очерки, заметки в газетах, художественное повествование Н. С. Лескова колоритными деталями: местами, где он жил, фотографиями его семьи и потомков, литераторов, публицистов – всех, кто окружал писателя и был ему дорог в той или иной мере. Известный всем сосредоточенный портрет «очарованного странника русской литературы» начала 1890-х гг., где Н. С. Лесков предстал в почти монашеском облике, опершись на трость, некартинно смотрит вдаль, в ускользающий мир людей, и снова пытается рассмотреть в них человеческое, возвысить его, протолкнуть сквозь серость и тлен.., – феноменален. То же и с его произведениями – надо уметь в них так видеть и чувствовать героев, читать между строк «заколдованный» язык автора, спрятанный в исторических ассоциациях, которые зашифрованы в каждом лесковском тексте. Только так, раскрывая «прозёванные» современниками смыслы его беллетристики, мы сможем приблизиться к сложной фигуре Н. С. Лескова, понять весь стусок страстей и прозрений, услышать его духоборческий страдальческий голос. Недаром о нем говорят как о самом загадочном русском писателе [Grimstad 2007].

Лесковский «эпилог» еще не написан, и что это будет – литературная реминисценция, художественная игра, как было у настоящего автора, любившего своих «помольщиков», «воромонахов», «зли суще», «понеже» с «поелику», или историческая драма? Противоречивая в своей феноменальности натура писателя, к осмыслению которой подбраться непросто, даже имея большой багаж знаний и удачных сопоставлений, не поддается механическому структурированию. Лесков-писатель и Лесков-герой неоднозначны. Эти литературные символы еще предстоит разгадывать – перебирать

в памяти образы, искать художественное ове­ществление, всматриваться в прототипы и обяза­тельно находить для каждой детали точное опреде­ление. И тогда животворящий язык с «острой юморысткой» Н. С. Лескова откроется. В нем и заключается тот словесный «фокус», который по­стоянно вибрирует в умах филологов, с легкостью оценивающих достоинства и слабости Гения. Н. С. Лесков всю жизнь «гонялся» за словами-образами и в конце жизни находит, в чем выража­ется его писательское вдохновение, – наконец наступают примирение с самим собой и душевный покой. Уснувший «ересиарх» очнулся просветлен­ным. Он понял, как надо писать – «только слово, одно слово живо» [Кучерская 2021: 544]. В раскры­тии этого тайнодействия прячется еще одна лес­ковская «аномалия» психологии его текстов, очень непростых, иногда юродствующих. Но в них, если перевернуть писательские страсти, всегда присут­ствует эта триада: «духовное напряжение» – «ду­ховное рассуждение» – «духовная тревога» [Ан­нинский 2012: 320].

В чем еще состоит феномен Н. С. Лескова в русской литературе? На этот вопрос пробовали от­ветить маститые филологи и философы [Н. С. Лес­ков в воспоминаниях... 2018]. Отчасти они правы, в чем-то сравнивая писателя даже с А. С. Пушки­ным: «череда путешествий» и служб, поиски нрав­ственного, духовного стержня... [Ранчин 2018: 6]. Но если великого поэта признавали при жизни и видели в нем пророка, то репутация Н. С. Лескова была очень сложной, так, что ее «реставрация» за­тянулась на долгие десятилетия и продолжается до сих пор. Этот внутренний раскол мешал самому писателю, раздражал просвещенную публику, от­талкивал критиков, часто не понимавших «бес­принципного литератора» и отдалявших его от плеяды классиков вроде И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Н. С. Лесков до конца жизни оста­вался «антиком» в писательской среде. Эту его «чужеродность», а значит – феноменальность, кра­сиво подметил Б. М. Эйхенбаум: «И в самом деле – служение литературе в “интеллигентском” смысле слова, как это было у “людей сороковых годов”, для Лескова было понятием чуждым. Он – совсем *не типичный* (курсив наш. – О. Н.) русский интелли­гент; он профессионал-артист, влюбленный в свое литературное дело, и именно поэтому так трудно было ему понять обрушившуюся на него критику 60-х годов, а критике этой, насквозь идеологиче­ской, не менее трудно было понять и примириться с этим чрезмерно бойким и задорным, чрезмерно игривым, чрезмерно речевым писателем – тем бо­лее, что он, раздраженный и нетерпеливый, делал ошибку за ошибкой» [Эйхенбаум 1986: 247].

И. Северянин не случайно сравнил Н. С. Лес­кова с Ф. М. Достоевским – по силе духовного про­зрения, выраженной в литературных типах, с од­ной стороны – праведников, с другой – беснующихся нигилистов, они стоят вровень. Напомним, что хроника «Соборяне» вышла одновременно с «Бесами» и показывает в том числе и «галерею раз­рушителей российской жизни» [Романов 2021: 55].

Рубеж веков и первые десятилетия XXI столе­тия ознаменовались чередой «переосмыслений» – написаны новые биографии Бунина, Есенина, Куприна, Маяковского, Пастернака, Платонова, Пришвина, Шолохова... Теперь пришла очередь за Лесковым, который десятилетиями лежал под спудом идеологического давления и в некоторой сте­пени исследовательских стереотипов. Хотя стара­ниями отечественных [Аннинский 2012; Горелов 1988; Гроссман 1945; Столярова 1978; Столярова 1992; Столярова 2012; Троицкий 1974] и зарубежных [Маркадэ 2006; Grimstad 2007] ученых его имя за­сияло свежими интонациями и вышли в свет со­брания сочинений писателя и два фундамен­тальных тома «Литературного наследства» [Неиздан­ный Лесков 1997–2000], нельзя сказать, что био­графия «прозванного гения» была свободна от лакун и тенденциозности. Новые исследования о его творчестве доказывают неисчерпаемость «лес­ковианы» [Макаревич 2023; 2024], поднимают ее на принципиально другой уровень осмысления. И все же о Лескове у нас написано несоизмеримо мало масштабу его писательского дарования. «Разор­ванная» жизнь Гения еще не сложена, но пре­вращена в художественно-документальный роман, достойный самого классика [Кучерская 2021]. Фе­номенальность Н. С. Лескова начала выходить за рамки только книжной культуры и обсуждений в среде филологов и педагогов. В рецепции его лич­ности можно уловить даже кинематографическое начало, настолько динамично, порой с детектив­ными сюжетными линиями, мистериями, траге­диями и с высоким общественным смыслом разви­валась его жизнь. Сегодня Н. С. Лесков ближе к нам, чем когда бы то ни было. Притом, что его нельзя назвать «легким» писателем, массовым и тем более модным в XXI веке. Но облик «эксцен­трика» и смутьяна, литературного «недоросля»-нигилиста оказался весьма осязаем и сходит со страниц как живой герой. А это значит, что Н. С. Лесков – явление, которое трудно постичь как обычного писателя, разобранного критиками и введенного в литературную традицию. «Ника­ким модернистом ты Лескова не свалишь И к нему не посмеешь подойти свысока» [Северянин 2004: 251], – утверждал поэт Серебряного века в том па­мятном стихотворении и как будто угадал, что вос­крешение писателя не за горами.

Н. С. Лесков так говорил о себе: «Я отдал ли­тературе всю жизнь и предал ей все, что мог полу­чить приятного в этой жизни. <...> я не должен “соблазнить” ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разумения, который мне дан Тем, пред оч­а­ми Которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришел и к Нему опять уйду. Не ди­витесь этому, что я так говорю, и не смейтесь: я верую так, как говорю, и этою верою жив я и кре­пок во всех утеснениях» [Фаресов 1904: 410].

Его время впереди. Когда мы поймем, что сбываются провидческие слова Л. Н. Толстого, назвавшего Н. С. Лескова «писателем будущего», это станет большим литературным открытием, к

которому мы идем, спотыкаясь, уже очень долго. И все же полагаем, что современное общество не испытывает усталости от классической русской литературы. Она по-прежнему звучит и зовет,

только ее голос нужно постараться услышать. И тогда к нам вернется еще не один «прозёванный гений».

Литература

- Аннинский, Л. А. Лесковское ожерелье / Л. А. Аннинский. – СПб. : Библиополис, 2012. – 560 с.
- Горелов, А. А. Н. С. Лесков и народная культура / А. А. Горелов ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л. : Наука : Ленинградское отделение, 1988. – 294, [2] с.
- Гроссман, Л. П. Н. С. Лесков: Жизнь-Творчество-Поэтика / Л. П. Гроссман. – М. : ОГИЗ ; Гослитиздат, 1945. – 320 с.
- Коршунков, В. А. Лесков и латынь / В. А. Коршунков // Шаги / Steps. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 266–285.
- Кучерская, М. А. Лесков: Прозёванный гений / М. А. Кучерская. – М. : Молодая гвардия, 2021. – 622 [2] с. : ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1865).
- Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова / А. Н. Лесков. – Тула : Приокское книжное издательство, 1981. – 648 с.
- Лесков, Н. С. Собрание сочинений в шести томах / Н. С. Лесков. – М. : Издательство «Правда», 1973.
- Лихачев, Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. 3. – Л. : Художественная литература, 1987. – С. 315–352.
- Макаревич, О. В. Об умении плести лапти, литературных юзниках и секретной печати (рецензии Н. С. Лескова в «Новом времени» конца 1870-х годов) / О. В. Макаревич // Русская литература. – 2023. – № 4. – С. 191–207.
- Макаревич, О. В. Современные мстители (об одной статье Н. С. Лескова) / О. В. Макаревич // Русская литература. – 2024. – № 2. – С. 143–147.
- Маркадэ, Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники : пер. с франц. / Ж.-К. Маркадэ. – СПб. : Академический Проект, 2006. – 478 с. – (Современная западная русистика, т. 60).
- Неизданный Лесков : [в 2-х кн.] / отв. ред.: К. П. Богаевская, О. Е. Майорова, Л. М. Розенблюм. – М. : Наследие, 1997–2000.
- Новикова-Строганова, А. Образы праведников как художественное открытие Н. С. Лескова / А. Новикова-Строганова // Нева. – 2023. – № 7. – С. 230–236.
- Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 832 с.
- Ранчин, А. М. Жизнь и мнения Николая Лескова, описанные его друзьями, знакомыми и недоброжелателями / А. М. Ранчин // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 5–31.
- Романов, Д. А. «История самая простая и нисколько не занимательная...»: лингвопоэтика хроники Н. С. Лескова «Соборяне» (к 190-летию со дня рождения) / Д. А. Романов // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82, № 1. – С. 53–60.
- Северянин, И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / И. Северянин. – М. : Наука, 2004. – 870 с.
- Столярова, И. В. В поисках идеала: творчество Н. С. Лескова / И. В. Столярова ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л. : Издательство ЛГУ, 1978. – 231 с.
- Столярова, И. В. Н. С. Лесков и русское литературно-общественное движение 1880–1890-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / И. В. Столярова. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. – 61 с.
- Столярова, И. В. На пути к преображению. Человек в прозе Н. С. Лескова / И. В. Столярова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. – 326 с.
- Теплицкий, В. Формирование религиозного самоопределения Н. С. Лескова / В. Теплицкий // Вестник Восточно-сибирской открытой академии. – 2021. – № 43 (43).
- Троицкий, В. Ю. Лесков-художник / В. Ю. Троицкий ; АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974. – 215 с.
- Фаресов, А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А. И. Фаресов. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1904. – 411 с.
- Эйхенбаум, Б. М. О прозе. О поэзии : сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Художественная литература, 1986. – 456 с.
- Grimstad, K. A. Styling Russia. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov / K. A. Grimstad. – Bergen : John Grieg AS ; University of Bergen, 2007. – 256 p. – (Slavica Bergensia 7).

References

- Anninsky, L. A. (2012). *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's Necklace]. Saint Petersburg, Bibliopolis. 560 s.
- Bogaevskaya, K. P., Mayorova, O. E., Rozenblyum, L. M. (Eds.). (1997–2000). *Neizdannyyi Leskov: [v 2-kh kn.]* [Unpublished Leskov, in 2 books]. Moscow, Nasledie.

- Eichenbaum, V. M. (1986). *O proze. O poezii* [About Prose. About Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 456 p.
- Faresov, A. I. (1904). *Protiv techenii: N. S. Leskov. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the Currents: N. S. Leskov. His Life, Writings, Polemics and Memoirs about Him]. Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva. 411 p.
- Gorelov, A. A. (1988). *N. S. Leskov i narodnaya kul'tura* [N. S. Leskov and Folk Culture]. Leningrad, Nauka : Leningradskoe otделение. 294, [2] p.
- Grimstad, K. A. (2007). *Styling Russia. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov*. Bergen, John Grieg AS, University of Bergen. 256 p.
- Grossman, L. P. (1945). *N. S. Leskov: Zhizn'-Tvorchestvo-Poetika* [N. S. Leskov: Life – Creativity – Poetics]. Moscow, OGIZ, Goslitizdat. 320 p.
- Korshunkov, V. A. (2024). Leskov i latyn' [Leskov and Latin]. In *Shagi / Steps*. Vol. 10. No. 3, pp. 266–285.
- Kucherskaya, M. A. (2021). *Leskov: Prozyovannyi genii* [Leskov: The Overlooked Genius]. Moscow, Molodaya gvardiya. 622 [2] p.
- Leskov, A. N. (1981). *Zhizn' Nikolaya Leskova* [Life of Nikolai Leskov]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. 648 p.
- Leskov, N. S. (1973). *Sobranie sochinenii v shesti tomakh* [Collection of Writings in 6 volumes]. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda».
- Likhachev, D. S. (1987). Osobennosti poetiki proizvedenii N. S. Leskova [Features of the Poetics of the Works of N. S. Leskov]. In Likhachev, D. S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* Vol. 3. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, pp. 315–352.
- Makarevich, O. V. (2023). Ob umenii plesti lapti, literaturnykh yuznikakh i sekretnoi pechati (retsenzii N. S. Leskova v «Novom vremeni» kontsa 1870-kh godov) [Concerning the Craft of Making Lapti, Literary Innmates and Secret Printing (N. S. Leskov's Reviews Published in “Novoe Vremya” in the Late 1870s)]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 191–207.
- Makarevich, O. V. (2024). Sovremennyye mstiteli (ob odnoi stat'e N. S. Leskova) [Modern Avengers (One of the Essays by N. S. Leskov)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 143–147.
- Marcade, J.-C. (2006). *Tvorchestvo N. S. Leskova. Romany i khroniki* [The Works of N. S. Leskov. Novels and Chronicles]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt. 478 p.
- N. S. Leskov v vospominaniyakh sovremennikov [N. S. Leskov in the Memoirs of His Contemporaries]. (2018). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 832 p.
- Novikova-Stroganova, A. (2023). Obrazy pravednikov kak khudozhestvennoe otkrytie N. S. Leskova [Images of the Righteous as N. S. Leskov's Artistic Discovery]. In *Neva*. No. 7, pp. 230–236.
- Ranchin, A. M. (2018). Zhizn' i mneniya Nikolaya Leskova, opisannyye ego druz'yami, znakomymi i nedobrozhe-latelyami [The Life and Opinions of Nikolai Leskov, Written by His Friends, Acquaintances and Detractors]. In *N. S. Leskov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–31.
- Romanov, D. A. (2021). «Istoriya samaya prostaya i niskol'ko ne zanimatel'naya...»: lingvopoetika khroniki N. S. Leskova «Soboryane» (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya) [“The Story Is the Simplest and not Entertaining at All...”: Linguopoetics of N. S. Leskov's Chronicle “Soboryane” (to the 190th Anniversary of the Birth)]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 82. No. 1, pp. 53–60.
- Severyanin, I. (2004). *Gromokipyashchii kubok. Ananasy v shampanskom. Solovei. Klassicheskie rozy* [The Thundering Bowl. Pineapples in Champagne. Nightingale. Classic Roses]. Moscow, Nauka. 870 p.
- Stolyarova, I. V. (1978). *V poiskakh ideala: tvorchestvo N. S. Leskova* [Looking for the Ideal: N. S. Leskov's Creativity]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU. 231 p.
- Stolyarova, I. V. (1992). *N. S. Leskov i russkoe literaturno-obshchestvennoe dvizhenie 1880–1890-kh godov* [N. S. Leskov and the Russian Literary and Social Movement of the 1880s–1890s]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 61 p.
- Stolyarova, I. V. (2012). *Na puti k preobrazheniyu. Chelovek v proze N. S. Leskova* [On the Way to Transformation. The Man in N. S. Leskov's Prose]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 326 p.
- Teplitsky, V. (2021). Formirovanie religioznogo samoopredeleniya N. S. Leskova [Formation of N. S. Leskov's Religious Self-Determination]. In *Vestnik Vostochno-sibirskoi otkrytoi akademii*. No. 43 (43).
- Troitsky, V. Yu. (1974). *Leskov-khudozhnik* [Leskov as an Artist]. Moscow, Nauka. 215 p.

Данные об авторе

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Author's information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИАДИСКУРС

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-57-66.
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРОВОСЕК КАК МЕТАФОРА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Будаев Э. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>
SPIN-код: 7149-6638

Нахимова Е. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>
SPIN-код: 2983-5495

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются особенности онима «Железный Дровосек» как источника метафорической концептуализации действительности в российском медиадискурсе XXI века. Методология исследования построена на постулатах теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер), теории метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов), литературоведческого анализа метафор (Е. С. Богданова, А. А. Потебня, Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, Дж. Пикен, Дж. Берд, Р.-М. Диб, Дж. Стин). Объединение эвристик указанных подходов позволяет в одних случаях трактовать метафору как когнитивный механизм переноса содержания из одной концептуальной области (source domain) в другую концептуальную область (target domain) на основе аналогии (основания для метафоризации), в других случаях – рассматривать метафорический смысл как эмерджентный феномен, полностью не выводимый из сферы-источника и возникающий непосредственно в концептуальном бленде. В любом варианте когнитивный анализ необходимо проводить с учетом экстралингвистических факторов, влияющих на смыслопорождение текста, содержащего метафорический контекст (вербализованную метафору). Используемые методы: концептуальный анализ, дискурс-анализ, описание, обобщение, классификация. Как показал анализ, образ Железного Дровосека широко востребован в современном российском медиадискурсе, при этом данный оним не обладает одним доминирующим прототипическим смыслом, легко угадываемым читателями, а представляет собой размытое множество нескольких концептуальных признаков, служащих источником информации для метафорического переноса («Физическая сила и выносливость», «Крепкое здоровье», «Неловкость», «Плохая подвижность», «Неэстетичность», «Моральная безупречность», «Аморальность», «Немилосердность», «Беспечность», «Глупость», «Металлический механизм», «Смелость», «Упрямство»). В анализируемых контекстах регулярно обнаруживается аксиологическая амбивалентность рассматриваемой метафоры. С одной стороны, Железным Дровосеком называют сильного и выносливого атлета (положительная оценка), с другой – неловкого и неуклюжего спортсмена (отрицательная оценка). Схожим образом Железным Дровосеком метафорически обозначают как морально безупречных работников органов правопорядка (мелиоративный смысл), так и аморальных работников полиции, стремящихся любой ценой выполнить показатели (пейоративный смысл).

Ключевые слова: русская литература; сказка; когнитивная метафора; «Волшебник Изумрудного города»; медиадискурс; Железный Дровосек

Для цитирования: Будаев, Э. В. Литературный персонаж Железный Дровосек как метафора в российском медиадискурсе / Э. В. Будаев, Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 57–66. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-57-66.

THE LITERARY CHARACTER TIN WOODMAN AS A METAPHOR IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Eduard V. Budaev

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2137-1364>

Elena A. Nakhimova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Abstract. The article deals with the features of the onym “Tin Woodman” as a source of metaphorical conceptualization of reality in Russian media discourse of the 21st century. The research methodology is based on the postulates of the cognitive-discursive paradigm (V. Z. Demyankov, E. S. Kubryakova, N. N. Boldyrev, V. I. Karasik, I. A. Sternin), the theory of conceptual metaphor (J. Lakoff, M. Johnson), the theory of conceptual integration (G. Fauconnier, M. Turner), the theory of metaphorical modeling (A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov, A. P. Chudinov). Combining the heuristics of the above approaches allows, in some cases, to interpret metaphor as a cognitive mechanism for transferring content from one conceptual domain (source domain) to another conceptual domain (target domain) based on analogy (the basis for metaphorization), and in other cases, to consider metaphorical meaning as an emergent phenomenon that is not completely derived from the source domain and that arises directly in the conceptual blend. In any case, cognitive analysis must be carried out taking into account extralinguistic factors that influence the meaning-generation of a text containing a metaphorical context (verbalized metaphor). The methods used are conceptual analysis, discourse analysis, description, generalization, classification. As the analysis showed, the image of the Tin Woodman is widely in demand in the modern Russian media discourse, and this onym does not have one dominant prototypical meaning that is easily guessed by readers, but represents a vague set of several conceptual features that serve as a source of information for metaphorical transfer (“Physical strength and endurance”, “Good health”, “Awkwardness”, “Poor mobility”, “Unaesthetic”, “Moral impeccability”, “Immortality”, “Unmercifulness”, “Carelessness”, “Stupidity”, “Metal mechanism”, “Courage”, “Stubbornness”). In the analyzed contexts, the axiological ambivalence of the metaphor in question is regularly detected. On the one hand, the Tin Woodman is called a strong and hardy athlete (a positive assessment), on the other hand, an awkward and clumsy sportsman (a negative assessment). Similarly, the Tin Woodman is used metaphorically to denote both morally impeccable law enforcement officers (meliorative meaning) and immoral police officers who strive to meet targets at any cost (pejorative meaning).

Keywords: Russian literature; fairy tale; cognitive metaphor; The Wizard of the Emerald City; media discourse; The Tin Woodman

For citation: Budaev, E. V., Nakhimova, E. A. (2025). The Literary Character Tin Woodman as a Metaphor in Russian Media Discourse. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 57–66. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-57-66.

Введение

Несмотря на бурное развитие информационных технологий, художественная литература остается важным средством формирования концептуальной картины мира детей и развития различных сторон их психики: воли, памяти, воображения. Сюжетные линии и моральный выбор героев формируют модели поведения и закладывают фундамент для мировоззрения, которым человек будет руководствоваться в дальнейшей жизни. Чем большую популярность приобретает определенное произведение детской литературы, тем теоретически большей актуальностью оно должно обладать для исследователей. Так, значимое место среди самых популярных советских детских книг занимает сказочная повесть «Волшебник Изумрудного города», которая была написана А. М. Волковым в 1939 г. по мотивам сказки американского писателя Л. Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz». Вместе с тем приходится признать, что в отечественной филологии исследования культовой книги А. М. Волкова носят фрагментарный и спорадический характер, чего нельзя сказать о сказке Л. Ф. Баума, которая не одно десятилетие привлекает внимание зарубежных специалистов [Brotman 1965; Culver 1992; Erisman 1963; Griswold 1987; Hearn 2010; Kheirbek, Ezzat 2020; Littlefield 1964; Ningtyas, Misbahul, Subagyo 2022; Parker 1994; Ritter 1997; Wolstenholme 2008].

Известны пять редакций «Волшебника Изумрудного города» [Григорян 2022]. Если первая версия книги была, по сути, переводом произведения Л. Ф. Баума с добавлением нескольких эпизодов, то поздние версии (повесть перерабатывалась в 1941, 1959, 1963, 1971 и 1973 гг.) содержали в себе значительные изменения, в том числе в образах персонажей. Однако уже в ранних версиях произведения А. М. Волкова, вероятно, были утеряны общественно-политические аллюзии, заложенные

в сказку Л. Ф. Баумом и понятные рядовому американскому читателю того времени. В книгах Э. Х. Браун [Brown 2012] и Х. Рокоффа [Rockoff 2002] подробно рассмотрены связи между политико-экономической ситуацией в США и аллегориями, наполнившими страницы «Волшебника из страны Оз». К примеру, главную героиню сказки, Дороти, которая жила с постоянно плачущими и никогда не улыбающимися тетей и дядей (аллюзия на Великую депрессию, особенно затронувшую фермеров), уносит ураган в страну Оз (oz – унция). Дом Дороти приземляется на Злую Ведьму Востока (президента Г. Кливленда, ставленника банкиров Уолл-стрит). За это непреднамеренное благодеяние Добрая Ведьма Севера (Север – оплот Популистской партии гринбекеров)¹ дарит Дороти магические серебряные башмачки (серебряный стандарт), которые являются решением всех проблем, но Дороти об этом пока не знает. Путешествие в Изумрудный город по дороге из желтого кирпичика (желтые кирпичики символизируют золотые слитки, аллюзия на золотой стандарт) имеет прототипом поход «индустриальной армии» безработных Якоба Кокси из Огайо в Вашингтон в 1894 г., требовавшего, чтобы правительство не имело долгов перед частными банковскими синдикатами. В пути к Дороти присоединяются Страшила, Железный Дровосек и Трусливый Лев. Страшила – типичный образ наивного фермера, ничего не понимающего в финансовых делах. Железный Дровосек – фабричный рабочий, находящийся под чарами Ведьмы Востока (банкиров восточного побережья), который всякий раз отрубает часть своего тела взмахом топора. От постоянных ремонтов Железный Дровосек превратился в металлическое существо (обесчеловечивание рабоче-

¹ Христианские фундаменталисты в США призывали запретить книгу Л. Ф. Баума за допущение того, что могут существовать «добрые ведьмы» [Wolstenholme 2008: xxiii].

го, превращение его в бездушный механизм). Трусливый Лев – кандидат в президенты от партии популистов У. Дж. Брайан, не решающийся более активно бороться за интересы единомышленников. Как выясняют герои, жизнь Изумрудного города основывается на фальсификации – жители обязаны носить зеленые очки в золотой оправе (аллюзия на золотой стандарт и бумажные доллары), чтобы «не ослепнуть от сияния изумрудов». Таким образом, путь золотого стандарта ведет к иллюзии благоденствия, создаваемой бумажными долларами. По пути в свою комнату во дворце Дороти проходит через 7 коридоров и 3 пролета ступенек вверх (аллюзия на акт Конгресса США, названный популистами «Преступление 73», который изменил стандарт бумажных денег с биметаллического на золотой). Чтобы вернуться домой, Дороти использует магические серебряные башмаки, которые могут проявить свою магическую силу, если снять золотую шапочку (т. е. отказаться от золотого стандарта, чтобы перейти на серебряный стандарт).

Очевидно, что все эти аллюзии на дебаты по поводу финансов и политических предпочтений, понятные американским современникам, были недоступны советскому читателю, не имевшему соответствующих фоновых знаний. К тому же сам А. М. Волков стремился сделать сказку ближе советским детям, «вытравливая мещанскую мораль» американского текста [Галкина 2006: 98]. Также, по мнению Дж. Римпы и С. А. Шимберг [2020], в тексте Л. Ф. Баума были заложены многие мистические и теософские идеи, которые советский писатель неосознанно перенес в текст «Волшебника Изумрудного города» при переводе. Как бы то ни было, мистические и теософские измышления не поощрялись советской властью, поэтому вне зависимости от понимания А. М. Волковым подобных аллюзий их смыслы были недоступны советским детям.

Эти обстоятельства позволяют предположить, что литературные персонажи из книги А. М. Волкова не обладают многими концептуальными признаками, заложенными в англоязычный текст Л. Ф. Баумом, а значит, не могут служить основанием для регулярной метафоризации в русскоязычных дискурсах. Вместе с тем они литературных персонажей из книги А. М. Волкова довольно популярны в современных российских СМИ, что ставит проблему инвентаризации тех концептуальных признаков, которые служат источником содержания для метафорического осмысления реалий окружающего мира. Собственно признаки литературных онимов, положенные в основу метафор, являются свидетельством о содержательном плане соответствующего концепта, сформированного в сознании автора текста. Настоящая статья посвящена решению обозначенной проблемы на примере персонажа Железный Дровосек из сказки А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

Материал и методика исследования

Материалом для настоящего исследования послужили метафорические контексты употребле-

ния онима *Железный Дровосек* в российском медиадискурсе XXI века.

Методология исследования построена на постулатах теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 2003], теории концептуальной интеграции [Fauconnier 2009; Fauconnier, Turner 2002], теории метафорического моделирования [Баранов, Караулов 1994; Баранов 2014], литературоведческого анализа метафор [Ахметова 2010; Богданова 2016; Поттебня 1990; Кожевникова, Петрова 2000, 2010; Bird 2019; Cognitive Poetics 2009; Dib 2021; Picken 2007; Stockwell 2002]. Как показывает специальный обзор [Будаев, Чудинов 2006], в метафорологии существует несколько различных направлений исследований. Объединение эвристик различных подходов позволяет в одних случаях трактовать метафору как когнитивный механизм переноса содержания из одной концептуальной области (source domain) в другую концептуальную область (target domain) на основе аналогии (основания для метафоризации), в других случаях – рассматривать метафорический смысл как эмерджентный феномен, полностью не выводимый из сферы-источника и возникающий непосредственно в концептуальном бленде. В любом варианте когнитивный анализ необходимо проводить с учетом экстралингвистических факторов, влияющих на смыслопорождение текста, содержащего метафорический контекст (вербализованную метафору). Используемые методы: концептуальный анализ, дискурс-анализ, описание, обобщение, классификация.

Оним «Железный Дровосек» как источник метафорической концептуализации действительности в российском медиадискурсе

Рассмотрим, какие концептуальные признаки изучаемого литературного образа оказались востребованы в метафорических контекстах современных российских СМИ.

Концептуальный признак «Физическая сила и выносливость»

В русском языке прилагательное *железный* регулярно используется в переносном значении «очень крепкий», «сильный» (ср. *железное здоровье, железные нервы* и т. п.), поэтому неудивительно, что в следующем контексте образ Железного Дровосека используется для обозначения сильных и выносливых спортсменов. Ср.:

Клуб из Казахстана вновь вышел вперед, трижды бросив по воротам Ильи Ежова. Как ни старались заблокировать – 1:2. Хорошо, что и тут отыгрались. Отличился наш король танцев и Железный Дровосек – Евгений Тимкин¹.

А вот, например, силовые экстремалы без лишней шумихи буквально ворвались в элиту этого направления. И все благодаря капитану сборной Нижнего Новгорода Юрию Кузьмину, также известному как Железный Дровосек. Если еще в начале 2018 года он был практически единственным практикующим силовым экстремалом в городе, то теперь у него появилось немало адептов,

¹ Available at: <https://ufa.mk.ru/sport/2024/01/01/tolpar-i-agidel-ne-dolzhen-igrat-v-odno-vremya-s-salavatom.html>

с которыми он выступает на турнирах, а между соревнованиями придумывает своеобразные междусобойчики. Например, забег на Чкаловскую лестницу со стокилограммовой штангой¹.

Бесспорно, женщине нужна сила мужчины, но быть сильным всегда может, наверное, только Железный Дровосек. Поэтому, мне кажется, что если ты хочешь, чтобы мужчина чувствовал, что рядом с ним настоящая женщина, рядом с которой он может быть таким, какой он есть и не играть вечно какую-то особенную роль, имеет смысл знать и какие-то потайные уголки мужской души².

В следующем контексте данный признак используется в ироническом контексте, акцентируя внимание на бюрократическом равнодушии чиновников к «волоките» рядовых граждан, сочетая смыслы физической и психической выносливости. Ср.:

Но кто вернёт Ольге Александровне время, потраченное на хождение в банк в поисках доказательств, на часовые ожидания в коридоре офиса мирового судьи? И спрашивать бесполезно. Видимо, принято считать нас, рядовых граждан, железными дровосеками со стальными нервами. Ну и с большими карманами, где много денег лежит. Что не соответствует нашей унылой в плане финансов действительности³.

Концептуальный признак «Крепкое здоровье»

Хотя концептуальный признак «Крепкое здоровье» семантически пересекается с предыдущим признаком, его необходимо рассматривать отдельно. Крепкое здоровье не означает обязательное наличие физической силы и выносливости, о чем свидетельствуют рассматриваемые контексты, посвященные людям, не связанным со спортом. Ср.:

Садоводы уверенно советуют друг другу использовать железные гвозди, обожжённые консервные банки или прочий жестяной хлам. Последователи этого метода верят, что прошедшие пытку гвоздями яблони вырастут особенно стойкими и урожайными. Яблоки на них будут аж звенеть от повышенного содержания железа, и, вкушая их, сам хозяин делается крепким, как Железный Дровосек⁴.

Нимфы и деловых людей, которые нашли в себе силы с утра пораньше воспарить над кроватью и спуститься в подzemелье, окунают в бассейн, отправляют в комнату звукоцветотерапии, а потом отдают на растерзание массажисткам. После того как тело рыхлое, белое, рассыпчатое разобрано на кусочки и собрано заново, клиент чувствует себя Железным Дровосеком в его лучшие годы – тем более что ароматическое масло, кажется, проникло даже в глубь поперечно-полосатых мышц⁵.

Концептуальный признак «Неловкость»

Следующий признак имеет аксиологически

противоположный предыдущему смысл. Номинацию Железный Дровосек может получить неловкий спортсмен. Ср.:

Кстати, в детстве первый тренер в Академии имени Коноплева называл меня «Железный Дровосек». Я когда пришел после «Лады», был, скажем так, не самый техничный парень, просто бил по мячу – и все⁶.

В качестве сферы-мишени выступают не только движения человека, но и «неуклюжий» образ действий в целом, как в следующем контексте о коммунистической пропаганде. Ср.:

Представила как ветераны – коммунисты по всей стране сокрушаются: надорвал «Андреич» сердце, болея за народ! Болезнь – фактор крайне неприятный, но по-человечески бьющий на жалость и сочувствие. Но вскоре железным топором дровосека за дело взялась коммунистическая пропаганда. И привычно все изгадила. Нас стали убеждать, что у Геннадия Андреевича не сердце, а пламенный мотор. Разве что, давление чуть расширилось из-за погодных перемен⁷.

Концептуальный признак «Плохая подвижность»

В повести А. М. Волкова Железный Дровосек заржавел и потому был ограничен в движениях. Концептуальный признак «плохая подвижность» в метафорических контекстах связывается в сфере-мишени с усталостью, старостью или болезнью. Ср.:

Он пошутил, что в сравнении с ним президент – «все еще ребенок». Но тут же отметил, что верно на самом деле то, что, «пересекая лужайку Белого дома, вы идете как Железный Дровосек, нуждающийся в смазке»⁸.

А теперь сорок минут бега на выживание, – сказал инструктор, когда все уже прекратили надеяться на ужин. И мы побежали. С остановками, конечно, – на отжимание или спецназовские прыжки с приседаниями. Как это ни удивительно, но к финишу – столовой – я пришел третьим от конца. Последними пришли великаны Н-ской дивизии. Вид у них был жалкий и очень злой. Они не любили бегать. Всю дорогу они ковыляли сзади, как подбитые «железные дровосеки», измученно матерились и были готовы в любой момент рухнуть, желательно, на инструктора, чтобы удавить его раз и навсегда⁹.

Так как работа ржавого механизма вызывает скрип, врачи называют железными дровосеками больных с четвертой степенью артроза, при которой плохая подвижность сочетается со скрипом суставов. Ср.:

Людей с четвертой степенью артроза врачи – люди со специфическим чувством юмора – называют «железными дровосеками», потому что помимо малой подвижности и искривления ног движения человека сопровождаются характерным скрипом¹⁰.

¹ Available at: <https://nn.mk.ru/sport/2019/01/18/nizhegorodskie-sportsmeny-zavoevali-365-nagrada-v-2018-godu.html>

² Available at: <https://aif.ru/health/psychologic/30551>

³ Available at: <https://saratov.mk.ru/articles/2016/12/14/ko-vsem-napastyam-zhiteley-gubernii-sleduet-prichislit-i-razgildyaystvopri-ispolnenii.html>

⁴ Available at: https://aif.ru/dacha/garden/naprasnyy_trud_pochemu_ne_nado_sazhat_yablonyu_v_yamu_s_gvozdnyami

⁵ Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2009/02/06/229977-zavtrak-s-vidom-na-abramovicha.html>

⁶ Available at: <https://kavkaz.mk.ru/sport/2022/05/17/aleksandr-nesterov-sash-v-komande-mnogo-no-my-ne-putaemsiya.html>

⁷ Available at: <https://aif.ru/politics/world/33912>

⁸ Available at: <https://www.mk.ru/social/2022/07/17/wsj-pereizbratsya-79letnemu-baydeny-pomeshayut-neizbeznyevozrastnye-izmeneniya.html>

⁹ Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/1998/06/09/131857-kokteyl-iz-napalma.html>

¹⁰ Available at: <https://www.mk.ru/old/article/2002/03/01/159764-napolusognutyih.html>

Да, его случай был не из легких – помимо хронического артрита, практически на всех суставах были плотные узлы, называемые тофусами. Пациент не мог двигаться без посторонней помощи. В отделении его даже прозвали Железным Дровосеком... К счастью, у этой истории оказался счастливый конец... Через месяц бывший Железный Дровосек покинул клинику, забыв про костыли¹.

Концептуальный признак «Неэстетичность»

Среди самых популярных признаков – неэстетичность, приписываемая различным памятникам и скульптурам. Еще в советские времена прозвище Железный Дровосек закрепилось за памятником Ю. А. Гагарину в Москве. Ср.:

Уже не раз случалось – скульптор задумывает одно, а публика видит в его творении совсем иное. Граждано-острословы могут так «припечатать»... Вот и некоторые из московских памятников оказались отмечены в городском фольклоре: «Железный Дровосек» – сверкающая стальная фигура первого в мире космонавта, вознесенная на металлической стеле над площадью Юрия Гагарина².

Во всем мире памятникам принято давать прозвища. Инициатором был Пушкин – он дал Петру имя «Медный всадник». А Раневская назвала памятник Карлу Марксу «холодильник с бородой». Гагарина кличут «Железным дровосеком» или «Бэтменом»³.

Самого Гагарина – из-за его внушительного вида – в народе называли Бэтменом, Железным Дровосеком и даже Трансформером⁴.

Как показывают примеры, эта же аналогия используется и в настоящее время при описании неудачного творчества скульпторов (скульптура «Девушка с зонтиком» в Севастополе, «Аленка» в Новосибирске). Ср.:

Фонтан-скульптура был открыт в Севастополе рядом с причалом в районе Радиогорки 31 октября. «Девушка с зонтиком» в откровенном наряде не простояла и трех дней. Все это время в соцсетях шла горячая дискуссия. Одни поддерживали автора, который решил облагородить один из уголков главной бухты города. Другие указывали на безвкусицу и сравнивали «Девушку с зонтиком» с «дамой из Аватара», «манекеном из магазина», «Железным дровосеком»⁵.

Еще один пример неоднозначного авторского взгляда на современное искусство обнаружился на улицах Новосибирска. Во дворе одного из домов была замечена «сестра» Аленки – скандально известной скульптуры из Нововоронежа, спровоцировавшей споры федерального масштаба. О необычной скульптуре стало известно от пользователей соцсетей. Монумент представляет собой композицию из четырех фигур: девушка с мячиком, пес и двое юношей, запускающих воздушного змея. Пользователи попытались поставить «диагноз» девушке из бронзы и нашли у нее лунатизм, вампиризм, базедову болезнь

и неудачные грудные импланты. «Тот случай, когда в художественном училище учился на дистанционке», «Железный дровосек и его родственники», «Куда смотрит художник?», «Накинулись все на Алёнку, а что в ней не так? От такой жизни мы все такие...» —гласят комментарии⁶.

Концептуальный признак «Моральная безупречность»

Помимо физических характеристик Железного человека в СМИ актуализируется признак моральной безупречности, который используется при описании работников органов правопорядка. Ср.:

Ведь если начать увольнять следов за случаи нарушения присяги, не ставшие достоянием общест-венности, в СК очень быстро останется, в лучшем случае, с десяток безупречных железных дровосеков и Бастрыкин. Работать некому будет⁷.

Кроме того, Аулов получил среди сослуживцев про-звище Железный Дровосек за нетерпимое отношение к тем, кто занимается «крышеванием»⁸.

Концептуальный признак «Аморальность»

Вместе с тем рассматриваемая метафора может иметь прямо противоположный смысл. Же-лезный механизм способен работать, не обращая внимания на этические аспекты. Ср.:

Но если Фарит Муламетов, человек, каких на свете тысячи, стал жертвой «железного дровосека», милиции, у которой проблемы с удовлетворением начальства по части показателей, – ему нужно помочь. И как можно скорей⁹.

Железный дровосек «вырубил» истринскую судеб-ную систему¹⁰ [речь идет о лесничем, который за-нимался незаконной вырубкой леса, но все время избегал наказания за преступления].

Концептуальный признак «Немилосердность»

Концептуальный признак «Немилосердность» близок по содержанию к предыдущему признаку: железный механизм работает, невзирая на челове-ческие чувства. Ср.:

Как следует из интервью Лукашенко, он всегда переживает, когда подписывает смертный приговор, но несмотря на душевные страдания, никого не милует. Так и сказал: «Вот часто спрашивают: “Что для вас самое сложное?”. Я уже говорил как-то публично, что для меня самое сложное – подписать соответствующий указ о помиловании. Помиловал же я за весь период, по-моему, только одного человека». А расстреляно за его годы правления было более 200 заключенных. Прямо не человек, а «железный дровосек» – нежное сердце щемит, но рубить надо¹¹.

¹ Available at: <https://aif.ru/health/life/5075>

² Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2001/03/02/112162-vseh-izuvekovechim.html>

³ Available at: <https://www.mk.ru/culture/2012/08/07/734193-gemorroj-porusski.html>

⁴ Available at: <https://www.mk.ru/moscow/2017/03/31/s-1-aprelya-moskva-kak-lenin-i-gagarin-pivo-pili.html>

⁵ Available at: <https://www.mk.ru/social/2021/11/03/sestra-alenki-v-sevastopole-demontirovali-polugoluyu-devushku-s-zontikom.html>

⁶ Available at: <https://www.mk.ru/social/2020/12/27/v-sibiri-nashli-sestru-novovoronezhskoy-alenki.html>

⁷ Available at: <https://www.mk.ru/politics/2020/02/13/za-kriki-ae-na-gulyanke-silovikov-nespravedlivo-uvolili-tolko-sledovatelya.html>

⁸ Available at: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/11/08/175525-tsentri-rossii-prikroet-piterets.html>

⁹ Available at: <https://www.mk.ru/social/article/2006/11/01/175781-trehgroshovye-opera.html>

¹⁰ Available at: <https://www.mk.ru/amp/old/article/2002/01/14/172315-zheleznyiy-drovosek.html>

¹¹ Available at: <https://www.mk.ru/politics/2012/03/21/684199-plachuschiy-diktator.html>

Концептуальный признак «Беспечность»

В следующем контексте активизируется концептуальный признак «беспечности», проявленный в бленде, который интегрирует инференцию о том, что Железный Дровосек не болеет человеческими болезнями, и образ крановщика, пренебрегающего опасностью, словно Железный Дровосек. Ср.:

Крановщик на стройке полез на кран, поскользнулся на обледеневшей ступеньке и рухнул с десятиметровой высоты. Головой вниз. У рабочего не было ни единой царапины, только несильный ушиб и нервное потрясение от испуга. Тем не менее не стоит рассчитывать на удачу и вести себя так, словно вы Железный Дровосек и ничего, кроме ржавчины, вам в этой жизни не грозит. Не забывайте, что травмы сопровождают человека от рождения до смерти, и намного лучше, если они всегда будут не страшнее пореза на пальце¹.

Концептуальный признак «Глупость»

Железный Дровосек лишен мозга, что позволяет актуализировать данный признак для описания глупого человека (хотя этот признак прототипически связан с другим персонажем сказки – Страшилой). Ср.:

Милиция – она ведь тоже не из железных дровосеков сформирована. Там знают, что два мужа в одной квартире – это непорядок².

Концептуальный признак «Металлический механизм»

Данный признак востребован для описания артефактов, сделанных из металла (бытовых приборов, медицинских протезов и т. п.). В следующем контексте блендер, сделанный из железа, описывается как «железный дровосек», что должно подчеркнуть надежность и функциональность прибора. Ср.:

Железный дровосек. Внешний вид Moulinex Soup & Co впечатляет обилием металла. Пластик, конечно, тоже есть, но и металла много. Это такой солидный прибор. Выглядит она, как стационарный блендер. С той разницей, что кувшин здесь из нержавеющей стали. Мощно всё смотрится³.

Схожим образом устанавливается аналогия между железным дровосеком и пациентами с металлическими протезами. Ср.:

Смазка для железного дровосека. Куда приводит странствование солей. ЖИЛ-БЫЛ в сказке «Волшебник Изумрудного города» Железный Дровосек. Однажды он попал под дождь и заржавел. Потом его смазали маслом, и он задвигался. Успехи медицины сделали братьями Дровосека и наших современников, в организме которых отдельные природные детали заменены на металлические.

Успехи протезирования хорошо сочетаются с идеями трансгуманизма, направленного на улучшение умственных и физических возможностей человека за счет замены «слабых узлов» человеческого организма. Ироническим символом этой тенденции может служить Железный Дровосек. Ср.:

Замышлялось электромеханическое действие, зна-

менующее триумф передовой техники над природой и слабым, ничтожным человеком-сапиенс, который признавался чем-то, вроде тупика мироздания. Будущее – за мудрой и блестящей конструкцией, за электричеством и железными дровосеками⁴.

И прежде всего страдает человек. Вырождается как вид, как категория, как идея. Он становится рабом собственного тела. Новая нормальность влечёт за собой новую телесность: зомби, не раз убитые на войне, мутанты, выведенные учёными-селекционерами, стойкие к холоду, нагрузкам и болезням, биороботы, умеющие улыбаться и плакать. С ними человек соседствует, как Элли со львом, Страшилой и Железным дровосеком. Сначала сместилась граница человеческое-животное, затем – живое-неживое⁵.

Концептуальный признак «Смелость»

Признак смелости хорошо коррелирует с литературным персонажем – Железный дровосек не раз проявлял смелость на протяжении всей повести. Это фоновое знание служит основанием для метафорического использования данного онима детьми, желающими быть похожими на своих любимых героев. Ср.:

Вымышленные друзья, как правило, появляются у детей в возрасте трех-пяти лет. Причина возникновения этих персонажей – буйная фантазия малышей. Ты ведь сама читаешь ему на ночь сказки о Чебурашке и Буратино и ничуть не удивляешься, когда на следующий день ребенок называет себя Крокодилом Геной, смелым Железным Дровосеком или Человеком-науком⁶.

Концептуальный признак «Упрямство»

В произведении А. М. Волкова Железный Дровосек и Страшила регулярно вели споры о том, что лучше – сердце или мозги. Однажды герои, увлеченные таким спором, не заметили, как Элли украл Людоед. Это знание может служить основанием для использования метафоры Железный Дровосек при описании упрямого человека. Ср.:

Он как «железный дровосек» – его не переспоришь, не переубедишь. Он дочери запретил стать музыкантом. Хотя у Анны были хорошие данные, даже учительница из музыкальной школы приходила разговаривать. А он – нет, и все. Объяснял так: «Я эту кухню изнутри знаю. И знаю, что взойти на вершину можно только либо через постель, либо работая на износ, как Лайма. Ни того, ни другого пути я своей дочери не желаю»⁷.

Заключение

Метафорическая актуализация онимов, входящих к произведениям детской литературы, является отличительной чертой современного российского медиадискурса. Например, «врач нередко обозначается как доктор Айболит, милиционера называют дядя Степа, простодушного человека – Незнайка» [Будаев, Чудинов, Нахимова 2019: 24]. Как показал анализ, образ Железного Дровосека из сказки А. М. Волкова широко востребован в со-

¹ Available at: <https://archive.aif.ru/archive/1636806>

² Available at: <https://www.mk.ru/social/article/2005/11/11/189512-tayna-pokryitaya-brakom2.html>

³ Available at: <https://aif.ru/food/household/36713>

⁴ Available at: https://zavtra.ru/blogs/zaum_na_ges-2

⁵ Available at: https://zavtra.ru/blogs/chelovek_nam_tol_ko_snitsya

⁶ Available at: <https://aif.ru/society/11343>

⁷ Available at: <https://archive.aif.ru/archive/1725130>

временном российском медиадискурсе и может продолжить этот ряд, но, в отличие от упомянутых онимов, данное имя не обладает одним доминирующим прототипическим смыслом, легко угадываемым читателями, а представляет собой размытое множество нескольких концептуальных признаков, служащих источником информации для метафорического переноса («Физическая сила и выносливость», «Крепкое здоровье», «Неловкость», «Плохая подвижность», «Неэстетичность», «Моральная безупречность», «Аморальность», «Немилосердность», «Беспечность», «Глупость», «Металлический механизм», «Смелость», «Упрямство»). При этом регулярно обнаруживается аксиологическая амбивалентность рассматриваемой метафоры. С одной стороны, Железным Дровосеком называют сильного и выносливого атлета (положительная оценка), с другой – неловкого и неуклюжего спортсмена (отрицательная оценка). Схожим образом Железными Дровосеками метафорически обозначают как морально безупречных работников органов правопорядка (мелиоративный смысл), так и аморальных полицейских, стремящихся любой ценой выполнить показатели (пейоративный смысл).

Как ожидалось, среди концептуальных при-

знаков, задействованных в метафорических проекциях, полностью отсутствуют доминирующие смыслы, заложенные в литературный образ Л. Ф. Баумом (промышленный рабочий, обезчеловеченный механизацией и жадностью банкиров). Однако ведущий мотив поведения Железного Дровосека, мечтающего вернуть утраченное сердце, в повести А. А. Волкова также оказался в российских СМИ не востребованным. Некоторые примеры представляют собой не классический перенос уже готового содержания из сферы-источника в сферу-мишень (как это описано в теории концептуальной метафоры), а примеры эмерджентной семантики, возникающей из взаимодействия нескольких сфер-источников, участвующих в порождении смысла в бленде, уникальном для конкретного текста (как это описано в теории концептуальной интеграции).

Как обычно бывает в научных исследованиях, действительность всегда сложнее гипотетических предположений, а значит, дальнейшие изыскания по вопросу метафор, восходящих к литературным персонажам, позволят лучше понимать, как образы героев книг запечатлеваются в сознании читателей, проявляя себя спустя годы в определенном дискурсивном контексте.

Литература

- Ахметова, Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы) / Г. Д. Ахметова. – СПб. : Реноме, 2010. – 244 с.
- Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
- Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
- Богданова, Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация / Е. С. Богданова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2016. – № 3 (52). – С. 1–10.
- Будаев, Э. В. Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил, 24–25 октября 2019 г.) / отв. ред. А. Н. Садриева. – Нижний Тагил : НТГСПИ, 2019. – С. 23–31.
- Будаев, Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – 2006. – № 17. – С. 35–77.
- Галкина, Т. В. Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах / Т. В. Галкина. – Томск : ТГПУ, 2006. – 268 с.
- Григорян, Л. А. Сопоставление редакций сказки «Волшебник изумрудного города» А. М. Волкова: послепубликационный этап доработки текста / Л. А. Григорян // Детская книга в цифровую эпоху : сборник трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Томск, 2022. – С. 8–19.
- Кожевникова, Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Т. 1. Птицы / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 476 с.
- Кожевникова, Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Т. 2. Звери, насекомые, рыбы, змеи / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М. : Языки русской культуры, 2010. – 512 с.
- Потебня, А. А. Теоретическая поэтика. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
- Bird, J. Mark Twain and the Conflicted Metaphor of Nature / J. Bird // The Mark Twain Annual. – 2019. – Vol. 17 (1). – P. 129–139. – DOI: 10.5325/marktwaij.17.1.0129.
- Brotman, J. A Late Wanderer in Oz / J. Brotman // Chicago Review. – 1965. – Vol. 18 (2). – P. 63–73. – DOI: 10.2307/25294012.
- Brown, E. H. Web of Debt. The Shocking Truth About Our Money System and How We Can Break Free / E. H. Brown. – Baton Rouge : Third Millennium Press, 2012. – 529 p.
- Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps / ed. by G. Brone, J. Vandaele. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2009. – 560 p. – DOI: 10.1515/9783110213379.

- Culver, S. Growing up in Oz / S. Culver // *American Literary History*. – 1992. – Vol. 4 (4). – P. 607–628. – DOI: 10.1093/alh/4.4.607.
- Dib, R.-M. *Jungian Metaphor in Modernist Literature* / R.-M. Dib. – London : Routledge, 2021. – 232 p. – DOI: 10.4324/9780429058448.
- Erisman, F. L. Frank Baum and the Progressive Dilemma / F. L. Erisman // *American Quarterly*. – 1963. – Vol. 20 (3). – P. 616–623. – DOI: 10.2307/2711021.
- Fauconnier, G. Generalized Integration Networks / G. Fauconnier // *New Directions in Cognitive Linguistics* / ed. by V. Evans, S. Pourcel. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – P. 147–160. – DOI: 10.1075/hcp.24.12fau.
- Fauconnier, G. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
- Griswold, J. There's No Place but Home: The Wizard of Oz / J. Griswold // *The Antioch Review*. – 1987. – Vol. 45 (4). – P. 462–475. – DOI: 10.2307/4611799.
- Hearn, M. P. Finding Oz: How L. Frank Baum Discovered the Great American Story, and: The Real Wizard of Oz: The Life and Times of L. Frank Baum / M. P. Hearn // *Children's Literature Association Quarterly*. – 2010. – Vol. 35 (3). – P. 313–319. – DOI: 10.1353/chq.2010.0002.
- Kheirbek, T. H. The Use and Symbolism of Animals in the Wonderful Wizard of Oz / T. H. Kheirbek, R. A. Ezzat // *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature, and Language Teaching*. – 2020. – Vol. 4 (2). – P. 203–211. – DOI: 10.30743/ll.v4i2.3059.
- Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 256 p. – DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.
- Littlefield, H. M. The Wizard of Oz: Parable on Populism / H. M. Littlefield // *American Quarterly*. – 1964. – Vol. 16 (1). – P. 47–58. – <https://doi.org/10.2307/2710826>.
- Ningtyas, A. R. The Character Development in The Wonderful Wizard of Oz by L. Frank Baum / A. R. Ningtyas, M. A. Misbahul, K. P. Subagyo // *JoLLA: Journal of Language, Literature, and Arts*. – 2022. – Vol. 2 (10). – P. 1386–1397. – DOI: 10.17977/umo064v2i102022p1386-1397.
- Parker, D. B. The Rise and Fall of The Wonderful Wizard of Oz as a 'Parable on Populism' / D. B. Parker // *Journal of the Georgia Association of Historians*. – 1994. – Vol. 15. – P. 49–63.
- Picken, J. D. *Literature, Metaphor, and the Foreign Language Learner* / J. D. Picken. – London : Palgrave Macmillan, 2007. – 174 p. – DOI: 10.1057/9780230591608.
- Ritter, G. Silver Slippers and a Golden Cap: L. Frank Baum's "The Wonderful Wizard of Oz" and Historical Memory in American Politics / G. Ritter // *Journal of American Studies*. – 1997. – Vol. 31 (2). – P. 171–202. – DOI: 10.1017/s0021875897005628.
- Rockoff, H. *The Historian's Wizard of Oz: Reading L. Frank Baum's Classic as a Political and Monetary Allegory* / H. Rockoff. – Westport, CT : Praeger, 2002. – 149 p.
- Рыпма, Ю. А. Theosophical Links in Baum and Volkov: Mining Gemstones in the World of Oz and the Emerald City / Ю. А. Рыпма, S. S. Shimberg // *Перевод. Язык. Культура : материалы XI международной научно-практической конференции*. – СПб., 2020. – С. 73–85.
- Stockwell, P. *Cognitive Poetics: An Introduction* / P. Stockwell. – London : Routledge, 2002. – 208 p. – DOI: 10.4324/9780203995143.
- Wolstenholme, S. *Introduction* / S. Wolstenholme // *Baum F. The Wonderful Wizard of Oz*. – New York : Oxford University Press, 2008. – P. IX–XLIII.

References

- Akhmetova, G. D. (2010). *Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy)* [The Linguistic Space of the Fiction Text (Based on Contemporary Russian Prose)]. Saint Petersburg, Renome. 244 p.
- Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 632 p.
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, Pomovskii i partnery. 351 p.
- Bird, J. (2019). Mark Twain and the Conflicted Metaphor of Nature. In *The Mark Twain Annual*. Vol. 17 (1), pp. 129–139. DOI: 10.5325/marktwain.17.1.0129.
- Bogdanova, E. S. (2016). Metafora v khudozhestvennom tekste: funktsii, vospriyatie, interpretatsiya [Metaphor in Fiction: Functions, Perception, Interpretation]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. No. 3 (52), pp. 1–10.
- Brone, G., Vandaele, J. (Eds.). *Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps*. Berlin, Mouton de Gruyter. 560 p. DOI: 10.1515/9783110213379.
- Brotman, J. (1965). A Late Wanderer in Oz. In *Chicago Review*. Vol. 18 (2), pp. 63–73. DOI: 10.2307/25294012.
- Brown, E. H. (2012). *Web of Debt. The Shocking Truth About Our Money System and How We Can Break Free*. Baton Rouge, Third Millennium Press. 529 p.
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskii, evropeiskii i rossiiskii varianty issledovaniya [Conceptual Metaphor in Political Discourse: American, European, and Russian Research Options]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*. No. 17, pp. 35–77.

- Budaev, E. V., Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A. (2019). Buratino kak pretsedentnyi fenomen v rossiiskikh SMI [Buratino as a Precedent Phenomenon in Russian Media]. In Sadrieva, A. N. (Ed.). *Detskaya kniga kak institut sotsializatsii: «zolotoi klyuchik» k miru vzroslykh: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nizhnii Tagil, 24–25 oktyabrya 2019 g.)*. Nizhny Tagil, NTGSPi, pp. 23–31.
- Culver, S. (1992). Growing up in Oz. In *American Literary History*. Vol. 4 (4), pp. 607–628. DOI: 10.1093/alh/4.4.607.
- Dib, R.-M. (2021). *Jungian Metaphor in Modernist Literature*. London, Routledge. 232 p. DOI: 10.4324/9780429058448.
- Erisman, F. L. (1963). Frank Baum and the Progressive Dilemma. In *American Quarterly*. Vol. 20 (3), pp. 616–623. DOI: 10.2307/2711021.
- Fauconnier, G. (2009). Generalized Integration Networks. In Evans, V., Pourcel, S. (Eds.). *New Directions in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 147–160. DOI: 10.1075/hcp.24.12fau.
- Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books. 440 p.
- Galkina, T. V. (2006). *Neznakomyi Aleksandr Volkov v vospominaniyakh, pis'makh i dokumentakh* [Unknown Alexander Volkov in Memories, Letters and Documents]. Tomsk, TGPU. 268 p.
- Grigoryan, L. A. (2022). Sopotavlenie redaktsii skazki «Volshebnyk izumrudnogo goroda» A. M. Volkova: poslepublikatsionnyi etap dorabotki teksta [Comparison of Editions of the Fairy Tale “The Wizard of the Emerald City” by A. M. Volkov: Post-publication Stage of Text Revision]. In *Detskaya kniga v tsifrovuyu epokhu: sbornik trudov po materialam Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tomsk, pp. 8–19.
- Griswold, J. (1987). There's No Place but Home: The Wizard of Oz. In *The Antioch Review*. Vol. 45 (4), pp. 462–475. DOI: 10.2307/4611799.
- Hearn, M. P. (2010). Finding Oz: How L. Frank Baum Discovered the Great American Story, and: The Real Wizard of Oz: The Life and Times of L. Frank Baum. In *Children's Literature Association Quarterly*. Vol. 35 (3), pp. 313–319. DOI: 10.1353/chq.2010.0002.
- Kheirbek, T. H., Ezzat, R. A. (2020). The Use and Symbolism of Animals in the Wonderful Wizard of Oz. In *Language Literacy: Journal of Linguistics, Literature, and Language Teaching*. Vol. 4 (2), pp. 203–211. DOI: 10.30743/ll.v4i2.3059.
- Kozhevnikova, N. A. (2010). *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Vol. 2. Zveri, nasekomye, ryby, zmei. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 512 p.
- Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Yu. (2000). *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials for the Dictionary of Metaphors and Similes of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Vol. 1. Ptitsy. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 476 p.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press. 256 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.
- Littlefield, H. M. (1964). The Wizard of Oz: Parable on Populism. In *American Quarterly*. Vol. 16 (1), pp. 47–58. <https://doi.org/10.2307/2710826>.
- Ningtyas, A. R., Misbahul, M. A., Subagyo, K. P. (2022). The Character Development in The Wonderful Wizard of Oz by L. Frank Baum. In *JoLLA: Journal of Language, Literature, and Arts*. Vol. 2 (10), pp. 1386–1397. DOI: 10.17977/umo64v2i10o2022p1386-1397.
- Parker, D. B. (1994). The Rise and Fall of The Wonderful Wizard of Oz as a ‘Parable on Populism’. In *Journal of the Georgia Association of Historians*. Vol. 15, pp. 49–63.
- Picken, J. D. (2007). *Literature, Metaphor, and the Foreign Language Learner*. London, Palgrave Macmillan. 174 p. DOI: 10.1057/9780230591608.
- Potebnya, A. A. (1990). *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 344 p.
- Ritter, G. (1997). Silver Slippers and a Golden Cap: L. Frank Baum's “The Wonderful Wizard of Oz” and Historical Memory in American Politics. In *Journal of American Studies*. Vol. 31 (2), pp. 171–202. DOI: 10.1017/s0021875897005628.
- Rockoff, H. (2002). *The Historian's Wizard of Oz: Reading L. Frank Baum's Classic as a Political and Monetary Allegory*. Westport, CT, Praeger. 149 p.
- Rypma, Ju. A., Shimberg, S. S. (2020). Theosophical Links in Baum and Volkov: Mining Gemstones in the World of Oz and the Emerald City. In *Perevod. Yazyk. Kul'tura: materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saint Petersburg, pp. 73–85.
- Stockwell, P. (2002). *Cognitive Poetics: An Introduction*. London, Routledge. 208 p. DOI: 10.4324/9780203995143.
- Wolstenholme, S. (2008). Introduction. In Baum, F. *The Wonderful Wizard of Oz*. New York, Oxford University Press, pp. IX–XLIII.

Данные об авторах

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: aedw@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: nakhimova@gmail.com.

Дата поступления: 20.02.2025; дата публикации: 28.03.2025

Authors' information

Budaev Eduard Vladimirovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Nakhimova Elena Anatolievna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 20.02.2025; date of publication: 28.03.2025

УДК 811.161.1'42+821.161.1-3+811.161.1'38. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-67-73.
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш33(2Рос=Рус).
 ГРНТИ 17.07.21. Код ВАК 5.9.3

ABSURD AS A MEANS OF TEXT GENERATION: GOGOL – BULGAKOV – MODERN MEDIA¹

Natalya B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1208-1202>

Translator: Budaev Eduard Vladimirovich (Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia)

Abstract. The article is devoted to absurd as a means of text formation in the works of N. V. Gogol and M. A. Bulgakov. Absurd is interpreted by the author of the article from the content-formal positions: both as the absence of meaning (absurdity, nonsense), and as a form of transformation of meaning determined by the author's goal setting (carnivalization of utterance). The article attempts to identify representations of absurd in the fiction of Gogol and Bulgakov based on the theoretical model of the genre created by N. L. Leiderman. In the prose of Gogol, absurd is a necessary component of human existence, its system-forming feature. Absurd is represented at the level of content (the use of absurd plot moves and situations), at the level of expression (the transfer of absurd through the subject and speech organization of the text) and at the level of perception. The specificity of speech organization of the text in the prose of Gogol can be attributed to: introduction of words into the context, intentional violations of lexical compatibility, special construction of complex sentences, combination of the meanings of "affirmation – negation" in one sentence, mixing of stylistic systems, the use of means of linguistic reflection, artistic details and other expressive means of language and speech. In its turn, the specificity of Bulgakov's prose presupposes a semi-fantastic and fantastic embodiment of reality. To intertwine reality and fiction Bulgakov actively uses the potential of the text chronotope, lexemes denoting deviation from the norm ("strange", "insane", "ridiculous", "inexplicable", etc.) and a number of devices expressing the author's attitude to what is being discussed. The author of this article associates the prospects for the study of absurd with the journalistic format of discourse. These prospects may include the identification of the informational nature of absurd (the initial lack of meaning or its transformation); the definition of the genre form of absurd statements; the characteristic of the functions of absurd and its speech representations (coding tools); the development of a series of techniques and a comprehensive methodology for decoding the absurd, as well as establishing its role and place in the paradigm of journalistic discourse.

Keywords: absurd; fiction texts; literary discourse; Russian writers; literary genres; genre models; speech organization of the text; subject organization of the text; N. V. Gogol; M. A. Bulgakov; media texts

For citation: Ruzhentseva, N. B. (2025). Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 67–73. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-67-73.

АБСУРД КАК СРЕДСТВО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ: ГОГОЛЬ – БУЛГАКОВ – СОВРЕМЕННЫЕ СМИ

Руженцева Н. Б.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1208-1202>

SPIN-код: 9753-5994

Переводчик: Будаев Эдуард Владимирович

(Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

Аннотация. Статья посвящена абсурду как средству текстообразования в произведениях Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова. Абсурд интерпретируется автором статьи с содержательно-формальных позиций: и как отсутствие смысла (нелепость, бессмыслица), и как форма трансформации смысла, детерминированная авторской целеустановкой (карнавализация высказывания). В статье сделана попытка выявить репрезентации абсурда в художественной прозе Н. Гоголя и М. Булгакова с опорой на теоретическую модель жанра, созданную Н. Л. Лейдерманом. В прозе Н. Гоголя абсурд является необходимой составляющей человеческого бытия, его системообразующим признаком. Абсурд репрезентирован на уровне плана содержания (использование абсурдных сюжетных ходов и ситуаций); плана выражения (передача абсурда посредством субъектной и речевой организации текста) и плана восприятия. К возможностям речевой организации текста в прозе Н. Гоголя можно отнести: инкрустации слова в контекст, намеренные нарушения лексической сочетаемости, особое построение сложных предложений, сочетание в одном предложении смыслов «утверждение – отрицание», смешение стилевых систем, использование средств языковой рефлексии, художественных деталей и иных выразительных средств языка и речи. В свою очередь, специфика прозы М. Булгакова предполагает полуфантастическое и фантастическое воплощение реальной действительности. Для переплетения реальности и фантастики М. Булгаков активно использует возможности хронотопа текстов, лексемы со значением отклонения от нормы («странный», «безумный», «нелепый», «необъяснимый» и др.) и целый ряд речевых средств, выражающих отношение автора к тому, о чем идет речь. Перспективы исследования абсурда

¹ The paper was originally published in Russian: Ruzhentseva, N. B. (2022). Absurd as a Means of Text Generation: Gogol – Bulgakov – Modern Media. In *Political Linguistics*. No. 6, pp. 166–173. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_18.

автор данной статьи связывает с публицистическим форматом дискурса. Это выявление информационной природы абсурда (первоначальное отсутствие смысла или его трансформации); определение жанровой формы абсурдных высказываний; характеристика функций абсурда и его речевых репрезентаций (средств кодирования); разработка серии приемов и целостной методики декодирования абсурда, а также установления его роли и места в парадигме публицистического дискурса.

Ключевые слова: абсурд; художественные тексты; художественный дискурс; русские писатели; литературные жанры; жанровые модели; речевая организация текста; субъектная организация текста; Н. В. Гоголь; М. А. Булгаков; медиатексты

Для цитирования: Руженцева, Н. Б. Абсурд как средство текстообразования: Гоголь – Булгаков – современные СМИ / Н. Б. Руженцева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 67–73. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-67-73.

The concept of “absurd” in relation to an utterance can be considered from at least two angles – from the standpoint of content and from the standpoint of form. In terms of content, absurdity is understood as “absurdity, nonsense” [Dictionary of the Russian language 1981], “something illogical, absurd, contrary to common sense”. A broader definition of absurdity is given by V. I. Karasik: “Absurdity, understood as a significant absence of meaning where there should be meaning, permeates all aspects of human life due to the fact that in human nature the rational is inextricably linked with the irrational” [Karasik 2010: 136]. This makes it possible to consider something unreal and fantastic as absurd.

In turn, from the substantive and formal positions, the absurd is associated with the carnivalization of the utterance, cf., for example, the manifestations of the absurd in postmodernist texts: “... a playful, carnival element, everything is subject to mischievous transformations: being and its home – language, the virtual is fancifully woven into the real, traditional methods of nomination explode and invade someone else’s conceptual and thematic field, striking with the freshness and originality of form and content” [Smetanina 2002: 87].

As a means of text formation, the absurd was actively used in Russian literature of the 19th century, and primarily in the works of N. V. Gogol and M. E. Saltykov-Shchedrin. M. E. Saltykov-Shchedrin considered the unfair social structure of Russian life to be absurd – “the known order of things”, which is the subject of satirical depiction, cf. an excerpt from a letter to the editors of the magazine “Vestnik Evropy” (1871): “Depicting life under the yoke of madness, I counted on arousing in the reader a bitter feeling, and by no means a cheerful disposition... For me, chronology does not present any constraints, because... I am not at all exposing history to ridicule, but a certain order of things” [Quoted from: Goryachkina 1976]. In turn, for N. V. Gogol, the absurd is an integral part of human existence, its necessary, system-forming feature, which has been noted by researchers of the writer’s work, cf., for example, the statement of V. Nabokov: “The absurd was Gogol’s favorite muse, but when I use the term ‘absurd’, I do not mean either the bizarre or the comic... It would be wrong to assert that Gogol places his characters in absurd situations. You cannot put a man in an absurd position if the whole world in which he lives is absurd; you cannot if you mean by the word ‘absurd’ something that evokes a chuckle or a shrug. But if you mean by it something that evokes pity... then the necessary gap appears, and

the pitiful creature, lost in the nightmarish, irresponsible Gogolian world, becomes ‘absurd’ by the law, so to speak, of inverse contrast” [Nabokov 1996: 125].

In this article, we have attempted to identify representations of the absurd in fiction based on a theoretical model of the genre. The model chosen for analysis has a three-part structure: the content plane, the expression plane, including the main carriers of the genre (subjective, spatio-temporal and intonational-speech organization, as well as the associative background) and the perception plane [Leyderman, Lipovetsky, Barkovskaya, Lozhkova 1996]. The absurd in the works of N. V. Gogol is represented at the levels of:

- 1) the content plane of the text (the use of absurd plot moves and situations);
- 2) the expression plane (the use of the possibilities of the subjective organization of the text: the author’s speech, someone else’s speech, including the speech of the characters, etc.). In addition, N. V. Gogol actively used the possibilities of the speech organization of the text, including:
 - words (inlays of words in the context);
 - phrases (violation of lexical compatibility, paradox, oxymoron);
 - sentences (specificity of sentence structure, combination of the meanings “affirmation” – “denial” in a sentence);
 - style (deliberate polystylism);
 - artistic details and other figurative means of language;
- 3) plan of text perception.

Let us give examples of the textual embodiment of the absurd in the works of N. V. Gogol (the story “The Overcoat”, the poem “Dead Souls”).

1. The external absurdity of the plot as a whole: “The life of the hero is observed:

- 1) in a ‘pure’, traditional form,
- 2) in a changed form (life in the era of the new overcoat) and
- 3) in a distorted form (after the loss of the overcoat and the death of the hero)” [Kozhin, Vedenyapina 1991: 58].

2. An absurd situation – the appearance of a dead man taking overcoats from passers-by (the fantastic nature of the situation is emphasized by the author):

– *Our poor story unexpectedly takes a fantastic ending. Rumors suddenly spread through St. Petersburg that at the Kalinkin Bridge and far beyond, a dead man in the form of an official began to appear at night, looking for some stolen overcoat and, under the guise of a stolen overcoat, tearing off all kinds of overcoats from all shoulders, without distinguishing*

rank or title... (The Overcoat, p. 149);

– And indeed, one Kolomna policeman saw with his own eyes how a ghost appeared from behind a house... being powerless, he did not dare to stop it, but followed it in the darkness until, finally, the ghost suddenly looked back and, stopping, asked: "What do you want?" and showed such a fist that you will not find in the living. (The Overcoat, p. 153).

However, the absurdity of this situation is also external, apparent. In connection with the above, researchers of the works of N. V. Gogol note: "Thus, it would seem absurdly (but in reality deeply logically) the story about the official and his overcoat ends – with a story about a ghost-robber who has great strength, and about a policeman who does not have strength where it is necessary, but shows his power in front of the disenfranchised" [Ibid.].

3. Absurdity at the level of the subjective organization of the text (the actualization of the absurd by the hero of "Dead Souls" Chichikov himself):

– "Well, what can you squeeze out of it, from this ball? Well, let's say, some writer decided to describe the whole scene as it is? Well, in the book, and there it would be just as senseless as in nature. What is it: moral or immoral? Simply the devil knows what it is! You spit, and then you close the book" (Dead Souls, p. 434).

4. Absurdity at the level of the subjective organization of the text (emphasizing the meaninglessness of the hero's speech):

– "And I came to you, Petrovich, that ..." It is necessary to know that Akaky Akakievich expressed himself mostly with prepositions, adverbs and, finally, such particles that have absolutely no meaning. If the matter was very difficult, he even had the habit of not finishing his sentences at all, so that he would often begin a speech with the words: "it's absolutely right...", and then nothing happened, and he himself would forget, thinking that he had already said everything (The Overcoat, p. 131);

– Then he would speak complete nonsense, so that nothing could be understood; one could only see that disordered words and thoughts were tossing and turning around the same overcoat (The Overcoat, p. 148);

– Having gone out into the street, Akaky Akakievich was as if in a dream. "This is how it is," he said to himself, "I really didn't think that it would turn out like this..." And then, after a short silence, he added: "So that's how it is! Finally, this is what happened, and I really couldn't have imagined that it would turn out like this." This was followed by another long silence, after which he said: "So and so! That's what, exactly, is so unexpected, that... that would be so... such and such a circumstance!" (The Overcoat, p. 133).

5. Absurdity at the level of the subjective organization of the text (author's self-reflection):

– Where exactly the official who invited us lived, unfortunately, we cannot say: our memory is beginning to fail us greatly, and everything that is in Petersburg, all the streets and houses have merged and mixed up so much in our heads that it is very difficult to get anything decent out of there (The Overcoat, p. 139).

6. Absurdity at the level of the speech organization of the text (unexpected inlay of a word into the context):

– He (Petrovich. – N. R.) took the overcoat out of the handkerchief in which he had brought it; the handkerchief

had just come from the laundress; he later rolled it up and put it in his pocket for use (The Overcoat, p. 137);

– The police had given orders to catch the dead man at any cost, alive or dead, and to punish him, as an example to others, in the most severe manner, and they barely even managed to do that (The Overcoat, p. 150).

7. Absurdity at the level of speech organization of the text (violation of the normative compatibility of words in a phrase):

– "No," thought the deceased, "names are all like that" (The Overcoat, p. 124);

– His neck... seemed unusually long, like those plaster kittens with dangling heads that Russian foreigners wear on their heads by the dozens (The Overcoat, p. 126).

8. Absurdity at the level of speech organization of the text (semantic discrepancy between the beginning and the end of a complex sentence):

– Driving up to the porch, he noticed two faces looking out of the window almost at the same time: a woman's, in a cap, narrow, long, like a cucumber, and a man's, round, wide, like Moldavian pumpkins, called gourds, from which balalajkas are made in Rus', two-stringed light balalajkas, the beauty and fun of a tenacious twenty-year-old guy, a flasher and a dandy, and winking and whistling at the white-breasted and white-necked girls who had gathered to listen to his quiet strangled strumming (Dead Souls, p. 354).

9. Absurdity at the level of means of linguistic reflection [Vepreva 2005; Sadova 2019], which, in combination with other possibilities of the language, correct the typical, standard image of the world to the Gogolian image:

– As for the rank (for we first of all need to declare the rank), he was what is called an eternal titular councilor, over whom, as is known, various writers have made fun and sharpened their fill, having the laudable habit of leaning on those who cannot bite (The Overcoat, p. 123).

10. Absurdity at the level of artistic details that create a hyperbolized picture of the surrounding world:

– The gallop was flying at full speed: the postmistress, the police captain, the lady with the blue feather, the lady with the white feather, the Georgian prince Chiphaiikhilidzev, the official from St. Petersburg, the official from Moscow, the Frenchman Kuku, Perzunovsky, Berebendovsky – everything rose up and rushed (Dead Souls, p. 423);

– And there, off to the side, four couples were dancing the mazurka; their heels were breaking the floor, and the army staff captain was working with his soul and body, his arms and legs, pulling off such steps that no one had ever pulled off in their dreams (Dead Souls, p. 428).

11. Absurdity through deliberate departure from the canon and stylistic norm: mixing styles (poly-stylism) and pathos of the narrative:

"The satirical, ironic, comic, and lyrical bizarrely coexist in various types of artistic speech and determine the aesthetic orientation in the selection and combination of speech means" [Kozhin, Vedenyapina 1991: 45]. Let us give examples of multi-style (high, colloquial, outdated) vocabulary in a small fragment of text:

The noise and squeal of iron brackets and rusty screws woke up a policeman at the other end of town, who, raising his halberd, screamed at the top of his lungs in his sleep: "Who goes there?" – but, seeing that no one was coming and

only a rattling sound could be heard from afar, he caught some kind of animal on his collar and, going over to a lamp, executed it right there on his fingernail. After which, having abandoned the halberd, he fell asleep again according to the rules of his knighthood (Dead Souls, p. 436).

12. Finally, about the creative reading of the works of N. V. Gogol, about attention to the language and style of the writer as a condition for **perceiving the absurdity of Gogol's world**, V. Nabokov said most accurately, in our opinion:

"Hints at something hidden behind crudely painted screens are so skillfully interspersed in the external fabric of the narrative that the civic-minded Russians completely missed them. But a creative reading of Gogol's story reveals that here and there in the most innocent description this or that word, sometimes just an adverb or particle, for example the words 'even' and 'almost', are written in such a way that the most harmless phrase suddenly explodes into a nightmarish firework; or a period which begins in a disjointed, conversational manner suddenly goes off the rails and turns into something irrational, where, in fact, it belongs; or just as suddenly a door opens and a mighty, foaming wave of poetry rushes in, only to immediately go down, or turn into self-parody, or burst forth with a phrase resembling a magician's patter, which is so characteristic of Gogol's style. This creates a sense of something ridiculous and at the same time unearthly, constantly lurking somewhere nearby, and here it is appropriate to remember that the difference between the comic side of things and their cosmic side depends on a single hissing consonant" [Nabokov 1996: 125–126].

Let us turn to the representations of the absurd in the works of 20th century writers. The text material used was M. Bulgakov's parody "The Crimson Island" and the stories "The Fatal Eggs", which clearly show the specifics of the writer's artistic world: "Bulgakov's world can have many incarnations, including semi-fantastic and fantastic ones, but all of these are facets of one, integral world, in which the 'high' and the 'low' are tragically comically merged and it is impossible to filter one from the other" [Yablokov 1994: 13]. It should be noted that reality and fantasy, which form a special, absurd artistic world, are also intertwined in other works by M. Bulgakov, for example, in the fantasy dilogy "Bliss" and "Ivan Vasilievich" [Babicheva 1985; 1988], but the limited space of the article does not allow us to use the text material in full. As in the previous case, we tried to trace the means of representing the absurd in two works at the level of three genre planes.

Absurdity at the level of the content plane (interaction of the actual content and the chronotope of the text)

1. Absurdity of a situation taking place at the present time:

– "Snakes go in packs in the direction of Mozhaisk... laying incredible numbers of eggs. Eggs were noticed in the Dukhovskiy district..." (Fatal Eggs, p. 143).

2. Absurdity of a prospective situation:

– By God, it will work out, – Rokk suddenly said convincingly and sincerely, – your ray is so famous that you can raise at least elephants, not just chickens (Fatal Eggs, p. 119).

3. Absurdity of the preceding situation:

– Polaitis believed that none of this had happened at all, but that Rokk was simply mentally ill and had a terrible

hallucination... Rokk stood up. He came to his senses a little and said, stretching out his arms like a biblical prophet:

– Listen to me. Listen. Why don't you believe me? She was there. Where is my wife? (Fatal Eggs, p. 135).

4. Intentional illogicalities (inconsistency of meanings in the immediate context):

– Then there was an exchange of goods. The sailors unloaded glass beads, rotten sardines, saccharine, and fire-water from the Nadezhda onto the shore. The Ethiopians, wildly rejoicing, brought beaver skins, ivory, fish, eggs, and pearls onto the shore... Proper relations were established. The ships entered the bay, dumped English valuables, and took Ethiopian trash (Crimson Island, p. 64);

– What do you want, Ethiopian mug? – the gloomy commander asked dryly.

The Ethiopian ignored the compliment and immediately got down to business (Crimson Island, p. 68);

– Those who left stole a telescope, a broken machine gun, 100 cans of condensed milk, six door handles, 10 revolvers, and two European women. The lord cut up the remaining blackamoors and wrote down the cost of the stolen goods in a book (Crimson Island, p. 71–72);

– Allow me, your highness, to cut his throat with my own hands?

– Why not. With pleasure, – the lord answered good-naturedly, – only hurry up, don't delay the landing (Crimson Island, p. 75);

– When Bronsky appeared in the office, Persikov extended his kindness so much that he barked at him:

– Sit down! (Fatal Eggs, p. 107).

– The Emergency Commission for Combating Chicken Plague was renamed the Emergency Commission for Raising and Reviving Poultry Farming in the Republic, having been replenished with a new emergency troika of sixteen comrades (Fatal Eggs, p. 113).

5. Analogies:

– Immediately after the toads... the permanent guard of the institute, old man Vlas, who was not included in the class of naked reptiles, moved to a better world. The cause of his death, however, was the same as that of the poor reptiles, and Persikov determined it immediately:

– Lackoffood!

The scientist was absolutely right: Vlas needed to be fed flour, and the toads mealworms, but since the first disappeared, the second disappeared too (Fatal Eggs, p. 81).

Absurdity at the level of expression

1. Use of the words strange / strangeness, crazy and other lexemes with the meaning of deviation from the norm (the specified meaning is supported by the context):

– He spoke in a creaky, thin, croaking voice and, among other oddities, had such... (Fatal Eggs, p. 79);

– History took on strange and monstrous dimensions (Fatal Eggs, p. 99);

– Professor Persikov's life took on a strange, restless and exciting coloring (Fatal Eggs, p. 100);

– A bald man with crazy and sightless eyes, with a drooping lower jaw (Fatal Eggs, p. 95);

– Persikov was struck by the main and most important feature of the man who entered. He was strangely old-fashioned (Fatal Eggs, p. 116);

– The next day was marked by the strangest and most

inexplicable events (Fatal Eggs, p. 128);

– ...the conversations at the state farm took on a strange and ambiguous tone for Alexander Semenovich (Fatal Eggs, p. 129);

– The strange events in the grove and on the pond were immediately forgotten (Fatal Eggs, p. 129);

– ...A greenish night spread over the state farm and its environs. It was mysterious and even, one might say, frightening (Fatal Eggs, p. 130);

– Alexander Semenovich paused a little, muttered something else and fell into a state of amazement. The matter really was strange (Fatal Eggs, p. 131);

– Neither the absurd rumor that flew through Moscow about some snakes, nor the strange telegram shouted out in the evening newspaper remained unknown to him (Fatal Eggs, p. 140);

– The typesetters... read the telegrams that were now coming all night long, every quarter of an hour, becoming more and more monstrous and strange (Fatal Eggs, p. 141);

– ... Military units stopped the panic of madmen running along the railroad switches from the Smolensk province to Moscow (Fatal Eggs, p. 144).

2. Violation of lexical combinability:

– a drunken telegram;

– a brew of madness;

– the Ocean, long since called the Pacific for its storms and waves (Crimson Island, p. 63);

– ... a famous shoemaker and artilleryman;

– Kiri, as usual, lay unusable in his wigwam (Crimson Island, p. 67);

– Ha-ha-ha-ha, – the circus laughed so that the blood ran cold in the veins, joyfully and sadly, and under the old dome, trapezes and cobwebs fluttered (Fatal Eggs, p. 111);

– Persikov, increasingly moving away from the dying down chicken questions, became more and more immersed in studying the beam (Fatal Eggs, p. 114);

– Persikov, multi-colored, bluish-pale, with crazy eyes, rose from his stool (Fatal Eggs, p. 143);

– Then a shrill squeal pierced the entire state farm, grew and took off, and the waltz began to jump as if with a broken leg (Fatal Eggs, p. 133);

3. Deformations of phrases:

– working until they lost their hind legs...

4. Personifications:

– ...the cockroaches fell somewhere, showing their malicious attitude towards war communism (Fatal Eggs, p. 81);

– The sun sat low with a fiery face between the faces of young sunflowers (Fatal Eggs, p. 99);

– ...the pipe croaked to him the most kind and every kind of assistance (Fatal Eggs, p. 114).

5. Hyperboles:

– A chicken, the size of a horse...

– On the stage, next to the pulpit, sat on a glass table, breathing heavily and turning gray, on a plate, a damp frog the size of a cat (Fatal Eggs, p. 114);

– Persikov came to life, and the whole world suddenly learned about it, only in December 1926 the brochure was published: "More on the question of reproduction of plaque-bearing or chitons." 126 p. "News of the IV University" (Fatal Eggs, p. 82).

Absurdity at the level of perception (ideas, associations that arise both in the readers of the text and in its characters)

– Newsboys growled and howled between the wheels of the engines:

– A nightmarish find in the dungeon! Poland is preparing for a nightmarish war!! Professor Persikov's nightmarish experiments!! (Fatal Eggs, p. 144).

Thus, the category of absurdity in the texts of N. Gogol and M. Bulgakov allows us to simultaneously talk about the real and create a new reality; the real is transformed, being included in an unreal context, and this syncretism maintains the reader's interest in the content of the works.

At present, the number of absurd statements has increased sharply in another format of discourse – in journalistic discourse. This happened for a number of reasons, for example, due to the transition of online laws to offline, but most importantly – under the influence of postmodernist texts, their illogicality, discreteness, playfulness and intertextuality: "One of the principles of the modern cultural format – the post-modern format – is not to look for meaning in anything, to look for a conspiracy in everything. This is how modern culture is structured. It is a pity that ideology does not understand its true goals (it should still formulate meanings) and follows the lead of general cultural life ... Today, the entire country lives in the format of postmodernism. Look, we now live in a country that is simultaneously the heir to the Russian Empire, and the heir to the Soviet Union, and a globalist country, and at the same time very archaic. Part of the country lives in the 21st century – in a post-industrial society. Part – in the industrial society of the 20th century, and some territories have not yet emerged from the 17th century. That is, we live in a very complex, patchwork country, and such patchwork is precisely the characteristic feature of postmodernism" (Alexey Ivanov. A Hero of Our Time. AiF Ural. 2020, no. 40).

In addition to the above, the increase in the number of absurd statements was influenced by a change in the pathos of media texts towards their irony [Zheltukhina 2000; Kostomarov 1999; Lyapun 2009; Shilikhina 2014, etc.]. As an example, we will cite the ironic headlines of reviews by the famous journalist Maxim Sokolov, which are built on the principle of combining different concepts in one logical series and with violations of the accepted lexical compatibility:

– Ephemeral Lisa and Viagra against Ukraine;

– Laureates old and young, clinical literature, the hand of friendship from Amsterdam, a hot Estonian guy;

– Two people's artists, a oatmeal secretary of state, replacement of dollars with tugriks, an ascetic senator, etc.

(for more information on the textual embodiment of the category of absurdity in modern media, see Ruzhentseva 2023). In conclusion, I would like to emphasize that the category of absurdity, widely used in text formation in modern media, is based not so much on 19th-century journalism as on fiction (in addition to N. Gogol and M. Bulgakov, absurdity is the most important means of text formation for M. E. Saltykov-Shchedrin, A. Averchenko, M. Zoshchenko and other writers). In turn, in the texts of modern media, "the absurdity of human social existence... is 'removed' by a grotesquely ironic – in the traditions of romanticism of E. Hoffmann and N. Gogol – perception of this

absurdity, which speaks of its spiritual overcoming, that is, of the transience of chaos and the invincibility of the human intellect, capable of comprehending the very absurdity of existence" [Kagan 1996: 396].

As a consequence, the prospects for studying the absurd in the texts of modern media are, from our point of view:

1. Identification of the informational nature of the absurd:

- a) lack of meaning in the statement;
- b) re-accentuation (transformation) of the original meaning.

2. Definition of the genre nature of absurd statements.

3. Characterization of the functions of the absurd within the framework of a text fragment, an entire text or a group of texts.

4. Characteristics of speech representations of the absurd (means of encoding absurd statements).

5. Development of a series of techniques and a holistic methodology for decoding the absurd and determining its place in the paradigm of journalistic discourse.

Литература

Бабичева, Ю. В. Комедия-пародия М. Булгакова «Багровый остров» / Ю. В. Бабичева // Жанры в историко-литературном процессе. – Вологда : ВГПИ, 1985. – С. 138–152.

Бабичева, Ю. Фантастическая диалогия М. Булгакова: «Блаженство» и «Иван Васильевич» / Ю. Бабичева // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. – М. : Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. – С. 125–139.

Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М. : ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 384 с.

Горячкина, М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячкина. – М. : Просвещение, 1976. – 239 с.

Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. – М. ; Волгоград : Издательство ВФ МУПК, 2000. – 264 с.

Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 415 с.

Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.

Лейдерман, Н. Л. Практикум по жанровому анализу литературного произведения / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. В. Барковская, Т. А. Ложкова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 1996. – 46 с.

Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 1. – С. 115–120.

Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – М. : Независимая газета, 1996. – 440 с.

Руженцева, Н. Б. Абсурд в зеркале СМИ: язык-речь текст-дискурс / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 19–26.

Садова, Т. С. Метаязыковая рефлексия современных советских СМИ: по-русски говоря / Т. С. Садова // Русистика в XXI веке: тенденция и направление развития. – Ереван : ЕГУ, 2019. – С. 128–132.

Словарь русского языка : в 4 т. = МАС. Т. 1. – М. : Русский язык, 1981.

Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб. : Издательство Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. – 304 с.

Яблоков, Е. А. Они сошлись... / Е. А. Яблоков // Михаил Булгаков, Владимир Маяковский: диалог сатириков. – М. : Высшая школа, 1994. – С. 5–56.

Язык Н. В. Гоголя : учеб. пособие / А. Н. Кожин, Э. А. Веденяпина, Н. А. Кожевникова [и др.] ; под ред. А. Н. Кожина. – М. : Высшая школа, 1991. – 176 с.

References

Babicheva, Yu. (1988). Fantasticheskaya dilogiya M. Bulgakova: «Blazhenstvo» i «Ivan Vasil'evich» [Fantastic Dilogy by M. Bulgakov: "Bliss" and "Ivan Vasilyevich"]. In M. A. *Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni*. Moscow, Soyuz teatral'nykh deyatel'ei RSFSR, pp. 125–139.

Babicheva, Yu. V. (1985). Komediya-parodiya M. Bulgakova «Bagrovyi ostrov» [Comedy-parody of M. Bulgakov "Crimson Island"]. In *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse*. Vologda, VGPI, pp. 138–152.

Goryachkina, M. S. (1976). *Satira Saltykova-Shchedrina* [Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow, Prosveshchenie. 239 p.

Kagan, M. S. (1996). *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Saint Petersburg, Petropolis. 415 p.

Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic Crystallization of Meaning]. Volgograd, Paradigma. 422 p.

Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoii vkus epokhi. Iz nablyudenii za rechevoi praktikoi mass-media* [Linguistic Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of Mass Media]. Saint Petersburg, Zlatoust. 320 p.

Kozhin, A. N., Vedenyapina, E. A., Kozhevnikova, N. A. et al. (1991). *Yazyk N. V. Gogolya* [The Language of N. V. Gogol]. Moscow, Vysshaya shkola. 176 p.

Leyderman, N. L., Lipovetsky, M. N., Barkovskaya, N. V., Lozhkova, T. A. (1996). *Praktikum po zhanrovomu analizu literaturnogo proizvedeniya* [Workshop on Genre Analysis of a Literary Work]. Ekaterinburg. 46 p.

Lyapun, S. V. (2009). Ironiya v gazetnoi publitsistike kontsa XX – nachala XXI vekov: stilisticheskii priem i stilevaya tendentsiya [Irony in Newspaper Journalism of the Late 20th – Early 21st Centuries: Stylistic Device and Style Trend]. In *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. No. 1, pp. 115–120.

Nabokov, V. V. (1996). *Lektsii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta. 440 p.

Ruzhentseva, N. B. (2023). Absurd v zerkale SMI: yazyk-rech' tekst-diskurs [Absurdity in the Mirror of the Media: Language – Speech, Text – Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (97), pp. 19–26.

Sadova, T. S. (2019). Metazykovaya refleksiya sovremennykh sovetskikh SMI: po-russki govorya [Metalinguistic Reflection of Modern Soviet Media: In Russian Speaking]. In *Rusistika v KhKhI veke: tendentsiya i napravlenie razvitiya*. Erevan, EGU, pp. 128–132.

Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noi ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. Voronezh, Nauka-Yunipress. 304 p.

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1. (1981). Moscow, Russkii yazyk.

Smetanina, S. I. (2002). *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media Text in the System of Culture (Dynamic Processes in the Language and Style of Journalism at the End of the 20th Century)]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Mikhailova V. A. 383 p.

Vepreva, I. T. (2005). *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow, OLMA PRESS. 384 p.

Yablokov, E. A. (1994). Oni soshlis'... [They Met...]. In *Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskii: dialog satirikov*. Moscow, Vysshaya shkola, pp. 5–56.

Zheltukhina, M. R. (2000). *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [Comic in the Political Discourse of the Late 20th Century]. Moscow, Volgograd, Izdatel'stvo VF MUPK. 264 p.

Данные об авторе

Руженцева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: verbalis@mail.ru.

Author's information

Ruzhentseva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 20.02.2025; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 20.02.2025; date of publication: 28.03.2025

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'374.3+811.161.1'23. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-74-83.
ББК Ш141.12-3+Ш141.12-006.
ГРНТИ 16.21.29. Код ВАК 5.9.8

МЕТОД КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СЛОВА

Ваулина И. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9813-4597>

SPIN-код: 5743-9477

А н н о т а ц и я. Одна из проблем психолингвистического описания фоносемантов – поиск способов исследовать фонетическое значение идеофонов в «чистом виде», в отрыве от лексической семантики слова. Автором предлагаются два пути решения обозначенной проблемы: с одной стороны, адаптация экспериментальных методов для данных задач, с другой стороны, использование «особого» языкового материала (такого, как окказиональные или диалектные слова, синонимические ряды и т. д.), позволяющего сосредоточить внимание респондентов на звучании слов. В статье рассматривается вариант психолингвистического исследования, разработанного и проведенного с учетом указанного подхода: демонстрируется возможность использовать эксперимент по методу кластерного анализа на материале диалектных лексических единиц, значение которых не известно респондентам, и фонетических окказионализмов. В процессе анализа экспериментальных данных установлены стратегии кластеризации фоносемантов на каждом этапе (в том числе опора на предполагаемое денотативное содержание языковых единиц, эмоционально-экспрессивно-оценочные коннотации, визуальные или аудиальные ассоциации, формальное (структурное) сходство или различие звуковой оболочки слов и ее отдельных элементов, грамматические признаки, графический облик и др.), выявлены основные параметры фоносемантической выразительности стимулов (билабиальные согласные как средство создания ассоциативного представления об округлой форме предмета; звуковой повтор, заднеязычные, «напряженный» гласный «ы» как носители отрицательно-оценочных коннотаций и др.). В результате проведенного эксперимента сделан вывод о высокой продуктивности использования метода кластерного анализа для исследования фоносемантической экспрессивности слова в отрыве от лексического значения. Материалы могут быть использованы в процессе разработки и проведения вузовских занятий по стилистике, психолингвистике, фоносемантике, современному русскому литературному языку.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фоносемант; звукоизобразительное слово; психолингвистический эксперимент; метод кластерного анализа; языковое сознание; фонетический окказионализм; диалектизм

Д л я ц и т и р о в а н и я: Ваулина, И. А. Метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова / И. А. Ваулина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 74–83. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-74-83.

THE METHOD OF CLUSTER ANALYSIS AS A WAY TO STUDY THE PHONOSEMANTIC EXPRESSIVENESS OF A WORD

Irina A. Vaulina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9813-4597>

A b s t r a c t. One of the problems of psycholinguistic description of ideophones consists in the search for better ways to explore the “pure” phonetic meanings of ideophones in their isolation from the lexical semantics of the word. The author suggests two ways to solve this problem: on the one hand, one can adapt the existing experimental methods to this end, on the other hand, the researcher can use “special” linguistic material (such as occasional or dialectal words, synonymous series, etc.), which allows respondents to focus on the sound composition of the words. The article deals with a psycholinguistic study developed and conducted taking into account this approach: it demonstrates the possibility of using an experiment employing the cluster analysis method based on dialectal lexical units, the meanings of which are not known to respondents, and phonetic occasionalisms. In the process of analyzing experimental data, the author outlines the strategies for clustering ideophones at each stage (including reliance on the assumed denotative content of language units, emotional-expressive-evaluative connotations, visual or auditory associations, formal (structural) similarity or difference of the sound composition of the words and its individual elements, grammatical features, graphical appearance, etc.), and identifies the main parameters of phonosemantic expressiveness of stimuli (bilabial consonants as a means of creating an associative representation of the rounded shape of an object; sound reiteration, back-lingual consonants and “tense” vowel “s” as carriers of negative evaluative connotations, etc.). As a result of this experiment, a conclusion was made about the high productivity of using the cluster analysis method to study the phonosemantic expressiveness of a word in isolation from its lexical

meaning. The materials can be used in the process of developing and conducting university classes in stylistics, psycholinguistics, phonosemantics, and the modern Russian literary language.

Keywords: ideophone; sound-symbolic word; psycholinguistic experiment; cluster analysis method; linguistic consciousness; phonetic occasionalism; dialecticism

For citation: Vaulina, I. A. (2025). The Method of Cluster Analysis as a Way to Study the Phonosemantic Expressiveness of a Word. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 74–83. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-74-83.

В современной лингвистической науке фоносемантическая экспрессивность слова исследуется в разных аспектах: структурно-семантическом (в центре внимания – специфика звуковой оболочки фоносеманта, оценочно маркированные звуки и звукосочетания в ее структуре) [Джукаева 2010; Евенко, Макеева 2018; Флакман 2024]; функционально-стилистическом (описание экспрессивно-стилистических функций фоносемантов в художественном тексте) [Бабенко 1997; Егорова 2008; Ищенко 2010; Конопина 2024; Тимешова 2008 и др.]; психолингвистическом (экспериментальное исследование звукоизобразительного потенциала слова) [Ваулина 2014; 2015; Метелева 2024; Никрошкина 2010 и др.]. При этом особую актуальность имеет психолингвистический подход, поскольку фонетическое значение как явление во многом субъективное, индивидуально-личностное нуждается в обращении к данным языкового сознания носителей языка.

Одна из важнейших проблем в области психолингвистического описания фоносемантов – это «вопрос о выборе и адаптации психолингвистических методов и методик, позволяющих исследовать фонетическое значение идеофонов, которое имеет субъективный, ассоциативный характер, проявляется непоследовательно и не всегда поддается процедурам наблюдения и измерения»¹. Известно, что «в слове мы осознаем прежде всего значение. И поэтому, как бы мы ни составляли инструкцию информантам, как бы ни нацеливали их на оценку звучания слова, они все равно будут реагировать в основном на значение» [Журавлев 1974: 34].

В предыдущих исследованиях нами рассматривались разные «пути» решения данной проблемы: с одной стороны, адаптация экспериментальных методов (например, разработка специального вопросника для направленного ассоциативного эксперимента²), с другой стороны, использование «особого» языкового материала (окказиональные или диалектные слова, синонимические ряды), позволяющего «абстрагироваться» от лексической семантики и сосредоточить внимание респондентов на звуковой оболочке слова [Ваулина 2014; 2015 и др.]. Особые возможности для исследования звуковой выразительности знака «в чистом виде» дают лексемы с «пустой» семантикой, в том числе специально сконструированные для эксперимента звукокомплексы, окказионализмы, а также слова, семантика которых не известна респондентам (диалектизмы, архаизмы, историзмы, неологизмы и т. д.).

В этом ключе представляется продуктивным исследование фоносемантической экспрессивности слова методом *кластерного анализа* [Гридина, Коновалова 2015; 2020 и др.] с привлечением в качестве языкового материала диалектных (см. далее эксперимент № 1) и окказиональных (эксперимент № 2) лексических единиц. Выбор метода и материала определяется предположением о том, что в процессе кластеризации слов с неизвестным значением испытуемые могут опираться прежде всего на эмоционально-оценочные впечатления, вызванные звучанием слов, что позволит исследовать параметры фоносемантической выразительности слова «в чистом виде», в отрыве от лексической семантики.

Для первого эксперимента из диалектного словаря [Словарь русских народных говоров 1965–2009] были отобраны 14 лексем с разными средствами звукосимволической выразительности (в том числе редупликация, билабиальные согласные, неблагозвучие и др.): *балобан* «бранно. Болван, глупец», *калайдак* «о человеке, любящем много говорить», *трандун* «о неповоротливом человеке», *балбук* «о полном человеке», *зыза* «косоглазый человек», *бомбошки* «плоды картофеля», *табалыга* «праздношатающийся», *каривяка* «косопалый человек», *трататон* «бранно о человеке», *зябель* «худощавый, тощий человек», *брында* «девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая», *каварзака* «о неопрятном человеке», *катырь* «о скупо и злом человеке», *балахрист* «бездельник, без пользы тратящий время, слоняющийся взад и вперед без дела; человек дурного поведения». В экспериментальной анкете слова предъявлялись без лексического значения.

Респондентам (в качестве которых выступили студенты Уральского государственного педагогического университета, всего 50 человек) выдавалась инструкция: «слова представленного набора объедините по парам, обязательно указав в скобках основание для объединения. Полученные пары объедините еще раз по парам и т. д. до тех пор, пока все слова не будут объединены в одну большую группу. На каждом этапе объединения указывайте основания. Одно и то же слово не может входить одновременно в несколько пар / групп. Составьте текст, используя все стимульные слова» [см. подробно про данный метод Гридина, Коновалова 2020: 122].

Анализ полученных данных включал в себя следующие процедуры:

1. Выявление ведущих стратегий кластеризации на каждом этапе.
2. Установление наиболее значимых для испытуемых параметров фоносемантической выразительности стимулов.

¹ Ваулина И. А. Методика лексикографического описания фоносемантов // *Филологический класс*. 2024. Т. 29, № 2. С. 26.

² Там же.

3. Описание основных векторов осмысления семантики стимульных слов, актуализированных в составленных респондентами текстах.

Рассмотрим ведущие стратегии кластеризации слов-фоносемантов (в том числе связанные с конкретными параметрами их звукоизобразительной экспрессивности) на всех этапах (названия кластеров внутри каждой группы даны респондентами и приводятся без редакций).

1 этап

1. Сближение лексем по общности их предполагаемого денотативного содержания:

- блюда (*бомбошки/катырь* (2); *бомбошки/брында*);
- еда (*балбук/брында*; *зыза/бомбошки*; *брында/катырь*);
- посуда (*балбук/катырь*);
- названия птиц (*зыза/зябель* (4); *зябель/балахрыст* (2); *балобан/зябель*; *калайдак/балбук*; *зябель/каварзака*; *балобан/зябель*; *калайдак/балбук*; *трандун/зябель*; *зыза/каварзака*);
- названия животных (*трататон/балахрыст*; *зябель/балахрыст* (2));
- инструмент для земледелия (*балбук/кариевка*, *балобан/табалыга*);
- рабочие инструменты (*балбук/табалыга*);
- названия технических инструментов (*балбук/катырь*);
- средства передвижения (*трандун/балбук*, *табалыга/катырь*);
- мистические существа (*трататон/катырь*);
- музыкальные инструменты (*трататон/трандун* (4); *трандун/брында*; *балобан/трататон*);
- музыкальные инструменты в виде трубы (*трандун/брында*);
- название материала (*балбук/бомбошки*; *балбук/балахрыст*);
- названия продуктов (*брында/зыза* – сыр);
- обозначение человека по роду деятельности (*калайдак/трататон*; *каварзака/калайдак*);
- обозначение устройств перевозки, перемещения предметов (*зыза/катырь*);
- обозначение элементов одежды, аксессуаров (*бомбошки/брында*; *зыза/бомбошки*);
- про человека, который занят какой-то деятельностью (*калайдак/катырь*);
- пахарь в деревне (*балбук/катырь*);
- старое транспортное средство (*калайдак/трататон*);
- ребёнок (*кариевка/катырь*);
- профессия (*калайдак/балахрыст*; *брында/катырь*);
- насекомые (*бомбошки/трататон*);
- клички заключённых (*калайдак/зыза*);
- палка (*кариевка/катырь*);
- предметы быта (*калайдак/балбук*; *трандун/брында*);
- баланда (*табалыга/брында*);
- должности (*калайдак/катырь*);
- национальные предметы (*калайдак/трататон*).

2. Опора на эмоционально-экспрессивно-оценочные ассоциации, вызванные звучанием слов:

- обзывательства, оскорбления (*кариевка/каварзака* (2); *зыза/зябель* (2); *табалыга/кариевка* (2); *балобан/кариевка*; *балобан/балахрыст*; *балобан/табалыга*);
 - слова имеют негативное значение (*балобан/зыза*, *кариевка/брында*, *балобан/балахрыст*);
 - что-то несурзное, бесполезное (*бамбошки/балахрыст*);
 - неодобрительная окраска (*зыза/брында*);
 - слова с отрицательной окраской (*балобан/трандун*);
 - какой-нибудь бездельник (*калайдак/табалыга* (2));
 - что-то непонятное, похожее на бред (*табалыга/брында*);
 - оскорбление глупого мужчины (*калайдак/катырь*);
 - отрицательная характеристика человека (*балобан/балбук*);
 - состояние усталости (*зябель/катырь*);
 - нечто угрожающее (*калайдак/балахрыст*);
 - как будто творится что-то кривое, неправильное (*кариевка/каварзака*);
 - отрицательная окраска, обозначающая быстро говорящего человека (*трандун/балбук*);
 - негативное описание человека (*табалыга/балахрыст*);
 - бессмысленное повторение (*балобан/трататон*);
 - слова, вызывающие негативные чувства (*кариевка/каварзака*);
 - неприятно звучит (*балобан/балбук*; *трандун/трататон*);
 - неприятное, значение пьяницы (*табалыга/балахрыст*);
 - ругательные слова (*балобан/зыза*; *балобан/каварзака*);
 - безобидные ругательства (*балобан/кариевка*);
 - неприятный человек (*зыза/брында*);
 - о человеке низкой социальной принадлежности (*табалыга/балахрыст*).
- Большинство диалектных фоносемантов характеризуется неблагозвучием, поскольку имеет непривычную для носителей русского литературного языка звуковую оболочку, и, следовательно, оценивается отрицательно.
3. Опора на визуальные ассоциации (связанные с характеристикой величины, формы предмета):
- что-то кривое, неструктурированное (*кариевка, каварзака*);
 - кривое дерево (*балбук/кариевка*);
 - описание высоких людей (*зыза, зябель*);
 - большая голова (*бомбошки/катырь*);
 - нечто большое (*трандун/балбук*);
 - круглая форма (*балбук/бомбошки*);
 - что-то шаровидное, круглое (*балобан/бомбошки*);
 - головные уборы (*бамбошки, каварзака*).

Слова, содержащие в звуковой оболочке губно-губные согласные и лабиализованные гласные, ассоциируются у носителей языка преимущественно с предметами округлой формы; диалектизмы с заднеязычными согласными вызывают представление о ломаных линиях, искривленной форме.

4. Опора на аудиальные ассоциации:

- звучание, похожее на описание тараторящего, много говорящего человека (*трандун/ трататон, трандун/брында, трандун/балбук, трандун/трататон*);
- звукоподражание (*балобан/трататон*);
- сниженные синонимы слова «трындеть» (*трандун/бомбошки*);
- повтор «говорящих» звукосочетаний (*трандун/трататон*);
- слова, похожие на звук (*бомбошки/трататон*);
- звуки, взрывы (*бомбошки/балахрыст*);
- речевые расстройства (*балбук/катырь*);
- марш, четкий ритм (*балобан/трататон*);
- громкие (*трататон/ балахрыст*);
- детская речь (*балобан/табалыга*).

В процессе кластеризации респонденты опирались на такие параметры звукоизобразительной экспрессивности слов, как звуковой повтор, вызывающий ассоциации с неразборчивой речью, редупликация и сингармонизм, передающие представление о ритмичных звуках, согласные взрывной артикуляции, а также на созвучия со звукоподражаниями современного русского литературного языка (ср. *трататон* и *тараторить, балбук* и *балабол* и др.).

5. Опора на формальное (структурное) сходство или различие звуковой оболочки слов и ее отдельных элементов:

- сходство звучания (*каривяка/каварзака (з), балобан/балбук, балобан/бомбошки; трандун/трататон; балбук/брында*);
- повтор согласного «б» (*балобан, балбук*);
- антонимы по звучанию (*зыза/каварзака*);
- внешнее сходство (*калайдак/табалыга; каварзака/каривяка*);
- схожий твёрдый звук [б] (*бомбошки/табалыга*);
- что-то похожее на «дурак» и «дурьнда» (*балбук/брында*);
- повтор гласного «ы» (*брында, балахрыст, зыза/катырь*);
- повтор сочетания ба (*балобан/балбук*).

6. Грамматический критерий кластеризации (в частности, наличие/ отсутствие окончания «а» как материальный показатель рода):

- существительные м.р. с одной системой окончаний (*зябель/ катырь*);
- мужской род (*балобан/калайдак, катырь/балахрыст, калайдак/зябель; зябель/катырь; калайдак/балбук; бомбошки/трататон*);
- женский род (*зыза/каривяка, зыза/брында*);
- женский и мужской род (*калайдак/каривяка; зыза/зябель; каварзака/катырь*).

7. Графический критерий кластеризации

(визуальный образ слова):

- начинаются с одной буквы (*зыза/ зябель*);
- длинные по написанию слова (*каварзака, балахрыст*);
- кончается на «а» (*каривяка/каварзака*);
- много букв «а» (*трататон/каварзака*);
- повторение согласных букв (*бомбошки/брында*).

8. Общая оценка звуковой оболочки слова с точки зрения норм эвфонии (благозвучия)

- бессмысленный звуковой повтор (*балобан, трататон*);
- труднопроизносимые (*калайдак, каварзака*);
- музыкальные (*трандун, трататон*).

Таким образом, на первом этапе доминирующими основаниями для объединения заданных слов в кластеры выступают предполагаемая принадлежность слов к одной тематической сфере и эмоционально-экспрессивно-оценочные ассоциации.

На II этапе обозначенная тенденция сохраняется, в частности, преобладают кластеры с опорой на общность предполагаемого денотативного содержания слов и эмоционально-экспрессивно-оценочную окрашенность, ср.: 1) животные (*зябель/каварзака/ калайдак/балахрыст; зыза/каварзака/ зябель/балахрыст*), транспорт (*табалыга/катырь/зябель/калайдак*), еда (*балбук/брында/ зыза/бомбошки*) и др., 2) обзывательства (*зыза/зябель/табалыга/каривяка; балобан/каривяка/ табалыга/балахрыст; балобан/табалыга/ каривьяка/катырь; балобан/трандун/ каривьяка/каварзака*), игровые, шуточные слова (*трандун/трататон/бомбошки/каварзака*).

На III этапе в примерно равном соотношении представлены стратегии «опора на эмоционально-оценочную фоносемантику», «опора на графический облик слов», «опора на структурное сходство звуковой оболочки слов», «опора на предполагаемую принадлежность слов к одной тематической сфере»:

1. Опора на формальное (структурное) сходство/различие звуковой оболочки и ее элементов:

- звуковой повтор (*балобан/калайдак/ трандун/балбук/ трататон/брында/ каварзака/балахрыст*).

2. Графический критерий кластеризации:

- повтор букв (*балобан/балбук, брында/балахрыст/, калайдак/каварзака/, трандун/трататон*);

- внешнее сходство (*зыза/зябель/ каривьяка/каварзака/ балобан/балахрыст/ бомбошки/табалыга*).

3. Опора на эмоционально-экспрессивно-оценочные ассоциации, вызванные звучанием слов:

- обзывательства, оскорбления (*зыза/бомбошки/ табалыга/каривяка/ зябель/катырь; балобан/каривяка/ табалыга/балахрыст/ трандун/трататон/ бомбошки/каварзака*);

- слова насмешливые (*калайдак/табалыга/ зябель/катырь/ зыза/бомбошки*);

- неодобрительная характеристика человека (*балобан/калайдак/ бомбошки/табалыга/ каривьяка/зыза/ зябель/брында/ каварзака/балахрыст*).

4. Сближение лексем по общности их предполагаемого денотативного содержания:

- животные (*балобан/зыза/ трататон/брында/ зябель/каварзака*);
- сельскохозяйственные предметы (*балбук/бомбошки/ трататон/трандун/ табалыга/катырь*);
- съедобное (*брында/зыза/балбук/катырь/калайдак/зябель*);
- специализация человека (*трандун/брында/балобан/трататон/ балбук/кариевяка/ каварзака/балахрыст*);
- человек (*калайдак/трататон/ трандун/брында/ балобан/балахрыст/ балбук/катырь; кариевяка/каварзака/ калайдак/катырь/трандун/табалыга*);
- предметы быта (*балбук/балахрыст/ балобан/трататон/ зыза/зябель/ бомбошки/брында*).

На **IV этапе** были даны следующие названия крупных кластеров, в том числе отражающие рефлексию респондентов относительно экспрессивной выразительности стимулов: слова с ярким фонетическим окрасом; диалектные слова, имеющие функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску; диалектные слова, диалектизмы; слова, основанные на звукоподражании, странные слова.

Общие названия совокупности слов, данные респондентами, были поделены на три группы:

- животные и птицы (*названия птиц, животные и птицы, животные, которые имеют физический облик и инстинкты*);
- звуки (*тяжелые звуки, которые издают музыкальные инструменты, когда на них играют слишком активные люди; шум, народная масса, гуляние; слова, основанные на звукоподражании, дефект речи*);
- названия, отражающие лингвистическую рефлексию респондентов относительно стимульных слов (*слова с ярким фонетическим окрасом, которые характеризуют людей; диалектные слова, имеющие функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску*).

Среди деревьев кластеризации были выделены такие, в которых респондент придерживался только одной стратегии кластеризации (например, на всех этапах объединение слов осуществлялось на основе структурного сходства их звуковой оболочки), и такие, которые демонстрируют использование разных стратегий на разных этапах кластеризации.

В текстах, составленных респондентами со стимульными словами, нашли выражение следующие векторы осмысления их семантики: *Жил на свете самый настоящий балобан. Хватало одного взгляда, чтобы понять его сущность. Друзья и родственники нежно называли его балбуком и балахрыстом. Он очень хотел быть полезным для окружающих, но у него всегда выходила какая-то табалыга, кариевяка и каварзака (в значении «нелепость, неудача», актуализация отрицательно-оценочных фоносемантических ассоциаций). Балобан был таким высоким, что прохожие засматривались и высоко подняв головы говорили: «Вот это зыза!» (фоносемантика размера). Однажды он снес дом и от него остались одни бомбошки. Чтобы восстановить дом, использовали трандун, катырь и*

брынду. Когда закончилась стройка, громко играл трататон и били в калайдак (актуализация звукоподражательных ассоциаций: «музыкальные инструменты, издающие громкие звуки»). –

Стимульные фоносеманты в некоторых текстах используются как бранные номинации (актуализация эмоционально-оценочных коннотаций):

- Ты, балобан, зачем молоко в тепле оставил?
- Это ты, балбук, меня не предупредил.
- Да о таком только трандуны предупреждают!
- Да о таком только трататоны не знают!
- Только ты вечно препираешься, калайдак. Из-за тебя, каварзака, без молока остались.
- Да пошел бы ты, табалыга, куда подальше!
- Сам иди, балахрыст.

Названия кластеров (такие, как «обзывательства», «негативно о человеке» и др.), а также использование диалектизмов как бранных номинаций человека при составлении текстов свидетельствуют о совпадении реальной коннотативной окрашенности слов (и в ряде случаев – даже денотативной отнесенности) в диалектах и полученных в ходе эксперимента результатов. Это позволяет предположить, что экспрессивные народные номинации опираются в том числе и на фонетическую сторону знака.

Аналогичный эксперимент был проведен нами с фонетическими окказионализмами, отобранными из поэмы В. Хлебникова «Зангези», целиком построенной на звукописи:

Зангези, Плоскость XV
Взо-взя – зелень дерева,
Нижеоты – темный ствол,
Мам-эми – это небо,
Пучь и чапи – черный грач.
Мам и эмо – это облако.
Запах вещей числовой.
День в саду.
А вот ваш праздник труда:
Лели-лили – снег черемух,
Заслоняющих винтовку.
Чичечача – шашки блеск,
Бизээнзай – аль знамен,
Зизэзгой – почерк клятвы.
Бобо-биба – аль околыша,
Мипиопи – блеск очей серых войск.
Чучу биза – блеск божбы.
Мивеаа – небеса.
Мипиопи – блеск очей,
Взава – зелень толп!
Мимомая – синь гусаров,
Зизо зезя – почерк солнца,
Солнцееких шашек рожь.
Лели-лили – снег черемух,
Сосесао – зданий горы...

В данном фрагменте обращает на себя внимание использование поэтом звукописи, которая в сочетании с другими словами воссоздает живую картину действительности. Автор «играет» с традиционным представлением о предметах и явлениях, переводя их на язык звукоимовлики.

Каждый окказионализм в приведенном от-

рывке ассоциативно связан с визуальными образами: с цветом и его оттенками (*вэо-вэя* – *зелень дерева*, *нижеоты* – *темный ствол*, *пучь и чапи* – *черный грач*, *лели-лили* – *снег черемух*), представлениями о размере//величине объектов (*сосесао* – *зданий горы*) и др. при этом сам поэт будто бы расшифровывает собственную «заумь».

Особый интерес в данном ключе вызывает то, как респонденты считывают смысл окказионализмов вне контекста и по какому принципу соотносят их друг с другом в процессе кластеризации.

Респондентам (студентам УрГПУ, всего 50 человек) была выдана следующая **инструкция**:

вэо-вэя, нижеоты, мам-эами, пучь и чапи, лели-лили, чичечача, биээнзай, зиээгзой, бобо-биба, мипиопи, чучу-биза, мивеаа, вээава, мимомая, зизо зэя, сосесао

1. Слова представленного набора объедините по парам, указав в скобках основание для объединения. Полученные пары объедините еще раз по парам и т. д. до тех пор, пока все слова не будут объединены в одну большую группу. На каждом этапе объединения указывайте основания. Одно и то же слово не может входить одновременно в несколько пар/групп.

2. Дайте название получившейся группе слов. Составьте с ними текст так, чтобы были использованы все слова представленного ряда.

Наиболее частотные кластеры, полученные на первом этапе: *чичечача/ бобо-биба*, *бобо-биба / чучу-биза*, *биээнзай / зиээгзой*, *мивеаа / сосесао*, *нижеоты / мипиопи*, *лели-лили / зизо зэя*, *сосесао/ бобо-биба*, *вэо-вэя/вээава*, *мипиопи/ лели-лили*, *мипиопи/ мимомая* и др.

Слова, объединенные в кластеры, имеют ярко выраженные сходства звуковой оболочки, такие как слоговая структура, одинаковые группы гласных/согласных и т. д.

Доминирующими основаниями для объединения заданных слов в кластеры на первом этапе выступают (расположены по убыванию частотности):

1. Сближение лексем по общности их предполагаемого денотативного содержания:

- «народ» (*нижеоты / мипиопи*);
- «растение» (*мам-эами / зизо зэя*);
- «одежда» (*нижеоты / мивеаа*);
- «напиток, еда» (*пучь и чапи / чичечача*) и др.

2. Опора на формальное (структурное) сходство или различие звуковой оболочек слов и ее отдельных элементов:

- «созвучные слова» (*мам-эами / мимомая*);
- «похоже произносятся» (*мивеаа / вээава*);
- «созвучные слова» (2) (*вэо-вэя / вээава / пучь и чапи / чучу-биза*);
- «в двух словах повторяется одна согласная» (*лели-лили / зизо зэя*);
- «повторяется звуки в и э в обоих словах» (*вэо-вэя / вээава*);
- «повторяется «ч», поэтому объединила эти слова» (*чичечача / чучу-биза*).

3. Опора на аудиальные ассоциации (осмысление стимулов как звукоподражательных слов):

- «песенный напев» (*лели-лили / чучу-биза*);

- «песня» (*лели-лили / мимомая*);
- «щебечущие звуки, которые издает кузнецик» (*биээнзай / зиээгзой*);

- «призыв, веление, требование» (*биээнзай / зиээгзой*);

- «трель» (*мипиопи / сосесао*);
- «плач, отпевание покойника» (*вэо-вэя / лели-лили*);

- «детский лепет» (*мам-эами / мимомая*).

4. **Фоносемантические ассоциации: «экзотизм», перцептивная яркость звуковой оболочки слова (ассоциации с чем-то необычным, непривычным):**

- «экзотические названия блюд» (*мам-эами / сосесао*);

- «ассоциации с экзотическими племенами» (*вээава / мимомая*);

- «тоже экзотическое, папуасы» (*лели-лили / чичечача*);

- «алкогольной напиток в Мексике» (*пучь и чапи / чичечача*);

- эмоционально-оценочные ассоциации: *чичечача/ бобо-биба* – «дурацкие слова из сленга молодежи»; *бобо-биба / чучу-биза* – «как будто безобидные обзывательства»; *биээнзай / зиээгзой / мивеаа / сосесао / нижеоты / мипиопи / лели-лили / зизо зэя* – «красивые места или достопримечательности»;

- фоносемантика формы (звучание слова передает ассоциативное представление об особенностях формы предмета): *сосесао/ бобо-биба* – «колбаски» (возможно – вытянутая форма).

Наиболее частотные кластеры, полученные на втором этапе: *бобо-биба / чучу-биза/ вэо-вэя / биээнзай/ пучь и чапи / бобо-биба/ мивеаа / сосесао; мам-эами / зизо зэя/ биээнзай/ зиээгзой* и др.

Результаты эксперимента с фонетическими окказионализмами позволили выявить особую группу оснований для кластеризации – «фоносемантические ассоциации», которые отражают живые, экспрессивно-образные представления о возможном означаемом, в том числе визуальные, эмоционально-оценочные и др. (при этом выделяются ассоциации с чем-либо «экзотическим», что указывает на перцептивную яркость звучания окказионализмов).

Преобладающие основания для объединения слов на втором этапе:

1. Опора на формальное (структурное) сходство или различие звуковой оболочки слов и ее отдельных элементов:

- «звучание» (*вэо-вэя/вээава / мивеаа / мимомая*);

- «много звуков з» (*мам-эами / зизо зэя/ биээнзай/ зиээгзой*);

- в основном, созвучные слова (*мам-эами / мимомая/ вээава / чучу-биза*);

- «повтор звуков в словах» (*пучь и чапи / бобо-биба/чичечача/ сосесао*).

2. Сближение лексем по общности их предполагаемого денотативного содержания:

- животное (*пучь и чапи / зизо-зэя / нижеоты / зиээгзой*);

- человек (*бобо-биба / чучу-биза/ вэо-вэя / биээн-*

зай);

- блюда (мам-эами / сосесао / мипиопи / мивеаа);
- «экзотика со стороны человеческого вида» (вэава / мимомая / лели-лили / чичечача);
- «это бытовые вещи, которые могут встречаться в нашей жизни» (пучь и чапи / бобо-биба / мивеаа / сосесао).

На третьем и четвертом этапах кластеризации в примерно равном процентном соотношении представлены стратегии «опора на аудиальные ассоциации» и «сближение лексем по общности их предполагаемого денотативного содержания».

Респондентами были предложены следующие варианты общих названий для группы стимулов:

- названия народов: *народы или название слоев общества, народы (з), африканское племя (в данных названиях респонденты актуализируют такое свойство звуковой оболочки стимулов, как «фонетический экзотизм»: «необычность» слова);*
- экспрессивные языковые единицы, элементы другого языка: *языковая игра, забавные элементы, выдуманный язык (детский), сленг игры (как в доте, например), магические слова (респонденты считают игровую, экспрессивно-выразительную ориентированность стимулов);*
- оценочные номинации: *бессмыслица, беспорядок, нелепость, бессмыслица, кавардак (предложенные звукокомплексы рассматриваются как «случайный», бессмысленный набор звуков).*

Актуализации связей между стимулами, намеченных в ходе процедуры их классификации, способствует созданию на этой основе текста.

Приведем некоторые наиболее оригинальные тексты, созданные респондентами-филологами на основе одного стимульного набора слов, по-разному классифицированного на предтекстовом этапе, выявляющем разные векторы актуализации фоносемантической экспрессивности окказионализмов.

1. Фонетический «экзотизм» стимульных единиц, звуковые ассоциации: *Вэо-вэя, Нижеоты – сказочные страны, которые населяют народы мам-эами, пучь и чапи. лели-лили, мимомая – сказочные существа, которые летают на крыльях и издают этими крыльями звуки «чичечача, чучу биза». Часто у этих существ рождаются по двое детей, обычно мужского и женского рода. Наиболее распространенными именами для них являются Биээнзай и Бобо-биба или Зиээгзой и Зизо зезя. Мипиопи и мивеаа являются словами из этого сказочного мира, где сосесао и вэава крылатые фразы и загадки. Эти слова, как магический словарь, мы можем использовать их для творчества.*

2. Объединение полученных кластеров идей принадлежности номинаций называемых реалий к той или иной национальной культуре (наименования одежды, традиций, блюд, свойственным представителям разных национальностей): *Во всех странах есть свои традиции. Каждый народ отличается своим необычным прошлым. Знали ли вы, что перед тем как пожениться народы Монголии должны несколько дней есть лишь традиционные блюда – сосесао, чичечача, чучу биза? В Беларуси, например, перед охотой надевают нижеоты – тёплые, меховые сапоги, мипио-*

пи – рукавицы из шкуры, пойманного животного, мимомая – подобие шали. В Киргизии любят на праздниках отплясывать лели-лили и зизо зезя, но и калмыки отличаются своим традиционным танцем – чучу биза. Китайцы отмечают праздник морских фонарей и часто запускают салюты фирмы «Вэо-вэя», Вэава, Мам-эами. Такая густонаселённая история нашей планеты!

Типичными и продуктивными стратегиями порождения текста на базе кластеризации являются тексты, основанием которых оказывается тематический принцип: в одну группу попадают тексты, обозначающие экспрессивные наименования племен и номинации их расположения, обычаев, традиций и т. п.

1. *Нижеоты, мипиопи, мимомая, мивеаа – древнейшие народы, которые уже давно ведут войну друг с другом. Но они не просто берут копьё в руки, они выискивают лидерство через танец. У каждого народы свой танец. У нижеотов – вэо-вэя, у мипиопи – лели-лили, у мимомая – зизо-зезя, у мивеаа – чичечача. Когда они начинают свой ритуальный танец, то каждое их действия сопровождается выкриками. У нижеотов часто можно услышать «мам-эами», «вэава», у мипиопи все гораздо сложнее «биээнзай» «зиээгзой». Никто не знает, чем кончится эта война. Но местные старейшины Чучу биза и Сосесао выделяют 3-х человек – Бобо-биба, Пуча и чапи.*

2. *На берегу реки Вэо-вэя проживал народ нижеоты. Когда-то они жили на берегах озера Мам-эами (плавные линии, округлая форма), но благородный вождь Чичечача и его жена Биээнзай увели народ из опасных мест. Теперь деревня называется Вэава, а правит ей сын благородного вождя и его жены Мивеаа. Женат вождь на прекрасной Сосесао из племени Мимомая на реке Мипиопи и есть у них замечательные дети : Зиээгзой и Зизо зезя.*

За этим прекрасным народом следят четыре божества : Печь и чапи, Лели-лили, Бобо-биба и Чучу биза. Да пусть он процветает.

3. Креативной стратегией порождения текста на базе созданных кластеров является опора на стилизацию научно-познавательной статьи или рекламный слоган:

1. *Сегодня я поведаю о растениях с необычными названиями. Растения – это удивительное творение природы, они обладают множеством уникальных и прекрасных свойств. Некоторые из них имеют странные и непривычные имена, такие как «Вэо-вэя», «Нижеоты» и «Мам-эами». Эти растения могут иметь яркие цвета и интересные формы, которые заставят нас остановиться и любоваться этими прекрасными цветками с необычным названием. Другие растения, такие как «Пучь и чапи» и «Лели-лили», могут использоваться для лечения различных заболеваний и болезней. Они содержат множество полезных веществ и могут быть использованы в качестве природных лекарств. «Чичечача» и «Биээнзай» – это растения, которые могут использоваться для создания ароматов и эфирных масел. Они имеют уникальные запахи и могут быть использованы для создания ароматов для массажа или ароматизаторов для дома, а также в работе при медитации. «Зиээгзой» и «Мивеаа» – это растения, которые могут использоваться в качестве красителей. Они содержат*

природные красители, которые можно использовать для окрашивания тканей или волос. Некоторые растения, такие как «Мимомая» и «Зизо зезя», могут использоваться для создания красивых и оригинальных букетов или декоративных композиций. Они имеют яркие цвета, которые делают их популярными в качестве подарка.

«Сосесао» и «Вэава» – это растения, которые могут выживать в условиях сухого климата. Они имеют множество адаптаций, которые позволяют им сохранять воду и выживать в трудных условиях.

В общем, растения эти могут быть использованы в качестве лекарств, красителей, ароматов, декораций и многого другого. И мы должны ценить их и защищать, чтобы они продолжали радовать нас своей красотой и полезностью.

2. Турагентство «Мам-эами» приглашает посетить страну Зизээзгой, в которой проживает народ зизо зезя. Этот гостеприимный народ угостит вас мясным национальным блюдом Сосесао и станцет чичичача. В этой стране протекает огромная река Биээнзай, самая большая река на материке. Ещё в этой стране стоит памятник Пучь и чапи, который обязательно нужно посетить. Рядом с этой страной находится другая воинствующая страна – Мипиопи. Жители этой страны Чучу-биза отличаются несговорчивостью. Носят они нижеоты – штаны, похожие на шаровары и мивеаа – рубашка с длинными рукавами на запах, подобие кимоно. В конфликтующей стране тоже есть своя река Мимомая. Эту страну представляет агентство «Воз-вэя», которая упоминает о местных танцах Лели-лили и национальном блюде Вэава.

4. Структура фоносемантов провоцирует в сознании респондентов установку на необычность, загадочность. Интерес представляют тексты, содержащие мистические элементы:

Чтобы вызвать духа с того света существуют специальное пособие по темной магии «Мимомая», которое предлагает следующую последовательность действий. Шаг 1. Перед вызовом Вэава нужно приготовить произношения, а именно специальные блюда Сосесао и Пучь и чапи, так можно задобрить духа. Шаг 2. Наденьте атрибуты ритуальной одежды, а именно Нижеоты, мипиопи и Мивеаа. Шаг 3. Выучите ритуальную песню, сложности доставляют напевы Взо-вэя, Мам-эами, с лели-лили выходит полегче. Шаг 4. Будьте уверенно, твердо произносите «Биээнзай», «Зизээзгой», чтобы дух наверняка явился. Шаг 5. Оставьте в стакане на ночь Чичечачу, если стакан к утру будет пуст –

дух посетил вас и готов исполнить любое ваше желание.

Анализ данных двух экспериментов позволил сделать следующие выводы:

1. При предъявлении стимулов с неизвестным значением (диалектизмов или окказионализмов) испытуемые в процессе кластеризации опираются на эмоционально-оценочные ассоциации, вызванные звучанием лексем, формальное сходство их звуковой оболочки, грамматическую форму и т. д. При этом ведущим фактором выступают именно фоносемантические ассоциации. Звуковая оболочка слов, лишенных семантики, обнаруживает способность формировать у носителей язык ассоциативные представления о таких свойствах предполагаемого денотата, как форма, величина, цвет и т. д., а также вызывать эмоционально-оценочные впечатления.

2. Маркерами отрицательно-оценочной фоносемантической выразительности для испытуемых выступают, прежде всего, такие параметры, как звуковой повтор и «напряженный» гласный «ы», на что указывает самая высокая частотность слов *балобан*, *кавивяка*, *табалыга* и *зыза* в кластерах группы «отрицательная эмоциональная оценка», ср. также редуцированные окказиональные *бобо-биба*, *чучу-биза*. Губно-губной согласный «б» «работает» на формирование ассоциативного представления о предметах округлой формы: большинство кластеров со словами *балбук*, *балобан*, *бомбошки* испытуемые связали с чем-то круглым. Консонантные сочетания «тр», «бр» вызывают у респондентов звукоподражательные ассоциации с речевыми расстройствами и дефектами, а также представление об излишне быстрой, неразборчивой речи.

3. Предложенные респондентам окказионализмы воспринимаются респондентами преимущественно как звукоподражания, в том числе обозначающие звуки плавные, мелодичные или, напротив, громкие, резкие; стимульные диалектизмы ассоциируются, главным образом, с эмоционально-экспрессивно-оценочными номинациями человека.

4. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о высокой продуктивности использования метода кластерного анализа для исследования фоносемантической экспрессивности слова «в чистом виде», в отрыве от лексического значения.

Литература

- Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Издательство Калининградского университета, 1997. – 84 с.
- Ваулина, И. А. Ангел или херувим? Фоносемантический фактор восприятия лексического значения / И. А. Ваулина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 13. – С. 249–256.
- Ваулина, И. А. Коннотативный потенциал звукового облика идеофона: психолингвистическая верификация / И. А. Ваулина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 5. – С. 145–148.
- Гридина, Т. А. Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные) / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-strategii-tekstoporozhdeniya-kak-otrazhenie-protsessov-klasterizatsii-eksperimentalnye-dannye> (дата обращения: 17.02.2025).

Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2020. – 358 с.

Джукаева, М. А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Джукаева. – Пятигорск, 2010. – 178 с.

Евенко, Е. В. Проблемы соотношения формы и содержания в фоносемантике / Е. В. Евенко, Н. М. Макеева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 525–527.

Егорова, А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Егорова. – М., 2008. – 200 с.

Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л. : Издательство ЛГУ, 1974. – 160 с.

Ищенко, Д. С. Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В. Я. Брюсова) : дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Ищенко. – Краснодар, 2010. – 139 с.

Коноплина, А. Ю. К вопросу о фоносемантике поэтического текста / А. Ю. Коноплина // Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2024. – С. 51–58.

Метелева, А. Д. Экспериментальные методы изучения звукоподражательной лексики / А. Д. Метелева // Наука молодых – наука будущего : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – 2024. – С. 35–44.

Никрошкина, С. В. Экспериментальное исследование универсального звукоимовизма на материале разноструктурных языков (русского, китайского, армянского и английского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Никрошкина. – Барнаул, 2010. – 19 с.

Словарь русских народных говоров : в 52 т. – М. : ИЛИ РАН, 1965–2009. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/345> (дата обращения: 17.02.2025).

Тимешова, И. Ю. Фонетические окказионализмы как инструмент номинации реалий вымышленного мира / И. Ю. Тимешова // Вестник ЗабГУ. – 2008. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-okkazionalizmu-kak-instrument-nominatsii-realiy-vymyshlennogo-mira> (дата обращения: 16.10.2024).

Флакман, М. А. О редких функциях фонемотипов английских звукоизобразительных слов / М. А. Флакман // Актуальные проблемы языкознания. – 2024. – № 1. – С. 280–297.

Шляхова, С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова. – Пермь : Издательство Пермского государственного педагогического университета, 2004. – 224 с.

References

Babenko, N. G. (1997). *Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste: strukturno-semanticheskii analiz* [The Occasional in a Literary Text: A Structural and Semantic Analysis]. Kaliningrad, Izdatel'stvo Kaliningradskogo universiteta. 84 p.

Dzhukaeva, M. A. (2010). *Mezh'yazykovye fonosemanticheskie svoystva spirantov (na materiale chechenskogo, russkogo i nemetskogo yazykov)* [Interlanguage Phonosemantic Properties of Spirants (Based on the Material of the Chechen, Russian and German Languages)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk. 178 p.

Egorova, A. A. (2008). *Zvukoizobrazitel'nost' v traditsionnoi angliiskoi detskoj poezii* [Sound Acuity in Traditional English Children's Poetry]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 200 p.

Evenko, E. V., Makeeva, N. M. (2018). Problemy sootnosheniya formy i sodержaniya v fonosemantike [Problems of Correlation of Form and Content in Phonosemantics]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 6 (73), pp. 525–527.

Flaksman, M. A. (2024). O redkikh funktsiyakh fonemotipov angliiskikh zvukoizobrazitel'nykh slov [About Rare Functions of Phonemotypes of English Sound-Forming Words]. In *Aktual'nye problemy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 280–297.

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2015). Kreativnye strategii tekstoporozhdeniya kak otrazhenie protsessov klasterizatsii (eksperimental'nye dannye) [Creative Text Generation Strategies as a Reflection of Clustering Processes (Experimental Data)]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-strategii-tekstoporozhdeniya-kak-otrazhenie-protsessov-klasterizatsii-eksperimentalnye-dannye> (mode of access: 17.02.2025).

Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2020). *Metody psikholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of Psycholinguistic Research: Theory, Practical Training, Trainings]. Ekaterinburg, UrGPU. 358 p.

Ishchenko, D. S. (2010). *Fonosemanticheskie i tsvetofonosemanticheskie khudozhestvennye assotsiatsii v poeticheskoi rechi (na materiale tvorchestva V. Ya. Bryusova)* [Phonosemantic and Color-Phonosemantic Artistic Associations in Poetic Speech (Based on the Material of V.Y. Bryusov's Creativity)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. 139 p.

Konoplina, A. Yu. (2024). K voprosu o fonosemantike poeticheskogo teksta [On the Question of the Phonosemantics of the Poetic Text]. In *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchennykh «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»*, pp. 51–58.

Metel'eva, A. D. (2024). Eksperimental'nye metody izucheniya zvukopodrazhatel'noi leksiki [Experimental Methods of Studying Onomatopoeic Vocabulary]. In *Nauka molodykh – nauka budushchego: sbornik statei XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 35–44.

Nikroshkina, S. V. (2010). *Eksperimental'noe issledovanie universal'nogo zvukosimvolizma na materiale raznostrukturnykh yazykov (russkogo, kitaiskogo, armyanskogo i angliiskogo)* [Experimental Study of Universal Sound Sym-

bolism Based on the Material of Different Structural Languages (Russian, Chinese, Armenian and English)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. 19 p.

Shlyakhova, S. S. (2004). *Drebezgi yazyka: slovar' russkikh fonosemanticheskikh anomalii* [The Shatters of Language: A Dictionary of Russian Phonosemantic Anomalies]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 224 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov: v 52 t. [Dictionary of Russian Folk Dialects, in 52 vols.]. (1965–2009). Moscow, IIL RAN. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/345> (mode of access: 17.02.2025).

Timeshova, I. Yu. (2008). Foneticheskie okkazionalizmy kak instrument nominatsii realii vymyshlennogo mira [Phonetic Occasionalisms as a Tool for Nominating the Realities of a Fictional World]. In *Vestnik ZabGU*. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-okkazionalizmy-kak-instrument-nominatsii-realiy-vymyshlennogo-mira> (mode of access: 16.10.2024).

Vaulina, I. A. (2014). Konnotativnyi potentsial zvukovogo oblika ideofona: psikholingvisticheskaya verifikatsiya [The Connotative Potential of the Ideophone's Sound Appearance: Psycholinguistic Verification]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 5, pp. 145–148.

Vaulina, I. A. (2015). Angel ili kheruvim? Fonosemanticheskii faktor vospriyatiya leksicheskogo znacheniya [An Angel or a Cherub? Phonosemantic Factor of Perception of Lexical Meaning]. In *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatelnosti*. No. 13, pp. 249–256.

Zhuravlev, A. P. (1974). *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic Value]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU. 160 p.

Данные об авторе

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: phonosemant@mail.ru.

Author's information

Vaulina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics and Russian, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 29.10.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 29.10.2024; date of publication: 28.03.2025

THE THEORY OF DISCURSIVE MARKERS IN FOREIGN LINGUISTICS: CONTROVERSIAL ISSUES

Anna V. Kuleshova

Higher Language Training Courses
for Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1494-5462>

Yulia V. Bogoyavlenskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

Abstract. Recently, studies of various aspects of such a linguistic phenomenon as discursive marker have become increasingly active. However, the definition of this phenomenon still raises many questions in linguistic circles. This article focuses on a critical analysis and synthesis of the views of American and European scholars on discursive markers in order to determine their linguistic status. The article brings up the problem of terminological nomination of the phenomenon under study. In addition, the authors make an attempt to describe and analyze several interpretations of discursive markers from the standpoint of such linguistic approaches as functional, semantic, cognitive, pragmatic, and sociolinguistic, as well as from the point of view of the theory of argumentation. As a result of the analysis, it has been found that the choice of the term is not always determined by the approach to the study of discursive markers. The choice of terminological nomination may be associated with the aspect and/or functions of this phenomenon. In addition, the study has revealed the similarities and differences in the typology and classification of discursive markers. This allowed the authors to conclude that the classification of discursive markers is more often than not based on formal and/or functional principles. The question of the linguistic status of discursive markers also remains open. To date, there is no consensus on whether this unit is a class or a language category.

Keywords: discourse; discursive markers; functionality; typology of discursive markers; classification of discursive markers; class; category

For citation: Kuleshova, A. V., Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2025). The Theory of Discursive Markers in Foreign Linguistics: Controversial Issues. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 84–93. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-84-93.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Кулешова А. В.

Высшие курсы иностранных языков МИД России (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1494-5462>
SPIN-код: 6116-1631

Богоявленская Ю. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>
SPIN-код: 5298-8785

Аннотация. В настоящее время становятся все более актуальными исследования различных аспектов такого языкового феномена, как дискурсивный маркер. Однако его определение по-прежнему вызывает много вопросов в лингвистических кругах. Основное содержание данной статьи представляет собой критический анализ и обобщение взглядов американских и европейских исследователей на дискурсивные маркеры с целью установления их лингвистического статуса. В статье поднимается проблема терминологического обозначения исследуемого явления. Кроме того, авторы предпринимают попытку описать и проанализировать различные интерпретации дискурсивных маркеров с точки зрения таких лингвистических подходов, как функциональный, семантический, когнитивный, прагматический, социолингвистический, а также с точки зрения теории аргументации. Анализ показал, что выбор термина не всегда обусловлен подходом к изучению дискурсивных маркеров. Терминологическая номинация может быть связана с изучаемым аспектом и/или функциями этого явления. Помимо этого, были выявлены сходства и различия в типологии и классификации дискурсивных маркеров. В результате был сделан вывод о том, что в основе классификации дискурсивных маркеров чаще всего лежит формальный и/или их функциональный признак. Вопрос о лингвистическом статусе дискурсивных маркеров также остается открытым. На сегодняшний день в лингвистике нет единого мнения о том, представляет ли эта единица особый класс или языковую категорию.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные маркеры; функциональность; типология дискурсивных маркеров; классификация дискурсивных маркеров; класс; категория

Для цитирования: Кулешова, А. В. Теория дискурсивных маркеров в зарубежной лингвистике: дискуссионные вопросы / А. В. Кулешова, Ю. В. Богоявленская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 84–93. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-84-93.

THÉORIE DES MARQUEURS DISCURSIFS EN LINGUISTIQUE ÉTRANGÈRE: PROBLÈMES CONTROVERSÉS

Anna V. Kuleshova

Cours supérieurs de langues étrangères du ministère des Affaires étrangères de Russie (Moscou, Russie)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1494-5462>

Julia V. Bogoyavlenskaya

Université fédérale de l'Oural

nommée d'après le premier président de la Russie B. N. Eltsine (Ekaterinbourg, Russie)

Université d'État de Petrozavodsk (Petrozavodsk, Russie)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

Résumé. Les recherches sur divers aspects du phénomène du langage des marqueurs discursifs sont devenues de plus en plus pertinentes. Cependant, la définition de ce phénomène soulève encore de nombreuses questions dans les milieux linguistiques. Le contenu principal de l'article ci-dessous est une analyse critique et une synthèse des points de vue des chercheurs américains et européens sur les marqueurs discursifs dans le but de déterminer le statut linguistique de ces derniers. L'article soulève le problème de la nomination terminologique du phénomène étudié. En outre, les auteurs de cet article ont tenté de décrire et d'analyser plusieurs interprétations de marqueurs discursifs du point de vue d'approches linguistiques telles que fonctionnelle, sémantique, cognitive, pragmatique, sociolinguistique, ainsi qu'en termes de la théorie de l'argumentation. L'analyse a révélé que le choix du terme n'est pas toujours déterminé par l'approche de l'étude des marqueurs discursifs. La nomination peut être liée à l'aspect étudié et/ou aux fonctions de ce phénomène. En outre, les similitudes et les différences dans la typologie et la classification des marqueurs discursifs ont été généralisées et identifiées, conduisant à la conclusion que la classification des marqueurs discursifs est le plus souvent basée sur la forme des marqueurs et / ou leurs fonctions. La question du statut linguistique des marqueurs discursifs reste également ouverte. À ce jour, il n'y a pas de consensus sur le fait si cette unité représente une classe ou une catégorie linguistique.

Mots clés: discours; marqueurs discursifs; fonctionnalité; typologie des marqueurs discursifs; classification des marqueurs discursifs; classe; catégorie

Introduction

Jusqu'à la première moitié du XXe siècle, les marqueurs discursifs étaient analysés du point de vue de la linguistique structurale. À partir de la fin des années 70 du siècle dernier, ces unités linguistiques ont commencé à être étudiées en fonction de leur rôle dans diverses situations d'énonciation.

Aujourd'hui, il est difficile de donner une définition uniforme à ce que les recherches linguistiques contemporaines qualifient de «marqueur discursif». La version la plus courante du terme, qui s'applique au concept analysé en linguistique étrangère – «дискурсивный маркер» (marqueur discursif, discourse marker) (ci-après c'est nous qui traduisons – A. K., Y. B.) [Chady 2021; Dostie 2007; Fraser 1999; Imo 2012; Shiffrin 1987] ainsi que «частица высказывания» (particule énonciative, enunciativa particle) [Fernández 1994], «дискурсивная частица» (particule discursive, discourse particle) [Delafontaine 2020; Fischer 2006], «прагматический маркер» (marqueur pragmatique, pragmatic marker) [Aijmer 2004; Brinton 1996], «дискурсивная связка» (discourse connective) [Redeker 1991], «метадискурсивный маркер» (marqueur métadiscursif ou méta-discursif, metadiscursive Marker) [Abouda 2022; Akinseye 2021; Hansen 1995], et même «дискурсивная рутина» (routine discursive, discourse routine, discursive Routine) [Coulmas 1985; Legallois 2022; Luodonpää-Manni 2022; Née 2017].

Cette divergence terminologique est liée, selon nous, à une variété d'approches théoriques qui se

concentrent sur tel ou tel aspect du phénomène étudié, et témoignent également de la nature polyfonctionnelle complexe des mots discursifs, de leur hétérogénéité grammaticale, sémantique et pragmatique. L'analyse de la littérature scientifique sur la question étudiée montre que dans les travaux des linguistes européens et américains sur les marqueurs discursifs, il existe plusieurs approches d'étude établies: fonctionnelle [Shiffrin 1987], sémantique [Ducrot 1980; Dostie 2007; Hansen 1998], sociolinguistique [Beeching 2007; Chady 2021], pragmatique [Aijmer 2004; Bruxelles 2001; Fraser 1999; Luodonpää-Manni 2022], cognitif [Dostie 2013; Fernández 1994] et d'autres. Il est à noter que l'étude des marqueurs discursifs est réalisée notamment dans le cadre de diverses théories linguistiques, à savoir: la théorie de l'argumentation [Anscombe 1983], la théorie des opérations énonciatives de A. Culioli [Culioli 1990], ainsi que du point de vue de l'analyse conversationnelle [Roulet 1987] et d'autres.

La diversité des approches et des théories identifiées exige leur systématisation, leur compréhension et leur analyse critique. Le but de cet article est donc de révéler et de comparer les points de vue existants dans la linguistique étrangère pour déterminer le statut des marqueurs discursifs, de généraliser, d'identifier les similitudes et les différences dans leur typologie et leur classification.

Nous allons effectuer notre démarche en procédant à toutes sortes de stratégies d'analyse et celles de synthèse ainsi qu'en nous basant sur l'étude

comparative, les méthodes de systématisation de la connaissance scientifique du sujet en question.

Dans l'article ci-dessous, nous restons sur le terme «marqueur discursif» (ci – après – MD) comme le plus utilisé dans les travaux de recherche et, à notre avis, le plus réussi.

Le problème du statut linguistique des marqueurs discursifs

L'un des premiers auteurs à étudier les MD était D. Shiffrin. Dans ses travaux, ces unités sont définies comme «des éléments séquentiellement dépendants qui divisent le discours en parties, en d'autres termes, des énonciations facultatives – des unités utilisées dans le contexte d'une conversation ou d'un texte. Les marqueurs peuvent fonctionner à différents niveaux de discours, reliant les énoncés dans un ou plusieurs plans» [Shiffrin 1987: 31]. Parmi les MD, le chercheur distingue les conjonctions de coordination et de subordination (*and, but, because*), les adverbes temporels et les adverbes de liaison (*now, then, so*), les particules (*oh, well*), les phrases d'introduction (*you know, I mean*) [Shiffrin 1987]. D. Shiffrin dit que «les MD représentent les propriétés du discours (...) ainsi que les propriétés linguistiques de l'expression (signification et/ou propriétés grammaticales) qui fournissent aux marqueurs leurs fonctions d'index: les marqueurs indexent la place de l'énoncé dans ses contextes locaux émergents. C'est la fonction d'index des marqueurs qui est la clé pour comprendre pourquoi ils sont utilisés: les marqueurs spécifient les coordonnées contextuelles dans lesquelles il a été créé un énoncé destiné à être interprété. Et enfin, non seulement parce que les marqueurs suggèrent de telles coordonnées, mais aussi parce qu'ils suggèrent plus d'une coordonnée contextuelle à la fois, ils favorisent l'intégration du discours c'est-à-dire la cohérence du discours» [Shiffrin 1987: 31]. Dans le même temps, en parlant de coordonnées, le scientifique fait référence non seulement aux éléments linguistiques, mais aussi aux mouvements du corps du locuteur, au langage des signes et aux éléments paralinguistiques.

Ainsi, ayant une double compétence fonctionnelle – en coordonnant simultanément différentes parties de l'énoncé (à la fois au niveau local et au niveau global) et en désignant les «coordonnées» de l'énoncé, les MD agissent d'une part comme des connecteurs et d'autre part comme des éléments déictiques. Cette dualité est tracée notamment dans la typologie proposée par D. Shiffrin. Le scientifique distingue les types de MD suivants: conjonctif, exclamatif, adverbial et lexical.

Cette approche a ses aspects positifs, car elle ne prend pas en considération un seul aspect des MD, mais un certain ensemble d'entre eux, ce qui démontre la complexité de la nature du phénomène étudié. En outre, la prise en compte non seulement des paramètres verbaux mais aussi non verbaux contribue à une analyse plus détaillée du fonctionnement des MD dans le discours. L'inconvénient de la typologie proposée qu'on peut relever est l'absence d'une base unique pour distinguer les groupes de marqueurs.

Un autre pionnier dans le domaine de l'étude des MD est un des partisans de l'approche pragmatique B. Fraser qui les considère comme une classe fonctionnelle indépendante d'expressions lexicales qui ne font pas partie du contenu propositionnel de l'énoncé. Le chercheur inclut les MD dans une catégorie plus large de marqueurs pragmatiques regroupant les types suivants:

– les marqueurs de base qui indiquent la force illocutoire de la proposition (*I swear, I promise, could you, would you*);

– les marqueurs-commentaires qui transmettent des informations supplémentaires directement liées à l'énoncé (*fortunately, possibly, They say, I heard, that*);

– les MD parallèles qui apportent des informations supplémentaires à l'énoncé, sans rapport avec le message principal (*my dear, frankly speaking*);

– les marqueurs discursifs proprement dits, reliant les phrases isolées entre elles: marqueurs de changement de sujet, marqueurs d'antithèse, marqueurs de précision, marqueurs implicatifs (*but, however, although, that is why, so, accordingly, by the way, in other words, or*) [Fraser 2015].

Selon B. Fraser, les MD ce sont aussi des interjections (*damn, hey, wow*), des adverbes (*certainly, surely, definitely*), des adverbes de jugement (*frankly, studidly, cleverly*), des adverbes évidentiels (*allegedly, reportedly, according to*), des particules focalisantes (*just, even, only*), des particules modales [Fraser 1999]. K. Aijmer [Aijmer 2013 a, b] et L. Brinton [Brinton 1996] affichent des positions proches. Comme D. Shiffrin, les scientifiques notent le rôle important des MD dans la création de la cohésion et de la cohérence de l'énoncé, soulignant leur rôle en tant qu'éléments de liaison [Fraser 1999]. Dans la littérature scientifique, cette approche a reçu le nom de *coherence-based*.

Cependant, ni D. Shiffrin ni B. Fraser n'indiquent leur position en ce qui concerne l'appartenance des MD à une certaine catégorie linguistique ou à une classe à part, comme nous le voyons, par exemple, dans les ouvrages de G. Dostie et S. Push qui analysent les MD du point de vue de l'approche sémantique.

À la suite de S. Blanche-Benveniste, les savants définissent les MD comme une classe d'unités linguistiques qui n'a pas de limites distinctes et qui possède un certain nombre de caractéristiques [Blanche-Benveniste 1989; Dostie 2007: 3]. Du point de vue des chercheurs, les MD:

1) sont souvent phonologiquement réduits (*tu sais – t'sais; si je veux – si j'veux*);

2) ont tendance de constituer des unités prosodiques indépendantes.

Par exemple: *Bon bein courage, c'est pas très drôle*¹. L'indépendance prosodique est également soulignée par le fait que les MD sont séparés du contexte qui les entoure par des pauses et/ou une certaine intonation (interrogative, exclamative, etc.):

Vous êtes en train de débiter de grandes phrases, mais vous n'êtes pas capable de justifier

¹ <https://app.sketchengine.eu>

techniquement la moindre phrase que vous prononcez. **Voilà!** C'est pour cela que le gouvernement est aussi présent;

3) peuvent représenter des lexèmes isolés (par exemple, *voyons, enfin, bref*) ou des phrasèmes (par exemple, *tu parles, du coup*). Ces unités linguistiques sont grammaticalement invariables ou ces variations ne sont pas importantes, car en ajoutant, par exemple, l'indice du pluriel au marqueur *du coup*, nous obtenons une unité lexicale indépendante *des coups* avec la signification de «удары», c'est-à-dire «mouvement rapide par lequel un corps frappe un autre corps»¹. Le changement de la forme grammaticale du marqueur de la deuxième personne du singulier (*tu vois*) à la forme de la première personne du pluriel (*nous voyons*), par exemple, conduit également au fait que ce marqueur cesse d'exister en tant que MD, mais fonctionne comme un verbe indépendant. Par contre, le marqueur *tu vois* peut être utilisé à la deuxième personne du pluriel – *vous voyez*, ce qui signifie que les MD peuvent être relativement variables;

4) la présence des MD dans une phrase est optionnelle, c'est-à-dire que leur présence ou leur absence n'entraîne pas de changement de sens. En outre, ils ne sont pas inclus dans la structure argumentative de la phrase;

5) jouent un certain rôle à l'organisation du texte et sont capables d'exprimer la subjectivité et l'intersubjectivité.

Cette classe d'unités n'est pas une classe grammaticale au sens traditionnel, elle comprend des unités linguistiques appartenant à différentes parties du discours: adverbes, interjections, particules, etc. Dans ce cas-là, les MD peuvent résulter d'une conversion [Dostie 2007: 4].

Dans le cadre de la même approche, F. Lefeuve propose la classification suivante des MD, basée sur des critères morpho-syntaxiques. L'auteur distingue trois classes de MD:

– les marqueurs d'évaluation. Ils désignent l'attitude du locuteur par rapport au contenu de l'énoncé. Cette classe comprend des adjectifs et des adverbes (moins souvent des noms et des pronoms) utilisés seuls ou en combinaison avec d'autres unités (*ben, bon, eh bien, pas vrai, bien sûr, oui oui, d'accord, OK, sérieux, grave, (ma) parole, c'est ça, n'est-ce pas, hein, quoi*);

– les marqueurs interactionnels qui assurent la communication avec l'interlocuteur. Ce sont principalement des marqueurs basés sur des structures verbales ou des apostrophes (*écoute, remarque, attends, dis donc, disons, allons, tu vois, tu sais, tu parles, voilà, boudu = Bon Dieu*);

– les marqueurs d'enchaînement discursif, ainsi que des marqueurs d'expression de l'émotivité du locuteur (*donc, alors, enfin, là, ah ça*). Ce groupe comprend principalement des adverbes qui remplissent certaines fonctions discursives, mais non pas celle de connecteurs ou d'emploi déictique proprement dit [Lefeuve 2020: 3].

Dans leurs dernières recherches sur les MD, G. Dostie et F. Lefeuve soulèvent mais laissent

suspendue la question de l'existence d'une certaine catégorie de MD [Dostie 2017; Lefeuve 2020].

Du point de vue de la théorie de l'argumentation, comme dans l'approche sémantique présentée ci-dessus, les MD sont considérés comme une classe faisant partie de la structure du langage, assurant l'enchaînement discursif et servant de moyen d'expression des stratégies argumentatives du locuteur [Anscombe 1983]. Ainsi, les MD sont considérés comme des connecteurs d'argumentation [Fischer 2006]. Dans ce cas, le terme «connecteur», à la suite de O. Ducrot et J.-M. Adam, est compris en tant qu'hyperonyme, comprenant divers éléments dont la fonction est d'assurer trois types de connexion: 1) la connexion de structure; 2) la connexion de la prise en charge énonciative; 3) la connexion argumentative, qui est une combinaison des deux premiers types [Adam 2002].

Selon ces fonctions, J.-M. Adam distingue:

1) les organisateurs textuels proprement dits, fonctionnant au niveau du texte et comprenant:

– les organisateurs spatiaux (*à gauche / à droite, devant / derrière, plus loin, d'un côté / de l'autre*);

– les organisateurs énumératifs (ou marqueurs d'intégration linéaire) qui sont de deux types: les organisateurs additifs (*et, ou, aussi, ainsi que, avec cela, de même, en plus, etc.*), et les marqueurs d'ouverture (*d'une partie, d'un côté, d'abord, etc.*), de relais (*ensuite, puis*), de clôture de l'énumération ou d'une suite d'éléments et des informations dans un texte (*d'autre part, enfin, en conclusion*) [Adam 1989];

– marqueurs de thématization: *quant à, en ce qui concerne...*;

– marqueurs d'exemplification et d'illustration: *par exemple, en particulier, notamment*;

2) les marqueurs de prise en charge énonciative ou les soi-disant marqueurs de «sources du savoir», les marqueurs de cadre médiatifs qui permettent au locuteur de se distancier du point de vue ou de l'information dont il n'est pas sûr de la véracité. Ce groupe de marqueurs comprend:

– marqueurs de reformulation: *c'est-à-dire, autrement dit*;

– marqueurs de conversation: *bon, ben, pis, alors*;

– marqueurs phatiques: *tu sais, tu vois, euh* [Adam 2011];

3) des organisateurs ou des opérateurs argumentatifs qui aident le locuteur à exprimer son point de vue et à structurer son discours en même temps. Par exemple, *mais, quand même, bien que* [Adam 1984].

La fréquence et l'utilisation des connecteurs sont alors déterminées par le genre de discours et le type de texte. Par conséquent, ce dernier groupe de connecteurs est plus fréquent dans le type argumentatif du texte que dans le récit, où il n'est pas nécessaire de donner des arguments et/ou des contre-arguments.

Une telle classification des MD est intéressante, mais dans ce cas, le parti pris est uniquement dans l'argumentation et la pragmatique, tandis que le côté formel des MD en tant qu'éléments linguistiques n'est pratiquement pas pris en compte. Lors de la division

¹ <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/coup/19796>

des connecteurs en différents groupes, l'appartenance du marqueur à telle ou telle partie du discours, ainsi que la forme grammaticale (morphologique) du marqueur, ne sont pas prises en considération.

Certains chercheurs qui analysent les MD du point de vue de la théorie de l'argumentation incluent parfois dans ce groupe d'unités linguistiques des structures partiellement lexicalisées (par exemple, *au risque de me tromper / de me répéter; comme le dit / le rappelle le proverbe*), remplissant certaines fonctions discursives (voir, par exemple [Roulet 1987: 5]). Cette approche, à notre avis, rapproche les MD et les routines discursives, qui sont des séquences linguistiques récurrentes, partiellement figées qui, d'une part, déterminent l'organisation sémantique de l'énoncé et, d'autre part, remplissent des fonctions textuelles, argumentatives, discursives et/ou interdiscursives [Née 2017: 3]. Dans un contexte défini, tout mot peut, comme dans le cas avec un MD, entrer dans la catégorie de la routine discursive.

En considérant les routines discursives ainsi que les MD (au sens de «connecteurs») comme marqueurs de textualité, les chercheurs les subdivisent en fonction du modèle sous-jacent à une routine particulière et des fonctions qu'elles exercent sur:

- les routines de temporalité et de modalité. Ce sont des routines qui comprennent un adverbe de temps et un prédicat exprimant la capacité. Par exemple, Didier **démontre désormais certaines capacités** d'autonomie [Née 2017: 5]. De telles routines caractérisent généralement une personne et un lieu;

- les routines argumentatives. Ce sont des routines qui sont utilisées pour justifier un point de vue, fournir une preuve (un argument), etc. On a alors affaire à une construction de type: *et peut + INF*. Par exemple, elle est autonome dans les jeux, **et peut rester** un long moment à jouer seule dans sa chambre [Née 2017: 5];

- les routines informatives qui peuvent décrire l'état du locuteur. Ce sont des routines de type: *x + verbe d'état + EN / DANS + nom ou groupe nominal*. Par exemple, *Il est en difficulté (pour...)* / *Il est dans la dissimulation (de...)* [Née 2017: 5].

Cette division est assez conventionnelle, puisque les auteurs notent que, par exemple, la routine informative, ayant comme élément de base le verbe *pouvoir*, remplit également la fonction d'organisateur textuel proprement dit [Née 2014: 2121]. Ainsi, les routines peuvent à la fois servir d'éléments de liaison dans l'énoncé et de fonction argumentative, ce qui rapproche cette approche de la théorie de l'argumentation et de l'approche fonctionnelle de l'examen du MD. Selon E. Née, F. Sitri et M. Veniard, les MD peuvent faire partie d'une routine (être son composant). De ce point de vue, les auteurs, à la suite de J.-M. Adam, distinguent les marqueurs argumentatifs et structurels, en y ajoutant des marqueurs temporels.

Il est à constater que des routines discursives peuvent inclure un élément qu'on appelle un MD ou un connecteur. Cependant, malgré certaines similitudes entre les caractéristiques formelles et fonctionnelles, les routines discursives ne semblent pas être

identiques aux MD. Nous estimons que les routines discursives représentent une catégorie distincte en soi, comprenant les MD soit comme l'une de ses variétés, soit comme une partie de la routine avec des segments phraséologiques propres à tel ou tel type de discours, des locutions figées et des combinaisons plus libres. En ce qui concerne les fonctions, les routines participent, d'une part, à la construction de l'argumentation et, d'autre part, elles représentent des indices de la structure hiérarchique des niveaux de discours.

Dans le cadre de l'approche cognitive, J. M. M. Fernández trouve pour le MD un autre terme – une particule énonciative, par laquelle elle comprend les petits mots utilisés par le locuteur pour transmettre ses intentions à l'interlocuteur et/ou pour exprimer son attitude à l'égard de la situation de communication [Fernández 1994: 5]. La particule énonciative n'a pas de sens propositionnel et peut ancrer de façon implicite et indirecte les messages de l'énonciateur dans les paramètres de son énoncé. Cette particule verbalise ces paramètres, qui peuvent être également codés par des gestes et des moyens prosodiques [Fernández 1994: 5]. Les particules énonciatives dans le sens du chercheur représentent une classe ouverte d'unités qui peuvent être classifiées selon la fonction qu'elles remplissent. J. M. M. Fernandez distingue les sous-classes suivantes:

- les particules structurelles fonctionnant au niveau d'une phrase ou d'un texte, apparentées aux «connecteurs» selon l'interprétation de l'auteur. Ces particules, à leur tour, sont divisées en:

- mots logico-syntaxiques (fr.: *quand même*; angl.: *though*);

- enclitiques de corrélation additive (fin.: *-kin*, fr.: *en fait*), ainsi que des particules exprimant l'opinion générale, le consensus (fin.: *-han / hãn*, fr.: *comme tu sais, tu te rappelles*);

- signaux de bornage (fr.: *bon, bien*; angl.: *well*);

- marqueurs de changement thématique (fr.: *autrement*; angl.: *now*);

- les particules interpersonnelles liées à l'aspect cognitif du langage et régulant le processus d'interaction:

- divers «adoucisseurs» (angl.: *very, par excellence, especially*), y compris les particules enclitique de politesse (par exemple en finnois et en japonais);

- les éléments phatiques qui se réfèrent à la multimodalité de la perception (fr.: *écoute, vois-tu / tu vois*; angl.: *you see, you know*) [Fernández-Vest 2011: 194–195].

Néanmoins, en analysant la définition et les exemples donnés par l'auteur, on peut douter de la validité du choix du terme «particule» en ce qui concerne le phénomène analysé par J. M. M. Fernandez en anglais et en français. Tout d'abord, le terme «particule» est attribué aux mots-outils, qui apportent différentes nuances de sens, des nuances émotionnelles dans la phrase ou servent à changer les formes des mots. Les exemples ci-dessus montrent que ces unités ne correspondent pas toujours à la définition donnée par l'auteur. Par exemple, *comme tu te rappelles* est une expression entière et non pas un

petit mot isolé. Deuxièmement, les fonctions décrites ci-dessus suggèrent également que ces unités peuvent exister non seulement au niveau de l'énoncé, mais également au niveau du discours. Tout cela parle en faveur du terme «marqueur discursif» plutôt que «particule énonciative».

Il est intéressant d'examiner la position de V. Imo qui considère les particules comme une classe d'unités en constante évolution et en mise à jour au cours de l'évolution et de la grammaticalisation. Dans le sous-groupe des particules discursives, le chercheur inclut des marqueurs discursifs, des signaux d'assurance, des interjections, des particules de liaison, des phrases de commentaire réduites (*ehrlich gesagt, offen gesagt*) [Imo 2012: 81]. Dans de nombreux ouvrages [Schwitalla 2012; Aijmer 2002; Diewald 2006] il est souligné que l'un des moyens de considérer les particules discursives comme une classe de mots à part est de détacher les particules de la classe d'interjections, car ces dernières ont des fonctions discursives et conduisent à la découverte des pensées cachées du narrateur.

L'opinion de C. Chanet sur les MD est intéressante et controversée en même temps. Elle analyse les unités étudiées de la même manière que J. M. Fernandez, du point de vue de l'approche cognitive et les considère comme une classe d'unités. Pourtant, pour C. Chanet, cette classe ne comprend que les connecteurs (*mais, alors, donc*), dans leur sens pragmatique, et les particules (*ben, voilà, en fait*) dans la compréhension de J. M. M. Fernandez. Pour C. Chanet, ni les éléments phatiques utilisés par le locuteur (*tu sais, tu vois, hein*), ni les «régulateurs» employés par son interlocuteur (*hm hm, oui, d'accord, je vois*) et assurant l'interaction ne font pas partie des MD. Selon ce point de vue qui est d'ailleurs similaire à celui de J. M. M. Fernandez, les moyens de communication non verbaux – gestes, mimiques (regards, postures, sourires, hochements de tête, etc.) sont également importants pour une communication réussie [Chanet 2003: 2–3].

Étudiés par J. Delafontaine du point de vue de la sociolinguistique, les MD sont aussi perçus comme classe d'unités. Du point de vue de l'auteur, une unité linguistique est un MD si elle n'est pas autonome, c'est-à-dire qu'elle ne peut pas constituer un énoncé distinct en soi, et elle n'est pas constitutive. À la suite de C. Chanet, J. Delafontaine divise le MD en particules (*ben, hein, quoi, etc.*) et en connecteurs (*parce que, mais*) [Delafontaine 2020: 77], mais en raison de l'absence de définition univoque de cette classe d'unités et faute d'incertitude de leur statut linguistique, le scientifique inclut ici les structures verbales de type *tu sais, je pense* et les adverbes de type *honnêtement, franchement*.

Du point de vue de la même approche, K. Beeching prend comme base la définition de J. M. M. Fernandez et nomme les MD des particules énonciatives «désémantisées», ce qui, comme il était mentionné ci-dessus, n'est pas méthodologiquement correct, à notre avis. En étudiant les MD en termes de leur fonctionnement en tant que marqueurs de la communication interpersonnelle, K. Beeching

distingue trois groupes de marqueurs: les marqueurs du facteur «normal» (*quand même, si vous voulez, hein, bon*), les marqueurs du type «moderne», propres principalement au langage des jeunes (*enfin, quoi, bon*) et les marqueurs dits «tradition», utilisés dans la langue officielle et liés plutôt au parler des personnes âgées (*c'est-à-dire*) [Beeching 2007: 92].

En général, une caractéristique distinctive de l'approche sociolinguistique consiste en ce que, selon les auteurs, la variabilité de l'utilisation des MD dans le discours peut être conditionnée par le sexe, l'âge et/ou la situation sociale des interlocuteurs [Beeching 2007; Chady 2021; Delafontaine 2020].

L'analyse des MD de D. Paillard [Paillard 2011; 2013; 2017], réalisée du point de vue de la théorie des opérations énonciatives de A. Culioli, est aussi intéressante. L'auteur considère les MD comme des éléments linguistiques qui (comme toutes les autres parties du discours) sont caractérisés par leur propre distribution et sémantique. Celle-ci est identifiée par l'auteur comme une sémantique discursive, dont la définition conditionne l'introduction du concept de «scène énonciative». Il est basé sur l'hypothèse que «l'énoncé n'est pas l'acte du sujet qui produit un énoncé, mais un processus qui peut être reconstitué à partir de l'agencement des formes qui composent un énoncé. L'énoncé est donc l'ensemble des déterminations qui interviennent dans la production de l'énoncé» [Paillard 2013]. La «scène énonciative» comprend trois composants fondamentaux: le «dire» (qui associe le vouloir dire et l'énoncé), le «vouloir dire» (au sens du «signifié») et «l'espace intersubjectif» [Paillard 2017: 17].

De ce point de vue, le MD est interprété comme «un mot ou une expression qui introduit certaines attitudes spécifiques à un composant particulier de la scène énonciative» [Paillard 2013: 157]. L'affirmation du linguiste selon laquelle les marqueurs discursifs ne sont pas identiques aux connecteurs semble être méthodologiquement correcte, bien qu'ils participent, comme ces derniers, à la construction du discours.

La «scène énonciative» permet de distinguer six classes de MD [Paillard 2011], dont quatre se réfèrent à la notion de «dire», une classe à celle de «vouloir dire» et une classe à l'espace intersubjectif.

1) les MD du «dire»:

– les MD point de vue (*en fait, en réalité, par exemple, de fait, de plus*). La sémantique de ces MD s'exprime sous leur forme: l'une des composantes du MD exprime l'évaluation de l'objet de la perception;

– les MD catégorisants. En français, ces marqueurs comprennent les adverbes se terminant par *-ment: vraiment, carrément, heureusement*;

– les MD «écran». Le terme «écran» est pris ici dans un double sens: ce qui dissimule d'un côté, ce qui crée un espace de visibilité de l'autre. Parmi les MD de ce groupe, le scientifique mentionne une série de MD formés avec *comme* exprimant la comparaison: *comme ça, comme quoi, comme qui disait, tout comme*;

– les MD particules sont les plus nombreux et les plus singuliers. Contrairement aux classes précédentes, l'appartenance à cette classe de marqueurs n'est pas associée à des critères de forme.

De tels marqueurs peuvent désigner un aspect positif ou négatif d'une situation donnée, ils peuvent être un moyen d'expression de la cohérence discursive: *bien, bon, d'ailleurs, alors, pourtant, tout de même*, etc.;

2) les MD du «vouloir dire», c'est-à-dire des marqueurs exprimant ce que le locuteur avait l'intention de dire. Ces marqueurs contiennent dans leur structure un *verbum dicendi*: *pour ainsi dire, disons, je voudrais dire, c'est-à-dire, soi-disant*, etc.;

3) les MD intersubjectifs nécessaires pour spécifier le rapport soit entre le locuteur à son dire (*ah, eh, oh*), soit le type de rapport qui s'établit entre le locuteur et l'interlocuteur (*hein, tiens, ben, ouais, voilà*) [Paillard 2017].

Chaque classe est caractérisée par une sémantique discursive particulière en fonction de telle ou telle composante de la scène énonciative. Ces marqueurs se concentrent sur les *p*-mots (le volume du marqueur) utilisés pour représenter le monde et signaler qu'il existe un problème de liaison que le locuteur tente d'établir entre les mots et ce qu'il veut dire.

Cette typologie des MD nous semble la plus complète parce qu'en les considérant comme une classe à part, D. Paillard prend en compte non seulement la sémantique du MD, mais aussi sa composante syntaxique, prosodique et fonctionnelle.

Conclusion

En résumé, on peut constater qu'en parlant des MD, on a affaire à un phénomène linguistique multidimensionnel doté de nombreuses caractéristiques. Les recherches sur le statut linguistique des marqueurs discursifs couvrent diverses approches et points de vue, mais la question de la nomination terminologique des MD reste controversée. Souvent, elle n'est pas liée à une approche théorique dans son ensemble, mais plutôt à un aspect particulier de l'étude des MD et les fonctions qu'ils exercent.

Pour le moment, il n'y a pas de consensus sur l'appartenance des marqueurs discursifs à une catégorie ou à une classe linguistique à part. Le plus

souvent, les MD sont attribués à une classe distincte, mais dans les dispositions ci-dessus, nous voyons que les MD sont aussi considérés comme une catégorie soit pragmatique, soit fonctionnelle ou/et sémantique qui est bien souvent représentée comme floue faisant partie d'autres catégories linguistiques plus larges.

La typologie des MD n'est pas non plus unifiée. Chaque chercheur propose son propre système de classification basé sur des critères formels, sémantiques, pragmatiques, syntaxiques et fonctionnels. Dans une compréhension plus large des MD, ils incluent non seulement des éléments linguistiques, mais aussi des éléments non verbaux – des habitudes sensorimotrices, gestes, etc. La diversité des classifications des MD ne permet pas d'en créer une qui soit universelle ce qui, par conséquent, conduit à un débat sur l'attribution de certains mots et groupes de mots à la classe de MD. Les classifications et les approches étudiées conduisent ainsi à la nécessité de prendre en compte plusieurs critères afin d'avoir une image plus ou moins complète du panorama des MD.

Pratiquement toutes les approches de l'examen des MD soulignent leur rôle dans la cohérence et la cohésion du discours. Ils servent d'éléments de liaison capables de relier et de mettre en évidence des parties d'un énoncé, ainsi que d'assurer son interprétation correcte et ses coordonnées contextuelles. En outre, les scientifiques distinguent les fonctions discursives, argumentatives, pragmatiques et intersubjectives des unités étudiées. Ces fonctions permettent bien souvent de marquer l'attitude du locuteur, de relever les stratégies argumentatives mises en place par celui-ci. En plus, elles font le point sur les rapports qui s'établissent entre locuteurs.

Malgré la diversité des points de vue analysés, il est à noter que les approches théoriques et les théories présentées dans cet article applicables à l'étude des MD ne sont pas exhaustives, ce qui permet de tracer de nouvelles pistes de recherche et de donner de nouvelles idées d'analyse de ce phénomène linguistique.

Литература

- Abouda, L. L'émergence du marqueur méta-discursif du coup: de la conséquence à l'actualisation énonciative / L. Abouda // *Langages*. – 2022. – No. 226. – P. 99–116.
- Adam, J.-M. Des mots au discours: l'exemple des principaux connecteurs / J.-M. Adam // *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*. – 1984. – No. 43. – P. 107–122.
- Adam, J.-M. Aspects de la structuration du texte descriptif: les marqueurs d'énumération et de reformulation / J.-M. Adam, F. Revaz // *Langue française*. – 1989. – No. 81. – P. 59–98.
- Adam, J.-M. En finir avec les types de textes / J.-M. Adam // *Analyse des discours. Types et genres: communication et interprétation*. – Toulouse: Éditions universitaires du Sud, 2002. – P. 25–43.
- Adam, J.-M. La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours / J.-M. Adam. – Paris: Armand Colin, 2011. – 234 p.
- Aijmer, K. English discourse particles: evidence from a corpus / K. Aijmer. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. – 298 p.
- Aijmer, K. Pragmatic markers in spoken interlanguage / K. Aijmer // *Nordic Journal of English Studies*. – 2004. – No. 3 (1). – P. 173–190.
- Aijmer, K. Analyzing modal adverbs as modal particles and discourse markers / K. Aijmer // *Discourse markers and modal particles: categorization and description*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013a. – P. 89–106.

- Aijmer, K. Understanding pragmatic markers: a variational pragmatic approach / K. Aijmer. – Edinburgh : University Press, 2013b. – 160 p.
- Akinseye, T. A. Metadiscursive Markers and Text Genre: A Metareview / T. A. Akinseye // *British Journal of Applied Linguistics*. – 2021. – No. 1 (1). – P. 14–28.
- Anscombe, J.-C. L'argumentation dans la langue / J.-C. Anscombe, O. Ducrot. – Editions Mardaga, 1983. – 184 p.
- Beeching, K. La co-variation des marqueurs discursifs bon, c'est-à-dire, enfin, hein, quand même, quoi et si vous voulez: une question d'identité? / K. Beeching // *Langue Française*. – 2007. – No. 154 (2). – P. 78–93.
- Blanche-Benveniste, C. Constructions verbales en incise et verbes à rection faible / C. Blanche-Benveniste // *Recherches sur le français parlé*. – 1989. – No. 9. – P. 53–73.
- Brinton, L. J. Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions / L. J. Brinton. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1996. – 412 p.
- Bruxelles, S. Ben dans deux situations polylogales. Apport de la description d'un 'petit mot' du discours à l'étude des polylogue / S. Bruxelles, V. Traverso // *Marges Linguistiques*. – 2001. – No. 2. – P. 38–55.
- Chady, S.-K. Pratiques langagières et variabilité de marqueurs discursifs dans des interactions entre jeunes Mauriciens / S.-K. Chady // *Études créoles*. – 2021. – No. 38. – URL: <http://journals.openedition.org/etudescreoles/345> (date d'accès: 30.10.2023).
- Chanet, C. Fréquence des marqueurs discursifs en français parlé: quelques problèmes de méthodologie / C. Chanet // *Recherches sur le français parlé*. – 2003. – No. 18. – URL: <http://www2.lpl-aix.fr/~fulltext/1672.pdf> (date d'accès: 10.12.2023).
- Coulmas, F. Diskursive Routine im Fremdsprachenerwerb in Schwerpunkt: Idiomatik / F. Coulmas // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. – 1985. – Vol. 16, no. 56. – P. 47–66.
- Culioli, A. Le concept de notion / A. Culioli // *Pour une linguistique de l'énonciation*. T. 1. – Paris : Ophrys, 1990. – P. 47–66.
- Delafontaine, J. Unités grammaticales et particule discursive quoi / J. Delafontaine // *Studia linguistica romanica*. – 2020. – No. 4. – P. 74–91.
- Diewald, G. Discourse particles and modal particles as grammatical elements / G. Diewald // *Approaches to Discourse Particles*. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 403–426.
- Dostie, G. Présentation. Les marqueurs discursifs. Sens et variation / G. Dostie, C. Push // *Langue française*. – 2007. – No. 154. – P. 3–12.
- Dostie, G. Les associations de marqueurs discursifs. De la cooccurrence libre à la collocation / G. Dostie // *Forms and Functions of Formulative Construction Units in Authentic Conversation*. – 2013. – Günter Schmale, *Linguistik online*. – No. 62:5. – P. 15–45.
- Dostie, G. Lexique, grammaire, discours: les marqueurs discursifs / G. Dostie, F. Lefevre. – Paris : Honoré Champion éditeur, 2017. – 480 p.
- Ducrot, O. Les mots du discours / O. Ducrot. – Paris : Les éditions de Minuit, 1980. – 241 p.
- Fernández, J. M. M. Les particules énonciatives dans la construction du discours / J. M. M. Fernández. – Paris : Presses Universitaires de France, 1994. – 296 p.
- Fernández-Vest, J. M. M. Les particules énonciatives: affect ou sémantique discursive? / J. M. M. Fernández-Vest // *Marqueurs discursifs et subjectivité*. – Publications des universités de Rouen et du Havre, 2011. – P. 191–208.
- Fischer, K. Approaches to Discourse Particles / K. Fischer. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – 498 p.
- Fraser, B. What are discourse markers? / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1999. – No. 37. – P. 931–952.
- Fraser, B. The combining of discourse markers – A beginning / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 2015. – No. 86. – P. 48–53.
- Hansen, M. B. M. Marqueurs métadiscursifs en français parlé: l'exemple de 'bon' et de 'ben' / M. B. M. Hansen // *Le français moderne*. – 1995. – No. 63. – P. 20–41.
- Hansen, M. B. M. Alors and donc in french spoken: a reanalysis / M. B. M. Hansen // *Journal of pragmatics*. 8 Romance studie. – University of Copenhagen, 1998. – P. 153–187.
- Imo, W. Wortart Diskursmarker? / W. Imo // *Nicht-flektierende Wortarten* / B. Rothstein. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2012. – S. 48–88.
- Lefevre, F. Les marqueurs discursifs averbaux résomptifs / F. Lefevre // *Le Français innovant*. – 2020. – URL: <https://shs.hal.science/halshs-03143412> (date d'accès: 10.12.2023).
- Legallois, D. Routine, routinisation: à quels unités et processus a-t-on affaire exactement? / D. Legallois // *Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit*. – Grenoble : UGA Édition, 2022.
- Luodonpää-Manni, M. Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit / M. Luodonpää-Manni, F. Grossman, A. Tutin. – Grenoble : UGA Édition, 2022. – 310 p.
- Née, E. Pour une approche des routines discursives dans les écrits professionnels / E. Née, F. Sitri, M. Veniard // *CMLF*. – Berlin : Allemagne, 2014. – <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20140801195>.
- Née, E. Routines discursives et séquentialité dans des écrits professionnels: la mise au jour d'une séquence évaluative? / E. Née, F. Sitri, M. Veniard // *Corpus*. – 2017. – No. 71. – URL: <http://journals.openedition.org/corpus/2880> (date d'accès: 22.11.2023).
- Paillard, D. Marqueurs discursifs et scène énonciative / D. Paillard // *Marqueurs discursifs et subjectivité*. – Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2011. – P. 11–32.

Paillard, D. Les marqueurs discursifs comme catégorie / D. Paillard // Benveniste après un demi-siècle. Regards sur l'énonciation aujourd'hui. – Paris : Ophrys, 2013. – P. 154–181.

Paillard, D. Scène énonciative et types de marqueurs discursifs / D. Paillard // *Langages*. – 2017. – No. 207. – P. 17–32.

Redeker, G. Linguistic markers of discourse structure / G. Redeker // *Linguistics*. – 1991. – No. 29 (6). – P. 1139–1172.

Roulet, E. L'articulation du discours en français contemporain / E. Roulet, A. Auchlin, J. Moeschler, Ch. Rubattel, M. Schelling. – Paris ; Berne : P. Lang, 1987. – 272 p.

Shiffrin, D. *Discourse Markers* / D. Shiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 384 p.

Schwitalla, J. *Gesprochenes Deutsch: eine Einführung* / J. Schwitalla. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2012. – 265 p.

References

Abouda, L. (2022). L'émergence du marqueur méta-discursif du coup: de la conséquence à l'actualisation énonciative. In *Langages*. No. 226, pp. 99–116.

Adam, J.-M. (1984). Des mots au discours: l'exemple des principaux connecteurs. In *Pratiques: linguistique, littérature, didactique*. No. 43, pp. 107–122.

Adam, J.-M., Revaz, F. (1989). Aspects de la structuration du texte descriptif: les marqueurs d'énumération et de reformulation. In *Langue française*. No. 81, pp. 59–98.

Adam, J.-M. (2002). En finir avec les types de textes. In *Analyse des discours. Types et genres: communication et interprétation*. Toulouse, Éditions universitaires du Sud, pp. 25–43.

Adam, J.-M. (2011). *La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours*. Paris, Armand Colin. 234 p.

Aijmer, K. (2002). *English Discourse Particles: Evidence from a Corpus*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 298 p.

Aijmer, K. (2004). Pragmatic Markers in Spoken Interlanguage. In *Nordic Journal of English Studies*. No. 3 (1), pp. 173–190.

Aijmer, K. (2013a). Analyzing Modal Adverbs as Modal Particles and Discourse Markers. In *Discourse markers and modal particles: categorization and description*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 89–106.

Aijmer, K. (2013b). *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh, University Press. 160 p.

Akinseye, T. A. (2021). Metadiscursive Markers and Text Genre: A Metareview. In *British Journal of Applied Linguistics*. No. 1 (1), pp. 14–28.

Anscombre, J.-C., Ducrot, O. (1983). *L'argumentation dans la langue*. Editions Mardaga. 184 p.

Beeching, K. (2007). La co-variation des marqueurs discursifs bon, c'est-à-dire, enfin, hein, quand même, quoi et si vous voulez: une question d'identité? In *Langue Française*. No. 154 (2), pp. 78–93.

Blanche-Benveniste, C. (1989). Constructions verbales en incise et verbes à recton faible. In *Recherches sur le français parlé*. No. 9, pp. 53–73.

Brinton, L. J. (1996). *Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions*. Berlin, Mouton de Gruyter. 412 p.

Bruxelles, S., Traverso, V. (2001). Ben dans deux situations polylogales. Apport de la description d'un 'petit mot' du discours à l'étude des polylogues. In *Marges Linguistiques*. No. 2, pp. 38–55.

Chady, S.-K. (2021). Pratiques langagières et variabilité de marqueurs discursifs dans des interactions entre jeunes Mauriciens. In *Études créoles*. No. 38. – URL: <http://journals.openedition.org/etudescreoles/345> (date d'accès: 30.10.2023).

Chanet, C. (2003). Fréquence des marqueurs discursifs en français parlé: quelques problèmes de méthodologie. In *Recherches sur le français parlé*. No. 18. URL: <http://www2.lpl-aix.fr/~fulltext/1672.pdf> (date d'accès: 10.12.2023).

Coulmas, F. (1985). Diskursive Routine im Fremdsprachenerwerb in Schwerpunkt: Idiomatik. In *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. Vol. 16. No. 56, pp. 47–66.

Culioli, A. (1990). Le concept de notion. In *Pour une linguistique de l'énonciation*. T. 1. Paris, Ophrys, pp. 47–66.

Delafontaine, J. (2020). Unités grammaticales et particule discursive quoi. In *Studia linguistica romanica*. No. 4, pp. 74–91.

Diewald, G. (2006). Discourse Particles and Modal Particles as Grammatical Elements. In *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam, Elsevier, pp. 403–426.

Dostie, G., Push, C. (2007). Présentation. Les marqueurs discursifs. Sens et variation. In *Langue française*. No. 154, pp. 3–12.

Dostie, G. (2013). Les associations de marqueurs discursifs. De la cooccurrence libre à la collocation. In *Forms and Functions of Formulative Construction Units in Authentic Conversation*. Günter Schmale, Linguistik online. No. 62: 5, pp. 15–45.

Dostie, G., Lefevre, F. (2017). *Lexique, grammaire, discours: les marqueurs discursifs*. Paris, Honoré Champion éditeur. 480 p.

Ducrot, O. (1980). *Les mots du discours*. Paris, Les éditions de Minuit. 241 p.

Fernández, J. M. M. (1994). *Les particules énonciatives dans la construction du discours*. Paris, Presses Universitaires de France. 296 p.

Fernández-Vest, J. M. M. (2011). Les particules énonciatives: affect ou sémantique discursive? In *Marqueurs discursifs et subjectivité*. Publications des universités de Rouen et du Havre, pp. 191–208.

Fischer, K. (2006). *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam, Elsevier. 498 p.

- Fraser, B. (1999). What are Discourse Markers? In *Journal of Pragmatics*. No. 37, pp. 931–952.
- Fraser, B. (2015). The Combining of Discourse Markers – A Beginning. In *Journal of Pragmatics*. No. 86, pp. 48–53.
- Hansen, M. B. M. (1995). Marqueurs métadiscursifs en français parlé: l'exemple de 'bon' et de 'ben'. In *Le français moderne*. No. 63, pp. 20–41.
- Hansen, M. B. M. (1998). Alors and Donc in French Spoken: A Reanalysis. In *Journal of pragmatics. 8 Romance studie*. University of Copenhagen, pp. 153–187.
- Imo, W. (2012). Wortart Diskursmarker? In Rothstein, B. *Nicht-flektierende Wortarten*. Berlin, Mouton de Gruyter, S. 48–88.
- Lefeuvre, F. (2020). Les marqueurs discursifs averbaux résumptifs. In *Le Français innovant*. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03143412> (date d'accès: 10.12.2023).
- Legallois, D. (2022). Routine, routinisation: à quels unités et processus a-t-on affaire exactement? In *Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit*. Grenoble, UGA Édition.
- Luodonpää-Manni, M., Grossman, F., Tutin, A. (2022). *Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit*. Grenoble, UGA Édition. 310 p.
- Née, E., Sitri, F., Veniard, M. (2014). Pour une approche des routines discursives dans les écrits professionnels. In *CMLF*. Berlin, Allemagne. <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20140801195>.
- Née, E., Sitri, F., Veniard, M. (2017). Routines discursives et séquentialité dans des écrits professionnels: la mise au jour d'une séquence évaluative? In *Corpus*. No. 71. URL: <http://journals.openedition.org/corpus/2880> (date d'accès: 22.11.2023).
- Paillard, D. (2011). Marqueurs discursifs et scène énonciative. In *Marqueurs discursifs et subjectivité*. Presses universitaires de Rouen et du Havre, pp. 11–32.
- Paillard, D. (2013). Les marqueurs discursifs comme catégorie. In *Benveniste après un demi-siècle. Regards sur l'énonciation aujourd'hui*. Paris, Ophrys, pp. 154–181.
- Paillard, D. (2017). Scène énonciative et types de marqueurs discursifs. In *Langages*. No. 207, pp. 17–32.
- Redeker, G. (1991). Linguistic Markers of Discourse Structure. In *Linguistics*. No. 29 (6), pp. 1139–1172.
- Roulet, E., Auchlin, A., Moeschler, J., Rubattel, Ch., Schelling, M. (1987). *L'articulation du discours en français contemporain*. Paris, Berne, P. Lang. 272 p.
- Shiffrin, D. (1987). *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press. 384 p.
- Schwitalla, J. (2012). *Gesprochenes Deutsch: eine Einführung*. Berlin, Erich Schmidt Verlag. 265 p.

Данные об авторах

Кулешова Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка, Высшие курсы иностранных языков МИД России (Москва, Россия).

Адрес: 119200, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.

E-mail: ksas3@yandex.ru.

Богоявленская Юлия Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); профессор кафедры немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: jvbog@yandex.ru.

Authors' information

Kuleshova Anna Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of French Language, Higher Language Training Courses for Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russia).

Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); professor of Department of German and French, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 13.05.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 13.05.2024; date of publication: 28.03.2025

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1-14(Блок А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.1

СУБЪЕКТ РЕЧИ КАК НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК В ЛИРИКЕ А. А. БЛОКА

Игошева Т. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

SPIN-код: 9561-9785

А н н о т а ц и я. В статье предлагается нарративный подход при анализе поэтических произведений А. А. Блока. Несмотря на сложившееся представление о ненарративности поэзии, в последнее время все чаще появляются работы, оспаривающие данную точку зрения. Наряду с другими исследователями автор статьи считает, что поэтические тексты все же отмечены присутствием нарративных компонентов, хотя их природа и характер отличаются от эпических произведений. В литературоведении утвердилась точка зрения на субъекта речи блоковской лирики как на лирического героя (Ю. Н. Тынянов). Однако предлагаемый в статье взгляд на него как на нарратора позволяет рассмотреть его под иным углом зрения и выявить его коммуникативные характеристики и особенности, оставшиеся вне поля зрения исследователей, рассматривающих лирическое «я» Блока исключительно как лирического героя. В статье рассматривается такой тип нарратора, как ненадежный рассказчик, поскольку он напрямую связан у Блока с идеей обманчивой реальности. В процессе анализа стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», входившего в состав «Стихов о Прекрасной Даме», установлено, что нарративная ненадежность в нем проистекает непосредственно из религиозно-мистических воззрений Блока, далеких от непосвященного в них читателя. С его точки зрения, поэтический нарратив о том, что сквозь видимые черты, с одной стороны, богородичной иконы, а с другой стороны – Прекрасной Дамы, сквозит софийная природа, вечноженственная сущность – читателем с неизбежностью подвергается сомнению на предмет правдивости и воспринимается как поэтический вымысел. Главное отличие ненадежного рассказчика второго и третьего томов лирики Блока от первого заключается в том, что автор оформляет его именно как персонажа, участвующего в коммуникативной ситуации. Развернутый анализ стихотворения «Незнакомка» (1906) направлен на раскрытие нарративных техник, которыми оперирует Блок в этот период своего творчества. Рассмотрение поэтических произведений разных творческих периодов позволило сделать вывод о том, что в «Стихах о Прекрасной Даме» ненадежный рассказчик является побочным продуктом читательской интерпретации, а в более поздних произведениях ненадежную нарративность Блок совершенно осознанно оформляет как литературный прием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. А. Блок; лирика; субъект речи; нарратор; фокализатор; ненадежный рассказчик

Д л я ц и т и р о в а н и я: Игошева, Т. В. Субъект речи как ненадежный рассказчик в лирике А. А. Блока / Т. В. Игошева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 94–101. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101.

THE SUBJECT OF SPEECH AS AN UNRELIABLE NARRATOR IN THE POEMS OF ALEXANDER BLOK

Tatyana V. Igosheva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Abstract. The article presents a narrative approach to the analysis of the poetic works of Alexander Blok. Despite the prevailing idea that poetry is non-narrative, works challenging this point of view have increasingly appeared in recent years. Along with other researchers, the author of the article believes that poetic texts are still marked with the presence of narrative components, although their nature and character differs from those of epic works. In literary criticism, the point of view on the subject of speech of Blok's lyrics as a lyrical character has been established (Yuri Tynyanov). However, the view of the speech subject as a narrator presented in the article allows the author to consider the narrator from a different angle and identify their communicative characteristics and specific features that remained outside the scope of view of researchers who consider Blok's lyrical "I" exclusively as a lyrical character. The article examines such a type of narrator as an unreliable narrator, since Blok directly connects this narrator with the idea of deceptive reality. In the process of analyzing the poem "I Enter Dark Temples...", which was part of the "Poems about a Beautiful Lady," it was found that the narrative unreliability in it stems directly from Blok's religious-mystical views, which can hardly be perceived and shared by a lay reader. From his point of view, the poetic narrative that through the visible features of, on the one hand, the Mother of God icon, and on the other hand, the Beautiful Lady, there shines the Sophian nature as the ever-feminine essence – is inevitably questioned for its veracity and is perceived as poetic fiction. The main difference between the unreliable narrator of the second and third volumes of Blok's lyrics from the first is that the author frames them precisely as a character partici-

pating in the communicative situation. A detailed analysis of the poem “The Stranger” (1906) is aimed at revealing the narrative techniques that Blok uses during this period of his creative activity. The examination of poetic works of different creative periods allows concluding that in the “Poems about a Beautiful Lady”, the unreliable narrator is a by-product of reader interpretation, and in the later works Blok, quite consciously, frames unreliable narrative as a literary device.

Key words: Alexander Blok; lyrics; subject of speech; narrator; focalizer; unreliable narrator

For citation: Igosheva, T. V. (2025). The Subject of Speech as an Unreliable Narrator in the Poems of Alexander Blok. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 94–101. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101.

Одной из заметных литературных тенденций модернизма является перестановка акцента на «событие рассказывания». Подчеркивая ее значение, Александр Генис в свое время писал: «...вместо того, чтобы исследовать объект, модернизм занялся субъектом. Область интересов художников переместилась с действительности на способы ее, – действительности, – репрезентации, манифестации, конструирования. Модернизм изображал мир ареной борьбы разных субъективностей, разных трактовок реальности, существующей лишь в сознании автора» [Генис 2000: 203–204]. Прием «ненадежного рассказчика», призванный организовать предельную степень субъективности нарратора, напрямую связан с этой тенденцией.

Известно, что термин «unreliable narrator» был введен американским филологом Уэйном Бутом в монографии «Риторика вымысла» (1961) [Booth 1961] для разграничения функций «всезнающего автора» и рассказчика, повествование которого субъективно по тем или иным причинам. Немаловажным фактором, без которого невозможна характеристика ненадежного рассказчика, является фигура читателя. Согласно финскому исследователю А. Нюннингу, ненадежного нарратора следует рассматривать как продукт диалога между читателем и автором: нарративная ненадежность определяется исключительно в присутствии читателя, восприятие которого должно учитываться как при организации автором ненадежной наррации, так и при интерпретации художественного произведения самим читателем [Nünning 1998].

Современные исследователи, обращающиеся к изучению нарративных техник, стремятся не только описать, но и классифицировать ненадежного рассказчика. Прежде всего выделяют причины «ненадежности» нарратора: лживость, забывчивость, неадекватность, наивность, инфантилизм, желание дать искаженную картину мира, манипуляция читателем и т.д. [Riggan 1981; Жданова 2009]. Помимо того, протекает процесс накопления наблюдений, касающихся авторских маркеров ненадежности повествования [Nünning 1998]. Вместе с тем менее изученным остается вопрос о классификациях функций ненадежного нарратора в различных художественных моделях, поскольку «этот литературный прием обладает большой гибкостью и позволяет автору достигать с его помощью различных эффектов, следовательно, функции ненадежной наррации во многом обусловлены художественными особенностями конкретного текста» [Ласточкина, Коробова 2017: 321]. Несмотря на то, что рассматриваемый прием уже несколько десятилетий привлекает к себе внимание как зарубежных [Riggan 1981; Nünning 1998; Mannila 2013], так и оте-

чественных [Белова 2013; Жданова 2009; Жиличева 2015] исследователей, единой классификации ненадежного рассказчика на сегодняшний день не создано, хотя подобные опыты в последнее время все же предпринимаются [Ширяева, Вовк 2021].

Исследование организации нарративных структур и в лингвистике, и в литературоведении ведется преимущественно на материале прозы, а поэзии уделяется гораздо меньше внимания, поскольку существует сложившееся представление о ее принципиальной ненарративности [Heiden 2014]. Тем не менее в последние годы все же был опубликован ряд работ, авторы которых с опорой на труды В. Шмида, определившего событие как «некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире, или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [Шмид 2003: 15], придерживаются точки зрения наличия нарративности в поэзии [Галанова 2016; Татару 2011; Чаркин 2016; Темиргазина, Ибраева 2021 и др.].

Действительно в начале XX в. интерес к организации новых субъектных форм можно наблюдать не только в модернистской прозе, в частности, в творчестве таких авторов, как В. Брюсов, Л. Андреев, Ф. Сологуб и др. [Смоленская 2024a; 2024b], но и поэзии. Отметим все же, что нарратологическое понятие ненадежный рассказчик по отношению к лирическим произведениям, безусловно, применимо с определенной долей условности и только к тем, в которых наличествует «рассказанная история», хотя бы в свернутом или неразвитом виде: событие или событийный ряд внешнего или внутреннего (ментального) мира обуславливают наличие нарратора в различных видах его репрезентации. По наблюдениям исследователей, свернутый или неразвитый характер нарратива в лирике обусловлен сегментностью поэтического текста. Брайан Макхейл, специально занимавшийся данным вопросом, рассуждая об особенностях поэтического нарратива, в частности отметил, что смысл в лирическом произведении «генерируется необходимостью преодоления перерывов в повествовательной непрерывности, налагаемых поэтической формой» [McNale 2009: 16–18].

Благодаря Ю. Н. Тынянову [Тынянов 1921] и другим филологам-формалистам, в литературоведении прочно утвердился взгляд на «я» блоковской лирики как на *лирического героя*, – понятие, ставшее каноническим и в какой-то степени даже застывшим. В связи с этим представляется целесообразным взглянуть на субъектную организацию лирики Блока под иным углом – с нарратологической точки зрения. Это кажется тем более уместным, что Блок сам определял три тома своей лирики

(«трилогию вочеловечения») в понятиях, связанных с эпосом: «Всю трилогию я могу назвать “романом в стихах”» [Блок 1960а: 559].

Реализуя в «Стихах о Прекрасной Даме» предельно субъективную картину мира, в основе которой лежала идея двоemiрия и поэтическая софология, Блок уже в ранний период своего творчества с неизбежностью должен был решать вопрос о способе «рассказывания» своего религиозно-мистического понимания бытия, где главным событием стала встреча с Вечной Женственностью¹. Одним из заслуживающих особого внимания приемов для организации такого рассказывания о мире, не поддающемся эмпирическому восприятию, и является субъект блоковской лирики, выступающий в роли ненадежного рассказчика.

В первом томе своей лирической трилогии Блок разворачивает картину несовершенной земной жизни и противостоящего ей идеального мира сущностей, которому принадлежит Прекрасная Дама, обладающая софийными чертами. Ущербность земного существования и вера в «иные миры» сформировала у Блока устойчивое влечение смотреть *сквозь* видимые образы земной жизни для того, чтобы уловить сакральную основу бытия.

Для рассмотрения поэтического нарратива обратимся к стихотворению 1902 г. «Вхожу я в темные храмы...», входившего в состав «Стихов о Прекрасной Даме»:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.
В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.
О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.
[Блок 1960а: 232]

В рассматриваемом стихотворении «я» выступает как диететический нарратор, выраженный одновременно в двух планах: как субъект повествования, и как его объект (он – рассказчик, рассказывающий о себе самом).

Сюжет стихотворения предстает в виде лирического «рассказа» субъекта речи об ожидании «я»-персонажем (объект повествования) Прекрасной Дамы – воплощении софийного начала. В сюжете стихотворения она в объективной, эмпирической реальности так и не появляется, но тем не менее ее

явление становится *событием* поэтического рассказа, поскольку оно совершается в ментальной сфере лирического «я», что подчеркнуто в том числе и сменой повествовательного режима. В начале стихотворения о Прекрасной Даме говорится в третьем лице, а в последней строфе по отношению к ней возникает форма второго лица – «Ты», что согласуется с речевой традицией об отсутствующем говорить в третьем лице, а присутствующем – во втором.

По ходу рассказа не-появление ожидаемой героини в реальном мире влечет за собой обращение «я»-персонажа к ее «заместительнице», своеобразному аналогу, «сну о ней» (как ее определяет нарратор) – к иконе с изображением Богородицы². Основой сближения Прекрасной Дамы и Богородицы³ является представление Вл. Соловьева, поддержанное и развитое Блоком (а также и другими поэтами-символистами), о том, что София способна воплощаться в человеческой телесности: Богородица, по глубокому убеждению русского религиозного философа, и оказалась одним из таких случаев воплощения. А в современности таковое Блок увидел в личности Л. Д. Менделеевой. В финале стихотворения эта аналогия приобретает вид тождества, выраженного в формуле: «Но я верю: Милая – Ты».

В позиции субъекта повествования нарратор выполняет две функции: *рассказывания* и *интерпретации*. Рассказывание сконцентрировано в первых шести стихах и опирается на глагольный ряд: «вхожу», «совершаю», «жду», «дрожу». В то время как интерпретация начинается в 7–8 стихах и продолжается до конца стихотворения. К сфере интерпретации нарратора прежде всего и относится соотнесение женских персонажей друг с другом и Софией, происходящее в его сознании: Прекрасная Дама – Богородица – София.

В субъекте речи блоковского стихотворения можно выделить не только функцию рассказчика, но и функцию наблюдателя или фокализатора (эта категория введена французским структуралистом Жераром Женеттом в издании «Повествовательный дискурс» (1969) именно для разграничения функций видения и говорения субъекта). Фокальный персонаж непосредственно и напрямую связан со зрительной информацией, отвечая за характер визуализации, отбор визуальных образов и т. д. В различных художественных структурах точка зрения нарратора и фокализатора могут как совпадать, так и существенно расходиться. Фокализатор отвечает за визуальное восприятие, нарратор же – за его вербальное оформление. В отличие от нарратора, способного осуществлять свою функцию независимо от собственной пространственной локализации, у фокального персонажа – пространственно выраженная точка зрения на увиденное им,

² Ее номинации в тексте: Величавая Вечная Жена, Святая, а также атрибутика, с ней связанная: лампы, свечи, ризы (причем ризы нужно понимать не только как одеяние Девы Марии – синяя туника и красный мафорий, – но и оклады, которыми украшаются богородичные иконы в храме).

³ Не стоит забывать и о том, что в средневековой католической традиции сложился культ служения Деве Марии именно как Прекрасной Даме.

¹ Более детальный анализ религиозно-мистической составляющей блоковской лирики «Стихов о Прекрасной Даме» в целом см.: [Игошева 2013].

что, собственно, и наблюдается в стихотворении «Вхожу я в темные храмы...», где физическая локация героя стихотворения определена как храмовое пространство. Своим сакральным значением именно оно обуславливает и поддерживает то «духовное видение», которым обладает блоковский наблюдатель и которое направлено на выявление высшего сущностного начала женского персонажа.

С точки зрения читателя, не обладающего опытом, близким блоковскому, поэтический нарратив о том, что сквозь видимые черты, с одной стороны, богородичной иконы, а с другой стороны – Прекрасной Дамы, сквозит софийная природа, вечноженственная сущность – должна быть подвергнута серьезному сомнению на предмет правдивости. Не случайно А. Белый говорил, что блоковская героиня понятна только посвященным, а остальному миру кажется «безумием» [Белый 1995: 33]. Таким образом и рассказчик истории стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», разворачивающейся за пределами миметичности, и фокализатор, способный увидеть незримое, воспринимаются как «ненадежные», чьи восприятие и оценка происходящего «искажены» их религиозно-мистическим мировоззрением и совершенно не совпадают с обыденным взглядом. От этого блоковский субъект речи в принципе не способен понимать мир как эмпирическую данность. Именно отсюда, например, отказ Блока от собственно пейзажной лирики: элементы пейзажа у него – лишь знаки, символы вторжения «иных миров» в земные формы жизни. А между тем субъект речи, которого читатель квалифицирует как ненадежного рассказчика и ненадежного фокализатора, поскольку его собственная обыденная картина мира не совпадает с блоковской, полностью уверен в собственной «надежности». Более того, поэтический нарратор в согласии с призывом Вяч. Иванова: «A realibus ad realiora» – считает, что его религиозно-мистическое видение в большей степени реально, чем видение обыденного человека, воспринимающего только поверхностный слой жизни.

Таким образом, в стихотворении «Вхожу я в темные храмы...», в частности, и в лирике первого тома в целом, ненадежный рассказчик появляется как побочный продукт именно читательской интерпретации. Приметы собственно авторского конструирования ненадежного рассказчика, его текстовые индикаторы в произведении Блока еще отсутствуют, поскольку ненадежный рассказчик в первом томе лирической трилогии еще не был оформлен как собственно литературный прием.

В своем творчестве Блок не раз подчеркивал резкую противопоставленность объективно-эмпирического и субъективно-символистского восприятий. Например, в достаточно позднем стихотворении «Посещение» (1910):

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемят кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.

[Блок 1960с: 262]

Для обыденного сознания значимым элементом картины мира в этом тексте являются «ели» и, напротив, «заалевшие нежные персты»¹ в случае буквального восприятия выглядят элементом рассказа, которому трудно доверять. И если для читателя «ненадежным» выглядит блоковский фокальный персонаж, способный увидеть то, что не способен воспринять обыденный человек и передать это не столько метафорически, сколько символически, то для поэтического нарратора ненадежной и обманчивой является сама реальность.

Такой тип ненадежного рассказчика, передающего то, что неспособны увидеть другие, сохраняется у Блока до конца его творческого пути. Вот, к примеру, стихотворение «Милый друг, и в этом тихом доме...» (1913)

Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!
За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури – Азраил!

[Блок 1960с: 286]

Фокализатор здесь выглядит ненадежным, поскольку в его картине мира одновременно, наслаиваясь друг на друга, присутствуют и правдоподобный женский образ, и не вмещающийся в обыденную картину мира ангел смерти – Азраил. Ненадежный рассказчик потому и ненадежен, что не столько выдумывает свое повествование, сколько передает в слове специфическое видение фокального персонажа. Продолжая ряд примеров, можно также вспомнить и о том, что в финале поэмы «Двенадцать» Христа видит нарратор, рассказывающий о его появлении из снеговых метелей в 10-й, 11-й и 12-й главах, но при этом показательно, что его не видят персонажи поэмы – двенадцать красногвардейцев.

Совершенно иной тип «ненадежного рассказчика» появляется у Блока во втором томе его лирической трилогии и продолжает присутствовать в третьем. Его формирование обусловлено не только закономерностями его собственной творческой эволюции, но и связано с поражением первой русской революции, которую Блок воспринимал отнюдь не с социально-политической точки зрения, сопрягая с ней собственные мистические чаяния. Не состоявшееся в ходе революции религиозное преображение мира вызывало у поэта недоверие, скепсис по отношению к центральным идеям собственного мировоззрения. Эти сомнения отразились в числе прочего и на оформлении субъекта речи. В отличие от первого тома, где поэтический нарратор верит в правдивость картины мира, которую он воссоздает в своих рассказах, в более позднее время у него возникает глубокое сомнение в ней, что влекло за собой ненадежность поэтически воспроизводимого им образа действительности.

¹ Образ, наделенный Блоком символической софийной семантикой, вместе с тем соотносится с известным гомеровским образом «розоперстной Эос» из «Илиады»: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...» (пер. В. А. Жуковского).

Например, перед описанием события, расположенного в центре стихотворения «В ресторане» (1910), в поэтической наррации следует субъектное предуведомление: «Никогда не забуду (он был, или не был, / Этот вечер)» [Блок 1960с: 25]. И только после этого стартует рассказ об «этом вечере» в ресторане. С одной стороны, субъект речи подчеркивает чрезвычайную значимость рассказываемого им воспоминания: «Никогда не забуду...». А с другой, – нарратор выражает неуверенность в самой реальности произошедшего события («Он был или не был / Этот вечер...»), о котором он повествует, адресуя и транслируя эту неуверенность читателю. И таким образом, данная фраза становится ярким маркером субъекта речи как ненадежного рассказчика. Функционально в этом стихотворении он участвует в создании концепции обманчивой реальности, похожей на сон, где зыбкой является сама граница между действительностью и тем неназванным Блоком состоянием его героя, которое мы можем определить с помощью понятий сон, греза, видение, воображение, фантазия и т. п. Обманчивая реальность в художественном мире Блока довольно часто привлекает внимание исследователей, а вот роль субъекта речи в ее поэтической организации до сих пор остается вне поля зрения филологов.

Довольно интересно, что в этом стихотворении функции нарратора и фокализатора разведены: «ненадежным» выступает именно субъект речи, в то время как фокализатор не вызывает недоверия к увиденному его глазами. Если бы не предварительное оповещение «он был или не был...», принадлежащее именно нарратору, рассказ о любовной игре между «я»-персонажем и женским «ты», основанный на визуальном характере пространственно-предметной образности (фонари, окно, переполненный зал ресторана, смычки, струны, «черная роза в бокале золотого, как небо, ай», дрожащая женская рука, ресницы, шелка, зеркала), не вызывал бы никакого сомнения.

Изменение в структуре ненадежного рассказчика (по сравнению с первым томом блоковской лирики) заключается в том, что он здесь становится ненадежным не только для читателя, но и для самого субъекта речи, неспособного определить даже для самого себя степень подлинности рассказанного им события, отделить бывшее от пригрезившегося.

Модальность сомнения в реальной природе жизни, выражаемого ненадежным рассказчиком, зачастую оформляется у Блока при помощи платоновско-соловьевских идей, достаточно хорошо исследованных в блоковедении [Грякалова 2004: 7]:

Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?

[Блок 1960b: 248]

Здесь присутствуют явные отсылки к платоновскому мифу о пещере и соловьевскому стихотворению «Милый друг...» (1892):

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

[Соловьев 1974: 93]

Модальность неуверенности Блок аранжировал и при помощи мотива сна:

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?

[Блок 1960b: 248]

Ненадежный рассказчик здесь также не способен верно построить сообщение о том, как «твои мне светят очи», поскольку бессилён распознать в какой именно – сновидческой или подлинной – реальности происходило сообщаемое им событие.

Одним из наиболее ярких примеров ненадежного рассказчика второго типа – неуверенного в том, что именно он видит, – вследствие чего и читатель не может быть уверен в том, что историю ему рассказали правильно, является хрестоматийное стихотворение «Незнакомка»¹ (1906).

Оно открывается своеобразной экспозицией: рассказом о пошлом времяпрепровождении дачных обывателей. Обращает на себя внимание, что в этой части текста высказывание оформлено как передающее объективную реальность (хотя и не без сатирической интерпретации нарратора). Вторая часть поэтического рассказа отведена описанию «незнакомки». С одной стороны, ее появление подчинено той же логике регулярной повторяемости, что и жизнь обывателей, а также и существование самого «я»-персонажа, которую подчеркивает субъект речи (об этом говорит анафорическое «И каждый вечер...»). Идейно эта повторяемость для Блока была связана с ницшевским понятием «дурной бесконечности», движущейся по кругу и лишенной развития. А с другой стороны, – нарратор предваряет появление «незнакомки» фразой, выражающей его сомнения в реальности увиденного: «Иль это только снится мне»:

И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный
В туманном движется окне

[Блок 1960b: 186]

Иными словами, в отличие от изображения дачников первой части стихотворения описание «незнакомки» маркировано предельной субъективностью, которую осознает и выражает в речевой формулировке сам нарратор.

Важно, что «ненадежность» рассказчика мотивирована оглушенностью его сознания «влагой терпкой и таинственной» («И все души моей излучины / Пронзило терпкое вино»), вследствие чего он не в силах понять – какому именно из миров принадлежит «незнакомка» – действительному или сновидческому. Опьяненное состояние порождает не только ненадежность нарратора, но и особую оптику фокального персонажа:

¹ Отметим, что в данной статье не ставится задача целостного анализа стихотворения Блока «Незнакомка». Существует целый ряд публикаций такого рода. Для примера назовем лишь одну из них: [Магомедова, Ивинский, Кормилов, Ранчин, Толмачёв 2009].

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

[Блок 1960b: 186]

Как отмечает В. И. Тюпа, ненадежный фокализатор «...в своей патологической обособленности видит то, чего никто из людей видеть не может» [Тюпа 2019: 14]. Функционально фокализатор стихотворения вновь не совпадает с рассказчиком. Поэтический нарратив не выражает уверенности в подлинности хотя бы в одной из сущностей «незнакомки», в то время как фокальному персонажу, уверенному в истинности его собственного зрения, ее образ открыт во всей полноте: одновременно и определенности, и неопределенности; и реальной, и ирреальной природе.

Организация двойного видения «незнакомки» фокальным персонажем осуществляется как пересечение внешней и внутренней фокализации. Внешняя направлена на моделирование прежде всего объективной картины мира и является доминирующей в первой части стихотворения. Она же отмечена глаголом «смотрю» («Смотрю за темную вуаль») при восприятии женского образа. Этой точке зрения подвластны лишь эмпирические признаки «незнакомки» (упругие шелка, в кольцах узкая рука, шляпа с траурными перьями), не отличающиеся полнотой и не затрагивающие ее глубинной сущности. Внутренняя же фокализация маркирована глаголом «вижу» («И вижу берег очарованный и очарованную даль»). Именно она в блоковском стихотворении отвечает за субъективное зрение персонажа. Собственно говоря, фокальный персонаж и обнаруживает свое присутствие в тексте названными глаголами, причем за каждым из них закреплено собственное значение: смотреть можно на эмпирически явленную реальность, а видеть – только то, что находится за ее пределами. Вместе с тем выделенные глаголы определяют в фокальном персонаже две его противоположные опции: за глаголом «смотреть» – уверенность в объективности увиденного женского персонажа, за глаголом «видеть» – сомнения в надежности его визуальной составляющей. Внутренняя фокализация призвана выявить в образе «незнакомки» его инобытийную ипостасность, которая в стихотворении связана уже не столько с религиозно-мистическим воззрением Блока, сколько с его новой (по сравнению с предыдущим периодом его творчества, когда он поддерживал идею теургического искусства) концепцией творчества, по которой преобразование обыденного в высокое возможно только в рамках искусства, но отнюдь не в реальности.

Ненадежная наррация блоковского стихотворения, будучи оформленной как литературный прием, выглядит тем более выразительно, что раз-

ворачивается она на фоне лейтмотивного суждения об истине. Латинское выражение «In vino veritas», означающее утрату возможности к лукавству у пьяного человека, иронически переосмысливается нарратором в финале поэтического рассказа и звучит как насмешливая похвала вину – единственно оставшемуся для субъекта речи способу запустить процесс творческого преобразования низкой и пошлой действительности, протекающий, к его сожалению, исключительно в рамках его собственной ментальности. Это подчеркнуто финальным диалогическим положением, в котором «я»-персонаж обращается к себе как к «ты»-персонажу:

Ты право, пьяное чудовище!

Я знаю: истина в вине.

Данная коммуникативная ситуация призвана еще раз подчеркнуть: идеальные, за пределами высокие свойства женского персонажа являются всего лишь вымыслом, плодом замкнутого в самом себе поэтического субъективного воображения нарратора, что отличает «Незнакомку» от рассмотренного выше стихотворения «Вхожу я в темные храмы...», где под местоимением «Ты», к которому обращается лирический субъект, подразумевалась безусловная вера в истинность софийного идеала, его присутствие в мире как духовного начала бытия.

Таким образом, ненадежное повествование возникает в блоковском стихотворении не только вследствие особой перспективы фокализатора, прозревающего двойную сущность «незнакомки», но и в результате того, что нарратор, выступая в роли ненадежного рассказчика, не может дать верную интерпретацию, осмыслить событие объективно. Благодаря этому и читатель оказывается в сложном коммуникативном положении, когда у него отняты точные ориентиры, подсказывающие как именно следует воспринимать рассказ о «незнакомке», поскольку нарратор намеренно выстроил свое сообщение, разворачивающееся в условиях стартовой неопределенности, сталкивающей противоположные точки зрения на одно и то же событие (сновидение или явь). Ненадежный рассказчик блоковского стихотворения предоставляет читателю свободу выбора: он самостоятельно должен определиться в том, какую именно из двух точек зрения (сон или явь) считать истинной.

На основании вышесказанного можно утверждать, что ненадежный рассказчик и ненадежный фокализатор в творчестве Блока выступают как намеренно закодированный элемент его поэтического текста, и связаны они прежде всего с его концепцией обманчивой реальности. Различное смысловое наполнение данной идеи в разные периоды его поэтического творчества влечет за собой и различное оформление субъекта речи как ненадежного рассказчика и ненадежного фокализатора.

Источники

Белый, А. Воспоминания о Блоке / А. Белый. – М. : Республика, 1995. – 510 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1897–1904 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960а. – 784 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1904–1908 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960b. – 472 с.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1908–1921 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1960c. – 720 с.

Соловьев, В. С. Стихотворения и шуточные пьесы / В. С. Соловьев. – Л. : Советский писатель, 1974. – 350 с.

Литература

Белова, Е. Н. «Ненадежный повествователь» с разных точек зрения: Кадзуо Исигуро («Когда мы были сиротами») и рассказ Рюноске Акутогава («В чаще») / Е. Н. Белова // Вестник ВолГУ. Сер. 8. – 2013. – № 12. – С. 154–158.

Галанова, В. А. Специфика поэтического нарратива в жанре поэмы и в поэмах Ф. Н. Глинки / В. А. Галанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2016. – Вып. 22, № 5. – С. 145–148.

Генис, А. Модернизм как стиль XX века / А. Генис // Звезда. – 2000. – № 11. – С. 202–209.

Грякалова, Н. Ю. Поэт и критики / Н. Ю. Грякалова // А. Блок. Pro et Contra. – СПб. : РХГА, 2004. – С. 1–12.

Жданова, А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 2. – С. 151–164.

Жиличева, Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) : дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Жиличева. – М. : [б. и.], 2015. – 429 с.

Игошева, Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма / Т. В. Игошева. – М. : Глобал Ком, 2013. – 398 с.

Ласточкина, А. С. О семантике ненадежной наррации / А. С. Ласточкина, Д. М. Коробова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, вып. 3. – С. 317–325.

Магомедова, Д. М. «Незнакомка» А. А. Блока: пять разборов / Д. М. Магомедова, Д. П. Ивинский, С. И. Кормилова, А. Н. Ранчин, В. М. Толмачёв // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. – 2009. – Вып. 2 (16). – С. 36–108.

Смоленская, М. А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности / М. А. Смоленская // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2024a. – Т. 24, № 1. – С. 78–86.

Смоленская, М. А. Несовпадение внешней и внутренней точки зрения в тексте с ненадежным нарратором (на материале рассказа Л. Андреева «Мысль») / М. А. Смоленская // Сфера культуры. – 2024b. – № 1 (15). – С. 34–46.

Татару, Л. В. Нарративный анализ лирической поэзии (стихотворение А. С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением») / Л. В. Татару // Новый филологический вестник. – 2011. – № 19 (4). – С. 102–110.

Темиргазина, З. К. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) / З. К. Темиргазина, Ж. Б. Ибраева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 290–307.

Тынянов, Ю. Н. Блок и Гейне / Ю. Н. Тынянов // Об Александре Блоке. – Пг. : Карточный домик, 1921. – С. 235–264.

Тюпа, В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе / В. И. Тюпа // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 2. – С. 10–18.

Чаркин, В. В. Лирический нарратив как способ выражения авторского сознания в лирике С. Я. Надсона / В. В. Чаркин // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1 (70). – С. 141–145.

Ширяева, Ж. Л. Типы ненадежных рассказчиков в литературе / Ж. Л. Ширяева, Е. Ю. Вовк // Современный ученый. – 2021. – № 5. – С. 182–187.

Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Booth, W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. – Chicago : The University of Chicago Press, 1961. – 574 p.

Heiden, V. Narrative in poetry: A problem of narrative theory / V. Heiden // Narrative. – 2014. – Vol. 22, no. 2. – P. 269–283.

Mannila, S. The Unreliable Narrator in Bret Easton Ellis's American Psycho: pro gradu thesis / S. Mannila. – Univ. of Tampere, 2013. – 75 p.

McHale, B. Beginning to Think about Narrative in Poetry / B. McHale // Narrative. – 2009. – No. 17. – P. 11–30.

Nünning, A. Unreliable Narration: Studien zur Theorie und Praxis ungläubwürdigen Erzählens in der englischsprachigen Erzählliteratur / A. Nünning. – Trier, 1998. – 310 S.

Riggan, W. Pícaros, Madmen, Naifs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator / W. Riggan. – Norman : Univ. of Oklahoma Press, 1981. – 206 p.

References

Belova, E. N. (2013). «Nenadezhnyi povestvovatel'» s raznykh tochek zreniya: Kadzuo Isiguro («Kogda my byli sirotami») i rasskaz Ryunoske Akutogava («V chashche») [“Unreliable Narrator” from Different Perspectives: Kazuo

- Ishiguro (*When We Were Orphans*) and a Short Story by Ryunosuke Akutogawa (*Into the Thicket*). In *Vestnik VolGU. Ser. 8. No. 12*, pp. 154–158.
- Booth, W. C. (1961). *The Rhetoric of Fiction*. Chicago, The University of Chicago Press. 574 p.
- Charkin, V. V. (2016). Liricheskii narrativ kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v lirike S. Ya. Nadsona [Lyrical Narrative as a Way of Expressing the Author's Consciousness in the Lyrics of S. Ya. Nadson]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1 (70), pp. 141–145.
- Galanova, V. A. (2016). Spetsifika poeticheskogo narrativa v zhanre poemy i v poemakh F. N. Glinki [Specificity of Poetic Narrative in the Genre of the Poem and in the Poems of F. N. Glinka]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Issue 22. No. 5, pp. 145–148.
- Genis, A. (2000). Modernizm kak stil' XX veka [Modernism as a Style of the 20th Century]. In *Zvezda*. No. 11, pp. 202–209.
- Gryakalova, N. Yu. (2004). Poet i kritiki [The Poet and the Critics]. In *A. Blok. Pro et Contra*. Saint Petersburg, RKhGA, pp. 1–12.
- Heiden, B. (2014). Narrative in Poetry: A Problem of Narrative Theory. In *Narrative*. Vol. 22. No. 2, pp. 269–283.
- Igosheva, T. V. (2013). *Rannyaya lirika A. A. Bloka (1898–1904): poetika religioznogo simvolizma* [Early Lyrics of A. A. Blok (1898–1904): Poetics of Religious Symbolism]. Moscow, Global Kom. 398 p.
- Lastochkina, A. S., Korobova, D. M. (2017). O semantike nenadezhnoi narratsii [On the SEMantics of Unreliable Narration]. In *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. Vol. 14. Issue 3, pp. 317–325.
- Magomedova, D. M., Ivinsky, D. P., Kormilova, S. I., Ranchin, A. N., Tolmachev, V. M. (2009). «Neznakomka» A. A. Bloka: pyat' razborov [“The Stranger” by A. A. Blok: Five Analysis]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. III: Filologiya*. Issue 2 (16), pp. 36–108.
- Mannila, S. (2013). *The Unreliable Narrator in Bret Easton Ellis's American Psycho: Pro Gradu Thesis*. Univ. of Tampere. 75 p.
- McHale, B. (2009). Beginning to Think about Narrative in Poetry. In *Narrative*. No. 17, pp. 11–30.
- Nünning, A. (1998). *Unreliable Narration: Studien zur Theorie und Praxis unglaubwürdigen Erzählens in der englischsprachigen Erzählliteratur*. Trier. 310 S.
- Riggan, W. (1981). *Picaros, Madmen, Naïfs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator*. Norman, Univ. of Oklahoma Press. 206 p.
- Shiryayeva, Zh. L., Vovk, E. Yu. (2021). Tipy nenadezhnykh rasskazchikov v literature [Types of Unreliable Narrators in Literature]. In *Sovremennyye uchenyye*. No. 5, pp. 182–187.
- Shmid, V. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 312 p.
- Smolenskaya, M. A. (2024a). Nenadezhnaya narratsiya i nenadezhnaya fokalizatsiya v proizvedeniyakh neklasicheskoi paradigmy khudozhestvennosti [Unreliable Narration and Unreliable Focalization in Works of the Non-classical Paradigm of Artistry]. In *Vestnik YuUrGU. Ser. «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Vol. 24. No. 1, pp. 78–86.
- Smolenskaya, M. A. (2024b). Nesovpadenie vneshnei i vnutrennei tochki zreniya v tekste s nenadezhnym narratorem (na materiale rasskaza L. Andreeva «Mysl'») [Discrepancy between External and Internal Points of View in a Text with an Unreliable Narrator (Based on the Story “Thought” by L. Andreev)]. In *Sfera kul'tury*. No. 1 (15), pp. 34–46.
- Tataru, L. V. (2011). Narrativnyi analiz liricheskoi poezii (stikhotvorenie A. S. Pushkina «Net, ya ne dorozhu myatezhnym naslazhden'em») [Narrative Analysis of Lyric Poetry (Alexander Pushkin's Poem “No, I Don't Value Rebellious Pleasure”)]. In *Novyye filologicheskii vestnik*. No. 19 (4), pp. 102–110.
- Temirgazina, Z. K., Ibraeva, Zh. B. (2021). Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvorenii P. Vasil'eva) [Observer in Poetic Narrative (Using the Example of P. Vasiliev's Poems)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 72, pp. 290–307.
- Tynyanov, Yu. N. (1921). Blok i Geine [Blok and Heine]. In *Ob Aleksandre Bloke*. Petrograd, Kartochnyi domik, pp. 235–264.
- Tyupa, V. I. (2019). Pogranichnye sostoyaniya v literaturnom narrative [Borderline States in Literary Narrative]. In *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 2, pp. 10–18.
- Zhdanova, A. V. (2009). K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoi narratsii [On the History of the Emergence of the Literary Phenomenon of Unreliable Narration]. In *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. No. 2, pp. 151–164.
- Zhilicheva, G. A. (2015). *Narrativnye strategii v zhanrovoi strukture romana (na materiale russkoi prozy 1920–1950-kh gg.)* [Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (Based on Russian Prose of the 1920s – 1950s)]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 429 p.

Данные об авторе

Игошева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
E-mail: tigosheva@mail.ru.

Author's information

Igosheva Tatyana Vasilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Recent Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

**ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «СЕСТРА МОЯ – ЖИЗНЬ»
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИАЛОГА М. М. БАХТИНА****Жэнь Шуби**

Хэнаньский педагогический университет (Синьсян, Китайская Народная Республика)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9604-0563>

А н н о т а ц и я. Книга стихов «Сестра моя – жизнь» является одним из шедевров выдающегося русского поэта, лауреата Нобелевской премии Б. Л. Пастернака. С точки зрения теории диалога М. М. Бахтина тексты стихотворений описывают процесс «создания стихотворения». Лексика, названия и строфы стихотворений имеют «мета»-значения, что свидетельствует о тонком поэтическом мастерстве; в тексте стихотворений проявляются черты интертекстуальности: стихи сопровождаются текстовой «рамой», избыточной эпиграфами и посвящениями. Стихотворения напрямую связаны с европейскими и американскими поэтами и композиторами, с европейскими оперными произведениями – через использование цитат и внесение музыкальных элементов. Книга стихов Б. Л. Пастернака устанавливает интертекстуальные связи с русскими классическими текстами, что придает произведениям диалогический характер и позволяет преодолеть временные и пространственные границы. В поэтических текстах присутствуют не только образы культуры, истории и географии, но и символы, связанные с человеческим телом, такие как «губы». С помощью этих образов поэт создает собственный художественный хронотоп, что свидетельствует о единстве его мировосприятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Б. Л. Пастернак; «Сестра моя – жизнь»; М. М. Бахтин; культурная семиотика; диалог; метазначения; интертекстуальность; хронотоп; символ; единство; мировосприятие

Д л я ц и т и р о в а н и я: Жэнь, Шуби. Поэтическая книга Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь» в свете теории диалога М. М. Бахтина / Жэнь Шуби. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С.102–110. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-102-110.

**FROM M. M. BAKHTIN'S THEORY OF DIALOGUE:
EXPLORING B. L. PASTERNAK'S POETIC COLLECTION MY SISTER – LIFE****Ren Shubi**

Henan Normal University (Xinxiang, People's Republic of China)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9604-0563>

A b s t r a c t. The collection of poems, *My Sister – Life* stands as one of the masterpieces crafted by the eminent Russian poet and Nobel Prize laureate, B. L. Pasternak. Examined through the lens of M. M. Bakhtin's dialogic theory, the verses within these poems vividly depict the intricate process of poetic creation. The vocabulary, titles, and stanzas reveal layers of meta meanings, showcasing a nuanced poetic finesse. Furthermore, the poems exhibit signs of intertextuality: they are accompanied by a textual "frame" that is abundant in epigraphs and dedications. Through strategic employment of quotations and infusion of musical elements, the poems intertwine seamlessly with the works of European and American poets and composers, as well as with the grandeur of European opera. Notably, Pasternak's collection establishes intertextual dialogues with Russian classical literature, transcending temporal and spatial confines. Embedded within the poetic fabric are not only images of culture, history, and geography, but also visceral motifs like "lips," invoking human body. Through the deft manipulation of these symbols, the poet constructs a unique artistic chronotope, emblematic of his unified worldview.

Key words: B. L. Pasternak; *My Sister – Life*; M. M. Bakhtin; cultural semiotics; dialogue; meta meanings; intertextuality; chronotope; symbol; unity; worldview

For citation: Ren, Shubi. (2025). From M. M. Bakhtin's Theory of Dialogue: Exploring B. L. Pasternak's Poetic Collection *My Sister – Life*. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 102–110. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-102-110.

Введение

Борис Пастернак (1890–1960) родился в семье русских художников в Москве. Его отец Л. О. Пастернак был живописцем, а мать Р. И. Кауфман – талантливым пианисткой. В семье поэта часто бывали в гостях такие представители русской художественной интеллигенции, как И. И. Левитан, М. А. Врубель, А. Н. Скрябин и другие. Можно сказать, что Б. Пастернак вырос в творческой семейной атмосфере. Кроме того, Б. Пастернак начал свое творчество в период так называемого Серебряного века, что оказало на него определенное поэтическое воздействие. Пастернак впитывает в

себя поэтические традиции классиков и современников. Китайские ученые считают, что Пастернак – «мастер русской поэзии XX века» [У Ди 2003: 86], а в первый период своего творчества – «представитель поэтического опыта Серебряного века» [Лю Вэньфэй 2020: 72].

Книга «Сестра моя – жизнь» является наиболее известным произведением Б. Пастернака раннего этапа творчества. Хотя эта книга стихов написана в сложный период русской истории, но она вся переполнена ощущением счастья и гармонии. В стихах выразились не только чувства Б. Л. Пастернака к Е. А. Виноград и близость к русской природе, но и философские размышления поэта о

мировой истории, политических событиях и общественной жизни. М. И. Цветаева посвятила Пастернаку эссе под названием «Световой ливень», в котором писала о том, что «Пастернак – большой поэт», «поэт наибольшей пронзаемости» [Цветаева 1994: 233–234] и сравнивала его с Д. Г. Байроном и Г. Гейне. По мнению современников и критики, именно публикацией этой книги стихов Пастернак вошел в первый ряд русских поэтов. «Во всей послеблоковской русской поэзии не было, может быть, столь поразительной книги стихов – по цельности, по новизне интонации, по тончайшему ощущению природы, по завораживающему воздействию на читателя. Если бы кроме этой книги Б. Пастернак больше ничего не написал, он все равно остался бы в истории великим русским поэтом» [Левитин 1989: 101]. Очевидно, что книга «Сестра моя – жизнь» имеет уникальное значение и ценность.

В советский период была распространена точка зрения на общий пафос этого произведения Б. Пастернака как на «атмосферу свежести и освобождения», «чуда преображения мира и человека» [Альфонсов 1990: 66–67]. Эта точка зрения основана на словах самого поэта о «заразительной всеобщности» общественного подъема, «сказочного настроения» [Пастернак 2003: 453]. В первой главе монографии С. Н. Бройтмана «Поэтика книги Бориса Пастернака “Сестра моя – жизнь”» сделан обзор научных исследований по проблеме. Автор рассматривает субъектную сферу произведения и приводит свой взгляд на субъектную архитектуру, считая, что в ее основе лежит софиология, которая позволяет «поэту взять к заголовку “Сестра моя – жизнь” “летописный” подзаголовок “Лето 1917 года”, то есть увидеть самые интимно-личностные (любовные) отношения “я” и “другого” в органическом единстве с социально-исторической ситуацией своего времени» [Бройтман 2007]. В понимании структуры словесного образа автор монографии придерживается представления о нерасчленимой целостности художественного мира как принципа поэтики Пастернака и называет его термином «неосинкретизм». Говоря о жанре книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь», С. Н. Бройтман включает в свой обзор анализ работы А. К. Жолковского, в которой ученый устанавливает связь «книги книг» Пастернака с библейской «Песнью песней» на основании ряда выделенных мотивов и заглавном тропе [Жолковский 1997]. Современный исследователь рассматривает библейский реминисцентный слой финала книги стихов «Сестра моя – жизнь» [Мальцева 2019]. Из других работ о раннем Пастернаке нужно назвать работы российских ученых об интерпретации смысла отдельных стихотворений [Гаспаров, Подгаецкая 2008], входящих в структуру книги «Сестра моя – жизнь»; статью о «летнем тексте» [Подшивалова 2017]. Много статей написано с позиций лингвистики: на материале книги стихов поэта исследуется образная ситуация звучания, процесс метафоризации и т.п.

Для художественного мира Пастернака чрез-

вычайно важен феномен, изучаемый И. П. Смирновым, – направленность слова поэта на слово предшественников и современников, а также его обращенность на самого себя. Конкретные наблюдения над интертекстами поэта, содержащиеся в книге, расширяют наши представления об этом явлении вообще и о его месте в творчестве Пастернака [Смирнов 1995].

Обзор китайских исследований о Б. Л. Пастернаке за 40 лет, в том числе и современных, выполнен литературоведами КНР [Жэнь Шуби, Ван Юн 2024; Жэнь Шуби 2023]. Анализ олицетворенных образов лета в ряде стихотворений позволяет сделать вывод об индивидуально-авторском начале в стиле Пастернака: у поэта смысл слова раскрывается только в контексте строфы или всего произведения в целом.

Ставя интертекстуальность в центр своего исследования, Фэн Юйчжи раскрывает скрытую связь между произведениями Пастернака и литературными традициями, рассматривает ценность литературного творчества автора, отмечая, что оно является важной составной частью мировой литературной традиции [Фэн Юйчжи 2007].

Ван Лэй и Ван Цзясин посредством анализа с точки зрения сюжета определяют особенности интертекстуальности. Они считают, что произведение «Доктор Живаго» диалогически взаимодействует с творчеством Блока и Библией, продолжая темы вечности, мученичества, смерти, воскрешения и гуманности [Ван Лэй, Ван Цзясин 2019].

Методологической опорой для открытой интерпретации художественных текстов служит теория культурной семиотики М. Бахтина, который подчеркивал, что «литература – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры» [Бахтин 1979: 344]. Ключевым понятием теоретических воззрений Бахтина является понятие диалогичности. В данной статье мы попытаемся интерпретировать поэтическую книгу Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь» на основе теории диалога М. Бахтина, исследовать процесс создания поэтического текста, диалогические установки поэта в культурном контексте, значение ряда символических знаков в тексте стихотворений. Цель работы – исследовать смысловой потенциал стихотворений с разных точек зрения и выявить скрытые в них художественные концепты.

Интерпретация в мета-поэзии смысла поэтического текста

М. Бахтин обращает внимание на природу знака, указывая, что знак имеет «метаязыковую» характер, и что «метаязык не просто код, – он всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует» [Бахтин 2002: 395]. В конечном итоге, термин «метаязык» был принят в современной гуманитаристике. В Китае в последние годы возрос научный интерес к таким мета-жанрам, как мета-фантастика и мета-драма (см. об этом: [Лю Мяовэнь 2021; Чжао Сяобинь 2020; Жэнь Шуби 2019; Цзань Лилун 2012; Ма Юнбо 2010; 2008;

2006]); в частности, ученые рассмотрели развитие теории русской мета-фантастики [Лю Мьяовэнь 2021]; все большее значение приобретает разработка понятия «мета-литературного сознания» поэзии [Ма Юнбо 2010].

«Мета-поэзия» определяется как «поэзия о поэзии», и это такой вид поэзии, который «освещает процесс и приемы сочинения поэтических текстов» [Ма Юнбо 2010: 455]. Когда Б. Пастернак писал свою первую книгу стихов «Близнец в тучах», он уделял больше внимания содержанию своих стихов, чем отчетливой ритмике. Он писал: «Моя постоянная забота обращена была на содержание, моей постоянной мечтой было, чтобы само стихотворение нечто содержало, чтобы оно содержало новую мысль или новую картину. Чтобы всеми своими особенностями оно было вгравировано внутрь книги и говорило с ее страниц всем своим молчанием и всеми красками своей черной, бескрасочной печати» [Пастернак 2004: 325]. Эта идея всегда присутствовала в творчестве поэта, и в книге «Сестра моя – жизнь» Б. Пастернак несколько раз обращается к теме творчества, утверждая, что: «Поэзия! Греческой губкой в присосках» [Пастернак 2003: 90], – способна впитывать все вокруг себя и возвращать все на свете читателю в виде строф. Можно сказать, что поэзия Б. Пастернака обладает мета-значением, которое отражается в лексике, названиях и некоторых строфах стихотворений.

В книге стихотворений содержится множество филологических понятий, такие как «определение», «термин», «язык», «стихи», «эпиграф», «нарекание», «алфавит», «страница», «стихотворец», «переплет», «роль», «суфлер», «сцена» и т.д. Среди них названия стихотворений заданы с явной самореферентностью, а заголовки «Про эти стихи», «Определение поэзии», «Определение души», «Определение творчества» выполняют пояснительную функцию и демонстрируют рефлексивное сознание автора.

Кроме того, три стихотворения: «Определение поэзии», «Определение души», «Определение творчества» – входят в цикл стихотворений «Занятие философией»; как видно из названия, цикл представляет собой философскую интерпретацию понятий поэзии, разума и творчества, а также использует метафоры для определения и иллюстрации художественных принципов, которыми Б. Пастернак руководствуется при написании стихотворений. Поэзия образно предстает в ряде «определений...». В «Определении поэзии» она может трансформироваться в многообразие форм природы; затем, в «Определении души», поэзия вновь появляется в виде души поэта; «Определение творчества» описывает эмоциональную способность художника и творца, которая становится вдохновением и страстью к поэзии, а в конечном итоге приводит к созданию поэзии. Можно сказать, что заголовок стихотворения не только подчеркивает взгляд поэта на поэзию, но и передает высокий уровень размышлений поэта о ценности поэтического творчества и искусства.

Вместе с тем мета-значение особенно ярко

проявляется в конкретных строфах стихотворения «Про эти стихи». Стихотворение состоит из семи строф, в которых представлен путь написания стихотворения: поэт настолько поглощен своим творчеством, что полностью оторван от реальной истории, он настолько изолирован, что даже не знает, «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» [Пастернак 2003: 115], и, наконец, после ряда размышлений поэт находит вдохновение для своего творчества и попадает в идеальный мир встреч с другими писателями, где он «с Байроном курил» и «пил с Эдгаром По» [Пастернак 2003: 115]. Следует отметить, что в первой строфе стихотворения поэт сопоставляет «стекло» и «солнце»: «На тротуарах истолку / С стеклом и солнцем пополам» [Пастернак 2003: 115]. Как правило, «стекло» относится к ремеслам, а «солнце» – символ природы. Здесь сопоставление человека, ремесла и природы означает не только сопоставление жизни, искусства и природы, но и символизирует единство поэзии, искусства и природы, а их сочетание растворяет границы между ними, превращая их в слияние. То, что поэт представляет читателю, – это не законченное произведение, а процесс обдумывания и осмысления, реализация творчества. Поэт пишет: «Зимой открою потолку / И дам читать сырым углем. // Задекламирует чердак / С поклоном рамам и зиме» [Пастернак 2003: 115]. То, что даже чердак начал читать, говорит о том, что поэзия проникла в самые обычные уголки реальной жизни: весь мир, включая тротуары, чердаки, углы и буран, вовлечен в создание стихотворения, поскольку поэт блуждает по лабиринту рифм, надеясь уйти от реальности, забыть о времени. В этот момент нет разделения на низкое и высокое, одушевленное и неодушевленное, что делает поэтический текст наполненным философским подтекстом. Как видно, содержание текстов, созданных Б. Пастернаком, часто представляет собой образное выражение темы «как писать стихи», с помощью которого поэт описывает читателю процесс написания стихов, демонстрирует процесс рождения художественного замысла, подчеркивает неповторимое очарование поэтического языка.

В самом знаменитом стихотворении цикла «Определение поэзии» Пастернак пытается объяснить сложные художественные явления и найти истоки поэтического творчества, используя уникальные метафоры, изначальная природа которых – скрытые сравнения. Утверждая, что поэзия не может быть определена в терминах, поэт представляет поэтические коннотации как метафоры:

*«Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок,
Это – сладкий заглохший горост,
Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и флейт – Фигаро
Низвергается градом на грядку»*

[Пастернак 2003: 131]

На вопрос местоимения «Что» поэт отвечает

семью короткими «Это». Он, многократно и многозначно определяя поэзию, отвечает, что такое поэзия на философском уровне, и определяет это на языке самой поэзии. Поэзия – это природа («свист», «льдинок», «лист», «соловей»), поэзия – это жизнь («сладкий горох», «лопатка»), поэзия – это музыка («пульт», «флейта»), поэзия – это олицетворение природной образности, это ночь, которая «И звезду донести до садка / На трепещущих мокрых ладошках» [Пастернак 2003: 131], так что даже «Этим звездам к лицу б хохотать, / Ан вселенная – место глухое» [Пастернак 2003: 132]. В глазах поэта поэзия – это вдохновение души, природы и Вселенной, и Пастернак умело использует органическое сочетание звука и образа, опирается на собственное богатое и оригинальное воображение, чтобы описать само письмо в форме стихотворения, докопаться до корней поэзии как стихотворения, чтобы выявить очарование поэзии.

Таким образом, в книге «Сестра моя – жизнь» Б. Л. Пастернак акцентирует внимание на понятии творчества, а лексика, названия и строфы подчеркивают мета-значение поэтического текста. Как утверждал теоретик литературы Д. С. Лихачев, «Творчество – процесс; восприятие творения – также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений» [Лихачев 1989: 181]. Поэт шаг за шагом представляет читателю творческий процесс, который является процессом рефлексии поэта и в то же время раскрывает его художественный замысел. В творчестве Б. Пастернака стихи способны «ходить», и эти «ходячие стихи» являются образными проявлениями и выразителями приемов поэтического текста.

Большой диалог поэтических текстов

В эссе «Методология гуманитарных наук» М. Бахтин подчеркивает, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [Бахтин 2002: 424]. В книге стихов «Сестра моя – жизнь» Б. Пастернак устанавливает прямую связь с европейскими поэтами не только посредством эпиграфов, но и через вкрапление понятия музыкальности, которое связывает европейские оперные произведения с классическими русскими текстами и создает ассоциации в лирическом сюжете – вся книга приобретает интертекстуальные «переклички» в постоянном «диалоге».

Б. Пастернак начинает с того, что семантически организует «рамочный текст» стихотворений, подбирая различные эпиграфы, которые наслаиваются и полифонически перекликаются друг с другом. В этой подборке можно найти произведения из литературы разных стран – Австрии, Франции, Германии, России и т. д., которые, с одной стороны, дополняют содержание стихотворений, а с другой – создают для них более широкое смысловое пространство.

В качестве надписи ко всей книге поэт взял фрагмент из поэмы Николаса Ленау «Dein Bild»:

*«Посвящается Лермонтову»
Es braust der Wald, am Himmel zieh'n
Des Sturmes Donnerflüge,
Da mal' ich in die Wetter liin,
O, Madclien, deine Ziige.
Nic. Lenau»*

[Пастернак 2003: 114]

Приведенный выше эпиграф-посвящение озаглавлен «Посвящается Лермонтову». В нем Б. Пастернак представляет сразу двух поэтов – австрийского поэта Н. Ленау и русского поэта М. Ю. Лермонтова. Как видно, в четверостишии присутствуют не только природные элементы – ветер и тучи, но и высвечивается образ девушки, находящейся в центре бури. В самом деле, женская фигура, изображенная Ленау, способна сиять в природе: солнце садится, горы пылают, а лицо девушки мило улыбается под мягким светом. Образ «девушки» в посвящении-эпиграфе соответствует не только названию книги «Сестра моя – жизнь», но и подзаголовку «Лето 1917 года». «Сестра», «жизнь» и «лето» ассоциируются у русского поэта с образом Е. Виноград. Здесь Б. Пастернак одновременно и ссылается, и вступает в диалог с поэзией Н. Ленау, в которой подчеркивается отождествление женщины с природой.

Кроме того, строфа стихотворения «Romances sans paroles» французского поэта-символиста Поля Верлена «Est-il possible, – le fût-il?» («Возможно ли, – было ли это?») [Пастернак 2003: 121] становится затем эпиграфом цикла «Книга степи». Этот эпиграф акцентирует подзаголовок заключительного стихотворения первого цикла, «Дождь», – «Надпись на “Книге степи”», который, в свою очередь, открывает второй цикл стихотворений – «До всего этого была зима». Эпиграф не только выполняет функцию перехода между двумя главами, но и функционально служит связующим звеном между верхом и низом. В то же время «лето», «Лермонтов», «Елена», «Ленау», «Верлен» и другие имена существительные связаны между собой по звучанию, все они содержат сочетание *le*, которое представляет собой прием звукового эффекта. Кроме цитирования других поэтов в качестве эпиграфов, Пастернак использует и автоцитирование в стихотворении «Давай ронять слова, как сад – янтарь и cedar»: «Мой друг, ты спросишь, кто велит, / Чтоб жглась юродивого речь?» [Пастернак 2003: 156], и отвечает на этот вопрос в конце стихотворения «Балашов»:

*«Мой друг, ты спросишь, кто велит,
Чтоб жглась юродивого речь?
В природе лип, в природе плит,
В природе лета было жечь»*

[Пастернак 2003: 125]

Как видим, эпиграфы образуют определенный контраст с текстом стихотворения, воссоздавая либо ритмический рисунок, либо высвечивая новые грани в смысловой структуре стихотворения. Таким образом, они являются важным элементом текста и одной из точек входа в интерпретацию стихотворения.

Интертекстуальность стихотворений также

подчеркивается концептом музыкальности, который напрямую связан с европейскими оперными произведениями и их героями. Глубокая связь Б. Пастернака с музыкой объясняется тем, что поэт воспитывался в артистической семье и его произведения всегда были насыщены музыкальными понятиями, в стихах естественно звучали музыкальные термины, имена композиторов, партитуры. Под влиянием семьи и А. Скрябина Пастернак сам стал увлекаться музыкой настолько глубоко, что изучал теорию композиции в течение шести лет. И хотя он считал, что у него не было абсолютного слуха, это несколько не влияло на его восхищение музыкой: «музыка была для меня культом, то есть той разрушительной точкой, в которую собиралось все, что было самого суеверного и самоотреченного во мне» [Пастернак 2004: 153]. «Для поэта музыка представляет собой убеждение, дух, который пронизывает его сочинения, дела их всегда присутствующими» [Ван Юн, Ли Синь 2022: 36]. В книге стихов «Сестра моя – жизнь» можно увидеть отголоски многих классических опер, например, «Свадьба Фигаро» Вольфганга Амадея Моцарта. Кроме того, в книге стихов нашли отражение персонажи произведений: Ракоци в «Марше Ракоци» венгерского «короля фортепиано» Ференца Листа, Маргарита из оперы Шарля Гуно «Фауст», жена трактирщика из оперы Модеста Мусоргского «Борис Годунов», Валькирия из оперы Рихарда Вагнера «Валькирия». Появление таких знаковых образов, как композитор Людвиг ван Бетховен, также образует во всей книге мощный музыкальный фон, делая стихи «Сестры моей – жизни» неотъемлемой частью культурного диалога с европейским искусством.

В книге Пастернака обнаруживаются интертекстуальные переключки с русской классикой. Например, стихотворение «Памяти демона» вызывает у читателя ассоциации со знаменитой поэмой М. Ю. Лермонтова «Демон». Многие элементы, объединенные в «Памяти демона», интертекстуальны по отношению к «Демону». Демон М. Лермонтова путешествует по горам Грузии и подлетает к дверям монастыря:

*«Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел»*
[Лермонтов 1964: 504]

Герой в «Демоне» «задумчив у стены высокой» [Лермонтов 1964: 505], а в стихотворении «Памяти демона» герой «Приходил по ночам / В синеве ледника от Тамары» [Пастернак 2003: 114]. Кроме того, как в «Демоне», так и в «Памяти демона» схожи детали описания монастыря.

В «Демоне»:
*«Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезю жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..»* [Лермонтов 1964: 505]
В «Памяти демона»:
«Уцелела плита

За оградой грузинского храма»
[Пастернак 2003: 114]

«Камень» из лермонтовского произведения «Демон» стал у Б. Пастернака в «Памяти демона» «плитой», сохранив семантику образа могилы.

Помимо сходства в предметном описании, образ Демона у поэтов XIX и XX веков обнаруживает внутреннее родство. Демон в поэме М. Лермонтова осмеливается бросить вызов всему и восстать против Бога, а его любовь к Тамаре отражает его стремление к истине, добру и красоте. Демон в стихотворении Б. Пастернака также погружен в свои страсти, и хотя он с помощью пары крыльев порождает кошмары, но обладает богоподобным творческим потенциалом и проявляет могучую силу природы. Оба поэта изображают у Демона желание чистой любви и стремление к ней. В героях есть тьма, но есть и страсть к сопротивлению несправедливости и борьбе за свободу. Вместе с тем, Б. Пастернак наделяет своего Демона способностью «переродиться». В конце стихотворения демонические силы клянутся вершинами айсбергов, угрожая превратиться в лавину и слиться с природой, а в конечном итоге вернуться на сторону Тамары, завершив тем самым защиту их любви. Содержание стихотворений сплетено взаимоотношениями эпиграфами, встроенными представлениями о музыкальности и интертекстуальными поэтическими эпизодами. С помощью интертекстуальных приемов поэт соединяет европейское литературное искусство с русской литературной традицией, а поэты и писатели разных эпох становятся близкими друзьями и собеседниками Б. Пастернака, которые вместе с автором завершают грандиозный диалог поэтических текстов.

Символы в поэтических текстах

М. Бахтин утверждает: «Переход образа в символ придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу» [Бахтин 2002: 421]. В книге стихов Б. Пастернак создает масштабный поэтический мир. В хронотопе поэта присутствуют не только фигуры, страны, города, природные символы – горы и реки, но и телесные образы человека, такие как «губы», которые образуют символический знак и становятся метафорическим выражением единства мира.

По мнению М. Бахтина, в художественном хронотопе, конструируемом литературным произведением, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин 2012: 341]. Б. Пастернак использует ряд символов для создания сети художественных координат, охватывающей время, пространство, персонажей, страны, города, горы, реки и т. д., которые фигурируют в книге стихов.

С точки зрения хронологии, в стихотворениях встречаются самые разные персонажи, начиная с Древней Греции и заканчивая временем самого поэта: Геракл в греко-римский период, Тристан и Изольда в средние века, Ягайло и Ядвига,

Ж. А. Ватто, а также И. В. Гёте, В. А. Моцарт, Л. Бетховен, Д. Г. Байрон, А. С. Пушкин, Эдгар По, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, П. Верлен, Р. Киплинг и другие художники XVII–XIX вв. Среди разнообразных персонажей встречаются как символы классической западной цивилизации, так и культурные символы литературного значения, тесно связанные с самими поэтами. На пространственной оси представлены такие города, как Балашов и Иматра, горы Кавказа и Сен-Готард, реки Клязьма, Шелонь и Ганг, принадлежащие таким странам, как Австрия, Швейцария, Финляндия, Индия и Россия, а также различным частям света, например, Европа – Центральная, Южная, Восточная и Северная. Вся книга стихов помещается в трехмерную систему координат, состоящую из пересечения времени и пространства, и поэтические тексты перестают быть словами на плоскости, они становятся образами с символическими значениями, представляющими собой пересечение истории, культуры и географии.

Помимо перечисленных природных символов, в книге стихов встречаются также символы человеческого тела. В романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» встречается образ «губы»; по словам М. Бахтина, «В основе гротескных образов лежит особое представление о телесном целом и о границах этого целого» [Бахтин 2008: 312]. Телесная деталь «губы» встречается на протяжении всей книги шестнадцать раз, становясь лейтмотивом и приобретая значение символа. Губы разнообразны по форме и появляются в самых разных сюжетах: они могут сочетаться с «жизнью», «дождем», «вином» и т.д., а также связываться с «памятью»; они могут быть открытыми или закрытыми; спокойными или трепетными, показанными или скрытыми. По мнению М. Бахтина, несмотря на важную роль отдельных органов в современном представлении о теле, «границы между телом и миром несколько не ослабляются» [Бахтин 2008]. А в творчестве поэта граница между человеческим телом и окружающим миром устраняется с помощью символа «губы», который выполняет связующую функцию, являясь посредником между человеческим телом и миром, между «Я» и миром. В качестве посредника, соединяющего человеческое тело и мир, губы являются одновременно и разделительной линией между «Я» и внешним миром, и точкой соединения этих двух сущностей. Они могут органично сливаться с другими образами в реализации творчества.

Впервые образ-символ губ появляется в стихотворении «Про эти стихи». В последней строфе стихотворения «губы» принимают на себя функцию инструмента пьющего погружения в жизнь: «Я жизнь, как Лермонтова дрожь, / Как губы в вермут окунал» [Пастернак 2003: 115]. Б. Пастернак объяснял: «Я посвятил “Сестру мою жизнь” не памяти Лермонтова, а самому поэту, как если бы он еще жил среди нас, его духу, все еще действенному в нашей литературе. Вы спрашиваете, чем он был для меня летом 1917 года? Олицетворением творческой смелости и открытий, началом повседневно-

го свободного поэтического утверждения жизни» [Пастернак 2005: 380]. Для Пастернака Лермонтов – и великий поэт, и в то же время его творческий собеседник, и они способны на равноправный обмен. Здесь «я», «Лермонтов» и «жизнь» появляются одновременно в одной строфе, и «губы» лирического героя становятся связующим звеном между ними. В стихотворении «я» и Лермонтов кажутся отдельными, но не связанными друг с другом личностями, образующими неразрывное гротескное целое с помощью части тела «я», символа «губы», преодолевая субъективные границы и воплывая вечность жизни и бессмертие творчества.

Мало того, «губы» в стихотворении «Звезды летом» входят в один ряд с «волосами» и «обувью», образуя коллаж из летних образов:

*«Ветер розу пробует
Приподнять по просьбе
Губ, волос и обуви,
Подолов и прозвищ»*
[Пастернак 2003: 130]

«Губы» являются также воплощением любви и творчества, при этом влюбленные выражают свою любовь через «губы», которые не только доставляют «поцелуй», но и «целуют», усиливая межличностную коммуникацию: губы и души лирического героя и его возлюбленной связаны общим шепотом, сигнализирующим вечность любви – «Он улетучивался с губ / Воздушной капли спиртовой» [Пастернак 2003: 147]. Таким образом, в этой книге символ «губы» органично сочетается с природными явлениями или частями человеческого тела, и, несмотря на то, что он обозначает границу, его важная связующая функция идеально отражает единство мировидения поэта.

Можно сказать, что в книге «Сестра моя – жизнь» Б. Пастернак использует ряд символов для создания поэтического текста. Органическое соединение символов культуры, истории, географии, искусства, человеческого тела придает книге стихов трехмерное измерение, построенное вместе из времени и пространства, тем самым создавая огромный хронотоп, который уничтожает границы между всеми этими элементами. Это означает полное единство всего мира.

Заключение

Итак, книга «Сестра моя – жизнь» составляет важную часть творчества Бориса Пастернака. Поэт использует эту книгу стихов для реализации своих размышлений о сути поэзии. Поэт сочетает референтную лексику, заглавия, эпиграфы, ассоциации, создавая интертекст, использует ряд символов для построения концепции пространства и времени, для организации грандиозного поэтического текстового диалога – средства для реализации концепции поэзии, свойственной Пастернаку. Это не только обогащает содержание текста и делает всю книгу эстетически напряженной, но и придает ей глубокий лирико-философский смысл, делает ее эстетическим инструментом проникновения в самую суть поэзии. «Сестра моя – жизнь»,

рассмотренная в перспективе диалога, придает интерпретации многообразие смыслов и открытость. Содержание книги стихов становится важ-

ной составной частью мировой литературной традиции.

Источники

Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 877 с.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 4 (1). «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.); Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Комментарии и приложения, 2008. – 119 с.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.

Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. 1835–1841 / М. Ю. Лермонтов. – М. ; Л. : Советский писатель, 1964. – 736 с.

Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы, 1912–1931 / Б. Л. Пастернак. – М. : Слово/Slovo, 2003. – 576 с.

Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 10. Письма 1954–1960 / Б. Л. Пастернак. – М. : Слово/Slovo, 2005. – 680 с.

Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 3. Проза / Б. Л. Пастернак. – М. : Слово/Slovo, 2004. – 632 с.

Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994. – 720 с.

Литература

Альфонсов, В. Н. Поэзия Бориса Пастернака : монография / В. Н. Альфонсов. – Л. : Советский писатель, 1990. – 368 с.

Бройтман, С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» / С. Н. Бройтман. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – 608 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-monografii-s-n-broytmana-poetika-knigi-borisa-pasternaka-sestra-moya-zhizn/viewer> (дата обращения: 24.03.2025).

Ван, Лэй. Исследование особенностей повествования и искусства речи в романе «Доктор Живаго» / Ван Лэй, Ван Цзясин. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2019. – 227 с.

Ван, Юн. Музыкальное присутствие: о музыкальности лирической поэзии Б. Л. Пастернака / Ван Юн, Ли Синь // *Russian Literature & Arts*. – 2022. – № 1. – С. 28–37. – DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2022.01.004.

Гаспаров, М. Л. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания / М. Л. Гаспаров, И. М. Подгаецкая. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – 192 с.

Жолковский, А. К. Книга книг Пастернака: к 75-летию «Сестры моей – жизни» / А. К. Жолковский // *Звезда*. – 1997. – № 12. – С. 193–214.

Жэнь, Шуби. 40 лет исследований Бориса Пастернака в Китае / Жэнь Шуби, Ван Юн // *Научный диалог*. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 238–255. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-238-255.

Жэнь, Шуби. Жанровая специфика драматургии Л. Лунца : дис. ... магистр. филол. наук / Жэнь Шуби. – Харбин : Харбинский педагогический университет, 2019.

Жэнь, Шуби. О персонификации образов лета в книге стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь» / Жэнь Шуби // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. – 2023. – № 4. – С. 160–166. – DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160.

Левитин, Е. С. Об этой выставке. Мир Пастернака / Е. С. Левитин. – М. : Советский художник, 1989. – 205 с.

Лихачев, Д. С. О филологии / Д. С. Лихачев. – М. : Высшая школа, 1989. – 206 с.

Лю, Вэньфэй. Пастернак: жизнь и творчество / Лю Вэньфэй // *Frontier literature*. – 2020. – № 7. – С. 66–85. – DOI: 10.3969/j.issn.1007-4155.2020.07.005.

Лю, Мяовэнь. Краткая дискуссия об исследовании теории русской метафикциональности / Лю Мяовэнь // *Russian Literature & Arts*. – 2021. – № 1. – С. 103–112. – DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2021.01.013.

Ма, Юнбо. Металитературное сознание в современной поэзии / Ма Юнбо // *New Chinese Poetry: Review and Reflection on the Decade of the New Century – Proceedings of the Third Contemporary Poetry Forum in Four Places Across the Taiwan Strait*. – Beijing, 2010. – С. 455–465.

Ма, Юнбо. Очерк «Метапоэзия» / Ма Юнбо // *Art Panorama*. – 2008. – № 5. – С. 4–8.

Ма, Юнбо. Поэзия о поэзии: обзор современного американского поэта Джона Эшбери / Ма Юнбо // *Contemporary Foreign Literature*. – 2006. – № 3. – С. 122–126. – DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2006.03.019.

Мальцева, О. А. Христианские коды финала книги «Сестра моя – жизнь» Б. Пастернака / О. А. Мальцева // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. – 2019. – № 3. – С. 37–41.

Подшивалова, Е. А. «Летний текст» в книге стихов Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» / Е. А. Подшивалова // *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. – 2017. – Вып. 6 (27). – С. 931–935.

- Смирнов, И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб. : Языковый центр СПбГУ, 1995. – 189 с.
- У, Ди. О пейзажной лирике Б. Пастернака / У Ди // *Foreign Literature Studies*. – 2003. – № 4. – С. 86–90.
- Фэн, Юйчжи. Исследование творчества Пастернака / Фэн Юйчжи. – Пекин : Издательство народной литературы, 2007. – 325 с.
- Цзань, Лилун. Метапоэтика в современной поэзии : дис. ... магистра филологии / Цзань Лилун. – Цзинань : Шаньдунский педагогический университет, 2012. – 37 с.
- Чжао, Сяобинь. Метадраматические особенности Льва Лунца «Обезьяны идут!» / Чжао Сяобинь // *Foreign Literature Studies*. – 2020. – № 6. – С. 85–94. – DOI: 10.19915/j.cnki.fl.s.2020.06.008.

References

- Alfonsov, V. N. (1990). *Poeziya Borisa Pasternaka* [Poetry of Boris Pasternak]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 368 p.
- Broytman, S. N. (2007). *Poetika knigi Borisa Pasternaka «Sestra moyā – zhizn'»* [Poetics of Boris Pasternak's book *My Sister – Life*]. Moscow, Progress-Traditsiya. 608 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-monografii-s-n-broytmana-poetika-knigi-borisa-pasternaka-sestra-moya-zhizn/viewer> (mode of access: 24.03.2025).
- Feng, Yuzhi. (2007). *Issledovanie tvorchestva Pasternaka* [Exploring Pasternak's Work]. Beijing, Izdatel'stvo narodnoi literatury. 325 p.
- Gasparov, M. L., Podgaetskaya, I. M. (2008). «*Sestra moyā – zhizn'» Borisa Pasternaka. Sverka ponimaniya* [My Sister – Life by Boris Pasternak. Reconciliation of Understanding]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 192 p.
- Levitin, E. S. (1989). *Ob etoi vystavke. Mir Pasternaka* [On This Exhibition. Pasternak's World]. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 205 p.
- Likhachev, D. S. (1989). *O filologii* [On Philology]. Moscow, Vysshaya shkola. 206 p.
- Liu, Miaowen. (2021). *Kratkaya diskussiya ob issledovanii teorii russkoi metafiktional'nosti* [Brief Discussion about the Study of the Theory of Russian Metaphoricality]. In *Russian Literature & Arts*. No. 1, pp. 103–112. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2021.01.013.
- Liu, Wenfei. (2020). Pasternak: zhizn' i tvorchestvo [Pasternak: Life and Creativity]. In *Frontier literature*. No. 7, pp. 66–85. DOI: 10.3969/j.issn.1007-4155.2020.07.005.
- Ma, Yongbo. (2006). *Poeziya o poezii: obzor sovremennogo amerikanskogo poeta Dzhona Eshberi* [Poetry about Poetry: A Contemporary American Poet John Ashbery Review]. In *Contemporary Foreign Literature*. No. 3, pp. 122–126. DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2006.03.019.
- Ma, Yongbo. (2008). *Ocherk «Metapoeziya»* [Essay “Metapoesia”]. In *Art Panorama*. No. 5, pp. 4–8.
- Ma, Yongbo. (2010). *Metaliteraturnoe soznanie v sovremennoi poezii* [Metaliterated Consciousness in Modern Poetry]. In *New Chinese Poetry: Review and Reflection on the Decade of the New Century – Proceedings of the Third Contemporary Poetry Forum in Four Places Across the Taiwan Strait*. Beijing, pp.455–465.
- Maltseva, O. A. (2019). *Khristianskie kody finala knigi «Sestra moyā – zhizn'» B. Pasternaka* [Christian Codes of the Final of the Book *My Sister – Life* by B. Pasternak]. In *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 3, pp. 37–41.
- Podshivalova, E. A. (2017). «Letnii tekst» v knige stikhov B. Pasternaka «Sestra moyā – zhizn'» [“Summer Text” in B. Pasternak's Book of Poems *My Sister – Life*]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. Issue 6 (27), pp. 931–935.
- Ren, Shubi, Wang, Yong. (2024). 40 let issledovanii Borisa Pasternaka v Kitae [40 Years of Boris Pasternak Research in China]. In *Nauchnyi dialog*. Vol. 13. No. 1, pp. 238–255. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-238-255.
- Ren, Shubi. (2019). *Zhanrovaya spetsifika dramaturgii L. Luntsa* [Genre Specifics of Dramatic Art of L. Lunts]. Dis. ... magistr. filol. nauk. Harbin, Kharbinskii pedagogicheskii universitet.
- Ren, Shubi. (2023). *O personifikatsii obrazov leta v knige stikhov Borisa Pasternaka «Sestra moyā – zhizn'»* [On the Personification of the Summer Image in Pasternak's Book of Poems *My Sister – Life*]. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 160–166. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_4_160.
- Smirnov, I. P. (1995). *Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka)* [Generation of Intertext (Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Work of B. L. Pasternak)]. Saint Petersburg, Yazykovyi tsentr SPbGU. 189 p.
- Wang, Lei, Wang, Jiaying. (2019). *Issledovanie osobennostei povestvovaniya i iskusstva rechi v romane «Doktor Zhivago»* [A Study of the Features of Storytelling and the Art of Speech in the Novel *Doctor Zhivago*]. Beijing, Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 227 p.
- Wang, Yong, Li, Xinyi. (2022). *Muzykal'noe prisutstvie: o muzykal'nosti liricheskoi poezii B. L. Pasternaka* [Musical Presence: About the Musicality of Lyric Poetry by B. L. Pasternak]. In *Russian Literature & Arts*. No. 1, pp. 28–37. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2022.01.004.
- Wu, Di. (2003). *O peizazhnoi lirike B. Pasternaka* [About Landscape Lyrics by B. Pasternak]. In *Foreign Literature Studies*. No. 4, pp. 86–90.
- Zan, Lilong. (2012). *Metapoetika v sovremennoi poezii* [Metapoetics in Modern Poetry]. Dis. ... магистра филологии. Jinnan, Shan'dunskii pedagogicheskii universitet. 37 p.
- Zhao, Xiaobin. (2020). *Metadramaticheskie osobennosti L'va Luntsa «Obez'yany idut!»* [Lev Luntz's Metadramatic Features *The Monkeys Are Coming!*]. In *Foreign Literature Studies*. No. 6, pp. 85–94. DOI: 10.19915/j.cnki.fl.s.2020.06.008.

Zholkovsky, A. K. (1997). *Kniga knig Pasternaka: k 75-letiyu «Sestry moei – zhizni»* [Pasternak's Book of Books: To the 75th Anniversary of *My Sister – Life*]. In *Zvezda*. No. 12, pp. 193–214.

Данные об авторе

Жэнь Шуби – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков, Хэнаньский педагогический университет (Синьсян, Китайская Народная Республика).

Адрес: 453007, Китайская Народная Республика, провинция Хэнань, г. Синьсян.

E-mail: 472350148@qq.com.

Author's information

Ren Shubi – Candidate of Philology, Lecturer of Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Henan Normal University (Xinxiang, People's Republic of China).

Дата поступления: 26.03.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 26.03.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 821.161.1-31(Булгаков М. А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-111-121. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МОЛЬЕРА» В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МАСТЕРА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Колышева Е. Ю.

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3653-8561>

SPIN-код: 9783-4979

А н н о т а ц и я. В 1932–1933 гг. для серии «Жизнь замечательных людей» М. А. Булгаков создает роман о Мольере. В августе 1932 г. под влиянием работы над биографией Мольера Булгаков возвращается к работе над романом «Мастер и Маргарита», прерванной в 1930 г., и начинает его вторую редакцию. В данной статье впервые предпринята попытка исследовать влияние романа о Мольере на создание образа мастера в романе «Мастер и Маргарита» на основе текстологического анализа всего корпуса черновилов обозначенных произведений. На наш взгляд, создание образа Мольера основано на соотнесении Булгаковым биографии великого французского драматурга с собственным жизненным и творческим опытом. В романе о Мольере, уже в первой его редакции, используются повествовательные ходы, носящие автобиографический характер и уже использованные Булгаковым в своих текстах (дневник, автобиографии, письма, произведения). В 1933 г. в роман «Мастер и Маргарита» Булгаков вводит образ мастера и создает его на основе элементов, которые использовал в романе о Мольере: герой именуется мастером, рядом с ним его верная подруга, на героя начинается травля, из-за травли герой заболевает, на героя составляется донос. В результате параллельной работы над двумя произведениями в романе «Мастер и Маргарита» был создан образ художника, гонимого по политическим причинам, и вместе с ним в роман вошла тема художника и власти, занимающая в романе о Мольере главенствующую позицию. Мы опираемся на установленные нами систему редакций романа «Мастер и Маргарита» и его основной текст, максимально отражающий последнюю творческую волю писателя: первая (1928–1930), вторая (1932–1936), третья (1936), четвертая (1937), пятая (последняя рукописная, 1937–1938), шестая (окончательная, 1938–1940). Впервые в научный оборот вводятся фрагменты черновилов романа о Мольере¹.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история текста; текстологический анализ; «Жизнеописание Мольера»; «Мастер и Маргарита»; образ мастера

Д л я ц и т и р о в а н и я: Колышева, Е. Ю. «Жизнеописание Мольера» в контексте создания образа мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е. Ю. Колышева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 111–121. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-111-121.

“THE LIFE OF MONSIEUR DE MOLIÈRE” IN THE CONTEXT OF CREATING THE IMAGE OF THE MASTER IN THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV “THE MASTER AND MARGARITA”

Elena Yu. Kolysheva

Moscow City University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3653-8561>

Abstract. In 1932–1933, M. A. Bulgakov created a fascinating portrait of the great French satirist Moliere for the series “The Life of Wonderful People”. In August 1932, under the influence of his work on the biography of Moliere, Bulgakov returned to work on the novel “The Master and Margarita”, interrupted in 1930, and began its second edition. This article is the first attempt to investigate the influence of the novel about Moliere on the creation of the image of the master in the novel “The Master and Margarita” based on a textological analysis of the entire body of the drafts of these works. The author argues that the creation of the image of Moliere is based on Bulgakov’s correlation of the biography of the great French playwright with his own life and creative experience. The novel about Moliere, already in its first edition, uses narrative moves of autobiographical nature, which have already been used by Bulgakov in his earlier texts (diary, autobiographies, letters, and fiction works). In 1933, Bulgakov introduced the image of the master into the novel “The Master and Margarita” and created it on the basis of the elements that he had used in the novel about Moliere: the protagonist is named “master”, his faithful girlfriend is close to him, persecution begins against the main character, because of the persecution, the main character falls ill, a denunciation is made against the main character. As a result of parallel work on two texts, Bulgakov created in the novel “The Master and Margarita” the image of an artist persecuted for political reasons, and the theme of the artist and power, which occupies a dominant position in the novel about Moliere, was also included in the novel. In the course of their study, the authors of the article have worked out a sequence of editions of the novel, reflecting the last creative will of the writer to the fullest extent: the first edition (1928–1930), the second edition (1932–1936), the third edition (1936), the fourth edition (1937), the fifth edition (last handwritten, 1937–1938), and the sixth edition (final, 1938–1940). For the first time, fragments of the drafts of the novel about Moliere have been introduced into scientific circulation.

Key words: text history; textological analysis; “The Life of Monsieur de Moliere”; “The Master and Margarita”; image of the master

¹ Текст черновилов передается методом динамической транскрипции, что позволит сделать зримым процесс писательской работы над произведением и увидеть становление авторского замысла. Для этого используются графические условные обозначения: 1) текст, вычеркнутый писателем, – [текст], 2) вставка в процессе письма – <текст>, 3) более поздняя вставка – {текст}, 4) вычеркнутая вставка второго слоя – {текст}, 5) конъектура – <текст>, 6) достоверность передаваемого авторского текста – <sic>, 7) завершение страницы и переход к следующей обозначены двумя прямыми вертикальными чертами ||. При цитировании текста черновилов сохраняются авторская орфография и пунктуация.

For citation: Kolysheva, E. Yu. (2025). "The Life of Monsieur de Moliere" in the Context of Creating the Image of the Master in the Novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 111–121. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-111-121.

Введение

Мольериана в творчестве Булгакова началась в 1929 г., когда он в октябре – декабре написал пьесу «Кабала святош». Л. М. Яновская полагает, что образ Мольера в этой пьесе, по сути, является истоком образа мастера: «И парадоксальнейшее сочетание силы и слабости в этом характере – его верность себе и своему творчеству, его яростный монолог против короля, повергающий в ужас слугу Бутона, и слабость физическая, страх смерти, и частая ремарка “испуганно” рядом с его репликами – все это уже предвещает работу Булгакова над образом Мастера, хотя образа Мастера в воображении писателя, ка-

жется, еще нет» [Яновская 1983: 197].

В этот период Булгаков работал над первой редакцией романа «Мастер и Маргарита», и образа мастера в нем действительно не было. Но в это время в романе уже был создан «треугольник» «Понтий Пилат – первосвященник Каифа – Иешуа Га-Ноцри», который Л. М. Яновская сравнивает с «аналогичным треугольником» «Людовик XIV – архиепископ Шаррон – Мольер» в пьесе «Кабала святош» [Яновская 1983: 197]. Но в этот ряд необходимо включить также образ доносчика, который в обеих редакциях пьесы вводится как неотъемлемая часть: в первой редакции – государства как такового, во второй (смягченно) – «королевства».

Таблица 1

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций пьесы М. А. Булгакова «Кабала святош»

Первая редакция	Вторая редакция
«ЛЮДОВИК. Скажи, Справедливый сапожник, государство без доноса существовать не может?» [Булгаков 1994: 285]	«СПРАВЕДЛИВЫЙ САПОЖНИК. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?» [Булгаков 1994: 50]

Именно после доноса Муаррона Людовик в обеих редакциях пьесы лишает Мольера «покровительства короля» [Булгаков 1994: 52].

В обеих редакциях пьесы Лагранж называет

Муаррона Иудой [Булгаков 1994: 55, 288]. Сам же Муаррон заявляет о том, что собирается повеситься, и во второй редакции определяет место, которое его ждет, – ад.

Таблица 2

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций пьесы М. А. Булгакова «Кабала святош»

Первая редакция	Вторая редакция
«<...> я повешусь на каштане под этим окном. А не верите, вот веревка у меня в кармане, а равно и записка: “Непрощенный умираю”» [Булгаков 1994: 288–289].	«<...> не позже полуночи я повешусь у вас под окнами, вследствие того, что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. <...> И вот записка: “Я уйду в ад”» [Булгаков 1994: 56].

В обеих редакциях пьесы после разговора Людовика с доносчиком Справедливый сапожник произносит реплику: «На осину, на осину...» [Булгаков 1994: 51, 286] – тем самым соотнося его будущее с повешением Иуды.

В первой редакции романа «Мастер и Маргарита» (1928–1930) Булгаков создает два варианта главы, в которую было включено повествование о ершалаимской истории, представленное как рассказ Волаанда двум литераторам, встреченным им на Патриарших прудах. Примечательно, что в первом варианте главы отсутствуют появившиеся во втором варианте эпизоды негласного приказа убить Иуду, который Пилат отдает Толмаю, будущему Афранию. Это связано с тем, что в первом варианте позицию наблюдателя казни занимал не Левий Матвей, а Иуда. После казни же Иуда повесился, о чем свидетельствуют восстановленные нами фрагменты текста (обе тетради с текстом первой редакции романа сильно повреждены – порваны писателем):

«снял с себя пояс[,] с
<закрепил> методически на ||
суку, поглядев в
<небо на> тучу с фиолето<выми краями>»
[Булгаков. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 40–40 об.]

По всей видимости, система образов будущего романа о мастере оказала воздействие на организацию подобной системы в пьесе, т. к. была создана ранее октября 1929 г. М. О. Чудакова подчеркивает: «Новая пьеса Булгакова обнаружила глубокие связи с предшествующим его творчеством и прежде всего – с писавшимся в тот же год романом» [Чудакова 2023: 427]; «<...> в противостоянии Людовика и Мольера, Людовика и Шаррона угадываются некоторые черты отношений Пилата и Иешуа, Пилата и Каифы»; «<...> так же, как Пилат в романе, Людовик с брезгливым презрением относится к тому, кто исполнил роль доносчика <...>» [Чудакова 2023: 428].

Точки пересечения между системой образов первой редакции будущего романа «Мастер и Маргарита» и пьесы «Кабала святош» обусловлены особенностью творчества Булгакова – «проявление константных отношений, обнаруживающихся между героями» [Чудакова 2023: 428], проявившейся и на последующих этапах работы.

На совещании литературно-репертуарного комитета в МХАТ 19 января 1930 г. Булгаков прочитал пьесу «Кабала святош» и отметил, что «он хотел написать пьесу о светлом, ярком гении Мольера, задавленном черной кабалой святош, при полном

попустительстве абсолютной, удушающей силы короля» [Булгаков 1994: 569], по сути, сформулировав тем самым и идею романа, центр которого на тот момент составлял образ Иешуа Га-Ноцри, погибавшего из-за «попустительства» Пилата, подчинившегося власти в лице императора и Каифы, действовавшего руками доносчика Иуды. Таким образом, первая редакция романа «Мастер и Маргарита» повлияла на создание пьесы «Кабала святош».

В период работы над второй редакцией романа 29 октября 1933 г. Булгаков впервые вводит в него образы мастера и Маргариты (точную датировку здесь и далее позволяют сделать пометы Булгакова). На наш взгляд, толчком введения образа мастера в роман послужили арест и высылка Н.Р. Эрдмана [Колышева 2024].

Параллельно с созданием второй редакции романа в 1932–1933 г. Булгаков работал над биографией Мольера для издания в серии «Жизнь замечательных людей». «11 июля 1932 года был подписан договор» [Булгаков 1990, т. 4: 631].

Булгаковым было создано две редакции романа о Мольере:

1) в первой редакции роман носил название «Биография Мольера» (название написано на обложке тетради черновиков и материалов к роману) [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 4], затем «Мольер. Жизнеописание» (названия написаны на обложках четырех тетрадей) (1932) [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5–7];

2) во второй редакции роман получил название «Мольер» (на титульном листе экземпляра машинописи с авторской правкой) (1933) [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1].

5 марта 1933 г. Булгаков сдал роман в издательство, о чем сообщает в письме брату Н. А. Булгакову: «Работу над Мольером я, к великому моему счастью, наконец, закончил, и пятого числа сдал рукопись» (8 марта 1933) [Булгаков 1990, т. 5: 487].

Параллельная работа над романом о Мольере оказала колоссальное влияние на роман «Мастер и Маргарита». В данной статье впервые предпринята попытка исследовать влияние романа о Мольере на создание образа мастера в романе «Мастер и Маргарита» на основе текстологического анализа всего корпуса черновиков данных произведений.

Результаты исследования

В биографии Мольера и Булгакова есть точки пересечения, и Булгаков осознавал это, размышляя о сходстве их жизни, что проявляется в способах организации образа автора и повествования в романе о Мольере – они основаны на соотнесении писателем биографии Мольера с собственным опытом. Подобным образом в пьесе «Кабала святош», как отмечает М. О. Чудакова, «<...> мотив сугубо личный претерпел глубокую метаморфозу, сублимировавшись в материале другого времени и в другом художественном роде» [Чудакова 2023: 425]. Отвечая на вопрос о том, «как и когда зародилась впервые мысль написать пьесу о Мольере», Булгаков говорил: «Я читаю, перечитываю и люблю Мо-

льера с детских лет. Он имел большое влияние на мое формирование, как писателя» [Вырезки из газет и журналов. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 3. Л. 11].

Описывая в романе события XVII в., автор выступает в роли их очевидца. Примечательны слова писателя в письме к брату Н. А. Булгакову: «Уже не помню, который год я, считая с начала работы еще над пьесой, живу в призрачном и сказочном Париже XVII-го века» (8 марта 1933) [Булгаков 1990, т. 5: 487]. Образ автора, понимающего суть происходящих с его героем событий, раскрывается с помощью комментариев автора и его обращения к своим современникам – читателям, драматургам, писателям.

Сквозь обращение к современникам проступают размышления автора о точках пересечения между собственной творческой судьбой и биографией Мольера: «“Рогоносца”, например, король за короткий период времени ухитрился просмотреть 9 раз. От души желаю такого успеха нашим современным драматургам» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 39]. В записях А. В. Гаврилова о театральном сезоне МХАТ 1927–1928 г., которые, как отмечает в комментариях М. Н. Бубнова, носят характер воспоминаний «по свежим следам» [Художественный театр 2020: 221], зафиксирован факт неоднократного посещения спектакля «Дни Турбиных» Сталиным: «В течение сезона в театре много раз бывали члены правительства: А. И. Рыков, Сталин, Луначарский» [Художественный театр 2020: 213]. В дневнике, содержащем сведения о следующем театральном сезоне (1928–1929), уже есть записи по датам: «29 ноября, четверг. “Дни Турбиных” в 224-й раз. <...> Смотрели спектакль т. Сталин и Ворошилов» [Художественный театр 2020: 281]; «26 мая, воскресенье. <...> Вечером “Дни Турбиных” в 271-й раз. <...> К 3-му действию приехал т. Сталин и смотрел до конца» [Художественный театр 2020: 319]. Таким образом, к моменту работы над романом о Мольере – создания его первой редакции, текст которой мы процитировали в приведенном примере, Сталин неоднократно посмотрел спектакль «Дни Турбиных». Всего же он его смотрел, как отмечает А. М. Смелянский, «не менее пятнадцати раз» [Смелянский 1989: 145].

М. О. Чудакова сформулировала одну из особенностей художественного мира Булгакова: «<...> он складывается, как из кубиков, из готовых элементов – сюжетно-повествовательных блоков, в принципе исчислимых» [Чудакова 2007: 410]. Исследователь выделяет два типа блоков, присущих поэтике Булгакова: краткие (однословные ремарки, детали портрета, характерные глаголы) и развернутые, включающие «устойчивые повествовательные ходы» [Чудакова 2007: 411].

В романе о Мольере, уже в первой его редакции, используются повествовательные ходы, носящие автобиографический характер и уже использованные Булгаковым в своих текстах (дневник, автобиографии, письма, произведения).

1. Дневник.

Таблица 3

Сопоставление фрагментов первой редакции романа о Мольере и дневника М. А. Булгакова

Первая редакция романа о Мольере	Дневник Булгакова
«В городках искали игорный дом, или сарай для лапты, играли там. Спали на постоянных дворах. Отогревались там и ели. Неладная[,] собачья жизнь» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 57].	«Вошел в бродячий коллектив актеров; буду играть на окраинах. Плата 125 за спектакль. Убийственно мало. Конечно из-за этих спектаклей, писать будет некогда, заколдованный круг» (25 января 1922) [Булгаков. Ф. 562. К. 17. Ед. хр. 1. Л. 1 об.].

Смысловым ядром повествования в данном примере является перечисление событий в жизни. И в романе, и в дневнике оно строится одинаково: ряд односоставных предложений, практически не

распространенных, завершающийся номинативным предложением – выводом: «Неладная собачья жизнь» / «заколдованный круг».

2. Автобиография.

Таблица 4

Сопоставление фрагментов первой редакции романа о Мольере и автобиографии М. А. Булгакова 1924 г.

Первая редакция романа о Мольере	Автобиография (1924)
«И вот, во время этого путешествия, по ночам, на ночлегах или отдыхая в замках, он, наконец, внял правильному голосу и стал сочинять фарсы» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 58 об.].	«Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ» [Воспоминания 1988: 38].

В романе о Мольере и автобиографии Булгакова одинаково строится сообщение информации о событии, знаковом в судьбе писателя, – по сути, начале творческого пути. Повествовательный ход строится на основе использования одинаковых элементов: зачин, присущий рассказу истории в

устной форме («и вот» / «как-то ночью»), событие происходит в дороге («во время этого путешествия» / «едуци в расхлябанном поезде»), время события – ночь («по ночам» / «как-то ночью», «при свете свечечки»).

3. Письма, произведения.

Таблица 5

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Но мой герой был одинок. Он как волк, затравленный стаей резвых борзых, отгрызался в поле. А дома был ад» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 67 об.].	«Но, очевидно, наш герой чувствовал себя, как одинокий волк, ощущающий за собою дыхание резвых собак на волчьей садке. И на волка навалились дружно <...>» [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 133].

Подобный повествовательный ход Булгаков использовал в романе «Белая гвардия» (1923–1924), где с волком сравнивается не просто герой, но Алексей Турбин – «alter ego автора» [Чудакова 1976: 251]: «Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; <...>. По-волчьи обернувшись на угонке на углу Мало-Провальной улицы, Турбин увидал <...>» [Булгаков 1989: 347].

Булгаков сравнивает с волком себя в письме к И. В. Сталину от 30 мая 1931 г.: «На широком поле словесности российской в СССР я был единственный литературный волк. <...> Со мной и

поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе» [Булгаков 1990, т. 5: 455].

Судя по приведенным примерам, может сложиться впечатление, что внимание Булгакова, в первую очередь, привлекала травля Мольера, что именно в ней он видел точки пересечения в их судьбах. В первую очередь же с Мольером Булгакова сближает любовь к театру, когда слова о Великом драматурге «с голодным театральным блеском в глазах» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 52] он мог бы отнести и к себе.

Таблица 6

Сопоставление фрагментов первой редакции романа о Мольере и письма М. А. Булгакова к И. В. Сталину

Первая редакция романа о Мольере	Письмо Булгакова к И. В. Сталину (30 мая 1931)
«Он был обречен, он был рожден для театра» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 45 об.].	«Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен как воздух» [Булгаков 1990, т. 5: 457].

Так же, как и Мольеру, Булгакову было при-

суще знание театра.

Таблица 7

Сопоставление фрагментов первой редакции романа о Мольере и письма М. А. Булгакова к Правительству СССР

Первая редакция романа о Мольере	Письмо к Правительству СССР (28 марта 1930)
«<...> а просто нужно хорошо знать, что такое театр» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 23 об.]	«<...> в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены» [Булгаков 1990, т. 5: 449].

Как и Мольер, Булгаков – сатирик, считавший своими учителями Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрин. Этот важнейший аспект своего творчества он особо и прямолинейно выделяет в письме к Правительству от 28 марта 1930 г., в котором, по сути, излагает программу своего творчества: «<...> М. Булгаков СТАЛ САТИРИКОМ,

и как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немислима» [Булгаков 1990, т. 5: 447].

Эту мысль о месте сатиры в современной ему действительности Булгаков высказывает впоследствии в романе о Мольере.

Таблица 8

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«<...> в предисловии автор отметил строго, что он всегда находится в пределах сатиры честной и дозволенной. Что бывает сатира честная это известно каждому грамотному, но не знаю найдется ли в мире хоть один человек, который предъявит образец сатиры дозволенной. Сатира может быть дозволена в такой же мере как азартная игра в карты или убийство. » [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 21 об.–22]	«<...> в Париже нашлись люди, которые заметили, что сатира действительно, как известно всякому грамотному, бывает честная, но навряд ли найдется в мире хоть один человек, который бы предъявил властям образец сатиры дозволенной» [Булгаков. Ф. 562. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 97].

Казалось бы, во второй редакции романа Булгаков смягчает акцент на категорической недопустимости сатиры, убирая вставку, приравнивающую ее к преступлению, равному убийству. Но при этом писатель вводит дополнение «властям» – «предъявил властям», тем самым поставив сам факт существования сатиры в зависимость от власти – как во времена Мольера, так и современную ему эпоху.

На наш взгляд, такое движение текста между первой и второй редакциями романа о Мольере связано с тем, что в это время Булгаков думает над образом художника в другом своем произведении – будущем романе «Мастер и Маргарита». Образ поэта, писателя Булгаков вводит в роман во второй его редакции 29 октября 1933 г. и строит на основе элементов, которые использовал в романе о Мольере. Тем самым образ мастера стал результатом работы Булгакова над биографией Мольера,

осуществлявшейся сквозь призму размышлений о собственной жизни и творчестве.

1. Герой именуется мастером.

В романе о Мольере одной из перифрастических замен имени героя служит слово «мастер». О той важности, которую Булгаков придавал именно этому наименованию героя, служит его рабочая запись в черновиках биографии Мольера:

«Посвящение.

– Бедный мастер» [подчеркнуто Булгаковым тремя линиями. – Е. К.] [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 28 об.].

При этом движение текста романа о Мольере от первой ко второй редакции демонстрирует, что Булгаков отказывается от этого способа наименования героя. В приводимом далее фрагменте в первой редакции герой дважды именуется мастером, во второй – комедиантом.

Таблица 9

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Однако мастер на отрекся от умных животных и на склоне лет [подчеркнуто Булгаковым двумя линиями. – Е. К.] сооружая себе герб (ах, честолюбие человеческое) ввел в него хвостатых приятельниц. [Герб этот был не очень хорош.] Я не знаю, нужен ли герб кавалеру де Мольеру. Пожалуй, даже и не нужен. Но делает честь мастеру то, что он не забыл верных зверей, карауливших отчий дом» (глава 2 «В обезьяньем доме») [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 8 об.].	«Однако, в будущем комедиант не отрекся от своих обезьян, и на склоне жизни уже, проектируя свой герб, который неизвестно зачем ему понадобился, изобразил в нем своих хвостатых приятельниц, карауливших отчий дом» (глава 1 «В обезьяньем доме») [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 7].

В первой редакции романа о Мольере слово «мастер» используется как обращение автора к своему герою: «Безотрадный, безотрадный облик у этого человека [Де-Визэ. – Е. К.]. Но вы сами виноваты, мой мастер. И дальнейшие уроки станут уже тяжелее» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 65].

Во второй редакции эта особенность сохраня-

ется в прологе «Я разговариваю с акушеркой» [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1], причем сюда переходит выражающее особую близость героя автору притяжательное местоимение «мой», найденное в процессе письма в первой редакции и утраченное при переходе во вторую во фрагменте о де Визе, приведенном выше.

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«О, великий мастер! Он нигде не хотел умирать, ни дома ни вне дома!» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 4 об.] (Глава I [Обезьяний дом] { Что нужно рассказать повивальной бабке. } [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5. Л. 2])	«Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать, не дома и не вне дома!» [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 5]

В обеих редакциях романа о Мольере слово «мастер» используется также как обращение героев к Мольеру. Но во второй редакции этот способ становится главенствующим. Смысловым ядром слова «мастер» в романе о Мольере является значение «учитель»: к великому драматургу так обращаются артисты его труппы – его ученики.

Таким образом, наименование героя «мастер» уходит со страниц второй редакции биографии Мольера (1933), с тем чтобы перейти на страницы другого романа.

Во второй редакции романа «Мастер и Маргарита» герой-художник появляется 29 октября 1933 г. – во сне Маргариты. Перифрастической заменой имени героя служит слово «человек»: «<...> один || и тот же человек являлся ей в сновидениях» [Булгаков 2014, т. 1: 234], далее использует прономенальную замену имени «он».

7 января 1934 г. Булгаков пишет эпизод возвращения героя после бала Воланда. Как и во сне Маргариты, герой в начале эпизода именуется «человек»: на поврежденной странице сохранились фрагменты первого упоминания «<во>шел человек» – «вид его»; «Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озирался глаза его светились тревожно и страдальчески» [Булгаков 2014, т. 1: 256]. Далее Булгаков использует перифрастические замены имени героя «приехавший», «прибывший», «привезенный» (последнее дважды), а также метонимию «вихор и зеленые глаза». В конце эпизода герой именуется поэтом: «– Я, – заговорил поэт, покачнувшись от слабости, ухватился за плечо Маргариты <...>» [Булгаков 2014, т. 1: 257]. Этот способ наименования героя сохраняется в эпизодах в подвальчике и прощания с землей, которые Булгаков пишет 10–21 сентября 1934 г. Но в этих эпизодах в качестве обращения к герою Азazelло, Коровьева и Воланда используется слово «мастер»: «– Я уж давно жду этого восклицания, мастер»; «– Она идет, вот она, не волнуйте себя, мастер» [Булгаков 2014, т. 1: 284]; «– Привал может быть хотите сделать, драгоценнейший мастер, – шепнул бывший регент <...>»; «– Да вы, мастер, спуститесь поближе, слезьте, – зашептал Коровьев <...>» [Булгаков 2014, т. 1: 290]; «Такова ночь, мой милый мастер!» [Булгаков 2014, т. 1: 295].

На следующем этапе работы над образом героя слово «мастер» становится его именем. В период создания новых вариантов некоторых глав (1934–1935) Булгаков пишет главу, в которой герой является в палату к Ивану Бездомному в клинике

профессора Стравинского (в первом варианте этой главы к Ивану приходил Воланд): «– Я – мастер, – ответил тот и вынув из кармана черную шелковую шапочку, надел ее на голову, отчего его нос стал еще острее, а глаза близорукими» (не ранее 30 октября 1934 г. – не позднее 21 июня 1935 г.) [Булгаков 2014, т. 1: 330].

Но в истории текста романа «Мастер и Маргарита» наименование «мастер» используется Булгаковым на более раннем этапе – в черновиках 1931 г. в наброске главы «Полет Воланда» (эпизод свиста) как обращение Коровьева к Воланду: «– Виноват, мастер, я здесь ни при чем. Это он головой стукнулся об мотоциклетку» [Булгаков 2014, т. 1: 128]. Здесь необходимо было значение «господин», поэтому на последующих этапах работы над романом было заменено на обращение «мессир».

2. Верная подруга мастера.

Уже в первой редакции романа о Мольере Булгаков создает образа верной подруги героя – Мадлены:

«Мадлена не произнесла ни слова упрека.

Он повернулся к ней и спросил мрачно:

– Ну, что ж и ты покинешь меня теперь?

Мадлена подумала и сказала:

– Нет.

О, верная подруга!» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 53 об.].

Образ Маргариты входит в роман вместе с образом мастера во второй редакции. И уже здесь героиня дважды именуется подругой мастера.

1. В речи Азazelло: «– Что вы! – вскричал гнусаво кривоглазый, – подобное лечится подобным. Встряхнитесь, нам пора. Вот оживает и ваша подруга» [Булгаков 2014, т. 1: 281].

2. Как перифрастическая замена имени *Маргарита*: «Поэт в лохмотьях рубашки, с ли-||цом, выпачканным в саже, над которым волосы его казались совсем светлыми как солома, взял за руку подругу и предстал перед Воландом» (не ранее 15 сентября – не позднее 21 сентября 1934) [Булгаков 2014, т. 1: 286].

Движение текста от пятой к шестой редакции романа демонстрирует, что Булгаков добавил слово «подруга» как перифрастическую замену имени *Маргарита* в эпизодах: «извлечение» героя после бала у Воланда, пробуждение в подвальчике, воскресение после отравления, последний полет; сохранил в эпизодах: прощание с Воландом, путь к «вечному дому».

Таблица 11

Сопоставление фрагментов пятой и шестой редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Пятая редакция	Шестая редакция – период правки машинописного текста (1939–1940)
«– Не слушайте ее, мессир. Там уже давно живет другой человек. И вообще нельзя сделать, чтобы все “как было”!» [Булгаков 2014, т. 1: 759]	«– Ах, не слушайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живет другой человек, и вообще не бывает так, чтобы всё стало, как было. – Он приложил щеку к голове своей подруги, обнял ее и стал бормотать: – Бедная, бедная...» [Булгаков 2014, т. 2: 423]
«Проспав до шести часов субботнего вечера и мастер и Маргарита почувствовали себя совершенно окрепшими, и только одно давало знать о вчерашних приключениях» [Булгаков 2014, т. 1: 819].	«Проспав до субботнего заката, и мастер и его подруга чувствовали себя совершенно окрепшими и только одно давало знать о вчерашних приключениях» [Булгаков 2014, т. 2: 495].
«– Оскорбления являются наградой за мою работу, – ответил раздраженно Азazelло, – слепцы! Но прозрейте скорее!» [Булгаков 2014, т. 1: 826]	«– Ах, помилуйте, – ответил Азazelло, – вас ли я слышу? Ведь ваша подруга называет вас мастером, ведь вы мыслите, как же вы можете быть мертвы?» [Булгаков 2014, т. 2: 503]
«На левой руке у Маргариты скакал, звеня золотой цепью, темный рыцарь с мрачным лицом» [Булгаков 2014, т. 1: 832].	«<...> в том, кто [сейчас скакал] {теперь летел} непосредственно рядом с Воландом [на] {по} прав[ой]{ую} рук[e]{у} [у] подруги мастера» [Булгаков 2014, т. 2: 511].
«Вот дорога, скачите по ней вдвоем с вашей верной подругой и к утру воскресенья вы, романтический мастер, вы будете на своем месте» [Булгаков 2014, т. 1: 835].	«<...> о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать <...?>» [Булгаков 2014, т. 2: 515]
«Остался только мастер и подруга его на освещенном лунною каменистом пике [и два их коня] и один черный конь. Мастер посадил спутницу на седло, вскочил сзади нее и конь прыгнул <...>. Мастер одной рукой прижал к себе подругу и погнал шпорами коня к луне <...>» [Булгаков 2014, т. 1: 836].	«Мастер шел со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменный мшистый мостик» [Булгаков 2014, т. 2: 515].

Тем самым слово «подруга» становится важной перифрастической заменой имени *Маргарита*, хоть и не столь частотной как «королева». Подруга – не просто любовница, но женщина, готовая быть с мужчиной даже в трудные времена. «– Вы станете не любовницей его, а женой, – строго и в полной тишине проговорил Воланд <...>» [Булгаков 2014, т. 1: 258], – такую установку выстраивает Булгаков во второй редакции романа.

Это сочетание «жена» и «подруга» имело для Булгакова важное значение – именно так он называет Е. С. Булгакову, надписывая одну из последних своих фотографий: «Жене моей Елене Сергеевне Булгаковой. Тебе одной, моя подруга, надписываю этот снимок. Не грусти, что на нем черные глаза: они всегда обладали способностью отличать правду от неправды. Москва. М. Булгаков. 11 февр. 1940 г.» [Дневник 1990: 287].

О том, что образ Маргариты на этапе создания во второй редакции был связан с образом Мадлены, говорит также цвет волос. Мадлена рыжая. В первой редакции романа о Мольере читаем: «Она была старше его на четыре года, она была красива, умна, талантлива и звали ее Мадлена Бежар, та самая, которая родила ребенка от кавалера

де Модэна. Как произошло это знакомство, – неизвестно. Но известно, что вскоре после этого знакомства Мольер вступил в связь с рыжеволосой актрисой» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 44].

В материалах к роману 1932 г. «Де-Мольер. Жизнеописание» в записях, относящихся к «Истории Арманды» (подчеркнуто Булгаковым двумя линиями), есть помета: «Рыжая Мадлена» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 23]. Таким образом, эта деталь портрета героини была важна для Булгакова.

Во второй редакции романа Маргарита рыжеволосая: «Через несколько секунд поравнялась с Аннушкиною дверью, красавица дама без шляпы в буйных растрепанных рыжих волосах, одетая сообразительно. Шелковое платье сползло с плеча, на ногах не было чулок, поверх всего черный плащ. Красавица вела под руку пошатывающегося, как разглядела в рассвете Аннушка будто бы бледного бородатого одетого бедно, как будто больного Но тоже в черном плаще» (фрагмент написан 7 января 1934 г. – помета писателя «День 7. I 1934») [Булгаков 2014, т. 1: 260].

И только на последующих этапах работы над образом Маргариты героиня становится брюнеткой.

Таблица 12

Сопоставление фрагментов пятой и шестой редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Пятая редакция	Шестая редакция – период работы над машинописным текстом, 1938 г.
«<...> не раз крашенные волосы сделались черными блестящими и парикмахерская завивка развилась» [Булгаков 2014, т. 1: 695].	«На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати, безудержно хохочущая, скалящая зубы» [Булгаков 2014, т. 2: 367].

3. На героя начинается травля.

Изначально Булгаков подчеркивает, что причиной травли Мольера стала зависть – эту деталь он снимает только в период правки машинописно-

го текста романа второй редакции, тем самым усугубляя причины происходящего в жизни Великого драматурга.

Таблица 13

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Ругали [по разным причинам] пьесу разные люди. Во-первых ругали пьесу зверски все второстепенные писатели Франции. Почему они ругали мне неизвестно, хотя злые языки и утверждают, что ругали они из зависти» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 59].	«[Итак, слава {зависть} гудела вокруг Мольера поистине ведьмиными голосами зависти, отравляя ему жизнь. В общем вое] {Итак, пьеса вызвала настоящий вой, и в нем} трудно было разобрать одинокие голоса друзей Мольера, которых можно было пересчитать по пальцам» [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 125]. <i>Правка выполнена рукой Е.С. Булгаковой фиолетовыми чернилами</i>

Главу, в которой герой является в палату к Ивану Бездомному в клинике профессора Стравинского (в первом варианте к Ивану приходил Воланд), Булгаков пишет во второй редакции романа – в период создания новых вариантов некоторых глав (1934–1935). В этой главе герой, уже именуемый мастером, рассказывает Ивану историю о своем романе: «<...> когда прочел Износкову приятелю редактора Яшкина, то Износков так удивился, что даже ужинать не стал и все разболтал Яшкину || а Яшкину роман не только не понравился, но он будто бы даже завизжал от негодования на такой роман и что отсюда пошли все беды» (не ранее 30 октября 1934 г. – не позднее 21 июня 1935 г.) [Булгаков 2014, т. 1: 330].

По сути, причиной беды, произошедшей с мастером, становится зависть редактора, которая прочитывается в этом фрагменте, благодаря использованию устойчивых сочетаний, носящих противоположный смысл: «даже ужинать не стал», «роман не только не понравился», «даже завизжал от негодования».

На следующем же этапе работы над этим эпи-

зодом – в пятой редакции романа (1937–1938) – Булгаков вводит политическую составляющую как причину травли мастера: «Однажды герой развернул газету и увидел в ней статью критика Аримана, [ø] котор[ой]ая называлась “Вылазка врага” и, где Ариман предупреждал всех и каждого, || что он то есть наш герой сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса Христа» [Булгаков 2014, т. 1: 610].

Во второй редакции романа мастер болезненно воспринимает произошедшее с ним, что передается через действие «лицо перекошилось»: «[Словом, гость признает,] **Короче же говоря, роман этот был про молодого Ешуа Га-Ноцри! Иванушка тут сел и заплакал и лицо у гостя перекошилось и он заявил**, что [он> повел себя как доверчивый мальчишка, а Износков – Иуда!» [Булгаков 2014, т. 1: 330–331].

На следующем этапе работы над этим эпизодом – в пятой редакции романа – мастер не просто болезненно относится к происходящему, он ожесточен, и Булгаков для передачи его состояния использует повествовательный ход из романа о Мольере.

Таблица 14

Сопоставление фрагментов первой редакции романа о Мольере и пятой редакции романа «Мастер и Маргарита»

Первая редакция романа о Мольере	Пятая редакция романа «Мастер и Маргарита»
«Он молчал, положив подбородок на кулак. И только гримасы изредка как молнии пробежали по бритому лицу. <...> – Они не понимают, – вымолвил он хрипло и пальцем указал на спящий Париж, – но они поймут. Они поймут! Неизвестно, кто не понимал. Он грозил кулаком синему окну и повторял: – Будь ты проклята столица! Будь ты проклята! Прощай!» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 53–53 об.]	«Судороги то и дело проходили по его лицу[.], [Он то] в них была то ярость, то ужас, то возникало что-то просто болезненное, а в глазах [пропльвал] плавал и метался страх. Рассказчик указывал рукой куда-то в сторону балкона и балкон этот уже был темен, луна ушла с него» [Булгаков 2014, т. 1: 614]. «– Нет, – забывшись, почти полным голосом вскричал он, – нет! Жизнь вытолкнула меня, ну так я и не вернусь в нее. Я уж повисну, повисну... – он забормотал что-то несвязное, встревожив Ивана» [Булгаков 2014, т. 1: 615].

В шестой же редакции романа (окончательной) Булгаков состояние героя уводит в подтекст, оставив на поверхности три ключевых слова, раскрывающих его, «судороги», «страх», «ярость», сохранив жест Мольера, направленный в окно: «То, о чем рассказывал больной на ухо, по-видимому,

очень волновало его. Судороги то и дело проходили по его лицу. В глазах его плавал и метался страх и ярость. Рассказчик указывал рукою куда-то в сторону луны, которая давно уже ушла с балкона» [Булгаков 2014, т. 2: 283].

4. Из-за травли герой заболевает.

Таблица 15

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Война постепенно заглохла. Что вынес из нее мой герой? Болезнь. Он стал кашлять. Усталость. Горечь» [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 69].	«великая война между Мольером и его врагами»; «Мой герой вынес из нее болезнь[,] – он стал подозрительно кашлять[. Он стал подозрительно кашлять, усталость] – усталость и странное состояние духа, причем только в дальнейшем догадались, что это состояние носит в медицине очень внушительное название { – } ипохондри[и]{я}» [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 134]. В первой части предложения правка в процессе диктовки и печати, во второй – позднее фиолетовыми чернилами.

Как мы уже отмечали, главу, в которой мастер является к Ивану Бездомному в клинике, Булгаков пишет в период создания новых вариантов некоторых глав второй редакции (1934–1935), тем самым здесь впервые в истории текста романа вводится болезнь героя, случившаяся с ним после несчастий с его романом: «<...> рассказал, как он стал скорбен главой и начал бояться толпы, которую впрочем || и раньше терпеть не мог и, вот, его привезли сюда и что она, конечно, навестила бы его, но знать о себе он не дает и не даст... Что ему здесь даже понравилось, потому что, по сути дела, здесь прекрасно и, главное, нет людей» (не ранее 30 октября

1934 г – не позднее 21 июня 1935 г.) [Булгаков 2014, т. 1: 330].

В последующих редакциях романа Булгаков будет выстраивать стадии болезни своего героя [Колышева 2019].

Болезнь героя имеет автобиографическую основу. Об этом мы узнаем по собственным свидетельствам Булгакова, например, из письма к Сталину от 30 мая 1931 г.: «С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен» [Булгаков 1990, т. 5: 455].

5. На героя составляется донос.

Таблица 16

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Заклучалась в нем [пьесе Де-Визэ. – Е. К.] не столько критика критики сколько донос, при чем это был не один донос, а [шесть] четыре донос[ов.] а в одном произведении. » [Булгаков. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7. Л. 64].	«<...> причем обнаружилось, что в пьесе “Зелинда” находится не столько критика, сколько самый обыкновенный <u>донос</u> » [Булгаков. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 129]. Этот фрагмент текста очерчен по левому полю страницы простым карандашом, им же поставлена галочка и подчеркнута слово «донос».

В романе «Мастер и Маргарита» нет прямого указания на то, что герой пострадал из-за доноса. Между тем как подтекст дает нам понять, что именно донос стал причиной ареста мастера, предшествовавшего его появлению в клинике

профессора Стравинского. Рассмотрим, как проходило выстраивание подтекста причины исчезновения мастера осенней ночью, когда ему в окна постучали, – в эпизоде «извлечения» героя после бала у Воланда.

Таблица 17

Сопоставление фрагмента второй, пятой и шестой редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Вторая редакция	Пятая редакция	Шестая редакция
«– Это вы, молодой человек, – заговорил хозяин невзирая на то, что человеку с чемоданом было лет сорок , – написали, что он, – хозяин кивнул на вихор и зеленые глаза, – сочиняет роман?» [Булгаков 2014, т. 1: 257]	«– Это вы написали, что в романе о Понтии Пилате контрреволюция и после того, как мастер исчез, заняли его подвал? – спросил Азazelло скороговоркой» [Булгаков 2014, т. 1: 760].	«– Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него жалобу с сообщением о том, что он хранит у себя нелегальную литературу? – спросил Азazelло» [Булгаков 2014, т. 2: 424].

Во второй редакции романа Понковский, будущий Алоизий Могарыч, выступает с сообщением о том, что герой «сочиняет роман». Это довольно туманное обвинение Булгаков на следующем этапе работы над эпизодом заменяет на его полярную по степени категоричности противоположность – в романе героя «контрреволюция». Скорее всего, по мысли Булгакова, после такого обвинения героя не выпустили бы из-под ареста через несколько месяцев и он не смог бы отправиться в клинику Стравинского. Поэтому при работе над окончательным текстом романа – шестой его редакцией – Булгаков смягчает обвинение героя, которое теперь за-

ключается в том, что он «хранит у себя нелегальную литературу». Но на всех трех этапах работы над эпизодом неизменным остается единственное – на героя был написан донос. Во всех трех случаях Булгаков использует устойчивую эвфемистическую замену этого слова – глагол «написали», в окончательном тексте романа сопроводив его уточнением «написали на него жалобу».

Выводы

История текста пьесы Булгакова «Кабал святош», романа о Мольере и романа «Мастер и Маргарита» позволяет сделать следующие выводы.

Работа над первой редакцией романа «Мастер и Маргарита» (1928–1930) повлияла на создание пьесы «Кабала святош»: как и Пилат, Людовик XIV оказывается бессильным противостоять власти священников, действующей руками доносчика, и отказывается от Мольера.

Работа над романом о Мольере (1932–1933) оказала сильное воздействие на роман «Мастер и Маргарита», вторую редакцию которого Булгаков начинает в 1932 г. 29 октября 1933 г. Булгаков вводит в роман образ мастера.

Образ мастера стал результатом работы Булгакова над биографией Мольера, осуществлявшейся сквозь призму размышлений о собственной жизни и творчестве.

Результатом параллельной работы над двумя произведениями стало создание в романе «Мастер и Маргарита» не просто образа художника, но художника, гонимого по политическим причинам, тем самым в роман вошла тема художника и власти, которая в романе о Мольере занимает главенствующую позицию.

Список сокращений

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Research Department of Manuscripts of the Russian State Library.

Источники

Булгаков, М. А. «Биография Мольера» – материалы к роману «Жизнь господина де Мольера». [1932] Автограф. 34 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 4.

Булгаков, М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь I» – материалы к роману и главы 1 и 2 первоначальной редакции. 1932. Москва. Автограф. 70 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5.

Булгаков, М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь II» – материалы к роману и продолжение первоначальной редакции (гл. [3]–11). 1932. Москва. Автограф и рукою Л. Е. Белозерской. 188 с. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6.

Булгаков, М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] гл. 11–30 первоначальной редакции романа [1932]. Автограф; частично рукою Л. Е. Белозерской и Е. С. Булгаковой. 92 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7.

Булгаков, М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Де-Мольер. Жизнеописание. Тетрадь IV» – материалы к роману. 1932. Автограф и рукою Е. С. Булгаковой. 55 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 8.

Булгаков, М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер» – роман. Вторая редакция. [1933] Машинопись с авторской правкой и подписью-автографом. 202 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1.

Булгаков, М. А. [«Мастер и Маргарита»] «Сын...», «<Гастроль...>», «<П[одкова иностранца?]>», «<Черный маг>» – роман (с вариантами названия). Первая редакция (главы 1 – начало 15-й). 1928(?) – начало 1929. Автограф карандашом и чернилами. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. 180 лл.

Булгаков, М. А. Страницы из дневника, уничтоженного автором. 1922 [серед. янв.] – февр. 16. Москва. 4 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 17. Ед. хр. 1.

Булгакова, Е. С. Письма к Нюрнбергу, Александру Сергеевичу. 1961–1963. Москва. Машинописные отпуски. 14 п. 15 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 33. Ед. хр. 19.

Вырезки из газет и журналов с рецензиями на произведения М. А. Булгакова, упоминаниями о нем и карикатурами на него. 1928–1936. 14 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 3.

Литература

Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст : в 2 т. / М. А. Булгаков ; сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева. – М. : Пашков дом, 2014. – Т. 1. – 840 с.; Т. 2. – 816 с.

Булгаков, М. А. Пьесы 1930-х годов / М. А. Булгаков ; Театральное наследие. – СПб. : Искусство-СПБ, 1994. – 671 с.

Булгаков, М. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах / М. А. Булгаков ; редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин [и др.] ; вступ. статья В. Лакшина ; подгот. текста М. Чудаковой ; коммент. Я. Лурье, А. Рогинского («Белая гвардия»), М. Чудаковой. – М. : Художественная литература, 1989. – 623 с.

Булгаков, М. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4: Пьесы; Жизнь господина де Мольера; Записки покойника / М. А. Булгаков ; редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин [и др.] ; сост. А. Нинов ; подгот. текстов и коммент. Е. Кухты [и др.]. – М. : Художественная литература, 1990. – 686 с.

Булгаков, М. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма / М. А. Булгаков ; редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин [и др.] ; подгот. текстов Л. Яновской, В. Гудковой, Е. Земской ; коммент. Г. Лескиса, В. Гудковой, Е. Земской. – М. : Художественная литература, 1990. – 734 с.

Воспоминания о М. Булгакове : сборник. – М. : Советский писатель, 1988. – 528 с.

Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина ; сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской ; вступ. ст. Л. Яновской. – М. : Издательство «Книжная палата», 1990. – 400 с.

Колышева, Е. Ю. Н. Р. Эрдман и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1933–1934) (статья 1) / Е. Ю. Колышева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – № 4. – С. 116–122.

- Колышева, Е. Ю. Становление темы трусости в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е. Ю. Колышева // *Russica Romana*. – 2019. – № XXXI. – С. 67–81.
- Смелянский, А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре / А. М. Смелянский. – М. : Искусство, 1989. – 432 с.
- Художественный театр. После революции. Дневники и записи. Федор Михальский. 1920–1924. Алексей Гаврилов. 1927–1932. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 2020. – 536 с.
- Чудакова, М. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. Чудакова. – М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2023. – 832 с.
- Чудакова, М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / М. Чудакова // Вопросы литературы. – 1976. – № 1. – С. 218–253.
- Чудакова, М. О. Новые работы: 2003–2006 / М. О. Чудакова. – М. : Время, 2007. – 560 с.
- Яновская, Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова / Л. М. Яновская. – М. : Советский писатель, 1983. – 320 с.

References

- Bulgakov, M. A. (1989). *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [The Complete Set of Works, in 5 vols]. Vol. 1: Zapiski yunogo vracha; Belaya gvardiya; Rassказы; Zapiski na manzhetakh. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 623 p.
- Bulgakov, M. A. (1990). *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [The Complete Set of Works, in 5 vols]. Vol. 4: P'esy; Zhizn' gospodina de Mol'era; Zapiski pokoinika. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 686 p.
- Bulgakov, M. A. (1990). *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [The Complete Set of Works, in 5 vols]. Vol. 5: Master i Margarita; Pis'ma. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 734 p.
- Bulgakov, M. A. (1994). *P'esy 1930-kh godov* [Plays from the 1930s]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 671 p.
- Bulgakov, M. A. (2014). *Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoi tekst: v 2 t.* [The Master and Margarita. Complete Drafts of the Novel. Main Text, in 2 vols]. Moscow, Pashkov dom. Vol. 1. 840 p.; Vol. 2. 816 p.
- Chudakova, M. (1976). *Tvorcheskaya istoriya romana M. Bulgakova «Master i Margarita»* [The Creative History of M. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 218–253.
- Chudakova, M. (2023). *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus. 832 p.
- Chudakova, M. O. (2007). *Novye raboty: 2003–2006* [The New Works: 2003–2006]. Moscow, Vremya. 560 p.
- Dnevnik Eleny Bulgakovoi* [The Diary of Elena Bulgakova]. (1990). Moscow, Izdatel'stvo «Knizhnaya palata». 400 p.
- Khudozhestvennyi teatr. Posle revolyutsii. Dnevniki i zapisi. Fedor Mikhail'skii. 1920–1924. Aleksei Gavrillov. 1927–1932* [Art Theatre. After the Revolution. Diaries and Notebooks. Fedor Mikhail'sky. 1920–1924. Alexey Gavrillov. 1927–1932]. (2020). Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr. 536 p.
- Kolysheva, E. Yu. (2019). *Stanovlenie temy trusosti v istorii teksta romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita»* [The Development of the Theme of Cowardice in the Context of the Creative History of M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"]. In *Russica Romana*. No. XXXI, pp. 67–81.
- Kolysheva, E. Yu. (2024). N. R. Erdman i roman M. A. Bulgakova «Master i Margarita» (1933–1934) (stat'ya 1) [N. R. Erdman and M. A. Bulgakov's Novel "Master and Margarita" (1933–1934) (Article 1)]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 4, pp. 116–122.
- Smelyansky, A. M. (1989). *Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre* [Mikhail Bulgakov at the Art Theater]. Moscow, Iskusstvo. 432 p.
- Vospominaniya o M. Bulgakove* [The Memoirs about M. Bulgakov]. (1988). Moscow, Sovetskii pisatel'. 528 p.
- Yanovskaya, L. M. (1983). *Tvorcheskii put' Mikhaila Bulgakova* [The Creative Path of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 320 p.

Данные об авторе

Колышева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).
Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
E-mail: kolyshevaeyu@mgpu.ru.

Author's information

Kolysheva Elena Yur'evna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Teaching Methods in Social and Humanitarian Sciences, Moscow City University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 16.10.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 16.10.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 821.161.1-32(Горький М.)+821.161.1-31(Водолазкин Е. Г.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444+Ш33(2Рос=Рус)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 5.9.1

НОМО TRADITOR В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «КАРАМОРА» И РОМАНЕ ЕВГ. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Снигирева Т. А.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>
SPIN-код: 9704-6517

А н н о т а ц и я . В статье осуществлен сопоставительный анализ художественных концепций «человека предающего» на материале рассказа М. Горького «Карамора» и романа Евг. Водолазкина «Чагин». Обнаружена система совпадений в анализе писателями феномена homo traditor: открытая декларация реальных прототипов героев, сходство проблемно-тематического комплекса рассказа и романа, присутствие социально-политического контекста, характеризующегося временем турбулентности, подчинение сюжета скрупулезному исследованию причин того, что толкает человека стать осведомителем. Показано, что в обоих произведениях феномен предательства связан с мотивами игры, двойничества, недоверности реальности, мистификации, одинаков избранный способ организации повествования: писатели конструируют текст по принципу потока чужого сознания. При всей проблемно-тематической и сюжетно-композиционной сопоставимости избранных произведений анализ авторской позиции приводит к выводу о том, что в оценке сути доносительства авторы XX и XXI веков демонстрируют знаковые для смены эпох различия. В центре внимания М. Горького – теория подлости и ее этической несостоятельности, Евг. Водолазкина – мысль о грехе, пути искупления и возможности прощения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Горький; рассказы 1922–1924 гг.; «Карамора»; Водолазкин; «Чагин»; психология предательства; повествовательная структура; двойничество; авторская оценка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Снигирева, Т. А. Homo traditor в рассказе М. Горького «Карамора» и романе Евг. Водолазкина «Чагин» / Т. А. Снигирева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 122–128. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.

НОМО TRADITOR IN M. GORKY'S SHORT STORY "KARAMORA" AND EVG. VODOLAZKIN'S NOVEL "CHAGIN"

Tatyana A. Snigireva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
The Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Scientific Academy (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

A b s t r a c t . The article carries out a comparative analysis of the artistic concepts of the “homo traditor” (man traitor) on the material of Maxim Gorky's short story “Karamora” and Evgeny Vodolazkin's novel “Chagin”. It reveals a system of matches in the writers' analysis of the homo traditor phenomenon such as: the open declaration of the characters' real prototypes, the similarity of the short story and novel problem-thematic complex, the presence of the socio-political context characterized by the turbulent time, and the subjection of the plot to the scrupulous investigation of the reasons that push a man to become an informer. It is shown that in both works the phenomenon of betrayal is linked to the motifs of play, duplicity, unreliability of reality, and mystification; and the chosen method of narrative organization is the same: the writers construct the text according to the principle of the stream of consciousness of other people. Despite the problem-thematic and plot-compositional comparability of the works selected, the analysis of the author's position has led to the conclusion that in assessing the essence of snitching, the authors of the 20th and 21st centuries demonstrate differences that are significant for different epochs. While Gorky focuses on the theory of meanness and its ethical failure, Vodolazkin centers on the idea of sin, the path of redemption and the possibility of forgiveness.

Key words : Gorky; short stories of 1922–1924; *Karamora*; Vodolazkin; *Chagin*; psychology of betrayal; narrative structure; duplicity; author's assessment

For citation : Snigireva, T. A. (2025). Homo Traditor in M. Gorky's Short Story “Karamora” and Evg. Vodolazkin's Novel “Chagin”. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 122–128. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.

Временной промежуток между появлением в печати «Караморы» и «Чагина» – сто лет. Рассказ Горького был опубликован в журнале «Беседа» в 1924 году и позже непременно занимал центральное место в книге «Рассказы 1922–1924 гг.». Роман Евг. Водолазкина опубликован в 2022 году, в 2023 году стал лауреатом национальной литературной премии «Большая книга». В центре обоих произведений – предатель, иначе – доносчик, провока-

тор, сексот, стукач. Обращение к теме предательства и психологии Homo traditor – один из устойчивых сюжетов литературы, но каждая эпоха, при всей традиционности постановки проблемы психологии человека предающего, решает ее с определенными корректировками, связанными и с авторской индивидуальной позицией писателя, и с тем этическим уровнем, который свойственен времени. Сходство рассказа М. Горького и романа

Евг. Водолазкина несомненно и обнаруживает себя во многих аспектах.

Прежде всего, оба писателя открыто говорят о реальных прототипах своих героев. М. Горький в письме к Ромену Роллану пишет, что «при работе над этим рассказом ему вспоминались провокаторы, которых он встречал: М. Горович, Е. Азеф и другие» [Горький 1952: 594]. Евг. Водолазкин также указывает на конкретный прототип своего героя, который соотносится не по линии предательства, как у Горького, но связан с особым даром. Речь идет о Соломоне Шерешевском, уникальность которого описана в работе А. Лурия «Маленькая книга о большой памяти». Однако, по версии Евг. Водолазкина, именно уникальный дар запоминания, в высшей степени свойственный его вымышленному герою, стал причиной предательства, поскольку с неизбежной закономерностью привлек внимание к Исидору Чагину сотрудников известного ведомства, в романе названного Центральной городской библиотекой.

Совпадение двух произведений, разделенных столетием, не ограничивается фактографическим принципом выбора героя. Схож проблемно-мотивный комплекс рассказа и романа, связанный с интересом авторов к «хитро сплетенным судьбам» (М. Горький). По точному замечанию С. Сухих, «настоящий горьковский герой – не крестьянин, не интеллигент, не рабочий и даже не купец, а – «озорник», тип не социальный, а психологический – человек странный, корявый, ни на что не похожий, «выломившийся» из своего класса, своего слоя, страты. [Сухих 2007: 90]. Именно таковы герои «Рассказов 1922–1924 гг.», рассказывающие (основной тип повествования в сборнике – «рассказывание» своей жизни автору). Это возможный насильник и убийца, ставший почти святым в глазах людей, приходящих к нему за утешением и исцелением, с чьей оценкой, видимо, согласен автор: «Это – святой человек, обладающий сокровищем безмерной любви к миру?» («Отшельник») [Горький 1952: 29]. Это Торсуев, посвятивший свою жизнь среднего дарования актрисе провинциальных театров («Рассказ о безответной любви»), вызывающий авторское удивление: «несомненно, это был какой-то чудак. Чудаки украшают мир. Я решил познакомиться с ним ближе, это мне удалось, и вот что рассказал странный человек» [Горький 1952: 32]. Макаров из «Рассказа о герое» интересуется Горького как личность, живущая страхом: перед тараканами, перед революцией, перед людьми, перед смутой жизни, прислоняющийся к сильной стороне и ставший убийцей, как наименее опасным занятием в жизни: «Около года я сидел в тюрьме. Там познакомился с группой бандитов, это освободило меня из тюрьмы и дало мне место агента уголовного розыска. Убивал людей, – это делается очень просто. Теперь я сам бандит. Могу быть палачом. Все равно» [Горький 1952: 107]. В «Рассказах 1922–1924 гг.», которые нередко и справедливо рассматривают как предтечу «Жизни Клима Самгина» [Вайнберг 1971; Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» – роман века 2020]

отчетливо осуществлено горьковское убеждение в том, что есть на Руси «краснобаи, которые теряют тонкую нить правды в хитром сплетении речи (...), способные магической силой своей прикрыть грязную и преступную ложь...» [Горький 1952: 9], а «есть люди, у которых вместо души – популярная библиотека» [Горький 1952: 37]. Здесь есть смысл вспомнить реплику, брошенную Л. Н. Толстым: «Ума вашего я не понимаю, очень запутанный ум» [Горький: URL] и согласиться с тонким замечанием С. Сухих: «...его духовный мир – вихрь идей самых разнообразных, которые, если верить М. Бахтину, не согласовывались и даже не сочетались, а “перемежались”» [Сухих 2007: 52].

Писателя XXI века также интересуют герои, выламывающиеся из средней психологической нормы, достаточно вспомнить Лавра, с его даром врачевания / духовного исцеления. Евг. Водолазкин, будучи профессиональным филологом, в интервью на разнообразных каналах (от «Культуры» до «Живого гвоздя») достаточно четко представляет свою интерпретацию романа, начиная с истории создания до авторской концепции. Как отмечалось выше, импульсом послужила работа А. Лурия «Маленькая книжка о большой памяти», посвященную исследованию феномена знаменитого мнемониста Соломона Шерешевского, бросившего журналистику ради выступлений на сцене, где он мог продемонстрировать свои уникальные способности. Этот эпизод из биографии уникама станет основной сюжетной коллизией одной из частей романа «Чагин». Любопытно, что писатель не акцентирует на этом внимания ни одного из интервьюеров, но подчеркивает важность информации о результатах тридцатилетних исследований-наблюдений над механизмом запоминания мнемониста и выработкой техники забывания, жизненно необходимой уникамам, обладающим способностью запоминать любой текст. Работа «Маленькая книжка о большой памяти» стала источником, во-первых, двух героев романа – самого Чагина и профессора, исследователя его дара, во-вторых, важнейших дихотомий романа: техника запоминания vs техника забвения; запоминание vs понимание. Неоднократно и это, видимо, важно для Евг. Водолазкина, он объяснялся по поводу обложки и названия книги. Две открытки, связанные с авангардом 1930-х годов, ставшие обложкой, дают возможность автору с благодарностью вспомнить о своем учителе, Д. С. Лихачеве, поскольку куплены они были в букинистическом магазине на деньги, которые выделил ученый свои молодым коллегам, а «парень, отдающий честь» сразу был назван Чагиным, возвращаясь домой, по словам автора, хорошо сказать: «Привет, Чагин!». Не было сомнения ни в имени героя, этимология которого проста: чага – чёрный березовый гриб, лечебные свойства которого имеют свои весьма серьезные и возможные побочные явления, ни в названии книги по фамилии героя, косвенно указывающего на его неоднозначность.

Развитие действия обоих произведений подчинено скрупулезному исследованию причин того,

что толкает человека стать провокатором в случае с Караморой, осведомителем в случае с Чагиным. Однотипна завязка сюжета: момент вербовки Караморы жандармом царской охранки, Чагина двумя сотрудниками Центральной городской библиотеки. Оба героя констатируют необыкновенную простоту, чуть ли даже не естественность, с которой они пошли на сделку со своей совестью. Карамора признается, что после разговора-сделки с начальником охранного отделения сам был удивлен тем, с какой «быстротой и легкостью, это решение возникло, – оно явилось также естественно и просто, как возникает желание спать, гулять, выпить воды» [Водолазкин 2022: 154]. Признается и в том, что «невольные попытки самооправдания мешают мне открыть главное, чего я ищущу: почему в душе моей не нашлось ни свиста, ни звона, ни крика, ничего, что остановило бы меня на пути к предательству? И почему я сам себя не могу осудить? Почему, называя, сознавая себя преступником, я, по совести, не чувствую преступления?» И вновь: «Я уже писал: я беспощадно нахлестывал себя, чтоб дойти до ответа. Я выдал охране и отправил на каторгу одного из лучших партийных товарищей, человека на редкость хорошего. Я очень уважал его за чистоту души, за бодрость духа, неутомимость в работе, добродушие и веселый характер. Он только что бежал из тюрьмы и третий раз работал нелегально. Выдал я его и ждал, что теперь в душе моей что-то взвывает. Ничего не вышло» [Горький 1952: 159]. Для героя Водолазкина в момент вербовки главным мотивом согласия был испуг, вызванный с мыслью о том, что ему, мальчику из Иркутска, моментально можно потерять все, что он успел полюбить за годы учебы в Ленинградском университете: «Исидору казалось, что ключи готовы были сорваться с его пальца и навеки кануть в Неву. А с ними – та ленинградская жизнь, которая его так манила. Он не очень понимал, на что дал согласие. А, может, и понимал, но не хотел себе в этом признаться» [Водолазкин 2022: 49–50]. Позже, как фиксирует его друг Эдвард Григ, конферансье, артист, партнер Чагина на сцене, «Упомянув о Шлимановском кружке, Исидор неожиданно сказал: – Очень легко стать предателем. Незаметно стать предателем. Я им стал. Я тогда не понял, кого предал Исидор. Подумал, что он, должно быть быстро пьянеет. – Может, это и не предательство – если незаметно? Из темноты донеслось: – А потом ничего не поправишь и не объяснишь» [Водолазкин 2022: 242–243].

Безусловно, для писателей важен социально-исторический контекст, так или иначе связанный с осязательным «политическим брожением» в обществе. У Горького это предреволюционное и собственно революционное время, эпоха нарастающего противостояния охранительных порядков сил и сил, разрушающих его. В романе Водолазкина, с характерной для него временной протяженностью, зафиксированы общественные умонастроения «оттепели» – «застоя» – «перестройки». Фактически в характерах героев – Караморы и Чагина – показаны два типа реакции человека на время

«турбулентности»: авантюрно-волевой и пассивно-рефлексирующий.

Весь текст рассказа Горького «отдан» герою, что дает ему право «прямоговорения», четких формулировок и самооправдательных формул: «Есть теория добра: евангелие, коран, талмуд, еще какие-то книги. Должна быть и теория зла, теория подлости. Должна быть такая теория. Все надо объяснить, все, иначе – как жить?» [Горький 1952: 161]; «Под “душой” я понимаю жизнь, возвышенную до безумия, так сказать, – верующую мысль, которая навсегда и неразрывно связана с волей. Суть моей жизни, должно быть в том, что такой “души” у меня не было, а я этого не понимал» [Горький 1952: 153]; «Если жизнью командуют игроки и охотники, – что же может помешать мне играть ими и самим собой?» [Горький 1952: 157]; «Я первый открыл, что у человека нет сил протестовать против подлости в себе самом, да и не надо протестовать против нее: она – законное и действительное орудие взаимной борьбы» [Горький 1952: 162]; «А может быть, настало время сделать все возможные подлости, совершить все преступления, использовать сразу всё зло, для того чтоб, наконец, всё это надоело, опротивело, ужаснуло и погубило?»; «И чья это затея – жизнь? В сущности: дурацкая затея» [Горький 1952: 167]; «... свобода проявления чувств делает человека зверем или подлецом, если он не догадался родиться святым. Может быть, слепота – это и есть святость?» [Горький 1952: 169].

Если Карамора пишет свою, возможно, предсмертную Исповедь, то дело всей духовной жизни Исидора – ведение Дневника, который становится своеобразным героем разыгрываемой драмы, героем, так и остающемся за сценой. Название первой части – «Дневник Чагина» – начало игры автора в взаимозаменяемость реальности и вымысла, поступка и слова об этом поступке. Дневник Исидора исчезает и дан в достоверном (?) / недостоверном (?) пересказе Павла Мещерского, молодого ученого, разбирающего архив мнемониста. Павлом же цитируется написанная гекзаметром автобиографическая поэма «Одиссей», в которой, к удивлению Мещерского, «Чагин зачастую описывает небывшее и, наоборот, не упоминает о бывшем. Там, например, нет предательства им Шлимановского кружка. История кружка есть, а предательства нет» [Водолазкин 2022: 333]. Таким образом, в отличие от героя рассказа Горького, история предательства героя романа представлена не путем череды самопризнаний и самооправданий, но отражена в зеркалах людей, присутствующих Чагину в разные периоды его жизни: большим сознанием Ивана Ивановича (часть вторая «Операция “Биг-Бен”»), воспоминаниях Эдварда Грига (часть третья «Незабываемое»), переписке Павла и Ники (часть четвертая «Лета и Эвняя»).

В обоих произведениях феномен предательства связан с мотивами игры, недостоверности реальности, мистификации и – основным – мотивом двойничества. По отношению к Караморе, бывшим, как Азеф, двойным, а порой, и тройным агентом в своей провокаторской деятельности,

двойничество, вернее, раздвоение личности, во-первых, реализовано в настойчиво-навязчивых мучительных размышлениях о том, где он настоящий, сын «большого, доброго, очень веселого слесаря»: «Да, я пишу. Не для того пишу, чтоб вытянуть несколько лишних дней жизни в тюрьме, а – по желанию третьего. Живут во мне, говорю, два человека, и один к другому не притерся, но есть еще и третий. Он следит за этими двумя, за распрей их и – не то раздувает, разжигает вражду, не то – честно хочет понять: откуда вражда, почему?»; «Это он и заставляет меня писать. Может быть, он и есть подлинный я, кому хочется понять всё или хоть что-нибудь. А может быть, третий-то – самый злой враг мой? Это уж похоже на догадку четвертого»; «В каждом человеке живут двое: один хочет знать только себя, а другого тянет к людям. Но во мне, я думаю, живет человека четыре, и все не в ладу друг с другом, у всех разные мысли. Что бы ни подумал один – другой возражает ему, а третий спрашивает: “Это вы зачем же спорите? И что будет из вашего спора?”»; «Есть, пожалуй, еще и четвертый, этот спрятался еще глубже третьего и – молчит, присматривает зверем, до времени тихим. Может быть, он и на всю мою жизнь останется тих и нем, спрятался и равнодушно наблюдает путаницу» [Горький 1952: 137–138]. Во-вторых, своеобразными двойниками Караморы являются герои, по крайней мере двух рассказов сборника: уже упомянутый Макаров из «Рассказа о герое», переходивший от одной силы к последующей и предававший тех, кто власть утратил. Тот же путь избирает Яков Зыков из завершающего сборник «Рассказа о необыкновенном», тактика жизни которого, по мнению Н. Л. Лейдермана, «в революционном карнавале» себя оправдала: «Горький нашел выразительный способ – через смену фамилий персонажа обозначить ступени витиеватого пути его наверх. Сначала из-за описки в “пачпорте” Зыкова записали Языковым, потом, в тюрьме, воры в насмешку переименовали “Языкова” в “Язёва” – “потому что у тебя морда рыба”. Наконец, в партизанском отряде командир иронически величал его, своего подручного, “Язёв – Князёв”. А ведь в итоге “Язёв-Князёв” и в самом деле стал Князевым – он восседает в княжеском дворце в столице России. Теперь он – новый хозяин державы» [Лейдерман 2008: 122].

В романе Евг. Водолазкина «разыгрывается» множественность возможных биографий Исидора, а также складывается и реализуется сложная система двойников, связанная как с развитием основных сюжетных линий, так и задающая его проблемно-тематическое разворачивание. Линия главного героя Чагина поддержана системой прототипов / сопоставлений: Шерешевский (остаётся за рамками текста) – Шлиман – Одиссей – Дефо. Дар Шерешевского «отдан» Чагину, но интерпретирован как дар и как наказание. Здесь, возможно, находится главный смысловой нерв романа: настоящее человека длится не более трети секунды, будущего нет, таким образом, есть только прошлое, которое существует в памяти человека и/или наро-

да, то есть становится историей (судьбой) человека и/или народа. Прямой вопрос романа: всё ли в истории нужно сохранять и всё ли в ней сохраняется. Заглавная тема сопровождается системой вариаций: темой пути (так возникает отсыл к Одиссею, заданный уже эпиграфом из И. Бродского: «Мой Телемак, Троянская война окончена. Кто победил – не помню»), темой фантазии, вымысла, точнее – забвения реальности и замещении ее своей фальсификацией, строящейся не столько на лжи, сколько на умении забывать и мечтать. И здесь полноправно действующим героем в романе становится Шлиман, человек, создающий свою историю, свою биографию, Трою нашедший и Трою разрушивший. Недвусмысленно встает проблема: что реальнее, действительность или смоделированная памятью история ее, всегда ли сохраненная в памяти биография есть отражение действительно бывшего в ней или это почти всегда мифологизация пройденного пути? Существует только то, что мы помним и что зафиксировано словом? Релятивизация мира настойчиво ведет к пониманию его зыбкости, относительности, двойственности. Павел Мещерский, исследуя Дневник Чагина, начинает ощущать себя его повторением. Обоих героев окружают женщины, с ними разрывающие и возвращающиеся к ним, одна из них – Вера, другая Ника, создают одну модель поведения, которая складывается в единое имя Вероники. Николай Николаевич и Николай Петрович, служащие в определенной организации и провоцирующие героя на доносительство на первых порах почти также неразличимы, как Добчинский и Бобчинский, но потом двойничество оборачивается контрастом. Так параллельно с двойниками возникает система кривых зеркал: Исидор – Григ, Николай Иванович – Николая Петрович, Павел Мещерский – начальник библиотеки, Чагин – Альтов, Ника – дочь Веры, Николай Петрович – автор «Лавра» с его любовью к древнерусскому стилю. Возникает система биографических вариаций одной судьбы. 1. История Иркутского мальчика Исидора Чагина, воссоздаваемая Павлом Мещерским по памяти исчезнувшего Дневника героя. 2. История Иркутского мальчика Исидора Чагина, созданная безумным воображением Николая Ивановича (для «внедрения» в Британскую библиотеку с целью вернуть в Россию принадлежавший ей ценнейший артефакт). 3. История Чагина, рассказанная его напарником по сцене Григом. 4. История Чагина и его возлюбленной частично рассказанная, частично записанная Никой. 5. История Чагина – написанная им гекзаметром поэма об Одиссее.

Многоверсионность биографии и разветвленная система двойников служат прояснению главной проблемы романа и его героя: «неразличение фантазии и действительности», которое «случалось у Чагина не только во сне. Крепко задумавшись, он, бывало, уходил в другую реальность, которая, выражаясь словами учебника философии, не была дана в ощущениях. Являвшееся Чагину в воображении оказывалось ярче и убедительнее реально-

сти существующей. Чего греха таить – в эти путешествия Исидор отправлялся с большой охотой. Не то ли происходило с Шлиманом, когда он записывал свои фантазии в дневнике?» [Водолазкин 2022: 103]. История предательства тоже могла «уйти» из действительности, «стершись из памяти. И на первый взгляд, она является только некой отправной точкой в развитии истории героя, не случайно критики последнего романа Евг. Водолазкина (а также многочисленные интервьюеры), не останавливаются на ней особого внимания, полностью сосредоточившись на вопросах памяти / забвения [Башмакова: URL; Белоусова 2024; Визель: URL; Петухова 2024; Пророков 2022]. Однако сам писатель, возвращается к ней последовательно, постоянно и в разных аспектах. Так, он время от времени, почти в виде реплик предлагает примеры разных мотивировок и вариантов доносительства. Это дядя Костя в Ленинградском дворе-колодце, испытывающий радость от зависимости от него других людей, дворник, которого боялись и заискивали, поскольку «невзлюбив кого, этот дядя не отказывал себе в том, чтобы поделиться с компетентными органами своими сомнениями касательно благонадежности жильца. Так что дяде Косте все, в общем, старались понравиться» [Водолазкин 2022: 209]. Это художник Завирюха, «большой начальник в области изобразительного искусства» к доносительству ведет зависть к талантливым художникам, в результате чего он получает кличку Завидюхин, а от «корпулентной дамы с палитрой в руках» слышит пророчество: «Завистливое око видит далёко, – задумчиво сказала Муза. – Если не перестанешь клепать доносы, сгоришь. Превратишься в кучу пепла» [Водолазкин 2022: 229]. Это и главврач психиатрической больницы, действующий из страха: «главврач вашу тетрадку сфотографировал и послал в компетентные органы (...) Есть вещи, которые непозволительны даже в психдиспансере» [Водолазкин 2022: 235]. В этом ряду два образа романа имеют особой значение для Чагина. Во-первых, это Д. Дефо, «фигура сомнительная, доносчик и интриган» [Водолазкин 2022: 158], о котором делается специальный доклад в Шлимановском кружке, вызвавший бурные споры о том, может ли гениальный «Робинзон Крузо» оправдать автора. У Чагина (как у членов кружка, так, видимо, и у автора) нет точного ответа на этот вопрос, но именно Дефо вызывает у героя смутные чувства, странным образом соотносимые с собственным поступком: «В постоянном предательстве Дефо Чагину виделось своего рода вдохновение, не имевшее отношения к обычной корысти. Мутная, завораживающая поэзия измены» [Водолазкин 2022: 109]. Во-вторых, это уже не герой культуры, но герой романа Альберт, прямо Чагину противопоставленный. Альберт – предатель, упивающийся своим предательством, наслаждающийся ложью, двойной игрой и способностью манипулировать другими людьми. Альберт – приверженец и практик «теории подлости», вызывающий брезгливость даже у тех, кто его завербовал: «Вот Альберт умнее вас: всё он только нам рассказывает.

Гнилой, кстати сказать, парень» [Водолазкин 2022: 149]. В момент обыска и ареста членов Шлимановского кружка Исидор испытывает «сердечное смятение, близок к отчаянию» [Водолазкин 2022: 131], Альберт, зная свою безнаказанность, «геройствует»: «В жизни есть минуты, – он посмотрел Вере в глаза, – когда по-другому вести себя просто подло» [Водолазкин 2022: 139]. В романе пунктиром прослежен путь «истинного подлеца», который раз предав, предаёт всю жизнь. Мещерский в финале констатирует: «Альберт был стукачом. Если для Исидора эта история оказалась трагической ошибкой, то этот тип стучал на Шлимановский кружок вдохновенно. Исидор мучился этим, а Альберт вполне себе процветал» [Водолазкин 2022: 343].

Как уже было замечено, в рассказе и романе одинаков избранный способ характера организации повествования: писатели конструируют текст по принципу потока чужого сознания. И если Горький в некоторых рассказах сборника может предварить или завершить рассказанную ему историю жизни (см., например, «Отшельник», «Рассказ о необыкновенном»), то в «Караморе», автор подчеркнуто самоустраивается, изначально передавая повествование своему герою. Более того, рассказ Горького предваряет 6 (!) эпиграфов, по-разному трактующих как предательство, так и подлость; «Вы знаете: я способен на подвиг. Ну, и вот также подлость, – порой так и тянет кому-нибудь какую-нибудь пакость сделать, – самому близкому. Слова рабочего Захара Михайлова, провозгласителя, сказанные им следственной комиссии в 1917 г. «Былое», 1922, кн. 6-я, статья Н. Осиповского. Иногда – ни с того ни с сего – приходят мысли плохие и подлые... Н.И. Пирогов. Позвольте подлость сделать! Один из героев Островского. Подлость требует иногда столь же самоотречения, как и подвиг героя. Из письма Л. Андреева. По обдуманному поступку не узнаешь, каков есть человек, его выдают поступки необдуманные. Н. С. Лесков в письме к Пыляеву. У русского человека мозги набекрень. И. С. Тургенев [Горький 1952: 132].

Евг. Водолазкин «играет» чужими сознаниями, в тексте образ автора создается иным весьма оригинальным способом: тонкой пародией (в части романа, написанной от лица повредившегося в уме Николая Ивановича) на свой стиль романа «Лавр»¹. Однако все движение романного текста свидетельствует, что понимание писателем XXI века способности предать осмысливается в системе «грех – страдание – покаяние – прощение, отпущение грехов». Весьма замысловатое внедрение героя в университетский Шлимановский кружок и грех предательства – только отправная точка в духовном пути героя. Вера, единственная любовь Исидора, в молодости считавшая, что ничто не «может быть оправданием для интриг и доносов», в конце жизни прощает его, поскольку настоящая

¹ Любопытно, что самоирония на себя как писателя, так же как и над литературой в целом, мнящей заменить собой реальность, присуща и Горькому (см. «Рассказ об одном романе», «Репетиция»).

любовь прощает все, даже предательство. Георгий Николаевич Вельский, по доносу Чагина попавший в лагерь, (Исидор приезжал к нему, на протяжении всего срока присылал посылки, деньги), при случайной встрече в знаковом ленинградском кафе «Сайгон» первоначально вскрикнул: «Только я индальгенциями не торгую!» [Водолазкин 2022: 296], на что услышал искреннее: «Я не надеялся на прощение, – тихо сказал Исидор. – И сейчас не надеюсь» ([Водолазкин 2022: 297]. Однако встреча «России сидевшей» и «России сажавшей» завершилась отнюдь не по-Ахматовски: «Неожиданно Вельский положил Исидору на плечи руки и прижался головой к его голове. Постояв так с минуту, оттолкнулся от него и двинулся к двери» [Водолазкин 2022: 298].

А priori для читателя негативная коннотация героя – homo traditor – диктует непеременимость и непреклонность авторской оценки. И если в тщательнейшем исследовании «внутреннего целого души героя» [Бахтин 1979: 89], в создании точного и убедительного психологического портрета «человека предавшего» писатели сходятся, то в оценке сути доноса авторы XX и XXI демонстрируют знаковые для смены эпох различия. В центре внимания первого – теория подлости, второго –

мысль о грехе и возможности искупления.

Только в интервью Сергею Шаргунову (канал «Открытая книга») на прямой вопрос (симптоматично, что вопрос о предательстве Шлимановского кружка и доноса на его членов Чагиным ни один интервьюер, кроме названного, не задал): «Чагин – подлец?», Евг. Водолазкин не менее определенно ответил «Нет, он скорее инфантильный человек, который не понимает последствия своего проступка» [Шаргунов: URL]. При внешнем совпадении фабульно-тематической линии – герой-provokator, характера повествования – нарочитое самоустранения автора, сложной системе двойников и кривых зеркал, рассказ М. Горького и роман Евг. Водолазкина, написанный ровно через столетие, обнаруживает важнейшее изменение аксиологической системы координат. Для М. Горького абсолютно очевидно: путь предательства – безусловная победа Зла над Добром в человеке. Учитывая опыт М. Булгакова, перенесшего в своем заклатном романе традиционный конфликт Добра и Зла в сферу исследования взаимоотношения Справедливости и Милосердия, писатель первой четверти XXI века склонен прощать, но не осуждать человека, проведя его путем мучительно-го самоанализа и самоочищения.

Литература

- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
- Башмакова, М. Евгений Водолазкин: «Миф не ложь, а скорее, наше активное отношение к факту» / М. Башмакова. – URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (дата обращения: 07.12.2024).
- Белоусова, Е. Г. Память и забвение в романе Е. Водолазкина «Чагин» в свете проблемы персональной идентичности / Е. Г. Белоусова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 76–79.
- Вайнберг, И. И. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького: Историко-литературный комментарий / И. И. Вайнберг. – М. : Просвещение, 1971. – 381 с.
- Визель, М. Евгений Водолазкин: «Личность – это память» / М. Визель. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-lichnost-eto-ramiat> (дата обращения: 05.12.2023).
- Водолазкин, Е. Чагин / Е. Водолазкин. – М. : Издательство «АСТ»; Редакция Елены Шубиной, 2022. – 378 с.
- Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 16. Рассказы, повести. 1922–1925 / М. Горький. – М. : Художественная литература, 1952. – 603 с.
- Горький, М. Лев Толстой / М. Горький. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-...> (дата обращения: 17.09.2024).
- Лейдерман, М. Непрочитанный Горький / М. Лейдерман // Урал. – 2008. – № 7. – С. 122–129.
- Петухова, Е. Н. В плену памяти (роман Евг. Водолазкина «Чагин») / Е. Н. Петухова, О. И. Митрофанова, Е. В. Ардагова // Русская литература в иностранной аудитории : мат-лы XV межд. науч.-практ. конф. «Язык русского текста как инструмент межкультурного диалога на занятиях в иностранной аудитории. 17 ноябр. 2023. Вып. 12. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. – С. 51–61.
- Пророков, М. «Чагин, чудо памяти» / М. Пророков // Коммерсант. – 2022. – 31.10. – № 202.
- Роман М. Горького «Жизнь Клим Самгина» – роман века. Современный взгляд : сборник научных статей. – СПб. : РГГУ – РХГА, 2020. – 356 с.
- Сухих, С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького / С. И. Сухих. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Нижний Новгород : Издательство ООО «Поволжье», 2007. – 216 с.
- Шаргунов, С. Интервью. Евг. Водолазкина «Чагин. “Открытая книга”» / С. Шаргунов. – 2024. – URL: shargunov.com/video/evgeniy-vodolazkin-chagin.html (дата обращения: 15.10.2024).

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo. 423 p.
- Bashmakova, M. *Evgenii Vodolazkin: «Mif ne lozh', a skoree, nashe aktivnoe otnoshenie k faktu»* [Evgeniy Vodolazkin: «A Myth is not a Lie, but Rather Our Active Attitude Towards a Fact»]. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (mode of access: 07.12.2024).

Belousova, E. G. (2024). Pamyat' i zabvenie v romane E. Vodolazkina «Chagin» v svete problemy personal'noi identichnosti [Memory and Oblivion in E. Vodolazkin's Novel "Chagin" in the Light of the Problem of Personal Identity]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Vol. 24. No. 4, pp. 76–79.

Gorky, M. (1952). *Sobranie sochinenii: v 30-ti t.* [Collected Works, in 30 vols.]. Vol. 16. Rasskazy, povesti. 1922–1925. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 603 p.

Gorky, M. *Lev Tolstoi* [Lev Tolstoy]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-...> (mode of access: 17.09.2024).

Leyderman, M. (2008). Neprochitannyy Gor'kii [Unread Gorky]. In *Ural*. No. 7, pp. 122–129.

Petukhova, E. N., Mitrofanova, O. I., Ardatova, E. V. (2024). V plenu pamyati (roman Evg. Vodolazkina «Chagin») [In Captivity of Memory (Novel by Evg. Vodolazkin "Chagin")]. In *Russkaya literatura v inostrannoi auditorii: mat-ly XV mezhd. nauch.-prakt. konf. «Yazyk russkogo teksta kak instrument mezhkul'turnogo dialoga na zanyatiyakh v inostrannoi auditorii. 17 noyabr. 2023. Issue 12.* Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, pp. 51–61.

Prorokov, M. (2022). «Chagin, chudo pamyati» ["Chagin, Miracle of Memory"]. In *Kommersant*. No. 202.

Roman M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» – roman veka. *Sovremennyi vzglyad* [M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin" is the Novel of the Century]. (2020). Saint Petersburg, RGGU – RKhGA. 356 p.

Shargunov, S. (2024). *Interv'yu. Evg. Vodolazkina «Chagin. "Otkrytaya kniga"»* [Interview. Evg. Vodolazkina "Chagin. 'Open Book'"]. URL: shargunov.com/video/evgeniy-vodolazkin-chagin.html (mode of access: 15.10.2024).

Sukhikh, S. I. (2007). *Zabluzhdenie i prozrenie Maksima Gor'kogo* [Misconception and Epiphany of Maxim Gorky]. 2nd edition. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo OOO «Povolzh'e». 216 p.

Vainberg, I. I. (1971). «Zhizn' Klima Samgina» M. Gor'kogo: *Istoriko-literaturnyi kommentarii* ["The Life of Klim Samgin" by M. Gorky: Historical-literary Commentary]. Moscow, Prosveshchenie. 381 p.

Vizel, M. *Evgenii Vodolazkin: «Lichnost' – eto pamyat'»* [Evgeniy Vodolazkin: "Personality is Memory"]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-lichnost-eto-pamiat> (mode of access: 05.12.2023).

Vodolazkin, E. (2022). *Chagin* [Chagin]. Moscow, Izdatel'stvo «AST», Redaktsiya Eleny Shubinoi. 378 p.

Данные об авторе

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник, сектор истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: tas0905@rambler.ru.

Author's information

Snigireva Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Leading Researcher, Department of the History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 09.12.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 09.12.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 821.161.1-93. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136. ББК Ш338(2Рос=Рус)64-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Гапонова Ж. К.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>
SPIN-код: 9005-6469

Никкарева Е. В.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>
SPIN-код: 7891-5548

А н н о т а ц и я. Социокультурные представления о семье отражают традиционные взгляды русского человека на функцию старших родственников как трансляторов ценностей последующим поколениям, однако, наряду с этими представлениями, остро встает вопрос о готовности подростков (представителей последующих поколений) принимать передаваемые ценности, об ощущении ими себя внутри своего рода, семьи. В статье предпринята попытка рассмотреть произведение современной русской литературы для детей и подростков – повесть О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» – как повествование, актуализирующее проблемы взаимоотношений нескольких поколений одной семьи: реализуется архетипический сюжет взросления героя-подростка как формирования семейно-родовой идентичности, осознание им себя в качестве лица, ответственного за жизнь и устойчивость собственной семьи, хранителя ее истории и традиций. Предлагается модель описания семейной идентичности героя-подростка, в которой нами вслед за С. С. Строковой выделяются эмоциональный, когнитивный, поведенческий и ценностный компоненты, последовательно рассматривается их реализация в анализируемом тексте. Авторы приходят к выводу, что художественный мир, созданный О. Колпаковой, направлен на всестороннее исследование и репрезентацию семьи как микрокосма, а также на создание контекста восприятия подростком истории своей семьи и своего рода как неотъемлемой части истории Отечества. По мнению авторов, писателю удастся рассматривать семейную память в аспекте построения идентичности благодаря выбору в качестве фокального персонажа подростка, выстраивающего автобиографический нарратив: героиня познает себя в диалоге с «другими», постоянно идентифицирует себя с представителями своей многопоколенной семьи. Осознание своей принадлежности к семье и гордость за своих предков приходят к героине благодаря осмыслению своего соответствия канонам семьи. Демонстрация формирования семейной идентичности подростком писателю удастся в результате акцентирования внимания на разных аспектах повествования: мотиве имянаречения родных, семейных традициях, отборе событий как «узловых этапов биографии», демонстрации особенностей «дедовского» языка и других.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семейная идентичность; компоненты семейной идентичности; детская и подростковая литература; О. Колпакова; «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки»; дедушка; память

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я: Гапонова, Ж. К. Концептуализация семейной идентичности в современной литературе для подростков / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 129–136. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136.

CONCEPTUAL REPRESENTATION OF FAMILY IDENTITY IN MODERN YOUNG ADULT LITERATURE

Zhanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

A b s t r a c t. Sociocultural ideas about the family in Russia reflect the traditional views on the role of older relatives in passing values on to younger generations. However, along with these ideas, there is also a question of the readiness of adolescents (representatives of the younger generation), to accept these values and their sense of belonging to their family. The article makes an attempt to analyze a work of modern Russian children's and young adult literature – the novella “Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers” by O. Kolpakova – as a story that explores the relationships between different generations of a family. It realizes the archetypical plot of growing up of the young protagonist as a process of formation of the person's family identity, as an understanding of their role as someone responsible for the life and stability of their family, acting as a keeper of its history and traditions. Drawing on the works of S. S. Strokov, the authors of the article present a model for describing the family identity of a teenage character,

comprising the emotional, cognitive, behavioral, and value-based components and explore their realization in the text under study. The authors argue that Kolpakova's artistic world is aimed at a comprehensive study and representation of the family as a microcosm and at creation of a context of a teenager's perception of their family history as an integral part of the history of their Motherland. According to the authors of the article, the writer manages to present the family memory in the context of building identity via choosing a teenage protagonist as the focal character building an autobiographical narrative: the female main character explores herself through dialogue with others, continuously identifying herself with her multigenerational family members. The main character's awareness of her connection to her family and pride in her ancestors come through her understanding of her correspondence to the family values. The writer successfully demonstrates the formation of the character's family identity through various aspects of the story: the motif of name giving of relatives, the family traditions, the selection of events as "significant stages in the biography", the demonstration of the features of the "grandfather's language", etc.

Key words: family identity; components of family identity; children's and young adult's literature; O. Kolpakova; "Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers"; grandfather; memory

Acknowledgments: The study was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>).

For citation: Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2025). Conceptual Representation of Family Identity in Modern Young Adult Literature. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 129–136. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136.

Подводя итоги первого десятилетия нового века, исследователи отмечали, что развитие семейных ценностей в России 2000-х, где родительство становится самостоятельной ценностью, «отличается по смыслу от аналогичных процессов 1970–1990-х годов». И. Кукулин и М. Майофис предлагают определять новую психологическую установку, при которой семейные взаимоотношения рассматриваются не как сами собой разумеющиеся, но как проблематизированные, требующие пересоздания «здесь и сейчас» в результате «совместного творчества всех членов семьи, приносящего удовольствие каждому», как «кооперационное или неимперативное родительство», дающее возможность выхода каждого из членов семьи за пределы «естественного» патриархального социального порядка, восприятия семейных ролей, связанных с гендером и возрастом [Кукулин, Майофис 2010]. Закрепить в общественном сознании гуманистические ценности детско-взрослых отношений, основанные на идеях инклюзии и толерантности, призвана, как отмечает Е. А. Асонова, новейшая литература для детей и подростков [Асонова 2010: 89–90]. При таком подходе она может быть рассмотрена не только как художественный текст или как текст, воспитывающий те или иные качества ребенка, но и в качестве социальной институции, «опосредующей субъектность читателей» [Садриева 2019: 68], формирующей их социальную идентичность.

Если осознание роли детской литературы как инструмента первичной и вторичной социализации в советский период приводило государство к необходимости направлять усилия на формирование «правильного» образа семьи как «локуса первичной социализации», формирование канона текстов для детей, с одной стороны, пропагандирующих коллективизм и правильное мышление, а с другой – воспитывающих «ответственность, чувство долга перед семьей, отцом, матерью, перед Родиной» [Тимофеева 1987], то в литературе для детей и подростков постсоветской России одной из ключевых тем стал остро ощущаемый кризис семьи. И хотя литература, адресованная дошкольникам и младшим школьникам, продолжала рассказывать о важности места, занимаемого ребенком в

современном мире, обеспечивая ощущение безопасности в стремительно меняющейся реальности [см. об этом подробнее: Лану, Херолд, Бухина 2024], то литература для подростков первых постсоветских десятилетий лишала героя права на психологическое благополучие даже внутри семейного круга, семья выступала в качестве одной из властных институций, с которыми подросткам приходилось бороться.

Рассматривая период после 2012 г. в развитии отечественной прозы для подростков как вторую волну, существенным отличием которой становится ориентированность на субъектность персонажа-подростка, приравниваемая «к речи и возможности поведать собственную историю», авторы монографии «Прощание с коммунизмом: Детская и подростковая литература в современной России (1991–2017)» Андреа Лану, Келли Херолд и Ольга Бухина определяют перспективу развития современной подростковой литературы как появление «нового типа произведений, которые бы не только отражали поколенческий разрыв, вызванный травматической социальной ситуацией, но и старались связать поколения между собой» [Лану, Херолд, Бухина 2024: 193]. В этой связи особую актуальность приобретают произведения, в которых семья, наряду с ролью института социализации, выполняет функцию своего рода «места памяти», а основным нарративным качеством этих текстов является гибридность – смешение автобиографического, документального и фикционального письма в рамках одного нарратива, – стирающая четкие границы между пережитым и придуманным, между фактом и фикцией. Семейная идентичность как образ «Мы», таким образом, тесно соседствуя с проблематикой *memory studies*, получает в художественном дискурсе различные формы репрезентации механизмов когнитивной и аффективной переработки опыта предков в соответствии с собственными целями и ценностями. При этом следует учитывать, что в подростковом возрасте (7–8 классы) самостоятельное досуговое чтение, как и изучение литературы в школе, по мнению В. И. Тютюпы, должно быть направлено на развитие эстетического вкуса и эмоциональной рефлексии, поэтому особое внимание при анализе и обсужде-

нии прочитанного произведения подростки уделяют субъективной составляющей произведения [Тюпа 2001: 41].

В силу вышеизложенного заявленная в статье проблема концептуализации семейной идентичности средствами современной литературы для подростков представляется весьма актуальной, но заставляющей исследователя столкнуться с рядом «подводных камней».

Во-первых, семейная идентичность, являясь одним из важнейших видов социальной идентичности, все еще остается недостаточно изученной.

Во-вторых, нет четкой границы между такими понятиями, как семейная идентичность и родовая идентичность, некоторые исследователи при этом предпочитают говорить о семейно-родовой идентичности.

В-третьих, при вариативности форм современной семьи в термин «семья» в соответствии с государственной семейной политикой вкладывается представление об определенном типе семьи – «здоровой, законопослушной и традиционной» семье, основу которой составляет супружеская пара с детьми или без [Климантова 2002: 121]. В современной литературе для подростков представлены зачастую иные варианты семей, отличающиеся от общественно одобряемого образа.

В-четвертых, тема семьи как нравственной основы человеческого бытия пронизывает всю отечественную литературу. Расхожей, и зачастую уже не рефлексированной, является практика выделения в произведениях мотива семьи, утверждающей передающиеся из поколения в поколение нравственные устои, общечеловеческие ценности. Однако не в любом произведении, в котором представлен образ семьи и реализован этот мотив, на наш взгляд, можно говорить о концептуализации семейной идентичности. Последнее предполагает создание художественного нарратива, при котором реализуется архетипический сюжет взросления как формирования семейной (и шире – родовой) идентичности, «сознательного» (К. Кларк) вхождения индивида в семью, но уже в качестве лица, ответственного за жизнь и устойчивость данной социальной группы, хранителя ее истории и традиций. При этом творимый автором художественный мир направлен на всестороннее исследование и репрезентацию семьи как микрокосма, а также на создание контекста восприятия подростком истории своей семьи и своего рода как неотъемлемой части истории Отечества. Появление подобных произведений стало новой ступенью развития литературы для подростков, поскольку демонстрировало изменение характера агентности: независимость, веру в собственные силы, умение справляться с трудностями дает герою-подростку ощущение «за собою прошлого, культуры, рода...» [Флоренский 1999: 29].

С. С. Строкова предлагает модель описания семейной идентичности, выделяя эмоциональный, когнитивный, поведенческий и ценностный компоненты [Строкова 2014]. С опорой на представленную модель может быть описана в том числе и

специфика репрезентации семейной идентичности героя-подростка в повести Ольги Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки».

Как отмечает Екатерина Харитонова, «тема памяти – исторической и локальной, семейно-родового уклада жизни, межпоколенческих отношений относится к числу константных в творчестве О-льги Колпаковой» [Харитонова 2020: 357]. Как и в повести, в рассказах «Большое сочинение про бабушку», с которой началось знакомство подростков с творчеством Ольги Колпаковой, в повести «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» «базовые ценности и смыслы оказываются сконцентрированы в круге семейно-родовой жизни, становящемся аксиологическим и онтологическим центром, позволяющим обрести опору во внешнем мире» [Харитонова 2020: 359].

Перед читателем предстает столь редкая в современном обществе традиционная многопоколенная семья Русановых, проживающая в сибирском селе Находня. Примечательно, что фамилия Русанов принадлежит к древнейшему типу русских фамилий, образованных от мирского имени – прозвища. Существует также версия о том, что прозвание *Русан* могло иметь и другое значение, в частности так могли называть выходца из русских земель, или русского человека вообще [Фамилия Русанов]. В выборе фамилии героев произведения, таким образом, можно уловить связь со всем русским народом, а за событиями частной истории – судьбы всех тех, кто жил в стране в период с 1908, когда Русановы переселились в Находню, до 2018 года, когда происходит действие повести. Семью Русановых можно определить как патриархальную, в тексте неоднократно подчеркивается, что ее основу составляет старшее поколение. «У нас многодедная семья. – рассказывает шестнадцатилетняя Полина. – Есть младший дед, средний дед, старший дед и прадед Семён, которого мы иногда дедуней зовем» [Колпакова 2022: 10]. Подобный образ семьи можно назвать уникальным для современной детской и подростковой литературы, отражающей демографическую ситуацию преобладающего количества женщин в составе российских семей. Дедушка чаще выступает как внесюжетный персонаж, о судьбе которого ребенку рассказывают старшие родственники или его история становится объектом исследования/расследования («Сад имени Т.С.» М. Ботева; «Давай поедим в Уналашку» А. Красильщик; «Где нет зимы» Д. Сабитова)¹. Поэтому обращает на себя внимание следующее утверждение Полины: «Я понимаю, что в других семьях дедов не меньше, но они как-то рассредоточены по планете. А наши почти все в одной деревне» [Колпакова 2022: 10]. Подобная установка на типизацию уникального опыта, на наш взгляд, имеет задачей подчеркнуть сопоставимость жизненного опыта героини с жизненным опытом читателя, уже в начале

¹ Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 149.

чтения зародив в его сознании вопросы относительно истории собственной семьи.

Создавая, как указано в аннотации, «*семейный портрет на фоне эпохи*» [Колпакова 2022: 4] Ольга Колпакова выбирает довольно сложную форму. Аккумулирующее коллективную память семейное жизнеописание, автором которого становится шестнадцатилетняя Полина, интегрировано в произведении Ольги Колпаковой в повествование о повседневных занятиях детей во время летних каникул. Выбор подростка в качестве фокального персонажа, выстраивающего фикциональный автобиографический нарратив, позволяет автору рассматривать семейную память в аспекте построения идентичности. Для Полины «Я» как рефлексивный проект предполагает познание себя в диалоге с «другими», идентификацию с определенной группой, в качестве которой в повести выступает семья, отношение к истории как к обособнованию идентичности: «*Это прошлое может свести с ума, поэтому с ним нужно как-то разобраться, чтобы спокойно жить настоящим*» [Колпакова 2022: 196]. В повести актуализированы все четыре компонента модели семейной идентичности.

Эмоциональный компонент предполагает постулируемое в тексте отношение к образу семьи, членам семьи, себе как к члену семьи и проч. Ощущая себя частью семьи, Полина, как и представители старшего поколения, использует местоимение «мы» и его производные. В повести «*Русановы*» нередко предстают как коллективный субъект («*на рассвете Русановы закололи курицу*» [Колпакова 2022: 85]). Ее отношение к предкам наиболее емко выражено в образе супергероя: «*Наши деды – супергерои*» [Там же: 32], но при создании индивидуальных портретов Полина конкретизирует свое отношение к каждому из них. Например, «*Дедушка Федосей <...> самый странный. Или удивительный – это как посмотреть. Мы смотрим на него заворуженно*» [Там же: 84]. Ощущение родства, душевной близости со своими предками на эмоциональном уровне выражается через глагол «скучать» («*...я по ним скуучаю*» (здесь и далее выделение **полужирным курсивом** сделано авторами статьи – Ж. Г., Е. Н.), *хотя никогда их не видела*) [Там же: 82]).

Когнитивный компонент семейной идентичности предполагает указание на свою принадлежность к семье, осмысление нарратором опыта, полученного в семье, оценку степени своего соответствия канонам семьи, репрезентацию представления об идеальном образе семьи, актуализацию таких интегративных концептов, как «*фамильная честь*», «*семейные традиции*» и «*семейная память*».

Концептуализация семейной идентичности как текстообразующая авторская стратегия позволяет говорить об этом компоненте как об основном, необходимом для «сознательного» (К. Кларк) вхождения индивида в семью. Его актуализация происходит на всех уровнях повествования. Так, например, мотив преемственности поколений реализован через указание на единство происхождения: «*Семья Русановых – переселенцы из-под Воронежа*» [Колпакова 2022: 21].

Подросток-нарратор акцентирует внимание на мотивах имянаречения: «*Когда Кузьма родился, мы не знали, что он будет Кузьмой. Какое-то старинное имя, домовёнковское или кошачье <...> <Отец> самостоятельно зарегистрировал братца в честь нашего прямого предка – прапрадеда Кузьмы Анисимовича. Вообще-то у нас в семье не принято <...> давать имена в честь родственников. <...> Хотя иногда деды называют меня Пелагеей, как мою прапрабабушку, но по паспорту я Полина*». На мотиве перемены имени, отчества, фамилии. И здесь особняком стоит глава «*Жизнь без суперсилы*» о деду Афанасьиче, который во время репрессий представителей церкви **сменил имя и отчество**: «*Но что-то нам всем по этому поводу обидно, да. Словно предал. Ладно имя. А новым отчеством ведь он себя от семьи оторвал*» [Колпакова 2022: 223], говорит дедушка Валера.

Осмысление связей с предками происходит и через указание на традиции выбора профессии, рода занятий: «*дедушка рассказал про школу. И мне впервые захотелось быть учителем*» [Колпакова 2022: 42]; «*Среди нашей родни <...> нет никого, о ком пишут в учебниках. Мы всегда жили в деревне и занимались крестьянскими делами*» [Там же: 31].

Полученный в семье опыт осмысливается подростком через категорию «нормы», которая в повести реализуется не как система правил, разрешений и запретов, но как обычай: «*Вообще-то у нас в семье не принято несколько вещей: плакать на людях, целоваться при встрече и давать имена в честь родственников*». Соответствие канонам семьи достигается в этом случае добровольным следованием заведенному «порядку». Характерная присказка старейшего из Русановых – прадеда Семена: «*Вот теперь порядок*» [Колпакова 2022: 253], позволяет говорить о порядке как о разумном (правильном) ходе вещей: «*...слово “порядок” вообще в нашей семье ключевое. Правда, этот порядок каждый представляет по-своему*» [Там же: 17].

Отбор событий в повести определяется их статусом «узловых этапов биографии» предка, концентрирующих судьбоносные события личной жизни во взаимосвязи с историей семьи и страны. Так, например, из биографии деда Федосея выбран эпизод визита в Сибирь делегации из Индии, когда его в знак благодарности погладила по голове Индира Ганди. Оценка этого случая нарратором: «*Больше никогда в жизни никого из нашей семьи такое большое начальство по голове не гладило, ни зарубежное, ни местное*» [Колпакова 2022: 88], актуализирует значение фразеологизма «по головке не погладят» и в контексте художественного целого воспринимается уже не как наивность ребенка, но как указание на те исторические перипетии, в которых «перемололо» семью. Упоминаемые заслуги прадедов перед семьей («*...отец на пустом месте выдюжил, семью поднял*» [Там же: 150]) и перед страной («*в нашей деревне лучше всех целину поднимал наш прадед Семен Кузьмич Русанов*» [Там же: 85]), представляют как испытания на соответствие канонам семьи, сохранение «семейной чести» (ср.: «*чтобы совсем своими в Советской стране стать, надо было не просто*

жить по-советски. Надо было громко заявить, как ты презираешь своих предков» [Там же: 151]).

Концепция «семейной памяти» реализована в повести через рассказываемые дедушками истории, представленные изначально как устная речь героев (Полина даже записывает их на диктофон), они сливаются с «письменной» речью персонажа-нарратора, когда подросток досказывает историю, начатую как свидетельство. При этом позиции дедушек-рассказчиков относительно одних и тех же событий могут существенно отличаться. Мотив «историй» является одним из центральных в повести. В нем реализуется диалектическая связь «документального» и «художественного», поскольку точка зрения персонажа-нарратора не предполагает конфликта факта (биографического и исторического), ни с устными рассказами-воспоминаниями дедушек, ориентированными на личное свидетельство и, согласно П. Рикеру, представляющими собой «основополагающую структуру перехода от памяти к истории» [Рикер 2004: 44], ни с презентацией этих фактов в записях Полины. В повести отсутствует принципиальное противопоставление рассказов-свидетельств и семейных преданий. Разговор со старшими как сюжетная ситуация позволяет реализовать межпоколенческий диалог, в котором дедушкам отводится роль трансляторов исторического и аксиологического опыта рода, и шире – всего русского народа. Восприятие истории как синтеза фактуального и фикционального проявляется в отсутствии противопоставления глаголов «записывать» и «сочинять»: «*Этой весной я тоже начала записывать истории. И пока я их сочиняю, я ставлю на паузу настоящее...*» [Колпакова 2022: 30]. Из этих рассказов складывается история семьи Русановых, объективированная в сознании подростка, о чем свидетельствует выбор глагола «знать»: «*Я знаю историю своей семьи всего лет на двести назад*» [Там же: 30].

События повести разворачиваются в семейно-родовой перспективе. Помимо четырех поколений семьи Русановых, не сменяющих одно другое в контексте соответствующих исторических эпох, как в семейных хрониках, но присутствующих в художественном мире повести одновременно, повествователь рассказывает историю основателя рода Кузьмы I, упоминает и более далеких предков Русановых и «*будущих родственников по маминной линии*» [Колпакова 2022: 25], живших на берегу протоки за триста лет до переселения в Сибирь семьи Русановых, а благодаря «*письму потомкам*», которое пишет «*младшее поколение*», реализует представление об идеальном будущем семьи. Действие в повести ретроспективно захватывает ряд травматических событий XX века: революцию, раскулачивание и последующую коллективизацию, Великую Отечественную войну, эпоху застоя, перестройку и другие. И чем дальше в своем исследовании прошлого рода Русановых продвигается героиня, тем более драматичные события попадают в поле ее зрения. При этом дедушки предстают как «частные лица, чья жизнь «оказывается неразрывно связанной с меняющейся исторической ситуа-

цией» [Малкина 2008: 88]. События из жизни семьи локализуются в большом историческом времени: «*...если в этой истории участвует твой родственник, если ты присматриваешься, то каждая мелочь начинает иметь значение...*», говорит дед Федосей [Колпакова 2022: 126]. Отнесенные в прошлое события выстраиваются в самостоятельный нарратив в том числе и за счет научно-популярных вставок-комментариев Ивана Привалова, расширяющих контекст исторического события.

Изображая все более глубокое погружение героини в историю своей семьи, О. Колпакова использует прием «обратного перевода» – с привычного Полине языка на «дедовский»: «*Они начали тренировать пофигизм, или, по деду-Федосеевскому, невозмутимость...*» [Колпакова 2022: 188]. Рефлексия над меняющимся языком как одна из стратегий освоения опыта прошлого, таким образом, играет в повести существенную роль («*Не работали старые слова для нового времени*» [Там же: 188]), что особенно показательно при отсутствии в модели мира героини противопоставления различных временных планов на уровне бытовых реалий.

Нарративный принцип включения в текст рассказов-воспоминаний, представляющих собой как бы ответвления от основной сюжетной линии, ограниченной летними каникулами, символически воплощается в образе старой ветлы, привезенной из-под Воронежа и посаженной Кузьмой Первым в честь рождения сына Семена в 1908 году, когда Русановы поселились в Находне. Мультимодальный символ – ветла – отражает историю рода: «*спил ветлы у самого корня, огромный круг с годовыми кольцами, на которых записана история нашей семьи на этой земле*» [Колпакова 2022: 258], – и в то же время, восходя к мифологеме мирового древа, что актуализировано в тексте повести («*...словно не упало дерево ста с лишним лет, а обрушилась гора, сломалась сама земная ось*» [Там же: 226]), выступает образом того, что несет отказ от прошлого. Интересно, что именно «гибель» ветлы смещает акцент с символического образа памяти – «цветные разномастные ленточки» на ветвях, на документальный – семейные фотографии: «*На фотобумаге начинали медленно проявляться фигуры <...> Люди на карточке сидели и стояли, глядя на нас сквозь небольшой слой воды и через время – такое плотное, что хода через него не было <...> Допечатав, мы рассматривали людей на фото при свете, а они с ответственностью и надеждой смотрели на нас*» [Там же: 246]. И если в интерпретации Полины фотографии выступают в качестве артефактов, обеспечивающих чувство единения, связь с членами семьи, которых дети никогда не видели, то прадед Семен акцентирует внимание на иллюзорности семейного единства, которое дают нам общие фотографии, по отношению к подлинному ощущению родства. На предложение деда Афанасьяча: «*Надо сфотографироваться всем вместе*» он отвечает: «*...жить надо всем вместе, друг за друга держаться <...> потому что не нужен ты никому, кроме родных*» [Там же: 253].

Концепт «семейной памяти» актуализирован и через другие артефакты. В качестве фамильной

реликвии называются три царских червонца, в книге имитируются копии подлинных документов, например, к сообщению о том, что прадеду Семёну 110 лет, прилагается «репринт» листа сельхозпереписи 1917 года (передаются особенности графики 1917 года: наличие кириллических букв ь, і, ъ; названия, характерные для того периода: *притисной к селению, надельный*) [Колпакова 2022: 11–13]. Сориентироваться в обширном историческом материале и выстроить свои собственные причинно-следственные связи читателю помогают «карты повествования» [Губайдуллина 2022]: временные шкалы («Хронология событий»), генеалогическое древо («Семья Русановых»).

Поведенческий компонент предполагает наличие ритуалов, в которые герой вступает для поддержания причастности к семье, а также ритуалов, имеющих своей целью передачу и сохранение семейного опыта и проч.), а также поступков и действий, направленных на присвоение, сохранение и обогащение семейно-родового опыта. Большинство описанных в повести бытовых действий, таких как «*баня для прадеда Семена*» [Колпакова 2022: 211], изготовление сыра, заготовка веток для венков, имеют ритуальную составляющую. Как своего рода ритуал описано и посещение живущего отдельно на заимке прадеда Семена, здесь у каждого есть своя роль: «*Нас, дежурных по прадеду, в семье восемь человек <...> На печке разобрать – это Данькина работа, потому что там у него легодром*» [Там же: 20]. Одним из центральных смыслообразующих сюжетов, демонстрирующих ритуальную основу семейной идентичности, в повести является поход на вершину Сторожевую, откуда пропавший без вести брат прадеда Семена Дмитрий, мог последний раз посмотреть на родной дом, чтобы по алтайской традиции принести подарок духам: «*...дедушка Федосей вытащил <...> свой камень и показал нам на небольшую рукотворную пирамидку из камней рядом с самым большим валуном <...> мы положили свои камни*» [Там же: 121–122]. В повести дедушка Федосей впервые берет с собой внуков, приобщая их к роли хранителя семейной памяти: «*Последний раз я на Сторожевую поднялся, тяжело. Ну да вы теперь дорогу знаете*», – говорит он.

Ценностный компонент предполагает демонстрацию приоритета семейных интересов над личными через воплощение типа героя-подростка — наследника.

Образ «супергероя», обладающего суперсилой актуализирует диалог с традицией американских комиксов о супергероях, однако, предлагает индивидуально-авторскую интерпретацию этого сюжета: включенное в культурный опыт современного подростка понятие, обозначающее сверхъестественные или паранормальные способности, эволюционирует с развитием сюжета: от его понимания как суперспособности – того, «что можешь ты и не может никто вокруг» к актуализации различных значений слова сила в русском языке («Способность человека к психической и мыслительной деятельности, к проявлению умственных и душевных свойств (воли, ума, характера и т. п.)»; «То, что

создаёт, обеспечивает преимущество, власть, авторитет», а также получает индивидуально-авторскую коннотацию, воплощая представление о **точках опоры**, помогающих семье преодолеть все трудности.

Суперсилы передаются от дедов к внукам-наследникам, однако у каждого из внуков обнаруживается и своя собственная суперсила. Внуки последовательно на протяжении всего повествования собирают суперсилы по крупицам, определяя таланты своих дедов и прадедов. Сюжетный мотив суперсилы делает возможным и выход на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, механизм репрезентации которого можно описать как трансляцию традиционных ценностей в формулах массовой культуры, актуальных для современного подростка. Так, восходящий к притче о блудном сыне сюжет ухода и возвращения в семью деда Афанасьича и возникающий в этой связи мотив прощения актуализированы через трансформацию прецедентной цитаты из романа «Гарри Поттер и философский камень»: «*Нужна суперсила, чтобы попросить прощения. И двойная суперсила, чтобы простить*» [Колпакова 2022: 254].

Осознание Полиной своей суперсилы как рефлексивной ценности, приводит героиню не только к личностному самоопределению, когда она принимает на себя роль хранителя памяти семьи, продолжателя семейного дела, но открывает для героини и новый (кроме прошлого и настоящего) темпоральный вектор – в будущее. Полина метафорично определяет свою суперсилу – доводить дело до конца: «*А тут вдруг у меня появилось такое чувство, будто я собираю рюкзак. Такой, который ни при каком раскулачивании, продрозверстке, национализации, даже ни при каком пожаре и потопе у меня не отберут. Виртуальный рюкзак... у меня есть шанс положить в него реальное “Я варила сыр, я умею варить сыр, и я смогу сварить сыр”*» [Колпакова 2022: 237]. Поэтому показательно, что именно, начав сочинять ответ предкам на послание из 1968 г. после того, как в школе была вскрыта капсула времени, Полина впервые пытается отразить свое место в истории, но как транслируемый уже самой героиней опыт ее точка зрения получает риторическое завершение в письме потомкам, которое она пишет вместе с братьями: «*Будь кем хочешь! Будь самим собой. Найди свою суперсилу! Это действительно прикольно!*» [Там же: 259].

Таким образом, именно в подростковый период идентичность, по мысли Э. Эриксона, достигает кульминации в форме «острого осознания идентичности». В этот момент становится возможным проследить наличие связи между ощущением себя в прошлом, настоящем и будущем [Эриксон 2006: 175]. Включение в круг чтения подростков произведений, в которых текстообразующей авторской стратегией является концептуализация семейной идентичности, может помочь подростку отчетливо осознать собственную роль в истории своей семьи, отразить бытующие в семье формы сохранения и воспроизводства семейной целостности и идентичности [Разумова 2001] на основании

развивающихся в повести мотивов семейного сходства, событийной повторяемости, наследования качеств внутри семьи, сохранения семейных реликвий, наделяемых символическим смыслом и обеспечивающих целостность родственного коллектива. Читая повесть О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», идентифи-

цируя себя с героями и проживая вместе с ними период летних каникул, читатель ненавязчиво приходит к пониманию важности приобщения к ценностям своей семьи, бережного отношения к традициям и взглядам, складывающимся поколениями, к осознанию семейной идентичности, принимая на себя роль наследника семейной памяти.

Литература

- Асонова, Е. А. Новые ценности в детско-родительских отношениях / Е. А. Асонова // *Pro et Contra*. – 2010. – Т. 14, № 1-2. – С. 78–93.
- Воротилова, С. В. Концепты семейно-родовой истории в контексте становления российской гражданской идентичности подростка / С. В. Воротилова // *Грани познания*. – 2013. – № 5 (25). – С. 8–14.
- Губайдуллина, А. Н. Мотив ностальгии по советской действительности в креализованных текстах современной детской иллюстрированной книги / А. Н. Губайдуллина, Е. С. Корвацкая // *Международный журнал исследований культуры*. – 2022. – № 2 (47). – С. 79–94. – DOI: 10.52173/2079-1100_2022_2_79.
- Климантова, Г. И. Государственная семейная политика – важнейшая политическая стратегия современной России / Г. И. Климантова // *Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики: аналитический вестник Совета Федерации РФ*. – 2002. – № 11 (167).
- Колпакова, О. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки / О. Колпакова ; ил. С. Кучер ; [ист. коммент. И. Привалова]. – М. : Пять четвертей, 2022. – 272 с.
- Кукулин, И. Возникновение гражданского родительского сознания / И. Кукулин, М. Майофис // *Pro et Contra*. – 2010. – Т. 14, № 1-2.
- Лану, А. Прощание с коммунизмом: Детская и подростковая литература в современной России (1991–2017) / А. Лану, К. Херолд, О. Бухина. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 368 с.
- Малкина, В. Я. Исторический роман / В. Я. Малкина // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008.
- Разумова, И. А. Потенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. – М. : Индрик, 2001. – 374 с. – (Традиционная духовная культура славян (ТДКС): Современные исследования).
- Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).
- Садриева, А. Н. Детская книга как социальная институция: механизмы социализирующего воздействия на читателя / А. Н. Садриева // *Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 октября 2019 года*. – Нижний Тагил : Садриева Анастасия Николаевна, 2019. – С. 65–74.
- Строкова, С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии / С. С. Строкова // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2014. – № 3 (82). – С. 8–22.
- Тимофеева, И. Н. 100 книг вашему ребенку: беседы для родителей / И. Н. Тимофеева ; Государственная публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – М. : Книга, 1987. – 255 с. – (Библиотека для родителей).
- Тюпа, В. И. Культура художественного восприятия и литературное образование / В. И. Тюпа // *Слово и образ в современном информационном обществе : сборник статей по материалам конференции, РГГУ, 25–26 окт. 1999 г.* – М. : РГГУ, 2001. – С. 28–42.
- Фамилия Русанов. – URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (дата обращения: 01.05.2023).
- Флоренский, П. А., священник. Причинные ряды в естествознании и генеалогические – в истории / о. Павел Флоренский // *Сочинения : в 4 т. Т. 3 (2)*. – М. : Мысль, 1999. – С. 27–66.
- Харитоновна, Е. В. Тема памяти и образы времени в повести Ольги Колпаковой «Большое сочинение про бабушку» / Е. В. Харитоновна // *IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти» : сборник материалов международной научной конференции, Челябинск, 26 февраля 2020 года*. – Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2020. – С. 357–359.
- Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии).

References

- Asonova, E. A. (2010). *Novye tsennosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh* [New Values in Child-Parent Relations]. In *Pro et Contra*. Vol. 14. No. 1-2, pp. 78–93.
- Erikson, E. (2006). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. 2nd edition. Moscow, Flinta, MPSI, Progress. 352 p.
- Familiya Rusanov* [Surname Rusanov]. URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (mode of access: 01.05.2023).
- Florensky, P. A., svyashchennik. (1999). *Prichinnye ryady v estestvoznanii i genealogicheskie – v istorii* [Causal Series in Natural Science and Genealogical – in History]. In *Sochineniya: v 4 t. Vol. 3 (2)*. Moscow, Mysl', pp. 27–66.

Gubaydullina, A. N., Korvatskaya, E. S. (2022). Motiv nostalgii po sovetskoj deistvitel'nosti v krealizovannykh tekstakh sovre-mennoi detskoj illyustrirovannoi knigi [Motif of Nostalgia for Soviet Reality in Creolized Texts of a Modern Children's Illustrated Book]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. No. 2 (47), pp. 79–94. DOI: 10.52173/2079-1100_2022_2_79.

Kharitonova, E. V. (2020). Tema pamyati i obrazy vremeni v povesti Ol'gi Kolpakovoi «Bol'shoe sochinenie pro babushku» [The Theme of Memory and Images of Time in Olga Kolpakova's Story 'A Big Essay about Grandma']. In *IX Lazarevskie chteniya «Liki traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: pamyat' kul'tury i kul'tura pamyati»: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 26 fevralya 2020 goda*. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury, pp. 357–359.

Klimantova, G. I. (2002). Gosudarstvennaya semeinaya politika – vazhneishaya politicheskaya strategiya sovremennoi Rossii [State Family Policy is the Most Important Political Strategy of Modern Russia]. In *Sem'ya: XXI vek. Problemy formirovaniya regional'noi semeinoi politiki: analiticheskii vestnik Soveta Federatsii RF*. No. 11 (167).

Kolpakova, O. (2022). *Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. Moscow, Pyat' chetvertei. 272 p.

Kukulin, I., Mayofis, M. (2010). Vozniknovenie grazhdanskogo roditel'skogo soznaniya [The Emergence of a Civic Parental Consciousness]. In *Pro et Contra*. Vol. 14. No. 1-2.

Lanu, A., Herold, K., Bukhina, O. (2024). *Proshchanie s kommunizmom: Detskaya i podrostkovaya literatura v sovremennoi Rossii (1991–2017)* [Growing out of Communism: Russian Literature for Children and Teens (1991–2017)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Malkina, V. Ya. (2008). Istoricheskii roman [Historical Romance]. In *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada.

Razumova, I. A. (2001). *Potaennoe znanie sovremennoi russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija* [The Hidden Knowledge of the Modern Russian Family. Genesis. Folklore. History]. Moscow, Indrik. 374 p.

Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, and Oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. 728 p.

Sadrieva, A. N. (2019). Detskaya kniga kak sotsial'naya institutsiya: mekhanizmy sotsializiruyushchego vozdeistviya na chitatelya [Children's Book as a Social Institution: Mechanisms of Socializing Influence on the Reader]. In *Detskaya kniga kak institut sotsializatsii: «zolotoi klyuchik» k miru vzroslykh: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Tagil, 24–25 oktyabrya 2019 goda*. Nizhny Tagil, Sadrieva Anastasiya Nikolaevna, pp. 65–74.

Strokova, S. S. (2014). Napravleniya izucheniya semeinoi identichnosti v psikhologii [Approaches to Family Identity Research in Psychology]. In *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. No. 3 (82), pp. 8–22.

Timofeeva, I. N. (1987). *100 knig vashemu rebenku: besedy dlya roditel'ei* [100 Books for Your Child: Conversations for Parents]. Moscow, Kniga. 255 p.

Tyupa, V. I. (2001). Kul'tura khudozhestvennogo vospriyatiya i literaturnoe obrazovanie [Culture of Artistic Perception and Literary Education]. In *Slovo i obraz v sovremennom informatsionnom obshchestve: sbornik statei po materialam konferentsii, RGGU, 25–26 okt. 1999 g.* Moscow, RGGU, pp. 28–42.

Vorotilova, S. V. (2013). Kontsepty semeino-rodovoi istorii v kontekste stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti podrostka [Concepts of Family and Patrimonial History in the Context of Establishment of the Russian Civil Identity of a Teenager]. In *Grani poznaniya*. No. 5 (25), pp. 8–14.

Данные об авторах

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: jangap1@mail.ru.

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Authors' information

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Dean of Faculty of Russian Philology and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Nikkareva Elena Viktorovna – Senior Lecturer of Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-4(Аддисон Д.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-137-147. ББК Ш33(4Вел)4-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

THE “GOLDEN AGE” IN JOSEPH ADDISON’S ESSAY *THE VISION OF JUSTICE* (*THE TATLER*, No. 100, 102, 1709)

Liudmila Yu. Makarova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

Abstract. This article examines the essay of an early English Enlightenment writer Joseph Addison *The Vision of Justice* (*The Tatler*, 1709, No. 100 and 102), which, like many of his works, reflects an engagement with the medieval visionary tradition. The study focuses on analyzing *The Vision of Justice* in relation to this genre, a perspective that has not previously been addressed in Russian literary studies. A historico-literary review has made it possible to outline the approaches of both Russian and English-speaking literary scholars to the study of Addison’s “allegorical” essays. The review has also identified unresolved questions concerning the author’s artistic vision and his reasons for incorporating elements of the visionary tradition. The relevance of analyzing *The Vision of Justice* from this genre perspective lies in the need to deepen the understanding of the distinctive features of Addison’s essayistic style and to assess the role of the visionary canon in Enlightenment literature. The study analyzes the headline complex and identifies the reasons behind the author’s interest in the themes of justice and the forthcoming “golden age,” introduced through the epigraph – the lines from Virgil’s Fourth Eclogue. In keeping with the spirit of the era, the author aligns himself with an esteemed poetic tradition while imparting contemporary relevance to the essay. The article also examines the figure of the narrator and visionary, Isaac Bickerstaff, whose reflections, experiences, and commentaries serve to articulate the author’s perspective. Then it goes on to explore the plot and compositional structure of the essay, identifying traditional motifs characteristic of medieval visions but creatively adapted by the author to model a transformed earthly realm. The analysis of society types and their morals reveals a convergence of moral judgments about humanity in both Enlightenment and medieval “visionary” narratives. Similarly, Addison’s narrative portrays the earthly world as encompassing a tribunal that administers justice. The commentary on the scenes of the restoration of justice in the world of men and women and the final reference to the lines from the eighth canto of Milton’s poem “Paradise Lost” allows formulating an idea of the author’s ideal of virtuous and reasonable humanity, which will relive the “golden age” again. The study concludes that the tradition of the genre of vision enables Addison to highlight the flaws of existence with irony while employing a utopian approach to the idea of humanity’s moral renewal. The author’s pathos and the themes of *The Vision of Justice* reflect the evolution of the genre of vision, which, during the Enlightenment, became a framework for addressing moral and ethical issues.

Keywords: English Enlightenment; genre; vision; essay; allegory; utopia

Citation: Makarova, L. Yu. (2025). The “Golden Age” in Joseph Addison’s Essay *The Vision of Justice* (*The Tatler*, No. 100, 102, 1709). In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 137–147. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-137-147.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» В ЭССЕ ДЖОЗЕФА АДДИСОНА «ВИДЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ» (*THE TATLER* № 100, 102, 1709 Г.)

Макарова Л. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3962-4262>

SPIN-код: 1834-1058

Аннотация. В статье рассматривается эссе раннего английского просветителя Дж. Аддисона «Видение справедливости» (*The Tatler*, 1709, № 100 и 102), которое наряду со многими произведениями писателя являет пример обращения к средневековому видению. Исследование «Видения справедливости» в соотношении с этой жанровой традицией определило цель работы. Историко-литературный обзор позволил представить подходы отечественных и англоязычных литературоведов к изучению «аллегорических» эссе Аддисона и обозначить круг нерешенных вопросов, связанных, во-первых, с художественным замыслом автора, побудившим его задействовать приметы видения, во-вторых, с функционированием визионерского канона в литературе Просвещения. Проанализирован заголовочный комплекс и выявлена причина интереса автора к теме справедливости и грядущего «золотого века», заданной эпитафией – строками из IV эклоги Вергилия: в духе эпохи автор приобщается к высокой поэтической традиции и придает эссе злободневное звучание. Рассмотрен образ повествователя и ясновидца Исаака Бикерстафа, чьи раздумья, переживания, комментарии способствуют выражению авторской позиции. Изучено сюжетно-композиционное строение эссе и определены традиционные мотивы, характерные для средневековых видений, но оригинально использованные автором, чтобы смоделировать картину преображенного земного круга. В ходе анализа общественных типов и их нравов увидено совпадение нравственных оценок человечества в про-

светительских и средневековых «визионерских» сюжетах; аналогично представлен в сюжете Аддисона земной мир, вмещающий в себя судилище, которое вершит правосудие. Комментарий сцен восстановления справедливости в мире мужчин и женщин и финального обращения к строкам из VIII песни поэмы Милтона «Потерянный рай» позволил сформулировать представление об авторском идеале добродетельного и рассудительного человечества, которое будет вновь переживать «золотой век». Сделан вывод о том, что традиция жанра видения позволяет Аддисону иронично высветить недолжные стороны бытия и реализовать утопический подход к идее нравственного обновления человеческого рода. Авторский пафос и проблематика «Видения Справедливости» свидетельствуют о динамике в жанре видения, который в эпоху Просвещения становится полем решения морально-этических проблем.

Ключевые слова: английское Просвещение; жанр; видение; эссе; аллегория; утопия

Для цитирования: Макарова, Л. Ю. «Золотой век» в эссе Джозефа Аддисона «Видение справедливости» (*The Tatler* № 100, 102, 1709 г.) / Л. Ю. Макарова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 137–147. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-137-147.

In the eighteenth-century English literature, an essay, emerging in the center of the historical and literary process, attracts various genre traditions with its experimental structure, among which medieval visions occupy a significant place. The genre memory and poetics of “one of the numerous forms of medieval didactic literature” [Yarkho 2024: 31] are found to be in demand within the works of the Enlightenment writers, who encourage readers to engage in reflection, open expression of opinions, and intellectual discourse. In the works of Jonathan Swift, Samuel Johnson, Daniel Defoe, and Oliver Goldsmith, we observe examples of the modification of the visionary tradition in the spirit of the era.

One of the writers who turned to the genre of visions in the early eighteenth century was Joseph Addison, who published *Vision of Mirza* in 1712. The distinctive “primacy” of this early Enlightenment figure is also reflected in the ironic remark of Charles Lamb. He noted that after the publication of *Vision of Mirza*, no essayist could publish a book without including a “vision.”¹ In Addison’s personal essays, or in collaboration with Richard Steele, published in *The Spectator* and *The Tatler*, he provides numerous examples of works that can be classified as “visions.” Subsequent issues of these journals explicitly referred to them as such in their titles, for example, *Vision of Table of Fame* (*The Tatler*, 1709, No. 81), *Vision of Maraton* (*The Spectator*, 1711, No. 56), and others. These “visions,” largely unknown to contemporary readers, are seldom studied. However, without examining them, any understanding of the role of the vision genre in the English Enlightenment literature would be incomplete.

This article focuses on Joseph Addison’s essay *The Vision of Justice*, published in *The Tatler* in 1709, in issues 100 and 102. The genre of vision is closely linked to the narrative, in which Isaac Bickerstaff, the well-known “mask” of Addison and Steele, recounts a vision of the goddess Justice, who heralds the return of the “golden age” on the Earth. Armed with the “mirror of truth,” the goddess restores to the wronged what was taken through fraud or theft, equalizes individuals in terms of property, finances, and rights. The first part of the vision is about the restoration of justice among the “male part of humanity.” The second part of the

vision shifts the “mirror of truth” to the “fairer half” of society. The narrative is accompanied by an epigraph from the fourth eclogue of Virgil’s *The Bucolics* and concludes with a quote from John Milton’s poem *Paradise Lost*. Of particular interest in this work is the development of the motif of divine justice, a recurring theme in visionary fiction, alongside the vivid depiction of the restoration of law and order on the Earth.

In addition to the numerous reprints of *The Tatler* throughout the eighteenth century, the essay was included into separate collections of Addison’s works in the nineteenth century, as well as in the multivolume edition *British Essayists*. It was published under the following titles such as *Goddess of Justice Distributing Rewards*, *Continuance of the Vision of the Goddess of Justice*² (1888), and *The Vision of Justice*³ (1906).

In English literary studies, research on Addison’s essays is closely linked to the examination of the essay as a genre. It was recognized as a “typically national form of English literature” [Upham 1908: 276]. However, its development in England was influenced by Montaigne’s French tradition. Scholars trace the history of the English essay from the works of Bacon, Cowley, and Dryden to its flourishing in the 19th century. They note its “extreme indefiniteness,” “incompleteness,” and “want of system” [Walker 1915: 2]. The scholars define the genre as “indeterminate” and “experimental” [Whitmore 1921: 551–552]. Despite its complexity, the essay is characterized by a “personal element” [Upham 1908; Walker 1915; Graham 1926]. David Russell writes that this feature contributed to the development of its “reflective” quality and “flexible” form. The essay maintains a direct connection to life. It provides an accurate representation of reality [Marr 1923; Humphreys 1959]. These qualities allow for various approaches to classifying essays. Such classifications are described in works like *Studies in the Early English Periodical* (1957). They also serve as a basis for analyzing the relationship between the essay and the novel. This relationship has been explored by Sutherland [2008] and Drury [1968]. The essay became an established genre in 18th-century English literature. Addison’s literary

¹ Lamb Ch. Review of the First Volume of Hazlitt’s Table Talk, 1821 (unpublished), in Lamb as Critic / ed. R. Park. Lincoln: University of Nebraska Press, 1980. P. 300. Quoted by: Russel D. Tact: Aesthetic Liberalism and the Essay Form in Nineteenth-Century in Britain. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2017. P. 21.

² Addison’s works. In Six Volumes. Vol. II: The Tatler and Spectator / with notes by Richard Hurd. London: Bell, 1860; The British essayists. Vol. II. Tatler // The British essayists. In 40 volumes / ed. J. Ferguson. London: J. Haddon for G. Offer, 1819. URL: <https://archive.org/details/vol2britishessayoounse/page/n3/mode/2up> (mode of access: 04.11.2024).

³ Essays of Joseph Addison / Chosen end edited by J. R. Green. London: Macmillan, 1880. 377 p.

essays played a significant role in this process. His work had many qualities that set him apart from his co-author Steele and later essayists. Marr describes Addison's essays as engaging narratives, "unity and completeness" of plots, "discussing sundry matters of passion and principle", and the decision "to attract the general reader to literary subjects, so often neglected" [Marr 1923: 34–37]. The study of Addison's short prose began in the last third of the 19th century. It continued in the 20th century in the works of Knight (1994), Elioseff (1963), Watson (1946), Lannering (1951, 1970), Mccrea (1990), Lillian D. Bloom, and Edward A. Bloom (1995). In their works, they addressed issues related to narrators, themes, and style. However, due to the evolving nature of the essay and its open structure, many aspects remain unexplored. Although a biography of the writer was published and monographs on his legacy were written, *The Tatler* was reissued in 1987¹, issues regarding the poetics of short prose remained unresolved. Despite Samuel Johnson's assertion that "Addison's works are imperishable" and the opinion of contemporary British literary scholar R. DeMaria that Addison's prose has become "part of British social discourse both linguistically and ethically," scholars generally agree that interest in Addison's legacy remains confined to a specialized academic audience. As Paul Davis observes, nowadays, *The Spectator* is more often referred to than read. This statement applies equally to the essays in *The Tatler*. The authors of the monograph *Joseph Addison: Tercentenary Essays*, [2021], published to mark the tercentenary of the writer's death, proposed a revision of the "prevailing contemporary outlook on the writer" as a moralist and defender of bourgeois civilization, advocating instead for a "in favour of a more literary and critical appreciation"². Of particular interest to scholars is *Vision of Mirza*, which has been studied from the perspective of musical reception³ and through the lens of Samuel Johnson's own "visionary" works⁴. In the essay *Vision of Table of Fame (The Tatler, No. 81, 1709)*, Addison's use of allegory is noted, a device he employed to address socio-philosophical issues and the "rational reformation of public culture"⁵. Nevertheless, the genre parameters and artistic features of Addison's "visions," particularly *The Vision of Justice*, remain largely overlooked in academic research.

The essay became known to Russian readers in the second half of the eighteenth century through translations from German and English⁶. Under the title *A Dream of Justice* («Сон о правосудии»), with reference to the issue of *The Tatler*, the essay was published, as

noted by Yu. D. Levin, "translated [from German] by V. I. Lebedev [...] in the journal *Works and Translations for the Benefit and Amusement of the Public* («Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1758–1762). In this version, which is close to the original, the epigraph from Virgil's *Eclogues* is omitted, and the final stanza from John Milton's poem *Paradise Lost* is rendered in prose. Under a title closer to the original, without the epigraph, and with modifications in the main body, the essay was translated anew from English by Luka Sichkaryov. He included *Vision of Justice* and *The Continuation of the Vision of Justice* into the collection *The Amusing Philosopher, or a Compilation of Various Witty and Ingeniously Constructed Tales, Surprising Dreams, and Complex Experiments for the Amusement and Instruction of the Public* («Забавный философ, или Собрание разных остроумновымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов», 1766)⁷, and later in the collection *The Spectator of the World and Human Deeds* (1784)⁸. In the *Preface*, Sichkaryov explained the somewhat free nature of his translation of *The Vision* by his desire to adapt the material to "Russian customs and morals," so that the translation might serve the benefit of the people "for whose language it is presented"⁹.

Later, *The Vision of Justice* was not reissued in the nineteenth and twentieth centuries, nor were new translations of the essay produced. However, it was the publications in Russian periodicals and collections in the second half of the eighteenth century that stimulated literary interest of scholars such as Yu. D. Levin. Following the spirit of his era, Levin characterized *The Vision of Justice* as a work containing "social critique." According to the scholar, Addison "illustrated what a redistribution of material and moral goods would occur if 'all the wealth and estates of lawful owners were immediately returned upon the rightful demand of each,' and 'all ranks and dignities' were granted to 'individuals of great merit, extraordinary intelligence, and perfection'." [Levin 1967: 30]. Although Levin's interpretation of Addison's artistic intent as an Enlightenment writer somewhat limits the understanding of the author's concept, his observations are valuable. By using terms such as "dream" alongside with "visions"¹⁰ [Levin 1967: 30], Levin most often refers to a range of essays as "visions," based on the title of the original work. In doing so, we believe he

¹ Tatler / ed. Donald F. Bond. London: Oxford University Press, 1987.

² Davis P. Introduction // *Joseph Addison: Tercentenary Essays* / ed. Paul Davis. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 16.

³ Winn J. More Sensual Delights: Visual Pleasure and Musical Anxiety in Joseph Addison's Aesthetics. *Ibid.* P. 115–141.

⁴ DeMaria R. Jr. Addison, Samuel Johnson, and the Test of Time. *Ibid.* P. 251–271.

⁵ Markman E. Sociability and Polite Improvement in Addison's Periodicals. *Ibid.* P. 142–163.

⁶ Information on translations, publications, and the reception of English essays by Russian readers is thoroughly presented in the work of Yu. D. Levin: *The Reception of English Literature in Russia: Studies and Materials*. Leningrad: Nauka, 1967.

⁷ *The Amusing Philosopher, or a Compilation of Various Witty and Ingeniously Constructed Tales, Surprising Dreams, and Complex Experiments for the Amusement and Instruction of the Public* / Translated from English by L. Sichkaryov. St. Petersburg: Printing house of the Land Cadet Corps, 1766. 384 p.

⁸ The source for L. Sichkaryov was a collection of essays compiled by A. Fisher. In 1784, Sichkaryov supplemented the first edition and published a new version: *The Spectator of the World and Human Deeds*. Translated from English by L. Sichkaryov. St. Petersburg: Schnor's Printing House, 1784. 346 p.

⁹ *Ibid.* P. 10.

¹⁰ *Ibid.* P. 30. It is worth noting that the researcher took into account the peculiarities of the "triple" translation and used the word "dream," employed in V. I. Lebedev's translation, as semantically linked to "vision."

underscores the genre tradition followed by Enlightenment writers and how they modified it in an original way. Moreover, Levin characterizes such essays as “allegories” or “allegorical ‘visions’” [Levin 1967: 9], noting not only the moral and educational significance of the work but also the peculiarities of the “allegorical language,” which, as A. Gurevich pointed out, is inherently linked to the genre of vision [Gurevich 1977: 5]. Importantly, Levin did not question the very fact that early Enlightenment writers turned to the medieval genre of vision; he highlighted the common tendency of essays to gravitate towards the vision genre, emphasizing the significance of the fact that it was precisely these allegorical essays that aligned with the “intentions and tastes” [Levin 1967: 29] of the editors and were popular with readers.

Yu. D. Levin’s commentary on *The Vision of Justice* stands as the only substantial analysis within a series of works on essays from *The Tatler* written by Russian scholars throughout the twentieth and early twenty-first centuries. These studies examined the genre characteristics of English essays through the works of Steele and Addison, yet the question of the visionary tradition in relation to specific works of these authors was not considered¹.

The works of O. Yu. Polyakov, focused on the study of genre processes in the early eighteenth-century periodicals, are notable for their attention to allegorical essays. Among many genres discussed, the author examines the “essay-vision” as a object of research [Polyakov 2005]. According to Polyakov, the artistic purpose of using the allegorical technique “within the structure of literary-critical essays” lies in expressing Addison’s philosophical and aesthetic stance in the discourse on genius and imagination.

Nonetheless, several questions remain unanswered: What motivates the Enlightenment writer to incorporate features characteristic of the medieval vision genre in the essay? What kind of worldview and conception of humanity emerges through the “universal use of allegorical language” in visions, as well as through the traditional imagery and motifs of visions in the plots of “allegorical essays”? And, more broadly, what is the overall nature of the literary Enlightenment “vision”? How does the visionary canon evolve using specific literary techniques?

We believe that examining *The Vision of Justice* in the context of the visionary tradition will deepen our understanding of the genre specificity of Addison’s essays and lead to conclusions regarding the role of the vision in the genre system of English Enlightenment literature.

As has been already mentioned, a distinctive feature of *The Vision of Justice*² is its epigraph, which references

Virgil’s *The Bucolics*, specifically Eclogue IV. Recourse to Virgil was a common practice in the periodical publications of Steele and Addison, in keeping with the spirit of the time, when the Roman poet was regarded as an unquestionable classical authority. It is not uncommon to encounter epigraphs from Book VI of *The Aeneid* preceding “visions.” Addison’s originality in choosing the IV Eclogue for *The Vision of Justice* lies in its association with one of the most famous prophetic stories in *The Bucolics*, which has given rise to numerous interpretative studies [Gasparov 1997: 120–121].

The epigraph consists of just one line:

“Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna”³ / “Astraea returns, returns old Saturn’s reign”

The Virgin to whom Virgil calls upon is the daughter of Zeus and Themis, or according to Ovid, the daughter of the starry sky, Astraeus, and the goddess of dawn, Eos. She is known as the “goddess of justice, sister of Modesty, who dwelt among the happy people of the Golden Age” and who left the earth due to the “corruption of human morals.” Ascending to the heavens as “the last of the immortals,” “she became the constellation of Virgo,” writes A. Takhogodi, drawing on Juvenal (Satire VI, 14–20) and Ovid (Metamorphoses, 149–150) [Takhogodi 2003: 67]. Often, Astraea is equated with another daughter of Zeus and Themis, Dike, the “goddess of truth and righteous vengeance” in the cycle of souls [Takhogodi 2003: 67]. In the Roman pantheon, the deity associated with Astraea, or Dike, is Justitia, the goddess of justice and lawfulness, a name that appears in the narrative of J. Addison’s essay.

In the poetic narrative of the Eclogues, Virgil introduces the utopian theme of the return of the “golden age” through the figure of the Virgin. But why is it a “return” rather than a mere recollection, since the “golden age” lies in the past? By the time of writing *The Eclogue* (circa 40), the “iron age” was coming to its end, and the reign of Diana, the “virgin of Lucina,” was nearing its end. According to the poet, with the commencement of the reign of the god Apollo, the “golden age” will return: “Now is come the last age of the song of Cumae; the great line of the centuries begins anew”; “[...] under whom the iron brood shall first cease, and a golden race spring up throughout the world!”⁴ In the poetic narrative, the poet expresses a deep conviction in the establishment of a world filled with justice, which is manifested through a stark contrast between the present state of “fear” and the “calm” of the “glorious age,” the heroes of the past and those of the coming time, the uncultivated land and fertility, the “former vices” and the virtues of the “better ages.” The prophetic fervor is reinforced by the poet’s faith in his own gift, with his voice seemingly echoing that of the insightful Fates, “whose wills are forever aligned with the eternal decrees of destiny.” Amidst the catastrophes and storms, and the anticipation of the collapse of the empire, the poet’s optimism had a historical

n3/mode/2up (mode of access: 04.11.2024).

³ Virgil T. I. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI: in two vols. Vol. I / trans. by H. Rushton Fairclough. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1938. P. 29.

⁴ Ibid. P. 29.

¹ This includes the monograph by V. F. Lazursky (1906–1916), works by A. G. Inger (1963, 1974), L. V. Sidorchenko (1981), I. O. Shaytanov (1987), M. Epstein, V. I. Berezkina (1989), A. V. Podgorsky (1983, 1999), V. V. Khorolsky (2001, 2019), O. A. Koroleva (2007), E. A. Tsurkanova (2008), A. V. Pustovalov and Zh. N. Khamrayeva (2011), A. O. Jerusalemkaya (2016), and A. G. Gotovtseva (2019).

² Addison J. Vision of Justice // The British essayists: in 40 vols. Vol. II. Tatler / ed. J. Ferguson. London: J. Haddon for G. Offer, 1819. URL: <https://archive.org/details/vol2britishessayoounse/page/>

foundation, grounded in a series of events that inspired faith in the return of the “Saturnian reign” for the entire world: the cessation of war in Italy, the alliance between Octavian and Antony, the marriage of Antony to Octavian’s sister Octavia, and the expectation of an heir. Expressing the premonition of a “blessed age” in the eclogue, the poet resonated with his time and the prevailing mood of Roman society. As historian Yu. Chernyshov noted, “It was precisely then, during the period from the mid-2nd century before our era to the 1st century of our era, that optimistic prophecies about the advent of better times could spread, finding a talented poetic expression in Virgil’s Fourth Eclogue” [Chernyshov 2013: 66]. Moreover, “the idea of the ‘golden age’ had ultimately become a universal symbol of a prosperous era” [Ibid.: 8].

The myth of Astraea, poetically reimagined by Virgil, became widely influential in subsequent literature, inspiring works by Ovid, Dante, Ariosto, Spenser, Philip Sidney, and John Dryden. It is no coincidence that the Enlightenment writer also recalls Virgil’s Fourth Eclogue: the parallel between Virgil’s era and Addison’s work may, to some extent, appear self-evident. Joseph Addison himself belonged to the illustrious circle of “Augustan” writers, spanning from John Dryden to Samuel Johnson¹. As L. E. Elioseff observes, they were the “the heirs of Augustan Rome,” carrying into the Age of Reason such virtues as “wisdom, discipline, and liberal arts” [Elioseff 1963: 67]. Moreover, for England, the early eighteenth century – particularly the reign of Queen Anne (1702–1714) – represented a distinctive period often referred to in English history as the “Golden Age.” This designation stemmed from the signing of the Treaty of Utrecht, the spread of the spirit of new philosophy, and the vital role literature played in society as a medium that “instructed and edified.”²

Yet, no matter how significant achievements of this period were, ethical issues retained their urgency, and the artistic thought of English Enlightenment writers remained focused on understanding how far society stood from the moral ideal, questioning, “Is progress possible, and to what extent is it already underway?”³. The theme of justice and the anticipated “Golden Age,” introduced through the epigraph, resonated with debates of the 1710s, in which prominent figures such as Daniel Defoe, Jonathan Swift, and Alexander Pope participated. In addressing this theme, Joseph Addison revived the memory of Virgil’s Fourth Eclogue, aligning himself with a lofty literary tradition rooted in the Roman poet. By doing so, Addison infused his essay with a prophetic yet timely tone, further developing its narrative within the framework of the visionary genre.

Attention should be drawn to the rather elaborate exposition of an event that took place on an unusually

“freezing night”. During a solitary walk in Lincoln’s Inn Fields, immersed in distressing thoughts about “the sudden rise of many persons” and “the unequal distribution of wealth, honour, and all other blessings of life,” Isaac Bickerstaff witnessed a remarkable celestial phenomenon. His gaze was struck by the “particular glowing to the stars,” which stood out distinctly in “a bright transparent æther”, allowing him to see “every constellation”. The contemplation of this “scene so wonderfully adorned and lighted up”, prompted the protagonist to reflect on “the Author of such illustrious and amazing objects”, and this philosophical and religious meditation restored the narrator to his “usual temper and serenity of soul”. Soon after, back at home, Isaac Bickerstaff experienced “a dream” or “vision” (he “knows not which to call it”), “that seemed to rise out of my evening meditation”. The content of this “vision” is revealed in the main part of the essay and its continuation.

It is important to note that the theme of social justice, introduced in the protagonist’s reflections, is established, first, by the setting, which is historically associated with law and jurisprudence: Lincoln’s Inn, a complex of buildings originally part of the former holdings of the Knights Templar, has, since the fourteenth century, served as the location of one of the four Inns of Court responsible for the education of barristers in England and Wales and for legal practice. Second, the narrator himself appears in Lincoln’s Inn Fields due to his long-standing friendships with judges, further linking the space to the theme of law. These details – concerning the depiction of the setting, the narrator’s private circumstances, and his relatable complaints about daily life – serve as a prelude to reflections of a broader and more universal scale.

Through the image of the clear starry sky, Addison immerses the reader in an atmosphere of celestial judgment and higher law. The celestial phenomenon is described in connection with the narrator’s personal experiences, as he turns his gaze from the “transparent ether” to himself, interpreting “the figures and signs of the heavens [...] as moral lessons and allegories,” as Marsilio Ficino once wrote [quoted in: Kudryavtsev 2008: 261], or contemplating the “author of such exalted and wondrous objects,” echoing contemporary philosophers’ ideas about God’s creation of “the best of all possible worlds.” [quoted in: Gottlieb 2020: 280].

Thus, the introductory section, which combines the “protagonist’s experiences” with the description of the “setting,” is rendered in a style that reflects the tradition of medieval visionary authors, achieving “an extraordinary vividness of portrayal” [Yarkho 2024: 56]. Like those earlier writers, Addison ascribes symbolic meaning to the circumstances described in the exposition, preparing his reader to perceive the subsequent events as exceptional and extraordinary.

The “vision” experienced by the protagonist is connected to the manifestation of the goddess of Justice, who intends to “restore and appropriate to every one living what was his due”. The uniqueness of the narrative situation lies in the fact that the events unfold not in a “distant realm,” but within the familiar world of the living, transformed by the return of the Virgin. The imagery of judgment and the judge, the

¹ See, for example: Johnson J.W. *Formation of English Neo-Classical Thought*. Princeton University Press, 1967.

² I. Shaytanov writes in detail about this in the book: *England in the Pamphlet: English Journalistic Prose of the Early 18th Century*. Translated from English; compiled, with introduction and commentary by I. O. Shaytanov. Moscow: Progress, 1987. P. 7.

³ Ibid. P. 33.

theme of divine justice, and the determination of sins and virtues are all traditional motifs in medieval visions. However, as A. Y. Gurevich notes, “interest in the Last Judgment is quite limited, clearly displaced by thoughts of the rewards and torments awaiting the soul immediately after its separation from the body” [Gurevich 1977: 18]. In contrast, Addison is more interested in portraying a transformed earthly realm. He describes a realization of one of the humanity’s ultimate goals in his “vision”, as defined by Dante in his treatise “Monarchia”: “the happiness of this life, which consists in the activity of [man’s] natural powers, and is prefigured by the terrestrial Paradise”¹. The world illuminated by the light of the goddess Justice is transported from the future into the present, and like a traditional vision, Isaac Bickerstaff’s “vision” offers a unique opportunity to experience this “imminent future” [Ibid.: 19].

The “vision” begins with a majestic spectacle of the goddess descending to the Earth in the rays of light from the “azure sky” and “glorious luminaries,” which, visible to the naked eye, resemble the constellation of Libra – a symbol of Justice. On the one hand, the narrator strives for astronomical precision, noting that the constellation of Virgo lies next to Libra, while on the other hand, he conveys the powerful impression made by the intense glow: “I was looking very attentively on that sign in the heavens which is called by the name of the Balance, when on a sudden there appeared in it an extraordinary light, as if the sun should rise at midnight”. The flow of light pouring onto the Earth, the hovering shadow, the angel taking on a bodily form, and the recognizable figure of the goddess Justice, as she “is usually described” – all these elements are observed by the narrator, capturing the liminality of the image of the Virgin, as she balances between the celestial and the earthly, returning to the people. Through the technique of contrast, the portrait of the Virgin is formed: in her form, the terrifying correlates with the “exquisitely beautiful,” and the wrathful with the merciful: “her smiles transported with rapture, her frowns terrified to despair”. Addison deliberately accentuates the opposing emotions embodied by the goddess, thereby exaggerating her goal – to restore equality on Earth and direct the corrupt human nature towards virtue.

An equally grandiose image unfolds on the Earth: the setting where the action takes place is “a spacious plain,” where all the inhabitants of the Earth are gathered. The narrator is astonished to witness “all the inhabitants” assembled before him, and “a voice was heard from the clouds”. Thus, reflecting on the inherent nature of humanity, the laws and order of the world, the author encourages his seer to become a witness of the changes occurring in society. The inhabitants of the plain, experiencing “the fear and hope, joy and sorrow,” await the revelation of “extortion, fraud, and robbery”. “Secular lucre” – this is what drives people to such actions, as the sinners themselves admit in the “hell of

the damned” in *The Vision of St. Baronh* [quoted in: Yarkho 2024: 80], and as the angels explain in *The Vision of Furseus* about the “fires of passions, which disturb and exhaust the world.”² These parallels are not coincidental: in both Enlightenment and medieval “visionary” narratives, not only the moral judgments of humanity coincide, but the spatial arrangement is similarly constructed. Just as in *The Vision of Furseus*, the earthly realm in Addison’s narrative contains a judgment, where justice is administered.

The author complicates the image of Justice by adding the detail of a “mirror of truth” – an attribute of the goddess of Truth. The mirrored light is likened to a lightning flash in daylight, and, as it approaches the Earth, “darkness and clouds” soften the brilliance and shine, blending it with “variety of milder glories.” In the hands of the goddess, the mirror is used to establish truth, revealing instances of deception, which aligns with the mythological foundation of the image. However, in the text of J. Addison, this detail seems to take on additional meanings, connected to ancient and medieval philosophy. For instance, Platon, who believes that a mirror only shows “appearance, not truly existent things” [Platon 2007], nevertheless interprets reflection as a force that prompts “contemplation of the world in the light of reason” [Melchior-Bonnet 2006: 166]. Furthermore, fire or light directed at objects helps “bring one closer to being and turn toward something more genuine,” [Platon 2007] facilitating the attainment of “a correct view.”

In the era of Augustine of Hippo, the mirror was considered in connection with the pursuit of moral perfection through knowledge: “the mirror of revelations and the mirror of self-observation and self-analysis unite to form a single whole, the mirror of wisdom” [Melchior-Bonnet 2006: 177]. Similarly, the mirror of Justice, whose rays possess the power to ignite documents that conceal deceit “buried by time, chance, or design,” brings about “a wonderful revolution among the people.” It uncovers numerous previously unknown forgeries and conspiracies, instilling in the souls of the wronged the hope for the possibility of establishing justice on Earth.

The motif of divine justice is literally realized through the image of “the Mount of Restitution.” The hyperbolic image of a mountain reaching the heavens, symbolizing the return of property and the restoration of rights, conveys the author’s irony regarding human greed. However, this mockery not only denies humanity’s propensity for “the fruits of bribery and corruption,” but also affirms the necessity of retribution and the “restoration of lost equality,” as Thomas Aquinas wrote in *The Summa Theologica*³. In the context of Addison’s essay, the Christian idea of restoring equality as

¹ Alighieri D. *The de Monarchia* / edited with translation and notes by A. Henry. Boston and New York: Houghton, Mifflin & Co, 1904. P. 198. URL: http://files.libertyfund.org/files/2196/Dante_1477.pdf (mode of access: 22.12.2024).

² The Venerable Bede. *The ecclesiastical history of the Anglo peoples*. Book III, chapter XIX // *The Church History of the Anglo people* / translated from Latin, art., notes, bibliography and edict by V. V. Erlikhman; ed. by S. E. Fedorov. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2001. P. 99–102.

³ Aquinas Th. *The sum of theology*. Part II–II. Questions 47–122 / trans., ed., note by S. I. Eremeev. Kiev: Nika-Center, 2013. Question 62. On retribution, *The Sum of Theology*. Volume VIII. Thomas Aquinas (azbyka.ru) (mode of access: 12.18.2024).

a condition for the salvation of the soul helps to express the Enlightenment belief in the inherent nobility and spiritual purity of human nature.

Addison develops the plot of the “vision” to encompass all spheres of public life – economic, familial, and others – within the framework of the “divine” establishment of equality. This analysis focuses on the edict aimed at regulating public service, where the actions of the goddess are directed primarily toward the male half of humanity. Contrasting images are arranged within the narrative of Isaac Bickerstaff. In the scene of divine testing by the mirror’s rays, the vanity of “the handsome, the strong, and the wealthy” figures is exposed. The visionary observes their frailty under the intense brilliance of the instrument of truth, metaphorically revealing the moral and civic inadequacy of these individuals, now made evident to the public.

In the next moment, the entire crowd is subjected to judgment, and in describing this process, Isaac Bickerstaff observes typical societal behavior: “it was remarkable, that every one turned away his face from it who had not distinguished himself either by virtue, knowledge, or capacity in business, either military or civil”. However, even in the case of the best representatives of society, those endowed with a sense of moral duty and grouped into the first column, the narrator refrains from idealization. On the contrary, he exaggerates such positive qualities as “humanity”, “contemplation”, and “emboldened with resolution”, referring to them as “secret habits of virtue”.

Through the technique of comic exaggeration, Isaac Bickerstaff equates the “the greatest merit, abilities, and perfection” of the worthy with the idleness of those who failed the trial and blended into the crowd. Attention should also be drawn to the paradoxical conclusion of the passage, where it is noted that the faces of the chosen were unknown not only to the crowd “but even to several of their own body”. In this passage, using gradation, Addison emphasizes the rarity of truly virtuous public figures who could serve as role models for society. Conversely, in the author’s view, a more common type is that of individuals marked by imaginary virtue, hiding spiritual emptiness beneath a mask of hypocrisy.

In the second column are grouped the “the men of knowledge” – a term Addison uses in the essay to describe those who not only seek knowledge but are also endowed with common sense, a concept that became foundational in English Enlightenment philosophy. For example, A. Shaftesbury interpreted common sense as a virtue with a moral foundation, tied to humanity and an understanding of the common good¹. Similarly, J. Swift regarded common sense alongside virtue, self-respect, and the pursuit of justice [see: Swift 1999]. A more radical perspective is offered by J. Locke. In his work called *An Essay Concerning Human Understanding*, which by the time of Addison’s essay had become “widely known through journal and encyclopedic articles” [Gottlieb 2020: 207], Locke argued

that the progression of the mind must be guided by reason: “Reason should be our last judge and guide in everything” [Locke 1985: 184–185]. Perhaps with a touch of irony toward the rationalist approach to thinking, yet aligning with Locke’s views, Addison incorporates the idea of balance between intellect and common sense into the imagery of his “vision”. In portraying “the men of knowledge”, he distinguishes between different types: geniuses who possess both intellect and common sense; a group dependent on the “the thoughts and writings of others”; “in the rear of the column were men who had more wit than sense, or more learning than understanding.” Through this nuanced classification of “the men of knowledge”, Addison expressed criticism of those lacking one of the essential qualities of thought, emphasizing the need to strive for a harmonious union of “reasoning and argumentation and some mental work” [Gottlieb 2020: 180], particularly in justifying the validity of moral principles. However, the author, through the persona of Isaac Bickerstaff, avoids idealizing geniuses, noting the stubbornness of their dispositions and the discord within their ranks. Gentle irony is also directed toward the literary community: all prominent authors of the era are assigned to one of the described groups, alongside those unrelated to creative pursuits. In this way, writers are deprived of any special status as “the teachers of life”². Isaac Bickerstaff expresses even greater astonishment at the status of “a great body of editors, critics, commentators, and grammarians”. On the one hand, the visionary observes the disdain that “the men of knowledge” feel toward those involved in literary and journalistic pursuits. On the other hand, he notes the arrogance that characterizes this group as well – a crowd reminiscent of the “hired scribblers from Grub-Street”³, whom Swift mocked during the same period, now disguised by the goddess’s decree as “lackeys of the learned”.

By depicting the comical metamorphosis in the “social” status and deliberately diminishing the role of those who professionally wield words and are capable of “spread reasonable ideas and correct morals”⁴, Addison appears to suggest that society is still far from the “civilized and reasonable” state described by J. Locke in his *Two Treatises of Government*. All the changes that have occurred, Addison implies, must be viewed as lessons, particularly by those in “cities and palaces” [Locke 1985: 181], who claim to embody examples of worthy and noble deeds that should have become a reference point for imitation⁵.

Isaac Bickerstaff refrains from detailing the character of the third column, which unites the “men of business” engaged in military and civil service, alt-

¹ Shaftesbury E. Aesthetic experiments. The history of aesthetics in monuments and documents. Shaftesbury / editorial Board: M. F. Ovsyannikov (prel.) and others. Moscow: Iskusstvo, 1975. P. 297.

² Zykova E. P. Literary life and literary mores in England in the XVIII century: the art of life in the mirror of letters, diaries, memoirs. M.: IMLI RAS, 2013. P. 6.

³ Rak V. A. Preface // Swift D. *Izbrannoe*. L.: Fiction, 1987. P. 6.

⁴ Trykov V. P. Introduction to world journalism. M.: IMPE named after A. S. Griboyedov, 2007. P. 34.

⁵ Simkina O. M., Merkulova M. G. The Educational Function of Art in English Journalism and Literature of the First Half of the 18th Century // *Philological Sciences: Questions of Theory and Practice*. 2023. No. 9. P. 2685. <https://doi.org/10.30853/phil20230423>.

though he does note the rivalry among them. Greater attention is given to describing the process by which citizens are assigned roles in public service based on their adherence to morality, pursuit of knowledge, and entrepreneurial spirit. The narrator observes a dynamic scene in which “honour, dignity, and profit” positions are filled by individuals of varying ranks who possess all three qualities, two, or just one. This process is described with rational precision, resembling the operation of a mechanism that brings society into harmony and establishes truth.

Nevertheless, Addison does not forget irony, noting at the end of the passage a discrepancy between appearance and reality: not all members of the male populace were genuinely worthy. Instead, “multitude [...] had any appearance of these excellences, or were recommended by those who possessed them in reality”.

At the conclusion of the first part of the “vision”, the narrator, reflecting on his impressions, experiences a mix of emotions: he marvels at previously unknown individuals unexpectedly elevated to prominent positions and genuinely rejoices in meeting friends who, as in a medieval vision, serve as living examples of restored justice and enduring virtue. These friends have either retained their posts or been appointed to higher ones.

On the one hand, following the visionary, we observe the strictness of the goddess, whose edicts firmly establish reason and moral integrity as the principal virtues that determine one’s role in public service. On the other hand, Isaac Bickerstaff himself is distinguished by a tone of irony and “earthly tolerance.”¹ He is not solely marked by moral rigor, as he acknowledges the imperfections of human nature. As a man of the world, he demonstrates leniency and kindness, particularly when assured of the favorable outcomes in the careers of his gentlemanly acquaintances.

In the continuation of *The Vision of Justice*, Isaac Bickerstaff narrates the changes taking place among the female portion of society. Just as the “the male part of mankind” was ordered through “the mirror of truth” and the goddess’s edicts, the goddess Justice now turns her gaze to the “the fair sex”, which, according to the visionary, only appears to be her heavenly entourage descended to earth. “Innumerable disputes”, “tumult”, and “claims” characterize the behavior of women who regard “birth, beauty, wit, or wealth” as their primary values. “Were words that rung in my ears from all parts of the plain,” the narrator observes with irony.

Isaac Bickerstaff provides a detailed account of the competitive dynamics among women regarding virtues tied to their family position, wealth, and the achievements of their husbands or parents. He particularly focuses on the prideful rivalry in the “the art of irresistibility”, which, in his view, creates an impression of artificial and illusory grandeur but often has a profound effect on “the hearts of reasonable creatures”. This introduces an antithesis in the vision’s narrative between the worlds of women and men.

Addison frequently commented on the virtues and shortcomings of women, their education, and their societal roles in his essays for *The Spectator*². Although his reflections on female conduct did not form a systematic theory, the author’s idea is clear: natural beauty, inseparable from moral virtues, defines the ideal image of a woman. Such a woman, while not equal to a man in rights or reason, has the capacity to make him happy. In the narrative of the vision, Addison approaches this idea through a contrast between false, external beauty and true, internal beauty. Just as with the men, it was important for the author that all women undergo a moment of “epiphany”. According to the command of the goddess, who declared that beauty determines a woman’s place among others, “every one should take place according as she was more or less beautiful”. However, the author warns against the subjectivity that distorts self-perception and breeds vanity: “the mirror of the truth” possessed a unique property to banish all false appearances, and show people what they are. Those who mistook their manners and grace for true beauty saw themselves in “the mirror of truth” in an entirely different light, revealing features of withering, aging and ugliness. This unmasking provoked corresponding emotions in the vain heroines, who beheld their reflections in the forms of “a harpy” or “a sphinx”: fear, anger, and fury overtook the women who had forgotten taste, tact, and virtue. Observing this transformation, the visionary himself experiences not only dismay and disappointment but also a sense of joy for those heroines who, by contrast, were modest and discovered their charm. These women, “who had lived in the retirement and severity of a vestal, shone forth in all the graces and attractions of a siren”. The narrator’s irony is unmistakable, directed both at “a vestal” with the soul of “a siren” and at himself, enchanted by “the sight of a particular image in the mirror”. The image of a remarkable beauty, surpassing those around her in her qualities, captivates the visionary. Her grotesquely exaggerated blush (described as “the mark of health as of immortality”), the light emanating from her eyes, and her “her stature, and her mien”, which distinguish her from other women – all these details draw Isaac Bickerstaff’s attention. However, the comedic paradox lies in the fact that the object of his admiration is the reflection of an elderly woman, as enchanting in the mirror as she is wholly unaligned with this image. Nonetheless, the narrator is charmed by her and cannot help but express his admiration and desire to discuss marriage. This detail in the character of the visionary again highlights him as a profoundly human figure, one possessing not only strengths of spirit but also weaknesses. He can demonstrate nobility, acknowledging his error in a rash passionate attraction, and embracing the possibility of appearing ridiculous in typical – and not always virtuous – situations.

In the final part, Isaac Bickerstaff, like many visionaries, derives a lesson from his journey through the earthly world transformed by the will of the descended Justice. Reflecting on “the partiality and ex-

¹ This quality is identified by Hugo Friedrich in his essay on Dante’s “*Divine Comedy*”: Friedrich, Hugo. *Dante: Essay / H. Friedrich*. M.: Des Esseintes press, 2024. P. 45.

² For example, in No. 15.45, 261 in 1711.

travagance of [...] vision”, which “not done justice to the sex”, the visionary formulates his understanding of virtue as inherent to both men and women: “If virtue in men is more venerable, it is in women more lovely”. To support this assertion, the narrator references lines from Book VIII of John Milton’s poem *Paradise Lost* [Milton 2005: 192–195, lin. 546–559]¹. This excerpt is part of Adam’s monologue during his conversation with the archangel Raphael, where Adam, fully aware of his own significance as God’s first creation, extols the virtues and beauty of Eve, “As one intended first, not after made / Occasionally” (555–556).

Adam’s reflection initially aligns with biblical notions of the creation of the first humans, asserting that “Of nature her th’ inferior in the mind / And inward faculties which most excel, / in outward also her resembling less / His image who made both and less expressing / The character of that dominion given / O’er other creatures.” (541–545) However, Milton’s protagonist proceeds to portray Eve in a radiant aura of epithets: “Her loveliness so absolute she seems / And in herself complete” (547–548). Adam admires not only her “the charm of beauty’s powerful glance.” (533), but also her moral perfection, as well as her actions and words, which he describes as “wisest, virtuousest, discreetest, best.” (550)

Adam’s enchantment with the essence of Eve, according to A. N. Gorbunov, may foreshadow the impending tragedy of “committing sin and [...] knowing Good and Evil” [Gorbunov 2006: 619]. It is no coincidence that at the conclusion of Book VIII, the archangel Raphael seeks to shield Adam from the lapse of reason and warns him of the necessity to resist passion, which does not constitute true love in the Christian understanding: “Stand fast! To stand or fall / Free in thine own arbitrement it lies.” (640–641)

However, in this localized passage, the visionary’s admiration for the “Greatness of mind and nobleness” of Eve becomes essential to understanding his

thought. This greatness is expressed through her wisdom, reason, and “higher knowledge” (551). Praising the harmony between Eve’s inner nobility and her “graceful acts” (600), Adam continues his monologue by celebrating their union as an “Harmony”, characterized by “unfeigned / Union of mind or in us both one soul” (603–604).

Thus, by referring to lines from Milton’s poem, Isaac Bickerstaff summarizes the vision of how the world of men and women should be on the Earth to which he belongs. This is why the narrative of the “vision” includes references to London streets, creating an illusion of realism and plausibility, as well as to the time in which he and those close to him live, who also appear in episodes of the “vision.” The narrator’s optimism reflects Addison’s own confidence in the possibility of realizing the Enlightenment ideal: humanity will once again experience a “Golden Age” by recognizing the destructiveness of false values and the necessity of transforming the world based on justice, equality, virtue, and harmony. In addressing the issue of humanity’s moral renewal through his utopian approach, Addison draws upon the visionary tradition, whose genre memory “guides the writer’s creative thought” [Leyderman 2010: 85]. This tradition enables him to highlight the flaws of existence with irony while simultaneously presenting the possibility of a harmoniously organized society on Earth. The depiction of an ostensibly realized future – a “Golden Age” that has arrived – contains elements of utopia, which, in allegorical form, reveals the author’s ideal. Analyzing the title, epigraph, the figure of the visionary, the spatial-temporal structure, and the associative background reveals how the utopian contours of a rationally organized society “take root” within the genre structure of the vision.

Addison’s pathos and the themes of *The Vision of Justice* lead to conclusions about the evolution of the visionary genre itself. In the Middle Ages, as B. I. Yarkho noted, “visions developed in an artistic rather than a philosophical direction” [Yarkho 2024: 62]. However, during the Enlightenment, the visionary genre became a framework for addressing moral and ethical issues.

¹ Quote from this edition with the indication of lines: Milton J. *Paradise Lost*. Book VIII // Milton J. *Paradise Lost: an authoritative text, sources and backgrounds, criticism* / ed. by G. Teskey. New York; London: W. W. Norton & Company, 2005. P. 192–195.

Источники

Addison, J. *Vision of Justice* / J. Addison // *The British essayists* : in 40 vols. Vol. II. Tatler / ed. by J. Ferguson. – London : J. Haddon for G. Offer, 1819. – URL: <https://archive.org/details/vol2britishessayounse/page/n3/mode/2up> (mode of access: 04.11.2024).

Milton, J. *Paradise Lost: an authoritative text, sources and backgrounds, criticism* / J. Milton ; ed. by G. Teskey. – New York ; London : W. W. Norton & Company, 2005. – 591 p.

Virgil, T. I. *Eclouges. Georgics. Aeneid I–VI* : in two vols. Vol. I / T. I. Virgil ; trans. by H. Rushton Fairclough. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1938. – 593 p.

Литература

Березкина, В. И. *Формирование и пути развития жанра ЭССЕ в английской литературе XVII века* / В. И. Березкина. – Днепропетровск : ДГУ, 1984. – 116 с.

Гаспаров, М. Л. «Вергилий, или поэт будущего» / М. Л. Гаспаров // *Избранные труды*. Т. 1. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 111–126.

Горбунов, А. Н. *Поэзия Джона Милтона (От пасторали к эпосе)* / А. Н. Горбунов // *Милтон Дж. Потерянный Рай. Возвращенный Рай. Другие поэтические произведения*. – М. : Наука, 2006. – С. 581–647.

Готтлиб, Э. Мечта о Просвещении. Рассвет философии Нового времени / Э. Готтлиб ; пер. Т. Ракова, Р. Пискотиной. – М. : Альпина Паблшер, 2020. – 412 с.

Гуревич, А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков / А. Я. Гуревич // Труды по знаковым системам. Вып. 411 / под ред. З. Г. Минц. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1977. – С. 3–27.

Кудрявцев, О. Ф. Флорентийская Платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / О. Ф. Кудрявцев ; под ред. Л. М. Брагина. – М. : Наука, 2008. – 478 с.

Левин, Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века / Ю. Д. Левин // Эпоха просвещения: из истории международных связей русской литературы. – Л., 1967. – С. 3–109.

Лейдерман, Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.

Локк, Д. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 / Д. Локк ; пер. И. С. Нарский ; ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – М. : Мысль, 1985. – 560 с.

Мельшиор-Бонне, С. История зеркала / С. Мельшиор-Бонне ; предисл. Ж. Делюмо ; пер. с фр. Ю. М. Розенберг. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 452 с.

Платон. Государство. Книга 1 / Платон // Сочинения : в 4 т. Т. 3 : пер. с древнегреч. / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Олега Абышко, 2007. – С. 97–494.

Поляков, О. Ю. Аллегория в структуре литературно-критического эссе в периодических изданиях Англии XVIII в. / О. Ю. Поляков // Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. О. Ю. Поляков. – Киров, 2005. – С. 47–53.

Свифт, Д. Письма / Д. Свифт ; вступительная статья, составление и перевод с английского А. Ливерганта // Вопросы литературы. – 1999. – № 1. – С. 236–290.

Тахо-Годи, А. Астрея / А. А. Тахо-Годи // Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 67.

Чернышев, Ю. Древний Рим: мечта о Золотом веке / Ю. Чернышев. – М. : Издательство «Ломоносов», 2013. – 233 с.

Ярхо, Б. И. Введение / Б. И. Ярхо // Средневековые видения от VI по XII век / сост. и пер. с лат. Б. И. Ярхо ; подготовка текста, вступ. стат., коммент. А. Б. Грибанова. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – С. 33–63.

Bloom, E. A. Addison and Steele: The Critical Heritage / E. A. Bloom, L. D. Bloom. – London : Routledge, 1995. – 598 p.

Drury, D. Varieties of the essay traditional and modern / D. Drury. – Dickenson Pub. Co., 1968. – 178 p.

Elioseff, L. A. The Cultural Milieu of Addison's Literary Criticism / L. A. Elioseff. – Austin : University of Texas Press, 1963. – 266 p.

Graham, W. J. The Beginnings of English Literary Periodicals: a study of Periodical Literature, 1665–1715 / W. J. Graham. – New York : Oxford University Press, 1926.

Humphreys, A. R. Steele, Addison, and Their Periodical Essays / A. R. Humphreys. – London ; New York : Published for the British Council by Longmans, Green, 1959. – 46 p.

Joseph Addison: Tercentenary Essays / ed. by P. Davis. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 448 p.

Knight, Ch. A. Joseph Addison and Richard Steele: A Reference Guide, 1730–1991 / Ch. A. Knight. – London : Prentice Hall International, 1994. – 561 p.

Lannering, J. Studies in the Prose Style of Joseph Addison / J. Lannering. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1951. – 203 p.

Marr, S. G. The periodical of the essayists eighteenth century / S. G. Marr. – London : James Clarke & Co., 1923. – 263 p.

Mccrea, B. Addison and Steele Are Dead: The English Department, Its Canon, and the Professionalization of Literary Criticism / B. Mccrea. – London : Associated University Presse, 1990. – 276 p.

Studies in the early English periodical / ed. by P. R. Bond. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1957. – 206 p.

Sutherland, J. Classics of British Literature Chantilly / J. Sutherland. – Virginia : The Great Courses, 2008. – 384 p.

Upham, A. H. The French influence in English literature, from the accession of Elizabeth to the restoration / A. H. Upham. – New York : Columbia University Press, 1908. – 560 p.

Walker, H. The English Essay / H. Walker. – London : J. M. Dent, 1915. – 364 p.

Watson, M. R. The essay tradition and the magazine serials (1731–1820) / M. R. Watson. – Baltimore : Johns Hopkins University, 1946. – 215 p.

Whitmore, E. Ch. The Field of the Essay / E. Ch. Whitmore // Publications of the Modern Language Association of America. – 1921. – Vol. 36, no. 4. – P. 551–564.

References

Berezkina, V. I. (1984). *Formirovanie i puti razvitiya zhanra ESSE v angliiskoi literature XVII veka* [Formation and Development of the Essay Genre in 17th Century English Literature]. Dnepropetrovsk, DGU. 116 p.

Bloom, E. A., Bloom, L. D. (1995). *Addison and Steele: The Critical Heritage*. London, Routledge. 598 p.

Bond, P. R. (Ed.). (1957). *Studies in the Early English Periodical*. Chapel Hill, University of North Carolina Press. 206 p.

Chernyshev, Yu. (2013). *Drevnii Rim: mechta o Zolotom veke* [Ancient Rome: The Dream of the Golden Age]. Moscow, Izdatel'stvo «Lomonosov». 233 p.

- Davis, P. (Ed.). (2021). *Joseph Addison: Tercentenary Essays*. Oxford, Oxford University Press. 448 p.
- Drury, D. (1968). *Varieties of the Essay Traditional and Modern*. Dickenson Pub. Co. 178 p.
- Elioseff, L. A. (1963). *The Cultural Milieu of Addison's Literary Criticism*. Austin, University of Texas Press. 266 p.
- Gasparov, M. L. (1997). «Vergilii, ili poet budushchego» [“Virgil, or the Poet of the Future”]. In *Izbrannyye trudy*. Vol. 1. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 111–126.
- Gorbunov, A. N. (2006). Poeziya Dzhona Milтона (Ot pastorali k epopee) [The Poetry of John Milton (From the Pastoral to the Epic)]. In Milton, J. *Poteryannyi Rai. Vozvrashchennyi Rai. Drugie poeticheskie proizvedeniya*. Moscow, Nauka, pp. 581–647.
- Gottlieb, E. (2020). *Mechta o Prosveshchenii. Rassvet filosofii Novogo vremeni* [The Dream of Enlightenment. The Rise of Modern Philosophy]. Moscow, Al'pina Publisher. 412 p.
- Graham, W. J. (1926). *The Beginnings of English Literary Periodicals: a study of Periodical Literature, 1665–1715*. New York, Oxford University Press.
- Gurevich, A. Ya. (1977). Zapadnoevropeiskie videniya potustoronnego mira i «realizm» srednikh vekov [Western European Visions of the Other World and the “Realism” of the Middle Ages]. In Mints, Z. G. (Ed.). *Trudy po znakovym sistemam*. Issue 411. Tartu, Tartusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3–27.
- Humphreys, A. R. (1959). *Steele, Addison, and Their Periodical Essays*. London, New York, Published for the British Council by Longmans, Green. 46 p.
- Knight, Ch. A. (1994). *Joseph Addison and Richard Steele: A Reference Guide, 1730–1991*. London, Prentice Hall International. 561 p.
- Kudryavtsev, O. F. (2008). Florentiiskaya Platonovskaya akademiya: ocherk istorii dukhovnoi zhizni renessansnoi Italii [Florence Platonic Academy: An Essay on the History of the Spiritual Life of Renaissance Italy]. Moscow, Nauka. 478 p.
- Lannering, J. (1951). *Studies in the Prose Style of Joseph Addison*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press. 203 p.
- Levin, Yu. D. (1967). Angliiskaya prosvetitel'skaya zhurnalistika v russkoi literature XVIII veka [English Educational Journalism in Russian Literature of the 18th Century]. In *Epokha prosveshcheniya: iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury*. Leningrad, pp. 3–109.
- Leyderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [Genre Theory: Research and Analysis]. Ekaterinburg, UrGPU. 904 p.
- Locke, D. (1985). *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works, in 3 vols.]. Vol. 2. Moscow, Mysl'. 560 p.
- Marr, S. G. (1923). *The Periodical of the Essayists Eighteenth Century*. London, James Clarke & Co. 263 p.
- Mccrea, B. (1990). *Addison and Steele Are Dead: The English Department, Its Canon, and the Professionalization of Literary Criticism*. London, Associated University Presse. 276 p.
- Melchior-Bonnet, S. (2006). *Istoriya zerkala* [History of the Mirror]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 452 p.
- Platon. (2007). Gosudarstvo. Kniga 1 [The State. Book 1]. In Losev, A. F., Asmus, V. F. (Eds.). *Sochineniya: v 4 t.* Vol. 3. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Izdatel'stvo Olega Abyshko, pp. 97–494.
- Polyakov, O. Yu. (2005). Allegoriya v strukture literaturno-kriticheskogo esse v periodicheskikh izdaniyakh Anglii XVIII v. [Allegory in the Structure of Literary and Critical Essays in Periodicals of England of the 18th Century]. In Polyakov, O. Yu. (Ed.). *Zarubezhnaya literatura: problemy izucheniya i prepodavaniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Issue 2. Kirov, pp. 47–53.
- Sutherland, J. (2008). *Classics of British Literature Chantilly*. Virginia, The Great Courses. 384 p.
- Swift, J. (1999). Pis'ma [Letters]. In *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 236–290.
- Takho-Godi, A. (2003). Astreya [Astrea]. In Meletinsky, E. M. (Ed.). *Mifologiya. Entsiklopediya*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, p. 67.
- Upham, A. H. (1908). *The French Influence in English Literature, from the Accession of Elizabeth to the Restoration*. New York, Columbia University Press. 560 p.
- Walker, H. (1915). *The English Essay*. London, J. M. Dent. 364 p.
- Watson, M. R. (1946). *The Essay Tradition and the Magazine Serials (1731–1820)*. Baltimore, Johns Hopkins University. 215 p.
- Whitmore, E. Ch. (1921). The Field of the Essay. In *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 36. No. 4, pp. 551–564.
- Yarkho, B. I. (2024). Vvedenie [Introduction]. In *Srednevekovye videniya ot VI po XII vek*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 33–63.

Данные об авторе

Макарова Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: zeppelin2302@yandex.ru.

Author's information

Makarova Lyudmila Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

“MYTHIC SUBSTANCE” OF T. HUGHES’ DRAMA**Antonina A. Gurianova**

National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2477-9253>

Abstract. The article shows the essential role of drama in the work of the 20th century greatest English poet Ted Hughes. Being mainly a myth-maker and a language experimenter, Hughes throughout his life turned to drama as a genre capable of showing the work of a myth, which the poet found in almost any classical text and implicitly embedded in his own poetry collections. The article shows how, by translating and adapting the texts of ancient tragedies for the modern English stage, Hughes focused on the polyphony of myth, the multiplicity of its interpretation, pagan symbolism, and not on the classical conventions of form and language. The author also describes in detail the meaning and structure of Hughes’ literary essay “Shakespeare and the Goddess of Complete Being” (1992), in which Hughes’ Shakespeare appears as a poet-prophet who “solved” the ancient mythical code. As for Hughes’ own works related to theatrical activities and drama, the author of the article analyzes the experimental play “Orghast”, written and directed by Hughes together with the English director Peter Brook. The author describes how the plots of various world myths intertwine and function in the play “Orghast”. The last part of the article examines how Hughes implements the dramatic principle in his own poetry collections, thereby giving them polyphony and new semantics. The article also touches on the specifics of dramatic monologues, a special poetic form, where the Hughes myth comes to life, acquires a special sound and expression in the voice of the mythical characters.

Keywords: drama; dramatism; theatre experiments; drama adaptation; mythic narrative; monomyth; persona poetry; dramatic monologue; poetry of masks

For citation: Gurianova, A. A. (2025). “Mythic Substance” of T. Hughes’ Drama. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 148–155. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-148-155.

«МИФИЧЕСКАЯ СУБСТАНЦИЯ» ДРАМЫ Т. ХЬЮЗА**Гурьянова А. А.**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Нижний Новгород, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2477-9253>

Аннотация. В статье показана роль драмы в творчестве величайшего английского поэта XX века Теда Хьюза. Будучи главным образом мифотворцем и поэтом-экспериментатором, Хьюз на протяжении всей жизни обращался к драме как жанру, способному показать действие мифа, обнаруживаемого практически в любом классическом тексте и имплицитно присутствующего в его собственных поэтических сборниках. Переводя и адаптируя тексты древних трагедий для современной английской сцены, Хьюз уделял особенное внимание не классическим условностям формы и языка, а полифонии мифа, многообразию его интерпретаций, языковой символической структуре. Анализируя понимание Хьюзом мифа, автор статьи упоминает литературное эссе «Шекспир и Богиня Полноты Бытия» (1992), в котором великий английский драматург представлен как поэт-пророк, «разгадавший» древний мифический код, называемый Хьюзом «трагическим уравнением», структурно и семантически во многом совпадающим с авторским мифом самого поэта. В статье также анализируется созданная Хьюзом совместно с английским режиссером П. Бруком экспериментальная пьеса «Оргаст», в которой переплетаются и функционируют сюжеты различных мировых мифов. В последней части исследования рассматривается, как Хьюз реализует драматургические принципы в своих собственных поэтических сборниках, придавая им тем самым полифоничность и усложняя их семантику. Затрагивается автором статьи и специфика драматических монологов, где аспекты авторского мифа приобретают особую экспрессию через голоса персонажей-масок.

Ключевые слова: драма; драматизм; театральные эксперименты; драматическая адаптация; мифический нарратив; мономиф; поэзия персонажа; драматический монолог; поэзия масок

Для цитирования: Гурьянова, А. А. «Мифическая субстанция» драмы Т. Хьюза / А. А. Гурьянова. – Текст : непосредственный // *Филологический класс*. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 148–155. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-148-155.

Introduction

Ted Hughes (1930–1998) was a poet with a very special perception and understanding of “myth”, whose worldview was formed under the influence of the English mythological school, ethnography, psychoanalysis, folklore, oriental and occult practices [Sagar 2000]. Hughes’ mythological theory, based on the ideas of R. Graves, C. G. Jung, T. S. Eliot assumes the perception of “mythical imagination” as a prerequisite for poetry, and myth as a “mental map” that organizes reali-

ty. According to Hughes, modern Western civilization is dominated by “false myths”: Christian and industrial, similar in their fanatical denial of Nature [Sagar 2005]. The only place where the voice of antiquity breaks through, albeit veiled and barely recognizable, is poetry. The poet’s most important role is to restore the broken connection between man and nature on the basis of a new mythology about inner travel and the acquisition of knowledge about oneself. The closest myths for Hughes turned out to be the myth of the journey of the hero created by Joseph Campbell and

the myth of the White Goddess by James George Frazer [Sagar 2005]. It is these mythical structures that he considered to be among the most important in the world literature and puts at the basis of his own author's mythical narrative. Hughes emphasized that on a symbolic level, the main character of his poetry is a man of Western civilization (Everyman), who grew up on the basis of Socratic thought and humanism of the Enlightenment [Sagar 2000]. The plot function inherent in the mythopoeic character is a crime against a female being, whose spiritual powers are inaccessible to the anthropocentric worldview. As punishment, the character goes through a series of trials, getting out of the dark zone of his crimes and guilt into the world of wisdom, heals from internal contradictions and discovers deep humanity in himself [Sagar 2000].

Hughes saw this structure most clearly in dramatic works, which he, like many poets and writers of the twentieth century, turned to throughout his life. Being a myth-making poet and a linguistic experimenter the poet specifically perceived drama as a space in which one can see the functioning of myth in a new way. Hughes interacted with the works of world drama in various ways. Firstly, he collaborated with directors (Peter Brooke, Tim Supple, Jonathan Kent), acting as a translator of classical works and a screenwriter. T. Hughes' most striking screenplays were the translations and adaptations of Seneca's "Oedipus" for Peter Brook (1968), "Spring Awakening" (1995), "Blood Wedding" by G. G. Lorca (1996), "Phèdre" (1998), "Alcestis" (1999) and "The Oresteia" (1999). The vast majority of original works are associated with ancient myths. As for "Blood Wedding," the connection to mythology in Hughes' adaptation will be felt on a more subtle level. Secondly, the poet outlined his reflections on the deep functioning of myth in classical drama in a five-hundred-page critical essay "Shakespeare and the Goddess of Complete being" (1992). Also, experimenting with ancient mythological plots, combining them, T. Hughes created completely new stage masterpieces. The author's myth itself, implicitly present in most of the poet's collections and widely discussed by researchers, since the 1960s, has almost always been based on a dramatic confrontation between the hero and the goddess. Hughes describes the same ancient mythological structure in the already mentioned essay on Shakespeare. Finally, many of Hughes's individual poems are written in the form of a dramatic monologue, further distancing the character from the author and placing him in the space of theatricality.

The objectives of this article include describing as fully as possible all aspects of Hughes' work related to drama and theater, analyzing how Hughes' perception of myth functioned through theatrical experiments, and also understanding what tasks Ted Hughes solved through drama in his own poetic discourse.

Shakespeare's Mythical Equation

According to Hughes, Shakespeare was a poet-prophet whose work has always been an interpretation of ancient myths. Leveraging his Cambridge education, extensive studies of world mythologies, and expertise in psychoanalysis, the poet authored a com-

prehensive 500-page volume titled "Shakespeare and the Goddess of Complete Being" (1992). In this work, he posited that Shakespeare's entire corpus of plays was grounded in ancient myths centered around the Mother Goddess archetype. Generally the main plot of the plays was inevitably reduced to replacing the main female deity by the male god (which historically marks the transition from matriarchal to patriarchal power, as well as the separation of man from nature) [Hughes 1992]. This structure resembled the myth of eternal revenge, where the Mother Goddess appears in her dark form. However, both revenge and the subsequent death of the offender had a healing value, and the reborn God again would become beloved of the Goddess. So, the central concept of Hughes' Shakespearean studies was this idea of a cross-cutting plot, in his terminology, a "tragic equation". The usurpation of power by the Goddess is equated with the death of the God and his subsequent rebirth. Originally embodied in the early poems "Venus and Adonis" and "Lucretia", the equation transforms all of Shakespeare's tragic heroes into Adonis rejecting the Goddess. The poem "Venus and Adonis" sets the main tone for the tragic metamorphoses of the heroes of Shakespeare's plays, because the images of Adonis, Venus, Boar, Flower somehow appear in different of his plays. The Hughes-Shakespeare's "tragic equation" is complicated by the fact that each member of the equation has a multipart structure. So, in myths, the Goddess usually has three alternating faces: the Mother, the Sacred Bride and the Dark Goddess, and in Hughes' Shakespearean studies Venus, in love with Adonis, is the Sacred Bride, Lady Macbeth is the embodiment of the Dark Goddess. The problem of "double vision", or the problem of Shakespeare's hero discovering the reverse side of reality, is also connected with the multifaceted, tragic duality of the Goddess. For example, the plays of Shakespeare, where the madness of the characters is due to their inability to perceive the true essence of the beloved Goddess, are filled with tragic duality: thus, Hamlet, looking at Ophelia, sees his mother in bed with his uncle; Lear, looking at Cordelia, sees Regan and Goneril; Othello, looking at Desdemona, sees Cassio's mistress.

This fantasy of Hughes about Shakespeare, which was initially presented as scholarly, but now does not stand up to criticism, is very important for the research of Hughes's work, in which the idea of a cross-cutting plot filled with mythologems and polysemantic symbols became dominant. And the drama inherited from Shakespeare and individually comprehended through the prism of myth also accompanies the poet's creative activity in various fields.

The "mythical substance" of ancient Latin tragedies

Collaboration with Peter Brooke, an English theater director, made a particularly powerful influence on Hughes as a playwright. Brooke believed that drama could exist beyond culture and language. The beginning of their collaboration began in 1967, when Brooke conceived the idea of staging a Seneca's version of "Oedipus" and turned to Hughes for screenwriting help.

The story of Oedipus is not only an ancient play but also a fundamental myth of the 20th century with its catastrophes and war. It occupies an important place in educational ideas about humanism, self-knowledge and rationality [Fleming 2013]. So, it was quite natural to return to the work of Seneca and his “radically evil” world (B. Arkins). The hero of this modern myth is frightened, irrational and tragically tormented by a fate that he simultaneously recognizes and is unable to avoid, which exactly corresponded to the Hughes’ description of a modern man.

While working on the translation, the poet deliberately tried to avoid those aspects of the play that were inherent in the Seneca’s rhetorical style. Hughes knew a little Latin and worked with the play through intermediary translation of D. Turner [Scigaj 1992: 14], noting that he was “perfecting his Latin with the help of a Victorian cheat sheet” [Hughes 2007]. So, he brought the Latin sound closer to English, using the means of his language and tradition and created an experimental text consisting of words and nonverbal vocalization, plot-nonlinear and filled with episodes about the suffering of the main characters and their insights. This way, as Hughes said, he tried to dramatize the “crude and barbaric” [Hughes 1998] center of the tragedy. Changes of the original text are especially noticeable in the radical reduction of choral odes which were turned into “tribal shouts”. Hughes also saw a radical difference between the majestic heroes of Sophocles’ drama and the characters of Seneca, who “are Greeks only conditionally: by their nature they are more primitive than the aborigines. These are spider-men crawling on hot rocks.” [Hughes 1998: 7–8].

The main thing that attracted Hughes in Seneca was the “mythical substance” [Fleming 2013], consisting in the relationships between psychologically detailed characters of the drama, as well as in the description of ancient rituals (just they were used “only as a frame to depict the details of life in the imperial palace with its darkness, dangers and intrigues” [Scott-Kilvert 1968: 502]).

For Hughes, the myth-maker, it was important, as in the case of Shakespeare’s plays, to show the eternal confrontation between male and female, human and divine, nature and civilization. To this end, Hughes expands the role of Jocasta, who in Hughes’ version appears as a more determined and thoughtful character, in stark contrast to the frightened, almost cowering Oedipus. In one of the dialogues with Oedipus, she, unlike her short speech in the original, utters an excerpt of 70 lines full of determination and resignation to fate:

When I was carrying my sons
I carried them for death, I carried them for the throne
I carried them for the sake of the last catastrophe,
when I carried my first son, did I know what was waiting for me,
did I know what bloody threads were woven together, what bloody traces
They stay on my body.
[Hughes 1998: 330]

In this passage, special emphasis is placed on the mother’s body with its “blood ties” and “roots”, as well as on its creative power:

blood from the roots of my hair,
blood that was before the beginning of time,
it flowed into the knot of his insides,
into the knot of his muscles,
into the knot of his brain
[Hughes 1998: 331]

Researchers note that “Jocasta is Mother Nature, love; Oedipus is intelligence, reason, a rigid moral law.” [Fleming 2013]. It is significant that Jocasta’s description of herself is very similar to Oedipus’ speech when he describes his encounter with the Sphinx. The fact may also speak to the painful separation of the rational and sensual in the world of the Seneca’s play.

Hughes’ Oedipus initially feels guilty, as if in front of the whole universe. At the end of the play, he is harshly tormented by fate but, according to Hirschberg, “resigns himself to the role of a scapegoat” [Hirschberg 1981: 148]. The purifying function of tragedy in Hughes’ version is not in the traditional catharsis and affirmation of the tragic order in the universe, not in a decisive challenge to the fate of the protagonist, but in stoic acceptance of his guilt and humility, rejection of ego.

It is worth noting that Hughes’ interest in the figure of Oedipus resulted not only in an arrangement of the Seneca’s play but also in individual poems from “The Crow” poetry collection, which was written around the same time when Hughes was reworking the play. In a sense, these poems enter into a direct dialogue with Seneca’s Oedipus.

When National conducted a poll on the most significant play of the century, Young Vic director Tim Supple chose an adaptation of Hughes’ Oedipus. Supple said that “Hughes could write about the myth without embarrassment. He believed in the sacred. He found the primitive and archetypal in the modern sense” [Supple].

It was only in the 1990-s that Hughes returned to the theater with new versions of ancient and classical plays “Spring Awakening” by Wedekind, “The Bloody Wedding” by Lorca, “Phaedra” by Racine, “Alcestis”, “Oresteia” trilogy by Aeschylus. And again, the dramatic core of the classic plays consists of binary oppositions of male and female, duty and feeling, which fits into Hughes’ large-scale mythopoetic project. For example, in the center of Hughes’ “Phaedra”¹, as in the original, is the incestuous lust of an obsessed queen and step-mother, whose unrequited passion leads to the unjust accusation and bloody death of Hippolytus, her husband’s son. In Hughes’s reworked play, Phaedra appears even more ferocious and exhausted, Hippolytus even more stubborn and rebellious. Hughes also introduces motifs and symbols close to his own poetics into the play – hunting, hunger, eating food, poisons,

¹ Hughes’ “Phaedra” is an adaptation of Jean Racine’s masterpiece (1677), which itself is a version of Euripides’ Hippolytus (428 BC), written under the strong influence of Seneca’s Phaedra.

obsessions, animals, labyrinths and monsters. If in Phaedra Hughes recognized a certain destructive aspect of the Goddess, then the heroine of the drama "Alcestis" resembles the characters of Shakespeare's later plays, sacrificing themselves and helping the inexperienced hero to understand life and himself more deeply. Hughes' version is again full of innovations and additions. He attaches great importance to satirical rituals, which are always associated with the idea of resurrection, which is so important in this play. As in Oedipus, Hughes highlights the concepts of Necessity (or fate) and the gross sensual world of mythical space. Interestingly, the same confrontation underlies the poems from "Birthday Letters" (1998), which have a similar tone and similar themes. The fact that this play was not written by order of a theater company, but rather as an expression of the author's own artistic needs, may explain the great freedom with which he handled the original Greek, including colloquial and anachronistic language, and an intriguing level of intertextuality linking it not only with ancient myths, but also with other languages. First of all, to Hughes' own poetry.

Myth and linguistic experiments in drama

The most striking product of Hughes and Brooke's collaboration was the experimental play "Orgast", first staged at the Shiraz-Persepolis Festival on the ruins of the Palace of the Gods (Iran) in 1970. The plot of the play included not only the story set out in "Prometheus Chained", but also elements from Seneca's "The Madness of Hercules", "Life is a Dream" by Calderon, the Armenian drama "In Chains", Manichaean myths and Zoroastrian parables. In addition, Hughes brought elements of his author's mythology to the plot, the closest embodiment of which was "The Crow", published two years earlier¹. Before working with Brooke, Hughes translated many classic European plays, and deeply studied the mechanisms of Shakespearean drama, which the poet also practiced with theater actors in improvisations on various topics.

The play was performed by actors from different countries and theatrical traditions (French, British, Americans, actors of the Japanese Noh theater, Africans, Persians). For this international acting troupe, Hughes developed a special language made up of invented words, glossolalia and the ancient Zoroastrian language of "the Avesta", which corresponded to P. Brooke's idea of a primitive dramatic language inseparable from gesture. The playwrights did not have the task of providing the public with a ready-made system of signs that the audience could decipher using their intellectual abilities. The sounds of this language themselves were supposed to become intuitively correlated with certain physical or emotional states of the characters. Hughes called this language Orgast: Orga meant "existence", ghastr – "spirit of life" and "flame", Orghast – "sun". Strangely enough, the sound of the invented words and their forms strongly resembled what Hughes himself called the "northern Anglo-

Saxon dialect", which the author often used in his own poems. Here is an example of phrases from this language translated into English:

BULLORGA OMBOLOM FROR / SHARSAYA
NULBULDA BRARG

(Darkness opens its womb / I hear chaos roar)

IN OMBOLOM BULLORGA

(In the womb of darkness)

FREEASTAV OMBOLOM / NILD US GLITTA-
LUGH

(freeze her womb / rivets like stars)

ASTA BEORBITTA / CLID OSTA BULLORGA

(icy chains / lock up the mouth of darkness)

IN OMBOLOM KHERN FIGYA GRUORD

(In her womb I make words iron) [Smith 1973].

The plot scheme of "Orgast" echoes the "dramatic equation" that Hughes found in Shakespeare's plays. This is a story about a crime committed by a strong but suffering individual whose guilt and splitting consciousness make his life a torture. It is also a story of punishment and redemption. The subject of the crime is Prometheus, the punishment, as in the classic plot, comes from a vulture. The image of the vulture is subsequently transformed into a female image.

"Orgast" was supposed to be the most labyrinthine work since "Ulysses", all the episodes had to be non-linearly correlated with each other. According to the authors, the action of the play was supposed to take place in the body and consciousness of Prometheus, chained to a rock. That's why various plot elements and characters have layered semantics. For example, "Orgast" is a natural light that is obscured from the hero by birds, but it is also the inner light of the main character's soul. Moa is an invariant of the White Goddess. The vulture for Prometheus "is the jailer, the earth, his own body, his connection with animal life on the one hand, and with the life of the spirit on the other, a fundamental crime that he refuses to admit and which is slowly driving him crazy. For other characters, vulture can mean mystical conflict, suffering, bodily addictions, split ego, hope for healing" [Smith 1973].

This play has never been published as a text. In order to transfer the plot from the "Persian stage to the English page" [Hughes 2007], Hughes created a poetry collection, which in the sequence of poems was supposed to convey the idea of the play. The collection was called "Prometheus on his Crag" (1973).

The quintessence of drama in poetry

All the poems in "Prometheus on his Crag" are quite short, they consist of 11, 14 or 17 lines. The first line is always repeated, and the last three add up to a tercina. Many of them are inner monologues or visions and dreams in which the main character tries to make sense of his situation, actions, doubts and guesses that cannot be expressed in words. K. Sagar assures that this collection is the culmination of a creative attempt that Hughes has been pursuing for a long time: the image of liberation, overcoming stagnation through the search and acquisition of truth expressed through the Logos [Sagar 2000]. In fact, Hughes' character is constantly reflecting on this very inability to express an image in words. Prometheus

¹ Speaking about "Orgast" Hughes once said "my Prometheus has a black brother."

observes a vulture whose feathers are compared to capital letters, these letters speak of a new beginning of the painful struggle for understanding. Only in one of the last poems one can see a kind of verbalization, a result of the obstetric effort that Prometheus works on himself incessantly asking himself, almost socratically, questions about his own essence. And again the main character understands that the power of man lies in the awareness of his difference from nature, as well as his divine essence.

“Alchemical cave drama”

“Cave Birds” is another poetry collection by Hughes, which is important for this study because of its unusual subgenre / subtitle (“alchemical cave drama”) and the resulting relationships between the poems in the collection.

This book was the result of a collaboration between T. Hughes and the American graphic artist L. Baskin (1922–2000), who illustrated some of Hughes’ previous poetry (“The Crow”, “Wolf watching”, “Remains of Elmet”, etc.).

In 1974, Baskin created twelve drawings depicting bizarre birds, then Hughes arranged the images in a certain sequence and wrote poems connected to the plot, where a bird-like character is accused of a crime against a certain female being.

Hughes’s fantastic birds became characters in a “court drama”: the accused, the judge, the prosecutor, the jury, the lawyer, and so on. The original sequence of poems looked like this: “The Summoner”, “The Advocate”, “The Interrogator”, “The Judge”, “The Plaintiff”, “The Executioner”, “The Accused”, “The Risen” and “Finale”. Baskin later created several more images, in poems to which Hughes described the character’s reflection on the experience of being at various stages of the trial. Hughes himself noted that, when creating poems for the second batch of drawings, he transferred the action of the “drama” to “the underworld, where, as in the *Bardo of Todol*, the soul is judged, deciding its fate, but then it (the soul) is finally reborn” [Hughes 2007: 633].

The title of the collection has a story of changes. In a letter to T. Gifford and N. Roberts, he says: “At first I titled the collection ‘The Death Of Socrates and his Resurrection in Egypt’, thereby expressing criticism of Socratic abstractions and their influence on humanity through Christianity. From this point of view, the rebirth of Socrates in Egypt would mean his ‘correction’ through immersion in the religious and magical element of the Eastern Mediterranean, accompanied by his appearance in the image of Horus, the beloved son and spouse of the Goddess. I have abandoned this subtitle. It is better not to limit poetry to historical limits, scholastic baggage and petty formal guidelines” [Hughes 2007: 395].

The original title indicates that the semantic canvas of the collection includes for the author such semantic elements as “socratism”, “Egypt”, “resurrection”, which with the change of title have gone into the subtext. The final title complex highlights other concepts: “cave”, “birds”, “alchemy”, “drama”. All of them (both accentuated by the final version of the title and

stated in the working version) carry a high semantic concentration and narrative potential.

The author’s genre definition of the poetry collection (“alchemical cave drama”) requires not only analysis from a formal and substantive point of view, but also an appeal to Hughes’ theatrical activities. Despite the fact that there are characters in the book, each of which has its own role, as well as elements of the plot development (the beginning (the death of the hero), the development of the action (the passage of a series of posthumous ordeals), the culmination (reconciliation of all contradictions, crystallization of the spirit and its release), the denouement (new materialization), nevertheless, the concept of the book is far from the traditional idea of drama as a literary genre. The drama that the reader encounters in “Cave Birds” is rather of an internal, ideological nature: here, as in previous collections, Hughes describes the tragedy of a modern man whose intuitive, sensual and creative beginnings are suppressed by the power of reason and pride. The inner discord of a person is depicted through personifications and metaphors, often having a paradoxical or emphatically physiological brutal character. The position of the hero himself, undergoing trials and transformation after death, is also dramatic. The mental anguish, which becomes an individual manifestation of this common tragedy, is depicted already in the first poem: the arrogant speech of the main character breaks off in mid-sentence, and instead of rational words he is able to emit only a primitive scream, which begins the “inner” judgment on a person by his own mental nature.

T. Gifford notes that “Cave Birds” is “a drama of inner voices, not of action but of reaction, taking place as much between individual poems as within them” [Gifford 1981: 200]. Unlike the almost impersonal author of the early collections (“Hawk in the Rain”, “Lupercalia”), “Cave Birds”, after “Crow” include several modes of author’s presence: in addition to the main lyrical character and the author’s voice, the reader is faced with a wide polyphony of voices interpreting the event of the drama from different points of view. The dynamics of the plot are practically absent, according to Hughes himself, in the collection “each poem had to contain various elements of the whole scene – and instead of striving for a ‘dramatic’ manner,” he “aspired to a static, hieroglyphic manner: as if each poem could be a cartouche of hieroglyphic signs, each of which would include some aspect of the drama of this scene.”

This desire to grasp a certain deep structure in dramatic action, a key effective element, is due to the author’s search in the field of theatrical activity, which I mentioned earlier. The collection “Cave Birds” is also built according to the structure of the Hughes author’s myth, combining the myth of crime, punishment, the overthrow of the Goddess and the myth of the hero’s journey.

The analyzed “drama” is called “alchemical” by the author, and therefore contains not only an external event plan, but also a deep, allegorical one. Like the texts of the alchemists, the collection is deeply hermetic, allegorical, full of vivid metaphors and vague symbols

and suggests ambiguity of interpretation.

The same image can mean several completely different things in his poems at the same time. Just like in alchemical texts, they always talk about both the material and the spiritual process at the same time. The circular movement of the hero (repeatedly returning to the beginning of the process and passing it over again – the famous snake biting its tail – Uroborus, symbolizing the ability of matter to devour itself, thus releasing the spirit, which revives matter, returning to the body again), only one cycle of which is represented in “Cave Birds” – also borrowed from the alchemy scheme. Paradoxical from the point of view of Socratic logic, the idea that in order to gain enlightenment and rebirth, the Self must die, which Hughes sets out on the example of the path of the hero of the collection, is also characteristic of alchemy, as well as for other spiritual teachings consonant with it. He depicts the reunion of man with the true forces of nature in the culminating poem of the cycle as the realization of an alchemical marriage.

Dramatic monologues

Quite a few of Ted Hughes’s poems are labeled by critics as dramatic monologues¹ the genre of which is directly related to the research topic. The peculiarity of Hughes’s dramatic monologues is that they all belong to the role-playing lyrics or poetry of “masks”. The character of the monologue is a “mask” behind which a certain mental state of a person is hidden. Most often, this is one of the states characteristic of the typical hero of Hughes’ mythical narrative – the whole range of emotions from arrogant self-admiration to doubts, self-abasement, rejection of one’s ego and humility.

For example, in “Hawk Roosting,” Hughes, portraying a wild bird, talks about the psychology and cruel nature of a man reveling in power.

From the point of view of morality, the character’s condition should seem painful and difficult, however, in the hawk’s monologue there is no sense of guilt and regret about his killer instinct, instead there is endless pride.

This dramatic monologue really corresponds to the category of theatricality and meets the criteria of a stage monologue, which should be informative, coherent, integral, compositionally ordered, the constitutive components of the monologue should be subordinated to the thematic and semantic center, the monologue should be completed in a semantic sense and unfold in a certain time and space.

The movement of the monologue in the poem is directed from a neutral narrative to a climax. At the beginning of the poem, the hawk calmly reports about his absolute control over the world of birds and animals, because his body and instincts are initially an

accurate killing mechanism.

In the second stanza, the hawk talks about his power over the earth; his advantages are the height of the trees, the “power of the air” and the “sunbeam”. Thus, the hawk symbolizes nature itself in all its nakedness and desire to kill.

The pride of the hawk reaches its apotheosis in the third stanza, when he feels godlike, the goal of creation, having control over the whole world. The character’s action scene is the whole world, all objects around it are just secondary characters and listeners.

Conclusion

Hughes was well aware that poetry that translates myth can change reality. In 1978, the poet said: “Poetry is traditionally considered magical. This use of the word ‘magical’ is technical. Magic is a system of practical techniques spontaneously invented by mankind since ancient times <...>, it is one of the ways to make things happen the way you want them to happen...” [Hughes 1978]. Undoubtedly, Hughes knew that poetry and drama have been closely linked throughout history. Poetry itself was perceived by him as an instrument of dramatic dialogue between God and people. Hughes’ magical work included the transformation of dramatic language. Interacting with classical drama in his translations and in his own texts, Hughes entered into a dialogue with the myth itself, and not the author of the play. Moreover, the characters of the myth were depicted by Hughes psychologically, not historically. Numerous allusions, parallels and references to other myths and works helped the poet to point out the universal character of mental conflict in different plays and to deduce the so-called “tragic equation”, relevant not only for classical and ancient plays, but also for the perception of being by Hughes himself. Archetypes and mythologems were an aid to such universalization, which Hughes, following the ideas of the mythological schools in Cambridge, Graves, Jung and Campbell, considered to be the basis of classical works of world literature. By conducting linguistic experiments, the poet tried to make the language of plays more effective, taking it to extremes and following experimental directors like P. Brooke (according to Brooke, the language in the theater should be reduced to the simplest but most powerful forms – vocalization, screams, moans, intonation melody). In addition, the means of drama influenced the specifics of poetry collections and individual poems, allowed the poet to solve new problems of poetic discourse. For example, in “Cave Birds”, the inclusion of the dramatic genre allowed Hughes to abandon a single theme and create a more complex structure reflecting the multiplicity and cleavage of the plot, dialogicity and different points of view.

Thus, Hughes’ active work and experiments with drama have never been an end in itself and just an art for the poet. Like poetry, drama for Hughes was a by-product of his deep reflections on life and the world, on the healing power of imagination and poetry, as well as a tool for influencing the surrounding reality. For Hughes, the Goddess of Complete Being or the triple goddess was not just a poetic image, but a living

¹ A dramatic monologue is a poem written in the form of a character’s direct speech. Usually, a dramatic monologue reveals the history of the speaker and the peculiarities of his psychological state and character. This poetic form is mainly associated with R. Browning, who added to it the complexity of dramatic situations collected by the reader in detail. However, many Old English poems are dramatic monologues. In the 20th century, the dramatic monologue was used by Ezra Pound, T. S. Eliot, Robert Frost and others.

nature, which he cared about in all ways – including participating in socio-political projects, drawing the attention of the authorities to environmental problems and calling for a change in negative policies towards them. One of his most famous projects is “Dramas of the Sacred Earth”, which is associated with both artistic and environmental activities of T. Hughes. In his essay published in the “Observer” magazine, poet laureate Hughes cites the remark of Prince Philip, Duke of Edinburgh, that art can become one of the ways to solve environmental problems, that “a new language is needed that penetrates right into the heart and soul” [Hughes 1992]. In response to Prince Philip’s idea, the

Art for Nature Foundation was created. And in 1990, as part of the same project, Hughes became a co-founder of the international drama foundation “Sacred Earth”, which goal was to collect a body of dramatic works on environmental topics written by both amateurs and professionals. In 1993, “Faber & Faber” has released the first drama collection “Sacred Earth”, which included plays from England, Switzerland, Vanuatu, Thailand and New Zealand. Thus, working with drama in the life of T. Hughes was purely practical in nature, and the “mythological substance” brought to the fore by the author was intended to demonstrate the deep work of the human psyche.

Литература

- Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев : Next, 1994. – С. 23–217.
- Скороденко, В. А. Предисловие / В. А. Скороденко // Из современной английской поэзии. Роберт Грейвз, Дилан Томас, Тед Хьюз, Филипп Ларкин. – М. : Прогресс, 1976. – С. 5–6.
- Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 1999. – С. 33–37.
- Butler, R. Ted Hughes: 1930–1998: Ted Hughes and the stage / R. Butler // Dramatic works by Ted Hughes. Introductions to some of Hughes’s dramatic writings from a range of writers and scholars. – URL: <https://thetedhughessociety.org/drama> (mode of access: 12.05.2024).
- Fleming, K. “For Everybody Must Answer the Sphinx”: Ted Hughes’s Translation of Seneca’s Oedipus / K. Fleming // Canadian Review of Comparative Literature / Revue Canadienne de Littérature Comparée. – 2013.
- Gifford, T. Ted Hughes: A Critical Study / T. Gifford, N. Roberts. – London : Faber and Faber, 1981.
- Gorguin, I. Fifth Festival of Arts, Shiraz-Persepolis / I. Gorguin. – Tehran : Public Relations Bureau of the Festival of Arts ; Shiraz-Persepolis, 1971.
- Helfer, R. Peter Brook: Oxford to Orghast (Contemporary Theatre Studies) / R. Helfer, G. M. Loney. – Harwood Academic Publishers, 1998.
- Hirschberg, S. Myth in the poetry of Ted Hughes: a guide to the poems / S. Hirschberg. – Totowa, New Jersey : Barnes and Noble Books, 1981. – 239 p.
- Hughes, T. ‘Foreword’ in Sacred Earth Dramas / T. Hughes. – London : Faber, 1993a.
- Hughes, T. ‘The Critical Forum’ Series / T. Hughes. – Norwich Tapes Ltd., 1978.
- Hughes, T. ‘Your World’ / T. Hughes // The Observer Magazine. – 29 November 1992. – P. 23–39.
- Hughes, T. Collected Poems / T. Hughes. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2003. – 1333 p.
- Hughes, T. Letters of Ted Hughes / T. Hughes. – London : Faber and Faber Ltd., 2007. – 756 p.
- Hughes, T. Seneca’s Oedipus / T. Hughes. – London : Faber and Faber ; Faber Plays, 1998.
- Hughes, T. Shakespeare and the Goddess of Complete Being / T. Hughes. – London : Faber and Faber Ltd., 1993b. – 524 p.
- Hughes, T. Winter Pollen / T. Hughes. – New York : Picador USA, 1995. – 480 p.
- Moulin, J. Krogon & Moa: Ted Hughes’s Philosophical Approach to Logos / J. Moulin // Second Conference of the Hellenic Association for the Study of English, Athens (Greece), Mar. 1996. – Athènes, 1996.
- Orghast: Interview with Ted Hughes by Peter Wilson. 5th Festival of Arts. Shiraz Persepolis // Tamasha Daily Bulletin. – Week. Aug.[sic] Sept. 1st 1971.
- Parsons, M. Touch monkeys: nonsense strategies for reading twentieth-century poetry / M. Parsons. – Toronto : University of Toronto Press, 1994.
- Pratt, T. Seneca’s Drama / T. Pratt. – University of North Carolina Press, Enduring Editions, 2009. – 240 p.
- Sagar, K. Literature and Crime against Nature. From Homer to Hughes / K. Sagar. – London : Chaucer Press, 2005.
- Sagar, K. The Laughter of Foxes. A study of Ted Hughes / K. Sagar. – Liverpool : Liverpool univ. press, 2000. – 196 p.
- Scigaj, L. M. Critical Essays on Ted Hughes / L. M. Scigaj. – New York : G. K. Hall and Co., 1992.
- Scott-Kilvert, I. Seneca or Scenario / I. Scott-Kilvert // Arion: A Journal of Humanities and the Classics. – 1968. – Vol. 7, no. 3. – P. 501–511.
- Skea, A. Adam and the Sacred Nine: A Cabbalistic Drama / A. Skea. – URL: <https://ann.skea.com/AdamHome.html> (mode of access: 19.06.2022).
- Smith, A. C. H. Orghast at Persepolis / A. C. H. Smith. – Viking Press, 1973.
- Supple, T. Ted Hughes and the Theatre / T. Supple. – URL: <https://ann.skea.com/TimSupple.html> (mode of access: 12.05.2024).
- Wedekind, F. Spring Awakening: A new version by Ted Hughes was first performed by the Royal Shakespeare Company at The Pit in the Barbican on 2 August 1995. Director: Tim Supple / F. Wedekind. – URL: <https://ann.skea.com/Persepolis%20Orghast%20interview.html> (mode of access: 12.05.2024).

References

- Bakhtin, M. M. (1994). Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In Bakhtin, M. M. *Raboty 20-kh godov*. Kiev, Next, pp. 23–217.
- Butler, R. Ted Hughes: 1930–1998: Ted Hughes and the Stage. In *Dramatic works by Ted Hughes. Introductions to some of Hughes's dramatic writings from a range of writers and scholars*. URL: <https://thetedhughessociety.org/drama> (mode of access: 12.05.2024).
- Eliade, M. (1999). *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religion]. Moscow, Ladomir, pp. 33–37.
- Fleming, K. (2013). "For Everybody Must Answer the Sphinx": Ted Hughes's Translation of Seneca's Oedipus. In *Canadian Review of Comparative Literature / Revue Canadienne de Littérature Comparée*.
- Gifford, T., Roberts, N. (1981). *Ted Hughes: A Critical Study*. London, Faber and Faber.
- Gorguin, I. (1971). *Fifth Festival of Arts, Shiraz-Persepolis*. Tehran, Public Relations Bureau of the Festival of Arts, Shiraz-Persepolis.
- Helfer, R., Loney, G. M. (1998). *Peter Brook: Oxford to Orghast (Contemporary Theatre Studies)*. Harwood Academic Publishers.
- Hirschberg, S. (1981). *Myth in the Poetry of Ted Hughes: A Guide to the Poems*. Totowa, New Jersey, Barnes and Noble Books. 239 p.
- Hughes, T. (1978). 'The Critical Forum' Series. Norwich Tapes Ltd.
- Hughes, T. (1992). 'Your World'. In *The Observer Magazine*. 29 November, pp. 23–39.
- Hughes, T. (1993a). 'Foreword' in *Sacred Earth Dramas*. London, Faber.
- Hughes, T. (1993b). *Shakespeare and the Goddess of Complete Being*. London, Faber and Faber Ltd. 524 p.
- Hughes, T. (1995). *Winter Pollen*. New York, Picador USA. 480 p.
- Hughes, T. (1998). *Seneca's Oedipus*. London, Faber and Faber Plays.
- Hughes, T. (2003). *Collected Poems*. New York, Farrar, Straus and Giroux. 1333 p.
- Hughes, T. (2007). *Letters of Ted Hughes*. London, Faber and Faber Ltd., 756 p.
- Moulin, J. (1996). Krogon & Moa: Ted Hughes's Philosophical Approach to Logos. In *Second Conference of the Hellenic Association for the Study of English, Athens (Greece), Mar. 1996*. Athènes.
- Orghast: Interview with Ted Hughes by Peter Wilson. 5th Festival of Arts. Shiraz Persepolis. (1971). In *Tamasha Daily Bulletin*. Week. Aug. [sic] Sept. 1st.
- Parsons, M. (1994). *Touch Monkeys: Nonsense Strategies for Reading Twentieth-Century Poetry*. Toronto, University of Toronto Press.
- Pratt, T. (2009). *Seneca's Drama*. University of North Carolina Press, Enduring Editions. 240 p.
- Sagar, K. (2000). *The Laughter of Foxes. A Study of Ted Hughes*. Liverpool, Liverpool univ. press. 196 p.
- Sagar, K. (2005). *Literature and Crime against Nature. From Homer to Hughes*. London, Chaucer Press.
- Scigaj, L. M. (1992). *Critical Essays on Ted Hughes*. New York, G. K. Hall and Co.
- Scott-Kilvert, I. (1968). Seneca or Scenario. In *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*. Vol. 7. No. 3, pp. 501–511.
- Skea, A. *Adam and the Sacred Nine: A Cabbalistic Drama*. URL: <https://ann.skea.com/AdamHome.html> (mode of access: 19.06.2022).
- Skorodenko, V. A. (1976). Predislovie [Preface]. In *Iz sovremennoi angliiskoi poezii. Robert Greivz, Dilan Tomas, Ted Kh'yuz, Filipp Larkin*. Moscow, Progress, pp. 5–6.
- Smith, A. C. H. (1973). *Orghast at Persepolis*. Viking Press.
- Supple, T. *Ted Hughes and the Theatre*. URL: <https://ann.skea.com/TimSupple.html> (mode of access: 12.05.2024).
- Wedekind, F. *Spring Awakening: A new version by Ted Hughes was first performed by the Royal Shakespeare Company at The Pit in the Barbican on 2 August 1995. Director: Tim Supple*. URL: <https://ann.skea.com/Persepolis%20Orghast%20interview.html> (mode of access: 12.05.2024).

Данные об авторе

Гурьянова Антонина Александровна – аспирант кафедры литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия).
 Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12.
 E-mail: amyasnikova1@hse.ru.

Author's information

Gurianova Antonina Alexandrovna – Postgraduate Student of Department of Literature and Intercultural Communication, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia).

PROBLEMS OF CREATIVE ACTIVITY OF GERMAN-SPEAKING CHILDREN'S WRITERS IN THE SOVIET EMIGRATION

Tatyana A. Fedyaeva

Saint Petersburg State Agricultural University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8644-1218>

Abstract. This paper examines the works of German-speaking writers, representatives of the so-called proletarian or socialist children's literature – Berta Lask (1878–1967), Bela Balázs (1884–1949) and Maria Osten (1908–1942), who emigrated to the Soviet Union in the 1930s and lived in the Soviet Union for a long time. Their children's works of fiction – “Karlchen, durchhalten” (1936), “Heinrich beginnt den Kampf” (1938), “Karl, wo bist du” (1940) by Balázs, “Otto und Else” (1935) by Lask, “Hubert im Wunderland” (1935) by Osten – are considered both in the context of the themes and problems of the work of these writers, and in the historico-literary context of Soviet children's literature of the 1930s and 1940s.

The work of B. Balázs has become a separate case of research, as this writer occupies a special place in the history of Soviet children's literature. The object of the study comprises the reasons for the fame of his children's books in the USSR and the artistic principles of his creative writing that allowed him to integrate into the everyday life literary practices of the USSR.

One of the main focuses of the paper is the adaptive strategies of the creative activity of these authors that made their works part of the literary process in the Soviet Union, namely part of socialist realism and the rules of Soviet ideological discourse.

A comparative analysis of children's emigrant literature in European and Soviet exile has become an important research problem. To this end, the study analyzes the children's works of German-speaking emigrant writers written in Germany and the Soviet Union in the context of the evolution of their creative method – from the fairy-tale science-fiction depiction of reality in the light of communist principles of perception of reality to the artistic principles of socialist realism. Special attention is paid to the concept of the image of the “new child” as an anti-fascist fighter.

Keywords: proletarian children's literature; The USSR; emigration; socialist realism; adaption strategies

For citation: Fedyaeva, T. A. (2025). Problems of Creative Activity of German-Speaking Children's Writers in the Soviet Emigration. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 156–163. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-156-163.

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Федяева Т. А.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8644-1218>

SPIN-код: 1693-7401

Аннотация. В предпринятом исследовании анализируются произведения немецкоязычных писателей, представителей так называемой пролетарской или социалистической детской и юношеской литературы – Берты Ласк (1878–1967), Белы Балаша (1884–1949) и Марии Остен (1908–1942), которые эмигрировали в Советский Союз в 1930-е годы XX века и долгое время жили в нашей стране. Их детские произведения – «Карл Бруннер» (1936), «Генрих начинает борьбу» (1938), «Карл, где ты?» (1940) Б. Балаша, «Отто и Эльза» (1935) Б. Ласк, «Губерт в стране чудес» (1935) М. Остен – рассматриваются как в контексте тематических и проблемных комплексов творчества этих писателей, так и в историко-литературном контексте советской детской литературы 30–40-х годов XX века.

Творчество Б. Балаша выделено как отдельная линия исследования, поскольку этот писатель занимает особое место в истории советской детской литературы. Объектом изучения стали причины огромной известности его книг у юных советских читателей и художественные принципы его творчества, которые позволили ему адаптироваться к жизненным и литературным практикам СССР.

Одним из основных объектов анализа данной статьи являются адаптивные стратегии творчества вышеназванных авторов, сделавшие их произведения частью литературного процесса в Советском Союзе, а именно частью социалистического реализма и советского идеологического дискурса.

Важной проблемой исследования стал сравнительный анализ детской эмигрантской литературы в европейском и советском изгнании. С этой целью к изучению привлечены детские произведения немецкоязычных писателей-эмигрантов, написанные в Германии и Советском Союзе, в аспекте эволюции их творческого метода – от сказочно-фантастического оформления действительности в свете коммунистических установок восприятия действительности к художественным принципам социалистического реализма. Особое внимание при этом уделено концепции образа «нового ребенка» как борца против фашизма.

Ключевые слова: пролетарская детская литература; СССР; эмиграция; социалистический реализм; стратегии адаптации

Для цитирования: Федяева, Т. А. Проблемы творчества немецкоязычных детских писателей в советской эмиграции / Т. А. Федяева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 156–163. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-156-163.

PROBLEME DES SCHAFFENS DER DEUTSCHSPRACHIGEN KINDERLITERATURSCHRIFTSTELLER IM SOWJETISCHEN EXIL

Tatjana A. Fedjajewa

Staatliche Agraruniversität Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8644-1218>

Inhaltsangabe. Im vorliegenden Beitrag werden die wenig in der Literaturwissenschaft erforschten Werke der deutschsprachigen Schriftsteller, Vertreter der sogenannten proletarischen oder sozialistischen Kinder- und Jugendliteratur (KJL) – Berta Lask (1878–1967), Bela Balázs (1884–1949) und Maria Osten (1908–1942), die in die Sowjetunion in den 30-er Jahren des zwanzigsten Jahrhunderts emigrierten und lange Zeit in der Sowjetunion lebten, untersucht. Ihre Kinderwerke (*Karlchen, durchhalten*, 1936, *Heinrich beginnt den Kampf*, 1938, *Karl, wo bist du*, 1940 von Balázs, *Otto und Else*, 1935 von Lask, *Hubert im Wunderland*, 1935 von Osten) werden sowohl im Kontext des Themen- und Problemkreises des Schaffens dieser Schriftsteller, als auch im Kontext der sowjetischen Kinderliteratur der 30–40-er Jahre des XX. Jahrhunderts betrachtet.

Als Sonderfall der Forschung wird das Schaffen von B. Balázs hervorgehoben, da dieser Schriftsteller eine besondere Stellung in der Geschichte der sowjetischen Kindeliteratur einnimmt. Zum Objekt der Untersuchung wurden die Gründe des grossen Leseerfolgs seiner Kinderbücher in der UdSSR und die Kunstprinzipien, die ihm erlaubt haben, sich in die Lebenspraktiken der UdSSR einzulieben.

Einer der Schwerpunkte des Referats bilden adaptive Strategien, die ihre Werke zum Teil des literarischen Prozess in der Sowjetunion machten, und zwar zum Teil des sozialistischen Realismus, sowie die Regel des sowjetischen ideologischen Diskurses, die sich obengenannte Autoren aneignen mussten. Die in Deutschland und in der Sowjetunion geschriebene Kinderliteratur der deutschsprachigen Exilschriftsteller werden im Aspekt der Evolution ihrer schöpferischen Methode analysiert, und zwar von der märchenhaft-phantastischen Gestaltung der Wirklichkeit durch kommunistische Gesinnung zum sozialistischen Realismus. Dabei wird das Konzept des „neuen Kindes“ als antifaschistischen Kämpfers hervorgehoben.

Schlüsselwörter: proletarische Kinderliteratur; UdSSR; Exil; sozialistischer Realismus; adaptive Strategien

Einführung: Stand der Forschung

Bereits bei der ersten Bekanntschaft mit dem Thema des Beitrags stellte es sich heraus, dass das Phänomen deutschsprachiger Kinderliteratur im sowjetischen Exil als integrale Erscheinung niemals untersucht war. Es wird sowohl in der Literaturkritik der 30–40er Jahre, als auch in der Folgezeit zum Gegenstand einer gezielten Literaturrecherche nicht geworden. Dieses Thema war auch in dem in Leipzig erschienenen, sehr informativen Buch „Exil in der UdSSR“ [Jarmatz, Barck, Diezel 1979] nicht berücksichtigt. Die Erforschung der Problematik der Kinderliteratur im Exil konnte natürlich in der Zeit, als sich das metatextuelle Verständnis von KJL noch nicht in seiner heutigen Form herausgebildet hatte, in die Aufgabe der Autoren nicht einbezogen werden, aber es gab dazu auch historische Gründe.

In der zweiten Hälfte der 30er Jahre des XX. Jahrhunderts entstand die Tradition, die antifaschistisch orientierte Literatur im Exil als Teil eines grenzenlosen Gesamtprozesses zu betrachten, nämlich des sogenannten literarischen Widerstandes, der die antifaschistische Schriftstellerbewegung auf der ganzen Welt – von Mexiko bis Palästina – vereinte. Das heißt, dass die Kinderliteratur im Exil sowie die Erwachsenenliteratur als eine einheitliche Erscheinung ohne Berücksichtigung des Wohnsitzlandes ausgewanderten Schriftsteller wahrgenommen wurde.

Diesen Ansatz zum Verständnis unseres Themas sehen wir in dem berühmten Artikel der österreichischen Kinderschriftstellerin Alex Wedding „Die Kinderliteratur“ [Wedding 1937], die 1937 in Moskauer Zeitschrift „Das Wort“ publiziert war. Ähnlicherweise wird das für uns interessante Problem im einzigen verallgemeinernden Artikel des sowjetischen Literaturkritikers R. Dmitrenko „Die Wahrheit kann nicht verborgen werden“, der in der Zeitschrift „Kinderlite-

ratur“ 1985 (Nr. 3) publiziert wurde [Dmitrenko 1985: 32–33], über deutschsprachige antifaschistische Kinderliteratur der Zwischenkriegszeit im Zusammenhang mit der deutschen Revolutionsliteratur behandelt. Die Forscherin nennt die Namen ausgewandelter Schriftsteller, ohne deren Exilland zu bezeichnen und ohne diesem Umstand eine Bedeutung beizumessen. Dieser Faktor sollte jedoch berücksichtigt werden, da sich die Werke von Schriftstellern, die im europäischen oder amerikanischen Exil lebten, erheblich von denen in der Sowjetunion veröffentlichten unterscheiden.

So nennt und analysiert R. Dmitrenko ganz kurz und fließend die Werke von Alex Wedding, Berta Lask, Hermynia Zur Mühlen, Lisa Tetsner, Augusta Lazar, Georg Waldemar Piet, Walter Schönstedt, Max Zimmering. Die genannten Schriftsteller, mit der Ausnahme von Berta Lask, waren eigentlich keine sowjetischen Exilanten: L. Tetsner überlebte die Verbannung in der Schweiz, A. Wedding – in Prag und Mexiko, A. Lazar und M. Zimmering in England, W. Schönstedt blieb in Deutschland. Im Artikel werden drei Kinderbücher des österreichischen Schriftstellers Béla Balázs, die er in der UdSSR veröffentlicht hat, sowie das publizistische Buch der deutschen Journalistin Maria Osten „Hubert im Wunderland“ [Osten 1935], das 1935 in Moskau als Beilage zur Zeitschrift „Ogonyok“ erschienen ist, sowie die Erzählungen von B. Lask, die Mitte 30er Jahre in Moskau in deutscher Sprache publiziert wurden, nicht erwähnt.

Das Ziel unserer Forschung ist, das Phänomen der deutschsprachigen Kinderliteratur im sowjetischen Exil zu untersuchen.

Das Korpus der deutschsprachigen Kinderliteratur im sowjetischen Exil

Das Korpus der deutschsprachigen Kinderliteratur im sowjetischen Exil besteht aus übersetzten Wer-

ken von Exilautoren, die nicht in der UdSSR lebten, und Werken der Schriftsteller, die sich in der UdSSR niederließen und dort ihre Werke sowohl in deutscher Sprache, als auch in russischer Übersetzung veröffentlichten.

Die zweibändige Bibliographie der Kinderliteratur (1948–1949, hrsg. von I. Starzew in Leningrad), die in den 20–40er Jahren des XX. Jahrhunderts in der UdSSR veröffentlicht wurde, enthält ziemlich volle Information über deutschsprachige Publikationen der Verbannungsjahre und lässt sich feststellen, dass sich das Themen- und Genrespektrum der übersetzten deutschsprachigen Literatur der 30er Jahre gegenüber den 20er Jahren deutlich verengt hat. In den 1920er Jahren waren neben den Werken der Klassiker der deutschen Literatur, die vom Leben der Arbeiter (Werke von B. Kellerman, W. Polenz, G. Hauptmann), von Schulproblemen (Werke von W. Speyer, K. Danz, A. Lazar, B. Lask) erzählten, Märchenbücher sehr populär. Die Märchen der österreichischen Schriftstellerin Hermynia Zur Mühlen, die nach der genauen Definition von B. Dolle-Weinkauff als Begründerin der Gattung des „proletarischen Märchens“ [Dolle-Weinkauff 1997: 99] anerkannt war, wurden mehrmals herausgegeben. Man veröffentlichte auch gerne die Werke der Lachliteratur (W. Bush), Abenteuergeschichten, phantastische Erzählungen (R. Raspe, K. Meyer-Lemgo, A. Geye).

Anfang der 1930er Jahre erschienen noch in der Sowjetunion einzelne Bücher mit den traditionellen Kinderthemen, zum Beispiel die Erzählung von L. Tetsner „Das Fußball“ (1932), das Märchen „Said – der Träumer“ von H. Zur Mühlen (1935, 1936). Seit Mitte der 1930er Jahre wurden nur solche Werke zur Veröffentlichung ausgewählt, in denen das politische Thema – soziale und antifaschistische Motive und Ideen – klar zum Ausdruck kam.

Der ideologische Druck war so groß, dass die in den 30er und 40er Jahren geschriebenen, antifaschistischen und prosowjetischen Kinderwerke deutschsprachiger Autoren, die in der europäischen Verbannung lebten, nicht veröffentlicht wurden, weil ihre Autoren keine sowjetischen Exilanten waren. So ist das Buch „Das Eismeer ruft“ (1937) von A. Wedding in der Sowjetunion erst 1961 in deutscher Sprache erschien, die Novelle „Jan auf der Zille“ (1935) von A. Lazar wurde 1972 übersetzt, M. Zimmerings Erzählung „Die Jagd nach dem Stiefel“ (1936) war 1968 in deutscher Sprache veröffentlicht. Einzige Ausnahme bleibt Augusta Lazars Roman „Sally Bleistift in Amerika“, der 1935 unter dem Pseudonym Mary MacMillan in deutscher Sprache in der Sowjetunion publiziert war. Man kann also mit Recht behaupten, dass der Umfang der übersetzten deutschsprachigen Kinderliteratur in den 1930er Jahren stark gesunken war. Der Schwerpunkt verlagerte sich auf die Veröffentlichung von Werken der in der UdSSR lebenden deutschsprachigen Schriftsteller.

Es war nicht einfach, den Kreis der Schriftsteller zu bestimmen, die in der sowjetischen Verbannung Kinderwerke schufen. In verschiedenen Quellen sind die Daten über die Zahl und Zusammensetzung der deutschsprachigen Schriftsteller nicht identisch. In

vielerlei Hinsicht hängen diese Unklarheiten offenbar damit zusammen, dass es zwei Verbannungswellen gab: 1933, also nach Hitlers Machtergreifung, und 1938, nach dem Anschluss Österreichs und Tschechiens.

Einer der Führer des „Verbandes deutscher Schriftsteller im Exil“ A. Kantorowitsch nennt 1938 in Moskauer Zeitschrift „Ausländische Literatur“ (Nr. 11) die in der Sowjetunion lebenden Schriftsteller – T. Plivier, A. Sharer, G. Lukacs, A. Gabor, O. Halpern, F. Wolf, H. Walden, B. Balázs, J. R. Becher, W. Bredel, A. Kurella, F. Erpenbek, H. Zinner, F. Leshnitzer. Diese Liste kann durch Informationen aus dem Buch „Exil in der UdSSR“ ergänzt werden, in dem neben den erwähnten Namen solche berühmte Schriftsteller wie E. Weinert, H. Huppert, B. Lask, M. Osten genannt werden.

Von den aufgezählten Autoren hatten nur Berta Lask und Béla Balázs den Status von Kinderschriftstellern. Sie schufen ihre Kinderbücher sowohl vor der Auswanderung, als auch während der Verbannung. Die übrigen von A. Kantorowitsch erwähnten Autoren wandten sich gelegentlich der Kinderliteratur zu – J. R. Becher veröffentlichte von Zeit zu Zeit die Gedichte für Kinder, W. Bredel schuf 1939 den historischen Jugendroman „Die Vitalienbrüder“, veröffentlichte ihn jedoch nicht, F. Wolf schrieb 1941 die Erzählung „Kiki“, was nicht ganz zu Recht der Jugendliteratur zugeschrieben wird.

So verengen sich die Grenzen des untersuchten Phänomens auf drei Namen, nämlich auf die Werke von Béla Balázs (Herbert Bauer, 1884–1949) und Berta Lask (1878–1967), sowie das Buch von Maria Osten (1908–1942) „Hubert im Wunderland“. Béla Balázs war von 1931 bis 1945 im Exil in der UdSSR, Lask – von 1933 bis 1953, Maria Osten lebte in den 30er Jahren zwischen Berlin, Paris und Moskau. 1941 wurde sie als bürgerliche Ehefrau vom sowjetischen Schriftsteller M. Kolzow verhaftet und 1942 erschossen.

Das Schaffen von Maria Osten, Berta Lask und Béla Balázs als Muster der proletarischen KJL

Das Buch von M. Osten „Hubert im Wunderland“ ist ein wirklich innovatives Phänomen der Kinderliteratur der 1930er Jahre. Osten führte ins Kinderbuch das Reportage- und Zeitschriftenprinzip anhand von Fotografien als Illustrationen ein und schuf damit eine weitgehend neue narratologische Strategie in der Kinderliteratur.

Das Buch ist als eine Reihe von kurzen Tagebuchgeschichten eines realen deutschen Jungen, Hubert Lhoste, des Sohnes deutscher Kommunisten und Antifaschisten, der mit Zustimmung seiner Eltern als Gast in der UdSSR für ein Jahr gekommen war, strukturiert. Das Buch vermittelte seine Eindrücke von Treffen mit sowjetischen Kindern und Führern, seine Bewunderung für verschiedene Seiten des Lebens in der UdSSR. Die Sowjetunion war als ein Land der erfüllten Träume proletarischer Kinder von einer gerechten Weltordnung dargestellt. Dieses Wunderland besuchten Hans und Grete aus dem Kinderbuch von B. Lask „Wie Franz und Grete nach Rußland kamen“ (1926), Hans Urian aus der Erzählung von L. Tetsner „Hans Urian oder die Geschichte einer Weltreise“

(1929), tschechische Knaben aus A. Weddings Buch „Das Eismeer ruft“. Nicht umsonst wird dieses Dokumentarbuch mit Carrolls Märchen verglichen: vor uns liegt ein neuartiges Märchen, in dem eine wunderbare Zukunft – eine klassenlose Gesellschaft – zur Non-Fiktion-Realität geworden ist, dargestellt in einer Serie von Online-Fotografien.

Aus dem Korpus der wenigen Texte der deutschsprachigen Kinderliteratur im sowjetischen Exil ist dies das einzige Werk mit einer traditionellen Exilproblematik: ihr wichtiges Thema war die Anpassung eines Kindes an eine für ihn fremde Umgebung und die Gewöhnung an neue Lebensbedingungen. Hubert, der Ich-Erzähler, tritt hier als unzuverlässiger Narrator auf, hinter dem ein echter erwachsener Erzähler steht, der der Geschichte des Jungen eine Tonart der Bewunderung für ein sozialistisches, aber ihm fremdes Land, und eine des Hasses auf seine kapitalistische Heimat verleiht.

Das Buch war – und dies wurde von G. Dimitrov im Vorwort offen erklärt – als Propagandawerk gedacht, was das Vorhandensein einer klaren Grenze zwischen dem unglücklichen Bild der Kindheit in einem kapitalistischen Land und einer hellen und fröhlichen Gestaltung der Kindheit im Sozialismus bedeutete. Das Buch von Osten hebt solche für europäische Sozialisten in der Bildung von „sozialistischem Denken“ [Gittinger 2017: 42] traditionellen Werte bei Kindern und in der Erziehung eines „neuen Kindes“ für das Leben in einer klassenlosen Gesellschaft wie Selbsterziehung der sozialen Aktivität durch gemeinsame Arbeit und gegenseitige Hilfe, durch gemeinsame Spiele, Arbeit und Ausbildung hervor.

Jedes Kapitel des Buches illustriert die europäischen sozialistischen Ideen der „Klassenpädagogik“, die in der UdSSR verwirklicht waren, und zeigt trotz der aktiven ideologischen und politischen Färbung in der Wahrnehmung des Kindes das „kindliche“ Kind, dessen Bild in der Romantik geprägt wurde. „Hubert im Wunderland“ behält noch den Charakter einer Spieleinladung zur Reise (das Brettspiel „Reise nach Moskau“ ist dem Buch beispielsweise als Beilage beigelegt), das Buch selbst wird als «Reiseindrücke vom Land des aufbauenden Sozialismus» bewertet [Dimitrov 1935: 4].

Berta Lask und Béla Balázs, Vertreter der europäischen proletarischen Literatur, entwickelten in ihren vorsowjetischen Werken der 1920er Jahre denselben sozialistischen Gedankenkomplex wie Ostens Buch. So wurden Berta Lasks Reisebücher der 1920er Jahre – „Auf dem Flügelpferd durch die Zeiten“ und „Wie Franz und Grete nach Rußland kamen“ zu Ereignissen in der Geschichte des proletarischen Kinderbuches. Letzteres schrieb sie 1925 nach einer Reise in die UdSSR. Lasks Geschichten basieren wie Ostens Buch auf der Verwendung des Chronotops des Weges zu einer besseren Gesellschaft und der Zukunft. Die sowjetische Gesellschaft, gesehen aus der Perspektive des Kinder deutscher Proletarier im Buch über die Reise von Franz und Grete, erscheint als eine wunderbare „neue Welt“, als ein Reich des Lichts, das mit der dunklen Welt des kapitalistischen Europas koexistiert. Die Helden von Lask auf der Suche nach einer besseren Weltordnung überwinden mühelos die Grenzen

zwischen Zeiten und Ländern.

Auch die Werke von Balázs der vorsowjetischen Zeit fügten sich ideal in das Paradigma der Entwicklung der deutschsprachigen proletarischen Kinderliteratur ein. 1922 schrieb er sein berühmtes Märchen „Das richtige Himmelsblau“, in dem der Protagonist, der Schüler Franz Kramer, ein Junge aus einer armen Familie, mit Hilfe von Farben, die er nachts aus leuchtenden Blumen sammelte, die Realität umwandelt. 1930 schuf Balázs in Zusammenarbeit mit L. Tetsner ein Reisetück „Hans Urian geht nach Brot“, dessen Hauptheld die Sowjetunion besucht und die sozialistischen Umwälzungen im Sowjetischen Land bewundert.

In den Büchern von Lask und Balázs der Sowjetzeit waren die Elemente der Parabel, der Allegorie und Phantastik nicht mehr vertreten, das Chronotop des Weges, das so charakteristisch für die Werke der europäischen proletarischen Kinderliteratur der 1920er und 1930er Jahre war, verschwand. Unter Behaltung der im deutschsprachigen Raum entwickelten gesellschaftlichen Grundvorstellungen über die Kindheit sowie der Themen und Motive der deutschen proletarischen Literatur verändern die Schriftsteller im sowjetischen Exil ihre Kindheitsauffassung. In ihren Büchern vollzieht sich auch der Übergang von Märchen und Reisebüchern zu realistischen Werken. Dieser Paradigmawechsel ist vor allem mit der extremen Politisierung des gesamten literarischen Lebens in der UdSSR und dem ideologischen Druck verbunden, die die deutschsprachige Schriftsteller deutlich im Exil gespürt haben. Das Leben in der UdSSR, insbesondere gegen Ende der 30er Jahre, hinterließ bei vielen deutschsprachigen Schriftstellern keine Illusionen über den Sozialismus, der als eine Idee gut war, in der Realität aber ganz anders aussah.

Laut dem Umschau der in Leipzig 1995 stattgefundenen Ausstellung „Literatur für Kinder und Jugendliche im Exil. 1933–1950“, behielten die Gattungen der in Europa und Amerika geschriebenen Kinderwerke die für die Kinderliteratur traditionelle Genresammensetzung: es waren Abenteuerbücher mit der sozialen Thematik, Werke, die die Situation der Anpassung der Kinder an die Bedingungen des Auswanderungslandes beschrieben, sowie Tierbücher, Märchen, Bücher für Mädchen und für Jungen.

Die Kinderliteratur der deutschen Exilanten in die UdSSR hatte einen engagierten Charakter und wurde im Rahmen eines sozialen Auftrages geschaffen, was ihre Homogenität bedingte, wodurch sie sich von der verwandten, aber ihr nicht identischen deutschsprachigen Kinderliteratur im europäischen Exil auszeichnete.

Politische Ziele für deutschsprachige Exilautoren in der Sowjetunion wurden vor allem durch die in Moskau in deutscher Sprache erschienene Zeitschrift „Das Wort“ geprägt. Die drei obengenannten Schriftsteller waren mit der Zeitschrift eng verbunden: M. Osten war eine seiner Gründerin, B. Balázs – ein Mitarbeiter, B. Lask – ein Autor. Österreichische Schriftstellerin Alex Weddings im Artikel „Die Kinderliteratur“ charakterisierte ihre Werke als literarische Antwort „auf die Aktivität der Nazis“ bezeichnet [Wedding 1937: 51].

„Das Wort“ passte vollkommen in die Kulturpolitik der sowjetischen Regierung, da die Exilliteratur ein Bestandteil des allgemeinen literarischen Prozesses war. Die Zielsetzungen der Kinder- und Jugendliteratur wurden von der Literatur für Erwachsene bestimmt. Der bekannte Germanist W. Devekin im Buch «Nicht auf dem Scheiterhaufen verbrannte Literatur. Deutsche antifaschistische Literatur 1933–1945» (1979) stellt fest, dass die Werke der verbannten Schriftsteller vor 1935 zwei Motive aufweisen – „der unmenschliche Terror der Nazis und das Heldentum der antifaschistischen Widerstandskämpfer“ [Devekin 1979: 70], von 1935 bis 1941 war das Hauptthema der Exilwerke die Vereinigung aller antifaschistischen Kräfte, seit 1941 – die Entlarvung des Nazismus und die Idee der Nichtidentität des NS-Deutschlands dem deutschen Volk. Dieser Gedankenkreis charakterisierte die Werke von Lask und Balázs, die sich auf sowjetische Rezipienten orientieren und die politische Situation im Land berücksichtigen sollten.

Das Gefühl des Feindeshasses und die Idee der Verteidigung der Ideale des Sozialismus lagen Berta Lasks Erzählungen mit den damals typischen Titeln „Junge Helden. Erzählungen aus der österreichischen Februarkämpfe“ (1934) [Lask 1934] und „Otto und Else. Erzählung vom Kampf der deutschen Arbeiterjugend“ (1935) [Lask 1935], sowie den Büchern von B. Balázs „Karl Brunner“ (1936), „Heinrich beginnt den Kampf“ (1938), „Karl, wo bist du?“ (1940), „Und unsere Berge kämpfen mit uns“ (1941) zugrunde.

Das Konzept eines Kindes als Helden war für Lask und Balázs ziemlich organisch. Schon vor der Emigration schufen beide Schriftsteller in ihren Büchern Beispiele für „sozial korrektes“ Kinderverhalten, sie sahen aber das Kind immer noch nicht als einen dem Erwachsenen gleichwertigen Kämpfer. Die Umcodierung in «nicht-kindliche» Kinder fand in den Werken von Lask und Balázs erst Mitte der 30er Jahre statt.

Balázs beschreibt drei Phasen des Erwachsenens eines Kindes als Kämpfer. Das Buch „Heinrich beginnt den Kampf“ zeigt einen kleinen Jungen, der seinen Vater vor den Nazis rettet, im Buch „Karl Brunner“ ist der Protagonist bereits ein Schüler, er hilft seiner kommunistischen Mutter von der Polizeiverfolgung zu flüchten. In der Gestalt des erwachsenen siebzehnjährigen Protagonisten Karl Brunner im Roman „Karl, wo bist du?“ verstärkt Balázs den sozialen Klang: Karl geht nach Spanien, um dort am Krieg teilzunehmen. Der politische Kampf wird zu seinem Lebenssinn. Die letzten Zeilen des Buches sind Karls Ansprache an einen Jugendfreund: „Schau, Franz! Thälmanns Bataillon! Chapaevs Bataillon! Stalins Bataillon! Vorwärts! Vorwärts!“ [Balash 1941: 164].

In den Werken der Kinderliteratur in der europäischen Verbannung fehlte den Kindergestalten als Kämpfer und Helfer der Erwachsenen die Tragik und die harte Dramatik, die den Büchern von Lask und Balázs eigen war. Die für Kinderliteratur typischen Gattungen, nämlich der Reiseroman (der Roman von A. Lazar „Jan auf der Zille“, der Roman von L. Tetzner „Erlebnisse und Abenteuer der Kinder aus Nr. 67“) und das der Detektivgeschichte, z.B. der Roman von

M. Zimmering „Die Jagd nach dem Stiefel“, milderten das Pathos des gnadenlosen und unversöhnlichen Kampfes, das für die Bücher deutscher Exilanten in der UdSSR charakteristisch war.

Die kinderliterarische Exilwerke von B. Balázs als Sonderfall

B. Balázs nimmt eine besondere Stellung in der Geschichte der sowjetischen Kindeliteratur ein, da er wohl der bekannteste unter den deutschsprachigen Kinderschriftstellern war, die sich in den 30er Jahren in der Sowjetunion als Exilanten niederließen. Im Gegensatz zu seiner filmtheoretischen Tätigkeit nahm Balázs nie an der Diskussion auf dem Gebiet der KJL teil; seine ins Russische übersetzten Kinderbücher hatten aber einen enormen Lesererfolg. Jeder sowjetische Schüler kannte sein Buch „Karl Brunner“, da Auszüge daraus vor dem Krieg zu Lehrbüchern für Literatur gehörten. Der bekannte russische Schriftsteller Vladislav Krapivin beschreibt z.B. im autobiografischen Roman „Rote Feder der Pfeile“ (1984) den tiefen Eindruck, den das Stück „Karl Brunner“ (1936; übersetzt von N. Trachtenberg) auf seinen Haupthelden ausgeübt hat.

Nach dem Krieg waren die deutschen Texte des antifaschistischen Romans „Heinrich beginnt den Kampf“ (EA 1938; 1952 = 100.000 Ex.) und des Märchens „Das richtige Himmelsblau“ (drei Auflagen: 1957 = 60.000 Ex.; 1960 = 36.000 Ex.; 1964 = 59.000 Ex.) als Hauslektüre in den Schulprogrammen empfohlen. Die Ausgaben der Bücher von Balázs in deutscher Sprache betrug also Hunderttausende von Exemplaren. Es gibt darüber hinaus im Internet viele dokumentarische Zeugnisse, so z. B. Auszüge aus den Kindertagebüchern der Vorkriegs- und Kriegszeit, die begeisterte Äußerungen von Lesern seiner Bücher enthielten. Es ist anzunehmen, dass seine Popularität als Kinderschriftsteller in der Sowjetunion ihm das Leben während des Stalinterrors in den 30er Jahren rettete, da seine filmtheoretischen Arbeiten hart kritisiert wurden.

Vor der Übersiedlung in die Sowjetunion war Balázs dort sowohl als Filmtheoretiker, als auch als politisch gesinnter Schriftsteller bekannt. 1925 erschienen gleichzeitig zwei Übersetzungen ins Russische – in Moskau und Leningrad – seines Buches „Der sichtbare Mensch“ sowie die Übersetzungen einiger Gedichte in der „Anthologie der ungarischen Revolutionspoesie“. 1928 wurde in Moskau sein Märchen „Das richtige Himmelsblau“ (übersetzt von A. Petrov) herausgegeben und zwei Jahre später der Roman „Unmögliche Leute“ (übersetzt von N. Friedland). Das Interesse für seine Werke trug dazu bei, dass Balázs 1931 vom Moskauer Filmstudio „Meschrabprom“ eingeladen wurde. Die Anfangsjahre des Moskauer Aufenthalts waren also für Balázs keine Exiljahre, sondern eine Dienstreise, die später zur Übersiedlung in die Sowjetunion führte.

Der Exil-Begriff ist in Balázs' Fall wegen der Kompliziertheit der nationalen Identität des Autors besonders schwierig zu definieren. Diese Frage wurde auch bereits mehrmals diskutiert. Sein amerikanischer Biograf J. Zsuffa schrieb z.B., daß Balázs sich

sein ganzes Leben lang mit der Harmonisierung zwischen seinen internationalen und nationalen Gefühlen beschäftigt habe [Zsuffa 1987: 297]. Der Schriftsteller selbst äußerte sich so über seine nationale Zugehörigkeit: „ungarischer Dichter, deutscher Schriftsteller, europäischer Jude“ [Balash 1935: 6]. Es wird dabei erkenntlich, dass er in erster Linie nicht seine nationale, sondern seine geistig-kulturelle Identität betonte. Es ist festzustellen, dass er stets auf der Suche nach einer geistigen Heimat war. Eine mögliche Variante einer solchen Heimat könnte für Balázs während der Zwischenkriegszeit – wie eigentlich für viele europäische Künstler – die Sowjetunion gewesen sein.

Äußerlich gesehen war Balázs während des Aufenthalts in der Sowjetunion ein sehr erfolgreicher Autor und Filmforscher. Alles, was er schrieb, wurde sofort publiziert. Sein erstes in der Sowjetunion entstandenes Buch, „Karl Brunner“, hatte drei Auflagen – 1936, 1937, 1941 (die erste 218.000 Ex.), das zweite – „Heinrich beginnt den Kampf“ (1938) – erreichte zwei Auflagen – 1938, 1941 (die erste 50.300 Ex). Anfang des Krieges 1941 erschien eine Fortsetzung von Karl Brunner, der Roman „Karl, wo bist du?“ (übersetzt von N. Friedland), der von der antifaschistischen Jugend Karl Brunners handelt. Die filmtheoretischen Bücher Balázs' wurden auch übersetzt und verlegt, z.B. „Der Geist des Films“ (1935) und „Die Filmkunst“ (1945).

Merkwürdigerweise hat Balázs während der ersten Jahre seines Moskauer Aufenthalts geschwiegen – bis 1935. Bei aller Verwandtschaft seiner politischen und ästhetischen Ideen mit der sowjetischen Kunst brauchte er einige Zeit, um sich in die Lebenspraktiken der UdSSR einzuleben. Im Vorwort zu „Der Geist des Films“ gestand er, dass er sich „im Laufe von zwei in der Sowjetunion verbrachten Jahren völlig umgearbeitet hat“ [Balash 1935: 10]. Er reiht in die russische Ausgabe ein Kapitel über den sozialistischen Realismus ein und erklärt, dass er alle Kunsterscheinungen vom Gesichtspunkt des Marxismus aus betrachten werde, und es ist allgemein bekannt, dass Balázs sich nach dem Ersten Weltkrieg zur marxistischen Lehre bekannte und zum Kreis der sozialistisch denkenden deutschen Dichter – unter ihnen Bertolt Brecht und Erwin Piscator – gehörte. Es lag wohl daran, dass die proletarische und sozialistische Kunst in Europa der 20er Jahre ein Versuchsfeld für philosophische und ästhetische Experimente war, während in der Sowjetunion der 30er Jahre dieselben Erscheinungen schon zur normativen, durchaus unter ideologischem Druck stehenden Ästhetik erstarrt waren.

Die Praktiken des sozialistischen Aufbaus in der Kunst ließ den sowjetischen Schriftstellern nur einen sehr engen Spielraum, und die Literatur entwickelte sich unter ideologischem und politischem Diktat. Nur Kinderliteratur gab den Schriftsteller paradoxerweise eine Möglichkeit, verhältnismäßig unpolitisch zu bleiben. Es gab in der Sowjetunion eine Gruppe von Autoren, für die Kinderliteratur eine Art der „inneren Emigration“ war. Zu diesem Kreis gehörten solche apolitischen Klassiker wie S. Marschak, K. Chukovskij, V. Bianki, A. Tolstoi und D. Harms. Der Grad der Politisierung des Lebens war aber so groß, dass auch sie ihre Meinung zu politischen Fragen zwischen den Zei-

len äußerten, und es laufen zur Zeit etliche Forschungsprojekte, die politische Anspielungen in ihren Werken untersuchen. Eine der ersten ausländischen Forschungsarbeiten, in der zum ersten Mal in der deutschsprachigen und russischen Literaturwissenschaft diese Sichtweise der Probleme der sowjetischen KJL erörtert wurde, war G. Marinelli-Königs Habilitation „Die sowjetische Kinderliteratur der Zwanzigerjahre. Präsentation und Analyse“ (1976), die 2007 schon als Monographie „Russische Kinderliteratur in der Sowjetunion der Jahre 1920–1930“ [Marinelli-König 2007: 165–181] erschienen ist.

Für Balázs gab es in dieser Hinsicht keine Wahl. Er sollte als Ausländer „ideologisch richtige“ Bücher schaffen und sich alle Regeln des sowjetischen ideologischen Diskurses aneignen, um zu überleben. Seine Kinderbücher standen laut E. Seibert „unter dem Einfluss der Stilrichtung des sozialistischen Realismus“ [Seibert 2012: 132]. Man muss jedoch hinzufügen, dass viele Ziele der sowjetischen neuen Pädagogik und Didaktik, sowie die ideologischen Vorgaben der sowjetischen KJL, seinen eigenen Vorstellungen bzgl. Kindererziehung nahe standen und die Themen und Ideen der Wiener und Berliner Perioden seines Schaffens weiter entwickelten.

Zusammenfassung

Es ist auffallend, dass sich B. Balázs und B. Lask nach ihrer Rückkehr aus der Exil (Balázs kehrte 1945 nach Ungarn, Lask in die DDR 1953) nicht mehr der Kinderliteratur zuwandten, im Gegensatz zu den Kinderautoren, die die Verbannung in Europa und Amerika überlebt haben. So schrieben Alex Wedding, Augusta Lazar und Max Zimmering, die nach dem Krieg in die DDR zurückgekehrt waren, viele Kinderbücher, vor allem mit historischem Inhalt. Die bekanntesten und mehrmals herausgegebenen unter ihnen sind die Bücher über die proletarischen Führer: die Novelle „Jura in der Leninhütte“ (1960) von Augusta Lazar und die Erzählung über Ernst Thälmann „Buttje Pieter und sein Held“ (1951) von Max Zimmering.

Balázs und Lask schrieben nach dem Krieg Memoiren. 1947 verfasste Balázs ein autobiografisches Buch „Jugend eines Träumers“, in dem er romantisch seine Kindheitsjahre in der ungarischen Kleinstadt Szeged am Fuße der Tatra schildert und sich weigert, das Kind als Kämpfer für Gerechtigkeit zu interpretieren. Die Rückkehr zur vorsowjetischen symbolischen Schreibweise zeugt deutlich vom Protest des Schriftstellers gegen das ideologische Diktat, das er in der Exilzeit erlebte.

Berta Lask schuf nach ihrer Rückkehr in die DDR den autobiografischen Roman „Stille und Sturm“ (1955). Sie schrieb keine Kinderwerke mehr, starb 1967.

Das Schicksal von Maria Osten und ihrem Buch ist tragisch: nach der Hinrichtung der Schriftstellerin wurde die Auflage von „Hubert im Wunderland“ zurückgezogen, die deutsche Fassung wurde vorbereitet, veröffentlicht, blieb aber für die Leser unzugänglich.

Die Weigerung anerkannter Kinderautoren, Kinderwerke in der Nachexilzeit zu schaffen, deutet darauf hin, dass die Unterordnung der emigrierten Schriftsteller den harten Coden der Realitätsdeutung

im Rahmen des sozialistischen Realismus weitgehend erzwungen wurde und die Strategien der Schaffung des für die proletarische und antifaschistische Kinderliteratur charakteristischen Kinderbildes bei diesen Autoren erschöpft wurden.

Zusammenfassend könnte man feststellen, dass die deutschsprachige Kinderliteratur, die in den 30er

und 40er Jahren in der UdSSR veröffentlicht wurde, ein Phänomen von unbedeutendem Ausmaß innerhalb der allgemeinen Geschichte der Kinderliteratur zu sein scheint, wäre da nicht das unglaubliche Lesererfolg der Werke von B. Balázs und M. Osten, die Vor- und Nachkriegskinder begeistert gelesen haben.

Литература

Балаш, Б. Предисловие / Б. Балаш // Балаш Б. Дух фильма / авторизованный пер. с нем. Н. Фридланд ; ред. и предисл. Н. Лебедева. – М. : Художественная литература, 1935.

Балаш, Б. Карл, где ты? Повесть: для среднего и старшего возраста / Б. Балаш ; авториз. пер. с нем. Н. Фридланд ; рис. В. Ладыгина. – М. ; Л. : Государственное издательство детской литературы, 1941. – 166 с.

Девекин, В. Н. Не сгоревшие на костре. Немецкая антифашистская литература 1933–1945 / В. Н. Девекин. – М. : Советский писатель, 1979. – 440 с.

Димитров, Г. Предисловие / Г. Димитров // Остен М. Губерт в стране чудес. Дела и дни немецкого пионера. – М. : Журнално-газетное объединение, 1935. – С. 3–5.

Дмитренко, Р. Правду утаить нельзя / Р. Дмитренко // Детская литература. – 1985. – № 3. – С. 32–35.

Остен, М. Губерт в стране чудес. Дела и дни немецкого пионера / М. Остен. – М. : Журнално-газетное объединение, 1935. – 214 с.

Dolle-Weinkauff, B. Der tapfere Machienenknabe. Proletarische Kinder- und Jugendliteratur in Österreich (1895–1938) / B. Dolle-Weinkauff // Geschichte der österreichischen Literatur vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / H.-H. Ewers, E. Seibert (Hgg.). – Wien : Buchkultur, 1997. – S. 98–105.

Gittinger, K. «Das weiß ich jetzt: wir müssen uns das Märchenland erst erschaffen». Der Disrurs des «neuen Menschen in der proletarischen KJL der Ersten Republik» / K. Gittinger // Deutschsprachige Kinder- und Jugendliteratur während der Zwieschenkriegszeit und im Exil. Schwerpunkt Österreich / S. Blumesberger, J. Thuncke (Hgg.). – Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2017. – S. 33–72.

Jarmatz, K. Exil in der UdSSR / K. Jarmatz, S. Barck, P. Diezel. – Leipzig : Reclam, 1979. – 661 S.

Lask, B. Junge Helden. Erzählungen aus den österreichischen Februarkämpfen / B. Lask. – Moskau : Meshdunarodnaja kniga (kleine Volksbibliothek), 1934. – 47 S.

Lask, B. Otto und Else. Eine Erzählung vom Kampf der deutschen Arbeiterjugend / B. Lask. – Moskau : Meshdunarodnaja kniga (kleine Volksbibliothek), 1935. – 31 S.

Marinelli-König, G. Russische Kinderliteratur in der Sowjetunion der Jahre 1920–1930. Slavistische Beiträge, N 457 / G. Marinelli-König. – München : Verlag Otto Sagner, 2007. – 293 S.

Seibert, E. Béla Balázs – (kinder)literarischer Neubeginn jenseits der Räterepublik / E. Seibert // Deutsche Sprache und Kultur im Raum Pest, Ofen und Budapest. Studien zur Geschichte, Presse, Literatur und Theater, sprachlichen Verhältnissen, Wissenschafts-, Kultur- und Buchgeschichte, Kulturkontakten und Identitäten / hrsg. v. A. Blome. – Bremen : Edition lumiere, 2012. – S. 125–136.

Wedding, A. Die Kinderliteratur / A. Wedding // Das Wort. Literarische Monatsschrift. – Moskau, 1937. – Nr. 4-5. – S. 50–54.

Zsuffa, J. Béla Balázs: the Man and the Artist / J. Zsuffa. – Berkeley : University of California Press, 1987. – 616 p.

References

Balash, B. (1935). Predislovie [Introduction]. In Balash, B. *Dukh fil'my*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Balash, B. (1941). *Karl, gde ty?* [Karl, Where Are You?]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoi literatury. 166 p.

Devekin, V. N. (1979). *Ne sgorevshie na kostre. Nemetskaya antifashistskaya literatura 1933–1945* [Not Burned at the Stake]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 440 p.

Dimitrov, G. (1935). Predislovie [Introduction]. In Osten, M. *Gubert v strane chudes. Dela i dni nemetskogo pionera*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, pp. 3–5.

Dmitrenko, P. (1985). Pravdu utait' nel'zya [The Truth Cannot Be Concealed]. In *Detskaya literatura*. No. 3, pp. 32–35.

Dolle-Weinkauff, B. (1997). Der tapfere Machienenknabe. Proletarische Kinder- und Jugendliteratur in Österreich (1895–1938). In Ewers, H.-H., Seibert, E. (Hgg.). *Geschichte der österreichischen Literatur vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Wien, Buchkultur, S. 98–105.

Gittinger, K. (2017). «Das weiß ich jetzt: wir müssen uns das Märchenland erst erschaffen». Der Disrurs des «neuen Menschen in der proletarischen KJL der Ersten Republik». In Blumesberger, S., Thuncke, J. (Hgg.). *Deutschsprachige Kinder- und Jugendliteratur während der Zwieschenkriegszeit und im Exil. Schwerpunkt Österreich*. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, S. 33–72.

Jarmatz, K., Barck, S., Diezel, P. (1979). *Exil in der UdSSR*. Leipzig, Reclam. 661 S.

Lask, B. (1934). *Junge Helden. Erzählungen aus den österreichischen Februarkämpfen*. Moskau, Meshdunarodnaja kniga (kleine Volksbibliothek). 47 S.

- Lask, B. (1935). *Otto und Else. Eine Erzählung vom Kampf der deutschen Arbeiterjugend*. Moskau, Meshdunarodnaja kniga (kleine Volksbibliothek). 31 S.
- Marinelli-König, G. (2007). *Russische Kinderliteratur in der Sowjetunion der Jahre 1920–1930*. *Slavistische Beiträge*, N 457. München, Verlag Otto Sagner. 293 S.
- Osten, M. (1935). *Gubert v strane chudes. Dela i dni nemetskogo pionera* [Gubert in Wonderland. Deeds and Days of a German Pioneer]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. 214 p.
- Seibert, E. (2012). Béla Balázs – (kinder)literarischer Neubeginn jenseits der Räterepublik. In Blome, A. (Hgg.). *Deutsche Sprache und Kultur im Raum Pest, Ofen und Budapest. Studien zur Geschichte, Presse, Literatur und Theater, sprachlichen Verhältnissen, Wissenschafts-, Kultur- und Buchgeschichte, Kulturkontakten und Identitäten*. Bremen, Edition lumiere, S. 125–136.
- Wedding, A. (1937). Die Kinderliteratur. In *Das Wort. Literarische Monatsschrift*. Moskau. Nr. 4-5, S. 50–54.
- Zsuffa, J. (1987). *Béla Balázs: the Man and the Artist*. Berkeley, University of California Press. 616 p.

Данные об авторе

Федяева Татьяна Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).
 Адрес: 196601, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2.
 E-mail: fedjaew58@mail.ru.

Author's information

Fedyeva Tatyana Anatolyevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Saint Petersburg State Agrarian University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 01.10.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 01.10.2024; date of publication: 28.03.2025

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 378.016:811.161.1'342. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-164-172. ББК Ш141.12-9-99.
ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 5.8.2

ОБУЧЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕДУКЦИИ ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В РАМКАХ КОРРЕКТИРОВОЧНОГО КУРСА РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

Фань Чуньюй

Цзилиньский университет финансов и экономики (Чанчунь, Китайская Народная Республика)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9647-8601>

Сизых М. М.

Байкальский государственный университет (Иркутск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0457-0783>
SPIN-код: 2695-8305

А н н о т а ц и я . В статье описываются особенности обучения теме «Качественная редукция гласного [а] после мягких согласных» в рамках коррективного курса русского языка на основном этапе обучения. Цель исследования заключается в выявлении эффективных способов проведения занятия для корректировки и/или автоматизации навыка редуцирования гласных после мягких согласных в русской речи китайских студентов. Выработана система упражнений, ориентированная на обучающихся инофонов, освоивших программу подготовительного факультета или довузовский этап обучения вне языковой среды, вследствие чего имеющих устойчивый акцент. Отмечается, что не только неправильное произношение отдельных звуков, но и отсутствие качественной редукции гласных, как после твердых, так и после мягких согласных, формирует иноязычный акцент в русской речи, недопустимый для будущего лингвиста, филолога или специалиста в области межкультурной коммуникации.

В статье представлены особенности коррективного курса русской фонетики, обозначены сходства и различия коррективного и вводно-фонетического курсов, описаны их цели, задачи, приемы и методы. В работе проанализированы современные учебные и учебно-методические пособия по коррективному курсу русской фонетики для иностранных обучающихся с точки зрения представления редукции гласных, выявлены достоинства данных изданий и обозначены некоторые недочеты, требующие дальнейшей лингвометодической разработки. В целом авторами настоящего исследования отмечается невнимание методистов и практикующих преподавателей в обучении инофонов вне языковой среды обозначенной теме.

В результате исследования создан ряд упражнений разных типов, направленных на корректировку и автоматизацию навыка редуцирования гласного [а] после мягких согласных, каждое упражнение сопровождается кратким методическим, но достаточным комментарием и инструкцией к выполнению. Практическая значимость настоящего исследования заключается в эффективном объединении методов и приемов обучения практической фонетики русского языка, выработанная система упражнений способствует устранению иноязычного акцента, связанного с отсутствием редукции, и совершенствованию фонетического слуха.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык как иностранный; редукция; качественная редукция; обучение фонетике; коррективный курс русской фонетики; фонетика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Фань, Чуньюй. Обучение качественной редукции гласных после мягких согласных в рамках коррективного курса русской фонетики / Фань Чуньюй, М. М. Сизых. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1 – С. 164–172. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-164-172.

TEACHING QUALITATIVE REDUCTION OF VOWELS AFTER SOFT CONSONANTS AS PART OF THE CORRECTION COURSE OF RUSSIAN PHONETICS

Fan Chunyu

Jilin University of Finance and Economics (Changchun, People's Republic of China)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9647-8601>

Maria M. Szykh

Baikal State University (Irkutsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0457-0783>

Abstract. The article describes the specific features of teaching the topic “Qualitative reduction of the vowel [a] after soft consonants” as part of the Russian language correction course at the main stage of training. The aim of the study is to identify effective teaching methods that could be used to correct and/or automate the skills of reducing vowels after soft consonants in the Russian speech of Chinese students. The authors present a system of exercises targeted at foreign students who have mastered the program of the preparatory faculty or the pre-university stage of learning Russian outside the language environment, as a result of which they have a marked foreign accent. It is noted that not only incorrect pronunciation of individual sounds, but also lack of qualitative reduction of vowels, both after hard and soft consonants, forms a foreign-language accent in Russian speech, inappropriate for a future linguist, philologist or specialist in the field of intercultural communication.

The article presents the peculiarities of the correction course of Russian phonetics, outlines the similarities and differences between the correction and introductory pronunciation courses, and describes their goals, objectives, techniques and methods. The paper analyzes modern educational and teaching aids for correction courses of Russian phonetics for foreign students from the point of view of the representation of vowel reduction, singles out the advantages of these publications and identifies some shortcomings that require further linguo-methodological development. In general, the authors of this study note the inattention of the specialists in methods and practicing pedagogues to teaching pronunciation to foreign speakers outside the language environment. As a result of the research, a number of exercises of different types have been created with the aim of correcting and automating the skills of reducing the vowel [a] after soft consonants, and each exercise is accompanied by a brief but sufficient methods commentary and a guide for exercise completion. The practical significance of this study lies in the effective combination of the methods and techniques of teaching practical Russian phonetics. The developed system of exercises helps to eliminate foreign language accent associated with the lack of reduction and improve phonemic awareness.

Keywords: Russian as a foreign language; reduction; qualitative reduction; teaching phonetics; correction course of Russian phonetics; phonetics

For citation: Fan, Chunyu, Szykh, M. M. (2025). Teaching Qualitative Reduction of Vowels After Soft Consonants as Part of the Correction Course of Russian Phonetics. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 164–172. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-164-172.

Важность фонетического аспекта в обучении русскому языку как иностранному (далее – РКИ) очевидна, так Н. А. Любимова утверждает, «результативность и эффективность общения на неродном языке, исполнение социальной роли говорящего во многом определяются качеством фонетического оформления речи иноязычных» [Любимова 2011: 10].

Обучение практической фонетике связано не только с постановкой, автоматизацией и дифференциацией звуков на уроках, но и формированием у студентов устойчивых знаний о позиционных и непозиционных явлениях, в том числе навыка редукции. Целью настоящего исследования является выявление эффективных способов проведения занятия для корректировки и / или автоматизации навыка редуцирования гласного [a] после мягких согласных в русской речи китайских студентов. Задачи настоящего исследования следующие: определение общих трудностей в обучении русской фонетике китайских студентов, обзор способов представления темы качественной редукции в современных русскоязычных учебных и учебно-методических пособиях, разработка комплекса упражнений, направленных на автоматизацию навыка редуцирования.

Вопросу теории и практике обучения русской фонетике посвящены труды отечественных лингвистов и педагогов: Н. А. Любимовой [2011], Е. А. Брызгуновой [1963, 1977], Ю. А. Касаткиной [2016], А. А. Акишиной [2002], Н. Н. Рогозной [2001], М. Н. Шутовой [2005], С. А. Дерябиной [2021], Н. Б. Битехиной и В. Н. Климовой [2011]. Однако, несмотря на востребованность данных исследований современной методикой преподавания фонетики русского языка как иностранного, процесс формирования навыков и умений в области фонетической редукции в русской речи китайских обучающихся остается недостаточно изученным, чем обусловлена актуальность настоящего исследования.

В системе обучения фонетике русского языка как иностранного традиционно выделяются три компонента: вводно-фонетический, сопроводительный и корректировочный курсы. Вводно-фонетический курс встраивается в курс практического русского языка в рамках обучения слушателей на подготовительном факультете или отделении, однако, как отмечает А. М. Литовкина «при обучении иностранному языку методисты обращают большое внимание на грамматический, переводной аспекты, где учащимся приходится «заучивать» новые слова и многочисленные правила» [Литовкина, Мяс 2023: 237], что не способствует развитию слухопроизносительных навыков. Сопроводительному курсу русской фонетики уделяется значительно меньше внимания на уроках РКИ, а корректировочный курс отсутствует вовсе в учебном плане большинства подготовительных факультетов. Очевидна необходимость включения ККРФ в образовательный процесс студентов-иностранцев основного этапа обучения.

Основная сложность в обучении китайских студентов в области русского вокализма заключается в постановке и автоматизации звука [ы], дифференциации звуков [ы] – [и], дифференциации звуков [у] – [о], корректировке недостаточной лабиализации гласных [у], [о], а также корректировке редукции гласных [a] / [э] после мягких согласных. Опыт преподавания показывает, что редукция гласных [o] / [a] после твердых согласных не вызывает особой трудности, редко отмечается гиперкоррекция в произношении союза *но*: студенты-иностранцы намеренно редуцируют гласный в союзе, подобная ошибка легко устраняется, дополнительной коррекции не требуется.

Р. И. Аванесов отмечал, что, обучая иностранцев русскому литературному произношению необходимо добиться правильной постановки отдельных звуков, а также «необходимо привить учащимся навыки правильного произношения в от-

ношении ритмического строя русского слова с его редукцией гласных в безударных слогах и т. д.» [Аванесов 1984: 5]. Опыт преподавания китайским студентам Байкальского государственного университета показывает, что редукция гласных звуков после мягких согласных представляет трудность для большинства обучающихся первого курса, освоивших программу подготовительного факультета вне языковой среды и впервые оказавшихся в стране изучаемого языка. По наблюдениям И. М. Логиновой, «трудности усвоения этой темы – явление универсальное для иностранцев любой национальности и даже российских учащихся – носителей различных диалектов русского языка» [Логинова 2021: 35], что обуславливает актуальность методической разработки упражнений, представленных в настоящей статье.

Трудность, возникающая в процессе приобретения навыка редуцирования гласного [а] после мягких согласных, связана не только в усвоении обучающимися артикуляции фонем [ъ] или [и^э], но и в корректировке или постановке мягкости предшествующих согласных, так как «в китайском языке, в отличие от русского языка, также нет противопоставления согласных звуков по твердости-мягкости. Поэтому китайские студенты иногда мягкие согласные русские звуки произносят твёрдо, не различают в речи мягкие и твёрдые согласные звуки» [Скобелкина 2019: 133].

Также на первых этапах урока у студентов появляется трудность в восприятии, связанная с несовпадением фонемы и графемы, обозначающей ее на письме: графема Я обозначает звуки [ъ] или [и^э]. В данном случае редукция отсутствует вовсе, отмечается чтение «как написано», решению этой проблемы способствуют упражнения с ритмическими моделями слов, наглядно демонстрирующими место ударения в словах, ударные и безударные слоги, степень редукции.

Отметим, что несоблюдение редукции в русской речи китайских студентов приводит к появлению не только фонетических ошибок, но и формирует устойчивый навык неправильного произношения, что затрудняет понимание речи обучающегося, «способствует несформированности фонематического слуха и, следовательно, сложностям с восприятием речи на слух» [Китова 2023: 427]. Отсутствие редукции в русской речи китайских студентов также формирует устойчивый иностранный акцент, недопустимый для будущих лингвистов, филологов и специалистов в области межкультурной коммуникации. Подобный акцент возможно предупредить или исправить уже имеющийся в рамках ККРФ.

Цели, задачи, а соответственно и фонетическое наполнение, методы и приемы на уроках ВФК и ККРФ значительно различаются. В рамках ККРФ работа с единицами менее слова должна быть представлена минимально, т. к. изолированная артикуляция звуков значительно легче, чем их произношение в потоке речи, однако достаточна для акцентирования внимания обучающихся на особенностях артикуляции звука и переключении

артикуляции с одного звука на другой. Фонетический материал уроков ВФК иной: на уроках ВФК работа с фонетическим материалом во многом заключается в постановке и автоматизации звука на слоговом материале и искусственных моделях реальных слов.

На уроках ККРФ должно формироваться осознанное отношение обучающихся к устройству артикуляционной базы русского языка, должен быть представлен артикуляционный уклад русского языка в сопоставлении с укладом родного языка.

Во время занятий на ККРФ необходимо ввести в практику минимальную терминологическую базу, студенты основного этапа обучения должны знать устройство артикуляционного аппарата, быть способны дать элементарную характеристику звуку и слову в целом, различать категории твёрдости – мягкости, глухости – звонкости, уверенно оперировать терминами *гласный, согласный, ударение, интонация, слог, фонетическое слово, синтагма, фраза* и т. д. Обучающиеся филологического профиля также должны знать основные фонетические процессы – редукция, аккомодация, ассимиляция, а в рамках описанного урока китайские студенты познакомятся с качественной редукцией, научатся определять степень редукции.

Тема «Редукция безударных гласных [а], [э] после мягких согласных» представлена в виде самостоятельного урока в учебном пособии И. В. Одинцовой «Русский язык как иностранный. Звуки. Ритмика. Интонация» [Одинцова 2004]. Учебное пособие национально не ориентировано, может быть использовано на различных этапах обучения, но предназначено для студентов продвинутого уровня, о чем, например, свидетельствует лексическое наполнение учебного материала. Практика показывает, что данное учебное пособие может быть успешно использовано с китайскими студентами старших курсов, однако в рамках ККРФ для обучающихся первого курса описанное издание менее эффективно, так как в силу сложности лексического и грамматического наполнения теряется коммуникативная значимость материала, преподаватель не имеет возможности семантизировать значительный объем лексем, а обучающие не в состоянии их усвоить и ввести в собственную речевую практику.

Корректировочный курс русской фонетики и интонации О. Н. Коротковой «По-русски без акцента» национально ориентирован и предназначен для говорящих на китайском языке, что является преимуществом учебного пособия при работе в мононациональной группе, так как методические комментарии к уроку, а также формулировки заданий переведены на китайский язык. Курс адресован студентам, освоившим вводно-фонетический курс, и предназначен для работы в «группах начального этапа обучения» [Короткова 2009: 6], поэтому не может быть эффективно использован в качестве основного учебного пособия для занятия со студентами первого курса филологического профиля.

В учебном пособии «Корректировочный курс русской фонетики и интонации для иностранных

студентов 1 курса бакалавриата» Ю. М. Науменко редуция [а] после мягких согласных представлена не самостоятельным уроком, а его частью. Таблица редуции сопровождается кратким и доступным комментарием, однако для отработки редуции автор предлагает лишь одно практическое задание, что не способствует автоматизации навыка [Науменко 2020: 43–44].

Предполагаемая структура урока

Каждый фонетический урок следует начинать с фонетической разминки, которая может содержать скороговорки (на начальных уроках) или работу со стихами предыдущих уроков. Предлагаем разнообразить фонетическую разминку и дополнить ее игровым упражнением типа «снежный ком»:

Упражнение 1. Слушайте и повторяйте. Запомните последнее предложение и запишите его.

А. ...*Кáрла...*

...*Кáрла Мáркаса...*

...*на улице Кáрла Мáркаса...*

...*находится на улице Кáрла Мáркаса...*

...*университет находится на улице Кáрла Мáркаса...*

Байка́льский университет находится на улице Кáрла Мáркаса...

Байка́льский государственный университет находится на улице Кáрла Мáркаса.

Б. ...*в Байка́льском...*

...*в Байка́льском университете...*

...*в Байка́льском государственном университете...*

...*учатся в Байка́льском государственном университете...*

...*учатся на первом курсе в Байка́льском государственном университете...*

Раиса и Лариса учатся на первом курсе в Байка́льском государственном университете.

Представленное упражнение на материале активной учебной лексики отрабатывает произношение звуков [л] – [л'] и [р] – [р'], акцентирует внимание на переключение артикуляции кончика языка: «при [р] кончик языка направлен к альвеолам, но не образует с ними плотной смычки. При боковом щелевом сонанте [л] кончик языка плотно

упирается в верхние зубы, образуя смычку – преграду – на пути выходящей воздушной струи» [Любимова 1982: 176].

Предварить практическую работу с редуцией гласных после мягких согласных стоит напоминанием степеней редуции, т. к. обучающиеся должны быть уже знакомы с явлением редуции гласных [а] и [о] после твердых согласных. Необходимо напомнить правило чтения буквы Я, особенности отражения мягкости согласных в фонетической транскрипции, особенности мягкости согласных [ч], [щ], [й] и ее связи с орфографией.

Для предвосхищения ошибок, связанных с произнесением некоторых грамматических форм, следует обратить внимание на то, что в окончаниях существительных в И.п., Р.п., Т.п. ед.ч., Д.п., Т.п., П.п. мн. ч., в окончаниях прилагательных и глаголов на месте буквы Я произносится [ъ]: *тётя* – [’ъ], *мóря* – [’ъ], *дядя́м* – [’ъм], *дорога́я* – [á’ъ], *ви́дят* – [’ът] [Аванесов 1984: 64]. В целом наблюдается тенденция к сохранению качества звука в соответствии с графическим обликом гласных, «когда эти гласные служат для различения грамматических форм в абсолютном конце слова» [Битехтина 1977: 85].

В первом предударном слоге после мягких согласных гласный [а] является «гласным верхнего ряда, переднего образования. В транскрипции этот звук обозначается через [и]. От ударного [и] этот гласный отличается кроме меньшей длительности и вялой артикуляции также менее высоким подъёмом языка» [Брызгунова 1963: 138]. Однако [а] первой степени редуции может звучать как «и склонное к э», что отражено в настоящей работе и реализовано в транскрипции – [и^э].

На месте буквы А (Я) после мягких согласных во втором предударном слоге, а также во всех заударных слогах произносится еще более краткий звук [и], который «от ударного [и] отличается кроме краткости и вялости артикуляции также менее высоким подъёмом языка. В транскрипции этот звук обозначается через [ь]» [Брызгунова 1963: 138].

Редуция безударного гласного [а] после мягких согласных может быть представлена следующим образом:

Звук	2-й и 3-й ... предударные слоги	1-й предударный слог	Ударный слог	Заударные слоги
[а]	[’ь]	[’и ^э]	[’а]	[’ь]
	пятьдесят часовóй	январь часы́	пять час	мéсяц площадь

Отметим, что в данной методической разработке рассматриваются случаи редуции на месте буквы Я, редуцию гласного [а] после мягких согласных [ч], [щ], [й] целесообразно изучать и корректировать в разделах ККРФ, посвященных соответствующим согласным, в таблице примеры даны обучающимся для ознакомления.

Продолжается работа над редуцией на группе упражнений, связанных с ритмической моделью слова. В рамках ВФК работа с ритмикой слова должна проводиться на каждом занятии, вызывает вопрос необходимость отработки исключительно ритмики слова на уроках ККРФ, очевидно, что такая работа должна служить фоном для закрепле-

ния или корректировки фонетического навыка, в нашем случае редуции. В следующем упражнении, направленном на отработку навыка редуции гласного [а] после мягких согласных, слова разделены по ритмическим моделям, что облегчает определение места ударения и соответственно степени редуции. Языковой материал данного упражнения должен включать лексемы различных частей речи, словоформы, а также имена собственные (*Япония, Вячеслав, Ярославль, Рязань*).

Упражнение 1. Слушайте и повторяйте. Читайте слова, следите за произношением звуков, которые обозначают буква Я.

ТА	я, пять, яд, мяч, Ян, мять, взять
ТА – ТА́	яйцо, ядро, язык, пятно, янтáрь, княжна́, мясник; плясáть, вяза́ть, гляде́ть, дряхлѐть, клянúсь; прямóй, свято́й, мясно́й; пятьсо́т; Яку́тск, яку́т, Ряза́нь
ТА́ – ТА	ме́сяц, за́яц, па́мять; за́нят
ТА́ – ТА – ТА	ты́сяча, па́мятка, де́ятель, вы́глянуть, па́мятный
ТА – ТА́ – ТА	ряби́на, лягу́шка; се́годня, неде́ля, япо́нский, тяжѐлый; пятна́дцать, явля́ться япо́нский, январский
ТА – ТА – ТА́	ягуа́р; завяза́ть, развяза́ть; тяжѐло, заня́та, сгоряча́; водяно́й, ледяно́й, ветряно́й, земляно́й, дрова́но́й, шерстяно́й; девятьсо́т; в сентя́бре, в октя́бре, в ноя́бре, в янва́ре; Яросла́в, Вячесла́в, Яросла́вл
ТА́ – ТА – ТА – ТА	па́мятники
ТА – ТА́ – ТА – ТА	Япо́ния, Яку́тия, явле́ние япо́нская, январская, пятна́дцатый
ТА – ТА – ТА́ – ТА	девятна́дцать, девяно́сто; ясновиде́ц, ядовитый; Яросла́ва

Для предвосхищения гиперкоррекции, в нашем случае редукиции гласного в ударной позиции, возможно чередовать фонетический материал с ударной и безударной фонемой [а] после мягких согласных:

Упражнение 2. Слушайте слова. Укажите ударный слог. Напишите ритмические модели слов.

Образец: мясной – –´

мяч	мясной	Яна	месячный
пять	пятьсот	мясо	яблочный
Ян	яйцо	ярко	заячий
взял	взяла	яма	ярмарка
снял	пяти	яйца	с якоря
взглянула	водяной	явление	завязала
клянется	сгоряча	яичница	развязала
являются	травяной	рябиновый	Ярослава
рябина	нефтяной		перетянут
пятнадцать	кровенной		под рябиной

Далее следует обратить внимание обучающихся на переключение артикуляции при произнесении гласного полного образования и редуцированного гласного [а] после мягкого согласного в однокоренных словах и словоформах, акцентировать внимание на движении языка помогает следующее упражнение:

Упражнение 3. Слушайте и повторяйте. Следите за редукицией гласных звуков на месте буквы Я в однокоренных словах и формах слов.

А.

[á] – [u²]

взгляд – взглянуть	мягкий – смягчить	ребята – ребя́тня´
взял – взяла́	мясо – мясно́й	связь – связа́нн
горячий – сгоряча́	мяч – мячи́	снял – сняла́
клятва – клянúсь	пять – пяти́	стря́пать – стря́пня´
князь – княжна́	развяза́ка – развяза́ть	тяжѐсть – тяжѐлый
тянут – тяну́ть	ноя́брь – в ноя́бре	сентя́брь – в сентя́бре
явка – явля́ться	октя́брь – в октя́бре	

Б.

[u²] – [á]

ядро – я́дра

яйцо – яй́ца

В.

[a] – [b]

пять – пята́дцать

ряд – рядо́вн

яд – ядо́вн

Продолжить работу над осознанным переключением артикуляции и закреплением навыка редукиции следует на более широком контексте, фонетический материал должен включать не только слова и словоформы, но и синтагмы и целые фразы. Лексическое наполнение дальнейших упражнений должно соответствовать элементарным коммуникативным задачам студента-инофона, обучающегося на первом курсе и впервые погруженного в языковую среду. Упражнения могут включать лексику учебной тематики (например, *пятерка, языковая специальность, январские каникулы*), бытовой тематики (*мясной суп, яичный салат, октябрьский район*). Кажется необходимым обратить особое внимание на явление редукиции при произнесении числительных, как качественных, так и количественных, а также названий месяцев, чему может быть посвящено отдельное упражнение или его часть:

Упражнение 4. Слушайте и повторяйте. Следите за редукицией гласных звуков на месте буквы Я в разных позициях однокоренных слов.

А.

1. Ряби́на – ряби́новн – ряби́на в сентя́бре – Красная ряби́на в сентя́бре.

2. Мясо́ – мясник – мясно́й – мясно́й суп – мясно́й суп с картофелем – Заказал на обед мясно́й суп с картофелем.

3. Яйца – яйцо́ – яичница – яичный – яичный салат – яичный салат с мясом – Приготовила на ужин яичный салат с мясом.

4. Ме́сяц – ме́сячный – ежеме́сячный – ежеме́сячный журнал – ежеме́сячный журнал «Спорт» – На сайте опубликовали ежеме́сячный журнал «Спорт».

5. Язык – языко́вн – языко́ва́я специа́льность – учусь на языко́вн специа́льности – Я учусь на языко́вн специа́льности.

6. Па́мять – па́мятный – па́мятник – па́мятник Пушкину – Па́мятник Пушкину стои́т на Ряза́нской улице.

7. Яд – ядо́вн – ядо́внне яго́ды – Нельзя́ есть ядо́внне яго́ды!

8. Жесть – жестя́нка – жестяно́й – Эх, жизнь моя́ жестя́нка!

Б.

1. Сентя́брь – сентя́брьский – в сентя́бре – в сентя́бре вяне́т трава

2. Октя́брь – октя́брьский – октя́брьский район – в октя́бре

3. Ноя́брь – ноя́брьский – в ноя́бре

4. Январь – в янва́ре – янва́рский – янва́рские моро́зы

В.

1. Пять – пяти́й – пя́теро – пята́к – пята́рка – пята́рка по грамматике

2. Девять – девятый – Сентябрь – это девятый месяц.
3. Десять – десятый – Октябрь – это десятый месяц.

4. Пять – пятнадцать – пятнадцать рублей
5. Пять – пятьсот – пятьсот юаней

Закрепить связь между буквенным и фонетическим образом слова, отразить процесс фонетической редукции в доступном виде помогает прием фонетической разметки. По наблюдениям Н. А. Любимовой и С. А. Дерябиной, «фонетическая разметка позволяет наглядно представить редукцию, фонетические процессы внутри слова и на стыке слов, синтагматическое членение и интонационное оформление» [Дерябина, Любимова 2021: 306].

Для достижения поставленной цели урока целесообразно применить технику направленной фонетической разметки, акцентирующей внимание на изучаемом явлении. В нашем случае используемые элементы фонетической разметки направлены на закрепление исключительно явления редукции, для этого предлагаем студентам прослушать диктора и написать звуки, которые обозначает на письме буква Я. Для автоматизации навыка редуцирования гласных, определения степени редукции и формирования опыта критического наблюдения процессов в речи в фонетический материал задания стоит включить примеры произнесения [а] после мягких согласных не только в ударных и предударных слогах, но и ударных.

Упражнение 5. Слушайте слова и ставьте ударение. Напишите звуки, которые обозначают выделенные буквы.

- [] []
1. Без **пяти** **пять** на часах
[]
2. В **октябре** ещё тепло
[]
3. **Водяной** пистолет
[]
4. **Ежемесячный** платёж за телефон
[] []
5. Изучаю **японский** язык
[]
6. **Лягушка** живёт в болоте
[] []
7. **Машина** застряла в яме
[]
8. **Памятник** на улице Ленина
[]
9. **Первый** снег в сентябре
[]
10. Получила «**пятёрку**» по грамматике

Закрепление навыка редуцирования гласных целесообразно дополнить грамматическими упражнениями, связанными с образованием однокоренных слов. Студентам предлагается образовать прилагательные от существительных по указанным моделям и отметить случаи редукции гласных, а также, по возможности, составить фразу:

Упражнение 6. Образуйте прилагательные от существительных, поставьте ударение, отметьте случаи редукции. Составьте с прилагательными словосочетания.

[u³]

Образец: Ветер – ветряной. Ветряная мельница.

1. вода	5. жесть	9. нефть
2. гвоздь	6. кость	10. шерсть
3. дрова	7. кровь	
4. земля	8. лёд	

Обучение транскрипции слова не входит в задачи ККРФ, полное представление о правилах транскрибирования студенты получают в рамках теоретического курса русской фонетики. Р. И. Аванесов утверждает, что «обучая русскому литературному, произношению нерусских надо отказаться от некоторых деталей в произношении, стремясь к некоему стандарту» [Аванесов 1984: 5], так, например, допустимо пренебречь правилами ассимилятивного смягчения согласных при наличии твердого варианта. Кроме того, на занятиях ККРФ обучающиеся должны приобрести элементарные знания о принципах транскрипции, получить навык чтения транскрибированного текста, а также фонетической разметки, некоторые фонетические явления, не формирующие значительный акцент могут быть не отражены в учебной фонетической транскрипции в рамках ККРФ. Между тем использование транскрипции и ее элементов даже в упрощенной форме на занятиях ККРФ способствует совершенствованию слухопроизносительных навыков, для чего может быть использовано подобное упражнение:

Упражнение 7. Прочитайте транскрипцию. Запишите слова и выражения.

- [jʲɔdʲʌv'ítʲjɔ̆ jágʲɔ̆dʲ]
- [izučájʊ ju'pónsk'ij ju'zýk]
- [nʲájɔ̆du v ju'pón'ijʊ]
- [lʲɔ̆dʲi'nájʲ vʌdá]
- [krʲɔ̆v'í'nájʲ kʲɔ̆lbʌsá nʌ'úʒyn]
- [nʲi't'órʲkʲ nʲ'fʌnét'ik'ʲ]
- [nʲi'tná'cʲɛt' stud'énʲtʲɔ̆f nʲ'urók'ʲ]
- [nʲi'tná'cʲɛt' m'ínút n'átʲvɔ̆]
- [nʲi'cʲɔ̆t ru'bl'ɔ̆]
- [sn'ɛk v ʌkt'i'br'ɔ̆]

На заключительных этапах урока используются стихи, помогающие совершенствованию не только навыка редуцирования гласных, но и ритмики слова и интонации:

Упражнение 8. Послушайте предложения, вставьте пропущенные слова, поставьте ударение. Напишите, какой звук обозначает буква Я.

- Красною кистью _____ зажглась.
Пали листья.
Я родилась.
(Цветаева М.)
- Не давай мне ничего на _____,
Знаю я, как _____ коротка.
(Ахматова А.)
- _____ крадется по дорожкам,
Ступает тихо солнцу вслед.
Грибы и _____ в лукошке.
И _____ он шлет привет!
В багряном бархатном кафтане,
Из листьев _____ набекрень,
Он целый _____ будет с нами
Встречать рассвет, и ночь, и день.
(Майданик Н.)

4. _____ проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
(Пушкин А.)

А. А. Акишина отмечает, что отсутствие аудирования как значимого элемента урока по РКИ является недочетом в работе над фонетикой [Акишина 2002: 166]. Предлагаем использовать фрагмент мультфильма «Летучий корабль» в качестве аутентичного звучащего материала для отработки аудитивного навыка в рамках обозначенной темы. В качестве притекстового задания студентам предлагается рассмотреть картинки-фрагменты еще незнакомого мультфильма и ответить на вопросы, проявив языковую догадку:

Задание 1. Посмотрите на картинку. Это Водяной.

- Кто это?
- Это мужчина или женщина?
- Где он / она живёт?
- Объясните, почему его / её так называют?
- Кто его / её друзья и подруги?

После однократного прослушивания текста студенты выполняют задание:

Задание 2. Посмотрите отрывок из мультфильма «Летучий корабль» (08:10). Вставьте пропущенные слова, поставьте в них ударения, отметьте, какой звук обозначает буква Я.

Я – _____, я – _____
Поговорил бы кто со мной
А то мои подружки
Пивьки, да _____ (фу, какая гадость!)
Эй, жизнь моя _____!
А ну ее в болото!
Живу я как поганка
А мне летать,
А мне летать,
А мне летать охота!!
Я – _____, я – _____!
Никто не водится со мной
Внутри меня – водица
Ну что со мной водиться?

(Энтин Ю.)

Завершается работа чтением стихов, пословиц и поговорок, в которых часто встречается явление редуции, что позволяет автоматизировать приобретенный артикуляционный навык, а также способствует совершенствованию навыка членения фразы на синтагмы и постановки синтагматического ударения, чтение предваряется следующей инструкцией:

Слушайте и повторяйте. Расставьте ударение в словах. Читайте, следите за произношением гласного [а] после мягких согласных. Напишите звуки над буквами в выделенных словах.

1. Ярослав и Ярославна
Поселились в Ярославле.
В Ярославле живут славно
Ярослав и Ярославна.
2. Пригадумалось яйцо:
Кто же я, в конце концов?
Лебедь, утка, или я

Ядовитая змея?

3. Я – вертикультяп.
Могу вертикультяпнуться,
могу вывертикультяпнуться.
4. «Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?» –

(Суриков И.)

В качестве контроля полученного навыка можно предложить обучающимся выполнить предварительную фонетическую разметку поэтического текста, как отмечает И. В. Одинцова, «использование на занятиях стихов не только помогает активизировать правильное произношение звуков и ИК, но и создать в итоге образцы правильного произношения звучащего текста» [Одинцова 2004: 334]:

Упражнение 9. Выполните фонетическую разметку текста. Напишите звуки, которые обозначают выделенные буквы, расставьте паузы, укажите интонационные конструкции.

Брожу одна по сентябрю
Рябины жарко пламенеют.
Солгу, сказав, что не люблю.
Солгу, сказав, что не жалею.
Но что же делать? Как суметь
Тебя забыть, с собою сладить?
Перебороть? Переболеть?
Тебя сзубить – себя огрabitь...
Дурманом душным оплести.
И обмануться. И забыться.
И этим душу отвести
Как будто ключевой воды напиться.
Брожу, брожу по сентябрю.
Неспешно листья приминаю.
И лгу себе, что не люблю
И лгу себе, что забываю.

(Гейнц Д.)

Представленный поэтический текст удачно сочетает в себе доступное лексическое и грамматическое содержание и необходимый фонетический материал: качественная редуция после мягких и твердых согласных, оглушение звонких согласных на конце слова, ассимиляция по звонкости, произношение группы согласных, различные типы интонационных конструкций.

Подобная система упражнений способствует предупреждению фонетических ошибок, готовит студентов к самостоятельному фонетическому анализу звучащего текста, формирует навык аналитического наблюдения над фонетическими явлениями, что в целом способствует развитию коммуникативной компетенции студента-инофона, так как полученный навык легко приложим и собственной продуктивной речевой деятельности.

Редуцирование гласного [а] после мягких согласных должно стать автоматизированным навыком, требующим минимального контроля сознания. Хотя нарушение законов редуции не является причиной появления фонематических ошибок студентов-инофонов и не приводит к коммуникативной неудаче говорящего в целом, однако несформированность навыка редуцирования, в том

числе после мягких согласных, создает устойчивый иностранный акцент в русской речи обучающихся. Разработанная система упражнений в рамках коррективного курса русской фонетики позволяет устранить и предвосхитить возможные ошибки в

области качественной редукции, совершенствовать технику чтения, способствует развитию фонетического слуха учащихся и преодолению иноязычного фонетического акцента.

Литература

- Аванесов, Р. И. Русское литературное произношение / Р. И. Аванесов. – М. : Просвещение, 1984. – 383 с.
- Акишина, А. А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – М. : Русский язык. Курсы, 2002. – 256 с.
- Битехтина, Н. Б. Русский язык как иностранный: фонетика / Н. Б. Битехтина, В. Н. Климова. – М. : Русский язык. Курсы, 2011. – 128 с.
- Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка / Е. А. Брызгунова. – М. : Издательство МГУ, 1963. – 306 с.
- Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1977. – 280 с.
- Дерябина, С. А. Фонетизация обучения русскому языку как иностранному в цифровом гуманитарном знании: теоретический аспект / С. А. Дерябина, Н. А. Любимова // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 298–312. – DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-298-312.
- Касаткина, А. Ю. Инновационные формы обучения при формировании фонетических навыков у студентов из Китая : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ю. А. Касаткина. – СПб., 2016. – 171 с.
- Китова, Е. Б. Типичные ошибки в произнесении звуков английского языка у учеников средней школы / Е. Б. Китова, О. А. Баташова // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т. 33, № 2. – С. 426–432. – DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).426-432.
- Короткова, О. Н. По-русски без акцента! : коррективный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке / О. Н. Короткова. – 2-е изд. – СПб. : Златоуст, 2009. – 192 с.
- Литовкина, А. М. Методы и приемы обучения китайских студентов фонетике русского языка / А. М. Литовкина, С. Мяо // Global and Regional Research. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 236–242.
- Логинова, И. М. Фонетика преподавателю русского языка как иностранного : учебное пособие / И. М. Логинова. – СПб. : Златоуст, 2021. – 160 с.
- Любимова, Н. А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков. Постановка и коррекция / Н. А. Любимова. – М. : Русский язык. Курсы, 2011. – 240 с.
- Любимова, Н. А. Обучение русскому произношению: Артикуляция. Постановка и коррекция русских звуков / Н. А. Любимова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1982. – 192 с.
- Милованова, И. С. Фонетические игры и упражнения. Начальный этап обучения. Русский язык как иностранный / И. С. Милованова. – М. : Наука, 2000. – 160 с.
- Науменко, Ю. М. Коррективный курс русской фонетики и интонации для иностранных студентов I курса бакалавриата : учеб. пособие / Ю. М. Науменко. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2020. – 80 с.
- Одинцова, И. В. Звуки. Ритмика. Интонация : учебное пособие / И. В. Одинцова. – 4-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 368 с.
- Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев / Н. Н. Рогозная. – Иркутск : ОАО «Иркутская областная типография» № 1, 2001. – 332 с. – EDN VZRMXB.
- Сизых, М. М. Коррективный курс русской фонетики. Часть 1. Звуки : учеб. пособие : в 2 ч. / М. М. Сизых. – Иркутск : Издательский дом БГУ, 2024. – 224 с.
- Скобелкина, Н. М. Трудности китайских студентов при овладении звуками русского языка / Н. М. Скобелкина, Л. Цинь // Global and Regional Research. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 132–134.
- Шутова, М. Н. Лингвометодические основы обучения фонетике русского языка иностранных студентов-филологов на завершающем этапе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / М. Н. Шутова. – М., 2005. – 291 с.

References

- Akishina, A. A., Kagan, O. E. (2002). *Uchimsya uchit': dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Learning to Teach: For a Teacher of Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 256 p.
- Avanesov, R. I. (1984). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian Literary Pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie. 383 p.
- Bitekhtina, N. B., Klimova, V. N. (2011). *Russkii yazyk kak inostrannyi: fonetika* [Russian as a Foreign Language: Phonetics]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 128 p.
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical Phonetics and Intonation of the Russian Language]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 306 p.
- Bryzgunova, E. A. (1977). *Zvuki i intonatsiya russkoi rechi* [Sounds and Intonation of Russian Speech]. 3rd edition. Moscow, Russkii yazyk. 280 p.
- Deryabina, S. A., Lyubimova, N. A. (2021). *Fonetizatsiya obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v tsifrovom gumanitarnom znanii: teoreticheskii aspekt* [Phonetization of Teaching Russian as a Foreign Language in

Digital Humanities: Theoretical Aspect]. In *Rusistika*. Vol. 19. No. 3, pp. 298–312. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-298-312.

Kasatkina, A. Yu. (2016). *Innovatsionnye formy obucheniya pri formirovanii foneticheskikh navykov u studentov iz Kitaya* [Innovative Forms of Education in the Formation of Phonetic Skills Among Students from China]. Dis. ... kand. ped. nauk. Saint Petersburg. 171 p.

Kitova, E. B., Batashova, O. A. (2023). Tipichnye oshibki v proiznesenii zvukov angliiskogo yazyka u uchenikov srednei shkoly [Typical Mistakes in Pronouncing English Sounds in Secondary School Students]. In *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 33. No. 2, pp. 426–432. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).426-432.

Korotkova, O. N. (2009). *Po-russki bez aktsenta! : korrektilirovochnyi kurs russkoi fonetiki i intonatsii dlya govoryashchikh na kitaiskom yazyke* [In Russian Without an Accent! : a Correction Course in Russian Phonetics and Intonation for Chinese Speakers]. 2nd edition. Saint Petersburg, Zlatoust. 192 p.

Litovkina, A. M., Myao, S. (2023). Metody i priemy obucheniya kitaiskikh studentov fonetike russkogo yazyka [Methods and Techniques of Teaching Chinese Students the Phonetics of the Russian Language]. In *Global and Regional Research*. Vol. 5. No. 3, pp. 236–242.

Loginova, I. M. (2021). *Fonetika prepodavatelyu russkogo yazyka kak inostrannogo* [Phonetics for a Teacher of Russian as a Foreign Language]. Saint Petersburg, Zlatoust. 160 p.

Lyubimova, N. A. (1982). *Obuchenie russkomu proiznosheniyu: Artikulyatsiya. Postanovka i korrektsiya russkikh zvukov* [Teaching Russian Pronunciation: Articulation, Production and Correction of Russian Sounds]. 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk. 192 p.

Lyubimova, N. A. (2011). *Lingvisticheskie osnovy obucheniya artikulyatsii russkikh zvukov. Postanovka i korrektsiya* [Linguistic Basics of Teaching the Articulation of Russian Sounds: Statement and Correction]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 240 p.

Milovanova, I. S. (2000). *Foneticheskie igry i uprazhneniya. Nachal'nyi etap obucheniya. Russkii yazyk kak inostrannyi* [Phonetic Games and Exercises. the Initial Stage of Training. Russian as a Foreign Language]. Moscow, Nauka. 160 p.

Naumenko, Yu. M. (2020). *Korrektilirovochnyi kurs russkoi fonetiki i intonatsii dlya inostrannykh studentov I kursa bakalavriata* [Correction Course of Russian Phonetics and Intonation for International Students of the First Year of Bachelor's Degree]. Moscow, FLINTA, Nauka. 80 p.

Odintsova, I. V. (2004). *Zvuki. Ritmika. Intonatsiya* [Sounds. The rhythm. Intonation]. 4th edition. Moscow, Flinta, Nauka. 368 p.

Rogoznaya, N. N. (2001). *Lingvisticheskiy atlas narushenii v russkoi rechi inostrantsev* [Linguistic Atlas of Violations in the Russian Speech of Foreigners]. Irkutsk, OAO «Irkutskaya oblastnaya tipografiya» № 1. 332 p. EDN VZRMXB.

Shutova, M. N. (2005). *Lingvometodicheskie osnovy obucheniya fonetike russkogo yazyka inostrannykh studentov-filologov na zavershayushchem etape* [Linguistic Methodological Foundations of Teaching Phonetics of the Russian Language to Foreign Students of Philology at the Final Stage]. Dis. ... d-ra ped. nauk. Moscow. 291 p.

Sizykh, M. M. (2024). *Korrektilirovochnyi kurs russkoi fonetiki. Chast' 1. Zvuki: v 2 ch.* [The Correction Course of Russian Phonetics. Part 1. Sounds, in two parts]. Irkutsk, Izdatel'skii dom BGU. 224 p.

Skobelkina, N. M., Qin, L. (2019). Trudnosti kitaiskikh studentov pri ovladenii zvukami russkogo yazyka [Difficulties of Chinese Students in Mastering the Sounds of the Russian Language]. In *Global and Regional Research*. Vol. 1. No. 1, pp. 132–134.

Данные об авторах

Фань Чуньюй – старший преподаватель кафедры русского языка, Цзилинский университет финансов и экономики (Чанчунь, Китайская Народная Республика).

Адрес: 3699 Jinyue Ave, Nangan District, Changchun, Jilin, Китай, 130117.

E-mail: sizykh_maria@mail.ru.

Сизых Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Байкальский государственный университет (Иркутск, Россия).

Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: sizykh_maria@mail.ru.

Authors' information

Fan Chunyu – Senior Lecturer of the Russian Language Department, Jilin University of Finance and Economics (Changchun, People's Republic of China).

Sizykh Maria Mikhailovna – Senior Lecturer of Department of Russian Language and Intercultural Communication, Baikal State University (Irkutsk, Russia).

УДК 378.016:811.111'373+811.111'374. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-173-184.
ББК Ш143.21-9-3+Ш143.21-9-4.
ГРНТИ14.35.07. Код ВАК 5.8.2

ACTUALIZING ACCUMULATIVE AND INNOVATIVE RESOURCE IN EDUCATIONAL LEXICOGRAPHIC PROJECT

Marina V. Vlavatskaya

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-9416>

Latifa Sh. Djabieva

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4323-820X>

Abstract. The article proposes the concept of a lexicographic-type study guide (LTSG) for the discipline “Lexicology” of the English language theory course in the framework of students in the direction 45.03.02 “Linguistics”. The project is considered as actualization of accumulated professional and research resource of a young specialist, the project’s author, during the period of his studies at bachelor’s and master’s programs. The relevance of the research is conditioned by the necessity to improve the process of teaching the language for special purposes (LSP): the formation of accumulative innovative potential in linguistics students, on the one hand, and the modernization of the main means of teaching, on the other hand. The aim of the article is to substantiate the concept of the LTSG on English lexicology, containing the learner’s ideographic dictionary of terms as an effective means of professional training of linguistics students and as a realization of accumulative and innovative resource of a young expert. The scientific novelty consists in creating an original concept of study guide, in which a three-block presentation of the material on English lexicology. The theoretical block provides information about the subject and lexical patterns of the English language. The lexicographic block contains a dictionary in which the ideographic arrangement of the material reflects the system of knowledge about a given subject and categorical and conceptual relations of lexicological terms. The practical block consists of specially designed exercises aimed at developing the ability to use this dictionary, mastering terms, consolidating theoretical material, and applying theoretical knowledge in practice. The interaction of linguistics, lexicography and linguodidactics testifies to the interdisciplinary approach to the presentation of the material necessary for professional study. Of particular importance are the macro- and microstructure of the ideographic dictionary, which are based on the provisions of ideographic lexicography and terminography, as well as the needs of dictionary users – students of linguistics, professionally studying English. The results of experimental training confirmed effectiveness of this teaching tool, which is designed to solve the problems of professional and research communication of future translators, English teachers and scientists. Thus, the accumulated experience of training allows young scholars who have gone from bachelor’s and master’s degrees to postgraduate studies to successfully create grant-funded innovative projects including the development of digitally supported teaching aids that integrate academic and research activities according to the principle of sequential formation: learning and cognitive → linguistic and professional → research competencies.

Keywords: language for academic & special purposes; interdisciplinary approach; lexicographic-type textbook; ideographic dictionary; terminology of English lexicology; user’s needs; macro- and micro-structure; learning and cognitive, linguistic professional and research competencies

For citation: Vlavatskaya, M. V., Djabieva, L. Sh. (2025). Actualizing Accumulative and Innovative Resource in Educational Lexicographic Project. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 173–184. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-173-184.

АКТУАЛИЗАЦИЯ АККУМУЛЯТИВНО-ИННОВАЦИОННОГО РЕСУРСА В УЧЕБНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ

Влавацкая М. В.

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-9416>
SPIN-код: 2066-4653

Джабиева Л. Ш.

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4323-820X>
SPIN-код: 4634-5194

Аннотация. В статье предлагается концепция учебного пособия лексикографического типа (далее – УПЛТ) по дисциплине «Лексикология» курса теории английского языка в рамках подготовки студентов по направлению 45.03.02 «Лингвистика». Проект рассматривается как актуализация накопленного лингво-профессионального и научно-исследовательского ресурса молодого специалиста – автора данного проекта – за период его обучения в бакалавриате и магистратуре. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования процесса обучения языку специальности: формирования у студентов-лингвистов аккумулятивно-инновационного потенциала, с одной стороны, и модернизации основных средств обучения, с другой. Цель статьи – обоснование концепции УПЛТ по модулю лексикологии английского языка, содержащего учебный идеографический словарь терминов в качестве эффективного средства профессионального обучения студентов-лингвистов и реализации аккумулятивно-инновационного ресурса молодого специалиста. Научная новизна заключается в создании оригинальной концепции учебного пособия, в котором осуществляется трехблочное

представление материала по английской лексикологии. Теоретический блок содержит информацию о предмете и лексических закономерностях английского языка. Лексикографический блок включает словарь, в котором идеографическое расположение материала отражает систему знаний о данном предмете и категориально-понятийные связи терминов лексикологии. Учебно-практический блок состоит из специально разработанных упражнений, направленных на развитие умений пользоваться данным словарем, усвоение терминов, закрепление теоретического материала и применение теоретических знаний на практике. Взаимодействие лингвистики, лексикографии и лингводидактики свидетельствует о междисциплинарном подходе к представлению необходимого для профессионального изучения материала. Особую значимость представляют макро- и микроструктура идеографического словаря, в основе которых лежат положения учебной, идеографической лексикографии и терминологии, а также запросы пользователей словаря – студентов-лингвистов, профессионально изучающих английский язык. Результаты опытно-экспериментального обучения подтвердили эффективность данного обучающего средства, которое призвано решать проблемы профессиональной и научно-исследовательской коммуникации будущих переводчиков, учителей английского языка и ученых. Так, накопленный за годы обучения опыт позволяет молодым ученым, прошедшим путь от бакалавриата и магистратуры до аспирантуры, успешно создавать грантовые инновационные проекты, включая разработку учебных пособий с цифровой поддержкой, интегрирующие образовательную и научную деятельность по принципу последовательного формирования учебно-познавательной → лингво-профессиональной → научно-исследовательской компетенций.

Ключевые слова: язык для учебных и специальных целей; междисциплинарный подход; учебное пособие лексикографического типа; идеографический словарь; терминология английской лексикологии; запрос пользователя; макро- и микроструктура; учебно-познавательная, лингво-профессиональная и научно-исследовательская компетенции

Для цитирования: Влавацкая, М. В. Актуализация аккумулятивно-инновационного ресурса в учебном лексикографическом проекте / М. В. Влавацкая, Л. Ш. Джабиева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 173–184. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-173-184.

Introduction

In contrast to the Western system of higher education, which is characterized by a pragmatic focus on the development of primarily practical competencies, the Russian system of higher education retains “an orientation on the comprehensive formation of the learner’s personality and the fundamentality of knowledge” [Гусевская 2015: 79]. The study of the course ‘English language theory’ lays theoretical foundations for linguistics students, develops linguistic and professional competencies of future teachers and translators of English, and allows to form accumulative and innovative potential for further research activities of Russian and foreign students studying in the direction of 45.03.02 ‘Linguistics’.

In the scientific and methodological literature, it is not often possible to find articles on specifics of teaching purely professional linguistic disciplines in language universities [Harlytska 2022], if compared with teaching a general literary foreign language, primarily English [Susanto 2017]. Nevertheless, the available publications state that “there is nothing more useful and practical for a professional as a well-structured theory ... – something that should be present implicitly in every professional’s activity ... it is preceded by a certain theoretical training” [Федюковский 2016: 31].

In the process of developing professional competencies among linguistic students, it is important to focus, as we believe, on the formation of research competence. Knowledge of linguistic terminology is an indicator of high activity of students at the seminars on the course ‘English language theory’, which is subsequently successfully realized “in the implementation of their research activities” [Пронченко 2019: 36]. Thus, in order to fully develop a professional linguist, it is necessary to proceed from the importance of integrative organization of educational professional and research work of the student. The basis for this is the Order of the Ministry of Education and Science of

Russia from 12.08.2020 No. 969¹, which regulates that when mastering the Bachelor’s degree program in the field of training 45.03.02 ‘Linguistics’ graduates are prepared to solve problems of professional activity, including tasks of research type.

Summarizing existing definitions, the student’s developed research competence presupposes “the ability to navigate the information space, reflective and evaluative skills, synthesis and analysis of information, etc.” [Гмызина 2023: 104]. The main parameter of its formation is the successful defense of the bachelor’s final qualification work, the intention to continue studying in the master’s program and then in the postgraduate program in order to fully develop this competence and improve their professional and research activities in the ‘Linguistics’ field.

The experience accumulated during the years of training helps young scientists to develop and implement innovative projects that integrate the organization of educational and scientific activities according to the principle of sequential formation of educational and cognitive, linguistic and professional as well as research competencies. Educational and cognitive competence is understood as “knowledge, skills and abilities to carry out independent cognitive and learning activities in the field of learning a foreign language and culture” [Денисова 2014: 223]. Linguistic professional competence is not only knowledge of the phonetic, lexical, and grammatical systems of the studied language, but also knowledge of foreign language terminology that provides communicative interaction in the professional field². The totality of educational

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2020 № 59448). С. 4.

² Федотова Н. Л., Стамбулиди З. А. Принципы разработки национально-ориентированного пособия по русскому языку для греческих гидов-переводчиков // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 208. DOI: 10.26170/FK20-03-18.

and cognitive, linguistic and professional, as well as research competencies in the process of training a linguistics student at Bachelor's and Master's degree programs contributes to the formation of accumulative and innovative potential, which allows to successfully create and implement original projects in pedagogical and scientific practice.

Thus, the project of a young expert described in the article concerns a relatively rare – hybrid – genre of educational literature and educational lexicography – a lexicographic type Study guide (LTSG) aimed at the consistent formation of the necessary competencies, primarily related to the study and correct use of the conceptual and terminological apparatus in a certain field of knowledge, the final result of the formation of which should be not only professional competence, but also research competence, contributing to the accumulation, preservation and expansion of the potential of student's research activities.

The presentation of the LTSG project on the discipline 'Lexicology' (72 hours) of the course 'English language theory' (350 hours) acts as an actualization of the accumulative and innovative resource of the young professional, acquired during the education period in bachelor's and master's programs.

As it is known, the basic concept of educational lexicography is a learner's dictionary, i.e. "a lexicographic work of any genre and volume, specially designed to assist in the study of language as a means of transmitting one's own and perceiving others' information states" [Морковкин 1990: 9], the specificity of which is the obligatory linguodidactic orientation.

The peculiarity of LTSG as a product of educational lexicography lies in the "expedient combination of the constitutive features of a learner's dictionary and a traditional practical guide" [Максимчук 1986: 191]. The anthropocentric and at the same time systemic character of LTSG contributes to its identification as a separate genre of educational lexicography with theoretical justification of the principles and definition of the ways of its creation. Within the framework of the modern anthropocentric paradigm in the field of linguistics, the term 'anthropocentric' is understood as "a conscious focus on meeting learners' needs" [Несова 2018: 444].

Developed by V. V. Morokvin's LTSG project combines a dictionary in the traditional sense and a study guide – an educational and practical block containing a set of exercises for developing skills, abilities and competencies required for 2nd year students studying in the direction 'Linguistics' and professionally mastering the English language. LTSG is "one of the varieties of specialized means of teaching vocabulary along with a textbook, lexical minimum and a learner's dictionary" [Ольховская 2016: 474–475].

To date, several LTSG projects have been made to teach foreign learners: Russian professional speech on operation and maintenance of cars [Макеева 1985], a series of LTSGs on Russian language in the educational professional sphere has been published 'Physics' [Бурченкова 2009], 'Mathematics' [Костерина 2009], 'Tactics of Troop Air Defense' [Бурченкова 2012], etc. Different concepts of LTSG have been proposed, for

example, on associative terminology of the medicine sublanguage [Волович 2002], teaching communicatives of Russian colloquial speech to foreign students [Казачихина 2011], Russian as a foreign language on the material of colloquial and everyday style [Вострякова 2015], as well as for the study of local history onomastic material by foreign students entering "a new regional society" [Бубнова 2014: 108], etc.

The LTSG specificity as a genre of educational lexicography is determined by "an expedient combination of correct linguistic description of linguistic units and their educational and methodological interpretation" [Бубнова 2014: 109]. The focus of LTSG on "the formation and development of skills of active use of words by students in speech practice determines the requirement to reflect in the dictionary entry the maximum amount of information demonstrating the features of word functioning in speech, as well as paradigmatic (synonymic, antonymic, lexical-semantic) relations of a lexical unit" [Казачихина 2019: 105]. To generalize and systematize the study of vocabulary, it is advisable to include tables and schemes in the lexicographical part of the LTSG, which contribute to a better understanding of the lexical material.

The proposed LTSG is developed in the discipline 'Lexicology' and has a special structure and content. This subject is taught in English and is one of 4 disciplines of the course 'English language theory'. The LTSG is intended for linguistics students – future translators and teachers of English who are just starting to study theoretical subjects in English. Lexicology is "the basic of the English language course in the higher education institution, as the formation of lexical competence is an important component in the formation of foreign language communicative competence" [Harlytska 2022: 3622].

Thus, the addressees of LTSG are Russian and foreign students from Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, etc.), professionally learning English. One of the tasks in the formation of professional competencies of Bachelor's degree graduates in the "Linguistics" direction is the formation of general professional competence, which prescribes that the student must "know the conceptual apparatus of the theory of the studied foreign language", and therefore use a certain metalanguage – the scientific language of linguistics as a means of describing the main sections of it – lexicology, phonetics, grammar, etc. It is important to emphasize that "the terminological system, which forms the basis of a metalanguage, is a means of accumulation, the result of numerous schools research and directions" [Сидельников 2014: 25]. Hence, the LTSG's metalanguage is the terminology of English lexicology.

The theoretical basis of this study consists of works on the formation of educational and cognitive, linguistic and professional, as well as research competencies in teaching students at a university (A. A. Fedyukovsky,

¹ General characteristics of the main professional educational program of higher education. Field of study: 45.03.02 Linguistics. Orientation (profile): Translation and translation studies / comp. I. A. Kazachichina, E. A. Melyohina. Novosibirsk: NSTU, 2022. P. 13.

E. N. Pronchenko, S. A. Denisova, etc.); educational methodology and teaching foreign languages (Z. P. Makeeva and N. A. Maksimchyuk, D. A. Kholmatoeva and O. K. Rachmatova, T. Harlytska, A. Susanto); general and educational lexicography (V. V. Morkovkin, O. M. Karpova, H. Agerbo & H. Bergenholtz); terminology and terminography (S. D. Shelov and V. M. Leychik, O. G. Shchitova и N. A. Matskevich), etc.

The theoretical significance consists in the fact that the conducted research expands professional knowledge and makes some contribution to solving pressing issues of linguistics and didactics. Its results can contribute to the successful formation of significant competencies in teaching and scientific activities in the process of training linguistic students, as well as the integration of educational lexicography, linguistics and didactics for the purpose of effective training of a future specialist, that indicates an interdisciplinary approach to the presentation of material and improvement of LTSG in other subjects of the professional cycle.

Methods and Materials

The paper uses methods of analyzing scientific literature on integration education and the formation of competencies among students of linguistics, lexicographic construction, pedagogical modeling, systematic, definitional analysis, and the systematization of terms according to the ideographic principle.

The material of the study is the theory and terms of English lexicology used in the relevant textbooks, teaching aids and on linguistic websites, in the amount of about 300 units.

When conducting experimental training with the help of the LTSG model as respondents were 43 Russian and foreign 2nd year students of Linguistics divided into control (21) and experimental (22) groups.

The foundations of the LTSG genre were developed by N. A. Maksimchuk [1986] based on general lexicographic theory and principles of methodological expediency. The formal genre characteristics of lexicographic-type study guide are their obligatory structural elements – lexicographic and practical parts. The LTSG structure “may optionally include text and reference parts, methodological recommendations, etc.” [Бубнова 2014: 109].

In developing the concept of LTSG, it is important to consider certain parameters identified as methodological requirements, i.e. that “information which the user is assumed to need and which, therefore, should be reflected in the appropriate dictionary” [Мандрикова 1994: 96]. It is necessary to observe the principle of methodological expediency in the lexicographic reflection of information about the headword. Later, the term “the user’s need” [Карпова 2017] was used, which is broader in content, as it considers needs limited not only by the needs of methodology. Necessity of the user’s needs as a tool in compiling LTSG and the learner’s dictionary included in it is explained by the fact that all stages in making LTSG are determined to a large extent by the needs of the dictionary user, so in advance in two groups of students participating in the experiment, information about the necessary parameters of the headword (transcrip-

tion of the term, its definition, lexical relations, etc.) was collected by questionnaire, thus the user’s needs of linguistics students were determined.

When developing such projects, it is necessary to consider the building principles aimed at compiling a dictionary [Морковкин 1990], namely: planning and organizing work; selecting lexicographic materials; constructing; combining independent work with the textbook and receipt of pedagogical assistance; realizing multifunctionality; formulating the rules of educational lexicography of the LTSG. The content and organization of the lexicographic part of the LTSG determines the macrostructure of the dictionary – the wordlist and the arrangement of headwords (alphabetical, thematic, reverse, etc.) and the microstructure of the dictionary – the necessary information about the headword given by the type of dictionary.

An important stage of work is related to the wordlist formation. When creating lexicographic means of teaching vocabulary, it is important to follow the principles of: *efficiency* (obtaining successful results with economical use of explanatory resources); *simplicity* (choosing a simple and visual presentation of information); *beauty* (the presence of a coherent system that has an interrelated and interpenetrating character) [Морковкин 1990].

The educational focus of LTSG is related to addressee needs and is one of the basic principles of educational lexicography. *The user’s needs* never arise in isolation but are related to two other elements: *the dictionary user* in whose mind the need has arisen, and the *pre-lexicographic situation* in which the need has arisen. Together, these three components define the function of the dictionary according to the theory of lexicographic functioning [Agerbo 2017].

Results and Discussions

The purpose of developing LTSG is to create a learning tool that would combine a textbook, including theory and practice, as well as a terminological dictionary that provides the necessary information about headwords.

Since the addressee of the LTSG are linguistics students studying English lexicology, they were first surveyed to identify the user’s needs, i.e. information about the content of the LTSG in general and the headwords needed to be included in it.

The user’s needs for LTSG as a learning tool revealed three important components: 1) theoretical part, which should contain “systematized scientific theoretical information presented in a form that is easy to learn and assimilate” [Холматова 2021: 32]; 2) lexicographic part as ideographic learner’s dictionary of English lexicology terms; 3) practical part with a set of exercises and tasks, justifying the user’s need to refer to the theoretical and lexicographic parts of the LTSG.

The user’s needs applied to the learner’s terminological dictionary and forming its microstructure contributed to distributing terms among sections and topics of the English lexicology module, presenting a synoptic scheme, introducing definition of a term, its transcription and grammatical information, examples

demonstrating lexicological phenomena, graphic illustrations (tables, diagrams, etc.), as well as indicating categorical conceptual and lexical semantic relations in the entry.

Thus, the criteria according to which it became possible to determine the content and structure of the LTSG, as well as the macrostructure scope and microstructure parameters of the learner's ideographic dictionary of English lexicological terms (further LIDELT) were revealed.

The purpose of the first – theoretical part is to familiarize students with the basic problems of lexicology – general regularities of structure and functioning of the English lexicon, aimed at forming in them an idea of the systematic nature of the lexicon¹. The *theoretical* block of the LTSG includes materials on the sections of English lexicology: Semasiology, Word-Structure, Word-Formation, Word-Groups, Phraseological Units, Etymology, Variants of English and Lexicography [Harlytska 2022] with corresponding topics. Each topic is completed by theoretical questions that are discussed orally during the lesson. For instance, Word-Formation section includes two topics 'Affixation' and "Conversion & Composition", the study of which is completed with questions to control and assess students' knowledge: *What is word-derivation? What is affixation? What do we call back-formation? How are derivational affixed characterized by? What is meant by conversion? What role does suffixation play in creating new words? What is acrony and its types? What sources of compound words do you know?* etc.

The second part of the LTSG is a learner's dictionary – the core of the study guide under development. In the modern world "one of the actively developing areas of lexicography is terminography, which plays a special role in the normalization of language for special purposes" [Щитова 2023: 88]. Since for terminology the description of categorical and conceptual relations becomes the main thing, it is optimal to apply the ideographic approach – systematization of terms by sections of lexicology study as an academic discipline.

The aim of LIDELT is to contribute to the effective study of the basic lexicological concepts, increase scientific interest in the English word-stock, as well as develop lexical and terminological skills and build professional linguistic competence among students.

Creating the concept of LIDELT as an integral part of LTSG, in order to build a lexicographic aid, it is necessary to take into account the following user's needs for this dictionary:

1) *terminology* dictionary (headwords – terms), namely the selection of headwords in accordance with the requirements of the curricula and their compre-

hensive description including, if necessary, additional conceptual information;

2) *learner's* dictionary, i.e. the provision of information and the design of the dictionary should stimulate students to learn; at the same time, in addition to headwords the entry should include their transcription, grammatical notes, definitions, illustrative examples, system connections, cross-references, graphical clarity (tables, diagrams, etc.); moreover, it is important to ensure that the user can quickly and easily find the required term;

3) *ideographic* dictionary, i.e. presentation of information according to the sections of English lexicology, and more precisely the reflection of thematic relations, where the terms systematization by types is carried out on the basis of the functions commonality, denoted by them phenomena, properties, etc.; the macrostructure organization in accordance with the synoptic scheme; the main units of the macrostructure are entries, in which headwords are distributed according to the section of the English lexicology theory.

Macrostructure of LIDELT. In addition to the wordlist of ideographically organized lexicology terms, the LIDELT macrostructure also includes: a list of abbreviations, a synoptic scheme, graphical representations of linguistic facts (diagrams, tables, schemes, etc.). The list of symbols includes the following signs:

- /.../ – transcription using special characters of IPA²;
- grammatical belonging of the headword to a word class: N – noun; A – adjective;
- Der. – derivative;
- Syn. – synonym;
- Ant. – antonym;
- →(see) – cross-reference, etc.

In the macrostructure, it is important to single out the main nominations according to the categorical and conceptual principle and subject-thematic basis. It is also important to remember that "the principle of systematicity corresponds to organization peculiarities of the human cognitive system and mental lexicon" [Плотникова 2019: 172].

On this basis, the terminological headwords are grouped by sections of the Lexicology discipline and then categorized by topics. The following were considered in the creation of the synoptic scheme: the dictionary addressee; the content and structure of the given discipline; the purpose of the learner's ideographic dictionary of terms; the language material (terminology); the categorical and conceptual apparatus, on the basis of which terminological units are combined; the lexicographer's rational decision. The construction of the synoptic scheme was done in a deductive way: from sections to topics and terms.

¹ General characteristics of the main professional educational program of higher education. Field of study: 45.03.02 Linguistics. Orientation (profile): Translation and translation studies / comp. I. A. Kazachichina, E. A. Melyohina. Novosibirsk: NSTU, 2022. P. 13.

² International Phonetic Alphabet.

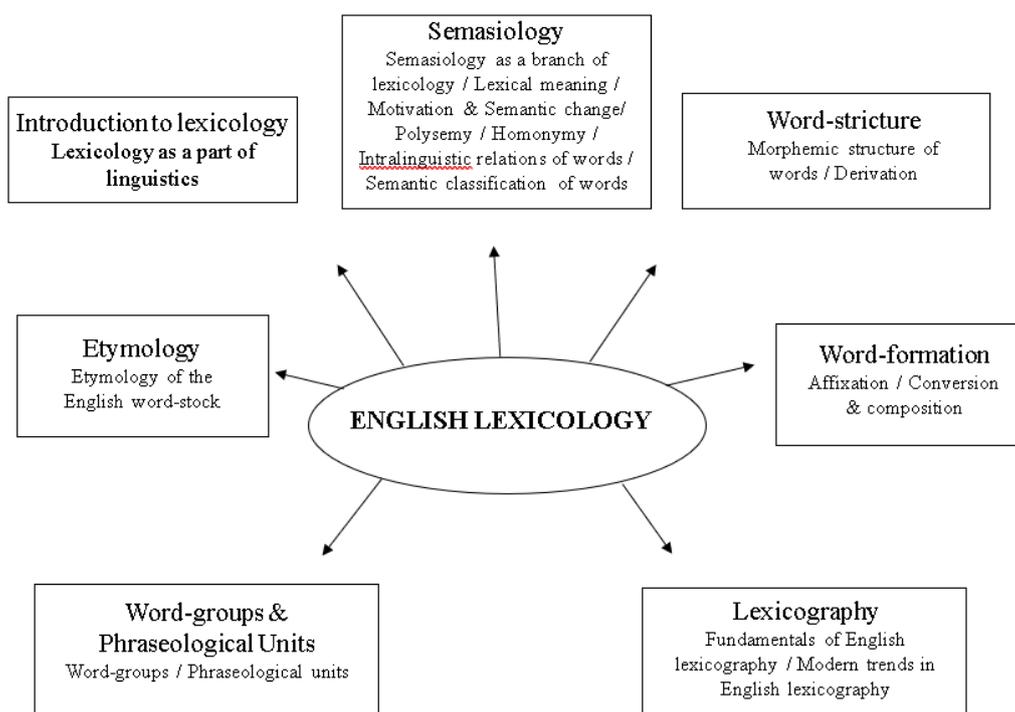

Fig. 1. Synoptic scheme (sections and topics) of LIDELT

The selection of terms for macrostructure was carried out on the basis of studying the content of scientific articles and other materials on English lexicology. According to scholars-terminologists, the most effective and simple way of selecting terms is to analyze textbooks and study guides based on the principles of frequency and methodological expediency [Шелов 2012].

As a result, about 300 terminological units were included in the dictionary. In the entry the terms are presented taking into account their term-forming potential as word combinations and composites derived from headwords.

Microstructure of LIDELT. The main task of LIDELT is the lexicographic reflection of terms. Since headwords are characterized in the dictionary from different aspects (terminological, linguistic, and educational), this dictionary should be polyaspectsual.

The left part of the microstructure is headwords, the right part is their lexicographic description, which is based on the user's needs. The microstructure includes the following areas about the headword.

1. The phonetic characteristic and accentological markers.
2. Grammatical characteristics.
3. Definition(s).
4. Examples illustrating the described linguistic phenomenon, property, feature, etc., which are indicated by the headword.
5. Term-forming potential (collocations).
6. Derivatives.
7. Synonyms & Antonyms.
8. Cross-references indicating categorical and conceptual links of the headword.
9. Graphic representation of a language phe-

nomenon, property, feature of a linguistic unit in the form of tables, diagrams, diagrams, etc.

Areas 1–4 are compulsory, 5–9 – optional.

Headwords in the dictionary entry are highlighted in bold.

Conversion

Synonymy

1. The *phonetic characteristics*, or pronunciation of the headword, and its *accentological markers* are indicated by transcription and stress in oblique brackets.

Affixation /'æfɪk, seɪʃn/

Valency /'veɪlənsɪ/

If the headword is a compound word or it consists of several syllables, two main or main and secondary stresses are indicated.

Corpus-based /'kɔ:pəs 'beɪst/

Computational /,kɑ:mpjʊ'teɪʃənl/

2. *Grammatical information* about the headword, i.e. its belonging to a certain part of speech, is represented by the English letters n for nouns and a for adjectives.

Homonymy ...n.

Phraseological ...a.

Grammatical information is not introduced for terminological collocations.

Significative meaning /sɪg'nɪfɪkətɪv 'mi:nɪŋ/: the interrelation between the sound form of the word with the concept of the object (phenomenon), it denotes¹.

3. A *definition* is defined as “the dictionary logical explanation of a concept in order to identify the boundary separating the parameters covered by the concept from related concepts” [Ловцевич 2016: 53].

¹ См.: <https://studfile.net/preview/9583508/page:6/>

For example, similar concepts such as **valency** and **collocability** denote similar linguistic properties but at different levels – language and speech.

Valency ... the number and type of connections that language elements can form with one other in a sentence.

Collocability ... the ability of a lexical unit to combine with other lexical units, with other words (syntagmatic collocability) or lexical groups (paradigmatic collocability).

4. *Examples* illustrating a language phenomenon, property, feature, etc., which are designated by this terminological headword. Thus, illustrating the terminological collocation **lexical validity**, the following definition is proposed with illustrative examples.

Lexical valence – the ability of a word to appear in various combinations of one pattern, but in different meanings, e.g.: *blue dress* (dress of blue colour) – *blue ribbon* (prize-winning place)¹.

Considering that **collocability** is the use of words in certain word combinations, this term is illustrated by examples with the following collocations.

Collocability ... of the word **press**: *free / foreign / financial / international / local / international / provincial / popular / quality / yellow / tabloid*, etc., as well as collections of other types: *press release / statement / coverage / report / cuttings*, etc.²

5. *Term-forming potential* is represented in compound words and terminological collocations with headwords, which are highlighted in bold type.

Word... word-composition, word-derivation, word formation, word-group, word-segmentability, word-structure.

Context... Extralinguistic context... Lexical context... Grammatical context...

If terminological collocations belong to one section and topic of English lexicology, they are provided with a complete lexicographic treatment and form a semanteme.

¹ См.: [https://present5.com/lecture-5-english-phraseology-lexical-and-grammatical-valency/#:~:text=Lexical%20valency%20\(collocability\)%20is%20the,question%3A%20to%20raise%20a%20question](https://present5.com/lecture-5-english-phraseology-lexical-and-grammatical-valency/#:~:text=Lexical%20valency%20(collocability)%20is%20the,question%3A%20to%20raise%20a%20question)

² См.: <https://ozdic.com/collocation/press/>

Word-group /'wɜ:d 'gru:p/ n: a sequence of two or more words which are joined according to certain rules³.

– **Endocentric** /'endəʊ, sentrik/: word-group has the same linguistic distribution as one of its members, i.e. having one central member functionally equivalent to the whole word-group⁴ (*interesting book* – *We read an interesting book*).

– **Exocentric** /'egzəʊ, sentrik/: word-group has different from either of its members distribution, i.e. having no such central member; the component words are not syntactically substitutable for the whole word-group (**side by side / grow thinner**)⁵.

6. *Derivatives* are labeled in the entry as **Der.**

Derivation ... **Der. Derivative, derivational**

Polysemy ... **Der. Polysemantic**

7. *Synonyms* and *antonyms* of headwords are indicated by the abbreviations Syn and Ant.

Extension of meaning ... Syn. **Generalization of meaning**

Synchrony ... Ant. **Diachrony**

8. Cross-referencing is used to further introduce information categorically and conceptually related to the headword.

Suffixation ... → **Affixation**

Computer dictionary ... → **Computer lexicography.**

9. Graphical representation of a language phenomenon, property or types of headwords is introduced optionally in schemes, tables, diagrams, etc.

Semasiological approach /se'meɪsɪə,lɒdʒɪk(ə)l ə'prəʊf/: starts with the word and consists in considering different meanings of the word, determining interrelations between them (LSV⁶), e.g.: 1) green – colour of grass; 2) not ready to be eaten; 3) not experienced; 4) made of green vegetables and leaves. → see **Polysemy**; see Ant. **Onomasiological approach.**

³ См.: [https://present5.com/lecture-5-english-phraseology-lexical-and-grammatical-valency/#:~:text=Lexical%20valency%20\(collocability\)%20is%20the,question%3A%20to%20raise%20a%20question](https://present5.com/lecture-5-english-phraseology-lexical-and-grammatical-valency/#:~:text=Lexical%20valency%20(collocability)%20is%20the,question%3A%20to%20raise%20a%20question)

⁴ См.: <https://helpiks.org/2-7605.html>.

⁵ Бабич Г. Н. *Lexicology: A Current Guide*. Лексикология английского языка : учебное пособие. 5-е изд. М.: ФЛИНТА, 2010. С 93.

⁶ Lexical semantic variant.

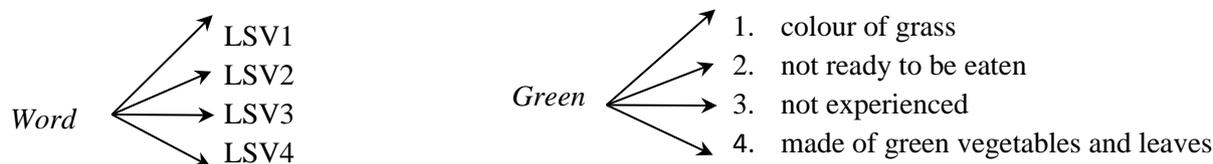

Fig. 2. The semasiological approach to learning word's meaning

Thus, entries in LIDELT contain information about the terms, their categorical and conceptual, lexical semantic relations that contributes to a clearer and more complete understanding of the term.

Consequently, LIDELT can be characterized as

follows. In terms of purpose and destination (addressee) it is *anthropocentric*, i.e. aimed at meeting the needs of a certain category of learners and, accordingly, a learner's specialized dictionary addressed to linguistics students. In terms of significance – *polyaspectual*, by de-

scription nature – *normative*; by arrangement of lexical units – *content-ordered*; by representing the meaning of the described terminological unit – *monolingual*.

The third – practical part of the LTSG is aimed at consolidating knowledge acquired during the study of the theoretical and, in parallel, dictionary part. It is divided into two blocks: the first one includes tasks for searching and collecting information about terms directly in LIDELT, the second one contains exercises and tasks for developing knowledge, skills, and abilities within the Lexicology discipline, i.e. on the theoretical material described in the first part of LTSG. The tasks and exercises in the first block are presented according to the sections of English lexicology and aimed at developing students' skills in working with LIDELT, i.e. determining its structure and content, searching for terms in the dictionary and extracting the necessary information from it, as well as studying English terminology in general. Students are asked to answer questions on the construction of LIDELT:

How can this dictionary be characterized in terms of the presentation of information in it?

What areas are distinguished in the microstructure?

What is the structure and content of the dictionary?

и т. п.

In addition, in this block tasks are developed to search for specific information of individual terms and to identify their specificity. For example, *Find in the dictionary and give definitions for the following terms: componential analysis; denominative meanings; euphemisms; full homonyms; homonyms; homophones; ideographic synonyms; inclusion; lexical homonyms; lexical sets, etc. What categorical-conceptual and lexical-semantic relations can be distinguished for each terminological unit?* и т. д.

The second block of the practical part of LTSG includes tasks and exercises on the rules presented in its theoretical part, which contribute to the consolidation of theoretical knowledge, active use of relevant terminology and application of the learned knowledge in practice. For example, the practical section of Semasiology includes the following tasks:

1) *combine words in 2 groups with the sameness with their lexical and grammatical meaning (+list of words);*

2) *give possible explanations to the following sentences paying attention to the words in bold. What is the difference between meaning and sense which these words lend to the whole utterance or the situation (e.g. She felt a pang after her failure);*

3) *using the onomasiological approach to meaning analyze the following words (context vs. distribution, valency vs. collocability, meaning vs. sense) и т. д.*

Thus, the practical part of LTSG should contain various types of tasks aimed at: 1) learning terms of English lexicology and working with LIDELT; 2) performing various tasks and consolidating theoretical knowledge; 3) obtaining additional information when using LIDELT as a lexicographic block of LTSG.

The approbation of the effectiveness of the developed teaching aid application was carried out among

43 second-year linguistics students divided into 2 groups – experimental (22) and control (21). The aim of the experiment was to master the course of English lexicology with the aid of LTSG as a teaching tool during the semester.

The organization of the experimental part of the research includes 3 stages – diagnostic, training, and evaluation. As for the control group the learning took place with the main study guide of English lexicology. The experimental group used for learning our LTSG with digital support in Telegram-channel.

In the diagnostic stage of the experiment, linguistic students in both groups took an 18-question test in order to identify the initial level of knowledge of the lexicological theory and terminology of English lexicology. In doing so, we considered their knowledge gained in the previous course 'Fundamentals of linguistics'. The results of the diagnostic test were approximately equal and accounted for about 50% of the correct answers.

In the training stage the percentages of mastering English lexicology and terminology were already different. In the control group a traditional study guide on lexicology was used, in the experimental group LTSG was used as well as its digital version. The performance of practical tasks includes several steps: 1) dictionary assignments, 2) tasks to consolidate theoretical information, 3) definitions of lexicological terms selected by the teacher.

In the evaluation stage language students of both groups were given control assignments to check their knowledge and the effectiveness of learning English lexicology with the use of LTSG. Assessment of students' knowledge and skills was carried out according to the following criteria: 1) mastering lexicological theory; 2) performing assignments correctly; 3) defining and applying terminology.

As a result, the difference between achievements in the experimental and control groups is quite large.

The results of the experiment showed that the students in the experimental group who used LTSG: 1) better acquired theoretical material – about 82% – and 75% in the control group (+7%); 2) used more correctly theoretical knowledge in practice – 76% and 68%, respectively (+8%); 3) more accurately defined and used terminology when analyzing lexicology phenomena – 87% and 73 (+14%).

We conclude that applying LTSG English students can quickly and accurately find the necessary information on a particular topic and terms related to it without using other auxiliary means. Thus, by observing the whole process of working with LTSG, reviewing and analyzing all the results of the experiment, we can state that working with such a training tool is very effective, so that it contributes to more productive work of language students.

A digital block in the Telegram channel has been specially developed for the LTSG, which has also been tested in parallel (See Figure 3).

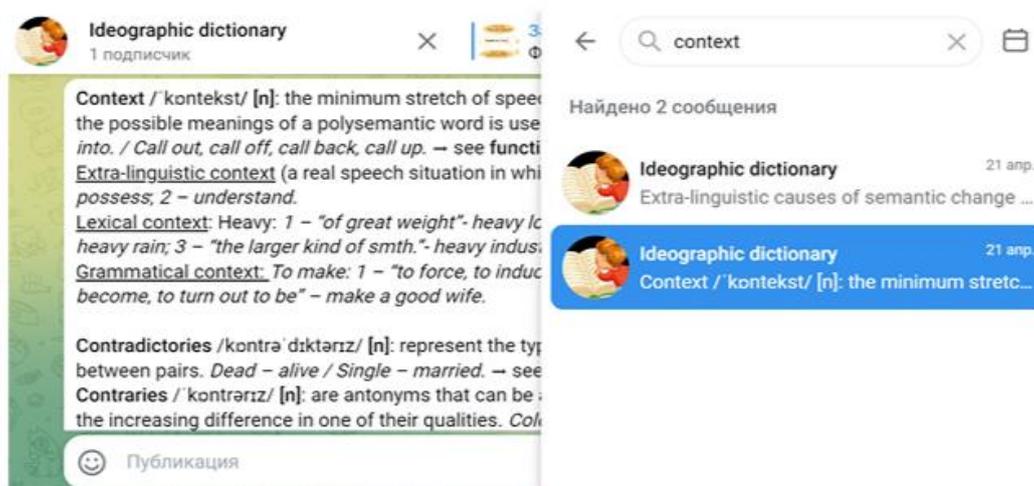

Fig. 3. Searching for a relevant term in the Telegram channel

After the students had worked with the LTSG they had to do a survey that we created in the Telegram-channel. The results of the experimental training showed that the students in the experimental group compared to the results in the control group had an average growth rate of about 10%. As a result, students approved of LTSG, 65% of them noted that it is easier and more efficient to work with it, since the ideographic dictionary facilitates the search for terminological information. Thus, the results of the trial training indicate the effectiveness of studying English lexicology using LTSG.

Conclusion

Fundamentality of knowledge and practical orientation in the Russian system of higher education allows students to form accumulative and innovative potential for successful realization of their personal and career growth, further development of professional competencies and disclosure of their individuality in research activities during the years of study in Bachelor and Master programs. The integrated organization of educational, professional and research work in combination with pedagogical practice make it possible for the young professional who have gone from bachelor's and master's degrees to postgraduate studies

to actualize and realize the potential accumulated in the learning process, both scientifically and creatively as various innovative educational projects, including language study guides with digital support. Proof of this was approbation of such a project – LTSG as an optimal means of teaching linguistics students, developed by a young English teacher and researcher, who gained experience during studies at Bachelor's and Master's levels.

This LTSG on English lexicology can become an effective learning tool that contributes to the productive work of future translators and teachers of English. This is evidenced by the results of students' trail learning in the experimental group, which are significantly higher compared to the results in the control group.

Thus, the experience accumulated over the years allows young experts to successfully develop innovative projects that integrate educational and scientific activities according to the principle of consistent formation of educational and cognitive, linguistic and professional, as well as research competencies.

Abbreviations

LTSG – lexicographic-type study guide.
LIDELT – Learner's ideographic dictionary of English Lexicology terms.

Литература

- Бабич, Г. Н. Lexicology: A Current Guide. Лексикология английского языка : учебное пособие / Г. Н. Бабич. – М. : ФЛИНТА, 2010. – 200 с.
- Бубнова, Н. В. Ономастическое пособие словарного типа как источник общеобязательных фоновых знаний для иностранных обучающихся / Н. В. Бубнова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 108–113.
- Бурченкова, А. А. Русский язык в учебно-профессиональной сфере. Часть 1. Физика / А. А. Бурченкова, Н. В. Ермачкова. – Смоленск : Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации, 2009. – 126 с.
- Бурченкова, А. А. Русский язык в учебно-профессиональной сфере. Тактика подразделений войсковой ПВО / А. А. Бурченкова, Е. Н. Руженцева. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2012. – 174 с.
- Волович, М. И. Теоретические основы создания учебного пособия словарного типа (на материале ассоциативной терминологии подязыка медицины) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. И. Волович. – М., 2002. – 21 с.

Вострякова, Н. А. Основные принципы моделирования учебного пособия лексикографического типа для элементарного уровня обучения русскому языку как иностранному / Н. А. Вострякова // Мир русского слова. – 2015. – № 1. – С. 68–72.

Гинзбург, Р. З. Лексикология английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1979. – 270 с.

Гмызина, Г. Н. Развитие научно-исследовательской компетенции студентов-лингвистов в ходе обучения в вузе / Г. Н. Гмызина, Е. Г. Грищенко, Н. Н. Старостина // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – № 11. – С. 104–108. – DOI: 10.17513/snt.39828.

Гусевская, Н. Ю. Проблемы профессиональной языковой подготовки кадров для развития международного сотрудничества / Н. Ю. Гусевская // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. – 2015. – № 5 (64). – С. 76–80.

Денисова, С. А. Содержание и структура учебно-познавательной компетенции студентов направления подготовки «Лингвистика» / С. А. Денисова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 11. – С. 220–227.

Казакова, О. А. Учебный словарь по профессиональному русскому языку (технический профиль) для студентов из Китая: макро- и микроструктура, лингводидактический потенциал / О. А. Казакова, И. О. Краевская, Т. Б. Фрик // Вопросы лексикографии. – 2019. – С. 104–216.

Казачихина, И. А. Лексикографическая интерпретация коммуникативов русской разговорной речи (модель учебного пособия словарного типа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Казачихина. – Омск : Издательство ОмГУ, 2011. – 23 с.

Карпова, О. М. Новые тенденции в современной лексикографии / О. М. Карпова // Лексика и лексикография. – 2017. – Вып. 11. – С. 63–72.

Костерина, Э. В. Русский язык в учебно-профессиональной сфере. Часть 2. Математика / Э. В. Костерина, Е. Н. Руженцева. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2009. – 121 с.

Ловцевич, Г. Н. Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении / Г. Н. Ловцевич, А. С. Трифонов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 50–62.

Макеева, З. П. Обучение русской профессиональной речи иностранных учащихся средних ПТУ : методические рекомендации и учебные материалы по теме «Устройство, эксплуатация и техническое обслуживание автомобилей» / З. П. Макеева, Н. А. Максимчук. – М. : ВНИЦентр, 1985. – 162 с.

Максимчук, Н. А. Лексические пособия словарного типа как особый раздел учебной лексикографии / Н. А. Максимчук // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному / под ред. В. В. Морковкина, Л. Б. Трушиной. – М. : Русский язык, 1986. – С. 190–197.

Мандрикова, Г. М. Учебное компьютерное лексикографирование в теоретическом и практическом рассмотрении : дис. ... канд. филол. наук / Г. М. Мандрикова. – М., 1994. – 220 с.

Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада / В. В. Морковкин. – М., 1990. – 71 с.

Несова, Н. М. Представление словаря в теоретической и учебной лексикографии / Н. М. Несова, Л. Я. Бобрицких // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 439–450. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450.

Ольховская, А. И. К вопросу о средствах обучения лексике русского языка как иностранного / А. И. Ольховская // Материалы VIII Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» Челябинск, 20–22 апреля 2016 года. Т. 2. – Челябинск : Издательство «Энциклопедия», 2016. – С. 474–478.

Плотникова, А. М. Идеографические словари в практике преподавания лингвистических дисциплин / А. М. Плотникова, М. В. Слаутина // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 6 (42). – С. 172–182. – DOI: 10.32744/pse.2019.6.14.

Пронченко, Е. Н. Формирование профессиональной компетенции студентов-лингвистов через лингвистическую терминологию / Е. Н. Пронченко // Университетские чтения – 2019 : материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 10–11 января 2019 года. Ч. IV. – Пятигорск : Пятигорский госуниверситет, 2019. – С. 35–40.

Сидельников, В. П. Некоторые особенности метаязыка современной лингвистики / В. П. Сидельников, Е. А. Марченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66), № 1, ч. 1. – С. 25–29.

Федюковский, А. А. Место теоретической подготовки в системе непрерывного лингвистического образования / А. А. Федюковский // Sciences of Europe. – 2016. – № 1-1. – С. 31–33.

Холматова, Д. А. Теоретические основы разработки учебных пособий / Д. А. Холматова, О. К. Рахматова // Вопросы науки и образования. – 2021. – № 29 (154). – С. 30–38.

Шелов, С. Д. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик. – СПб. : СПбГУ. Филологический факультет, 2012. – 96 с.

Щитова О. Г. Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка / О. Г. Щитова, Н. А. Марцевич // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 27. – С. 86–104. – DOI: 10.17223/22274200/27/5.

- Agerbo, H. Types of Lexicographical Information Needs and their Relevance for Information Science / H. Agerbo, H. Bergenholtz // *Journal of Information Science Theory and Practice*. KISTI. – 2017. – No. 5 (3). – P. 23–38.
- Harlytska, T. Key Problems of English Lexicology in Higher Education Institution / T. Harlytska // *International Journal of Social Science and Human Research*. – 2022. – Vol. 05, no. 08. – P. 3622–3629. – DOI: 10.47191/ijsshr/v5-i8-37.
- Susanto, A. The teaching of vocabulary: A perspective / A. Susanto // *KATA*. – 2017. – Vol. 1, no. 2. – P. 182–191.

References

- Agerbo, H., Bergenholtz, H. (2017). Types of Lexicographical Information Needs and their Relevance for Information Science. In *Journal of Information Science Theory and Practice*. KISTI. No. 5 (3), pp. 23–38.
- Babich, G. N. (2010). *Lexicology: A Current Guide*. Moscow, FLINTA. 200 p.
- Bubnova, N. V. (2014). Onomasticheskoe posobie slovarnogo tipa kak istochnik obshcheobyazatel'nykh fonovykh znaniy dlya inostrannykh obuchayushchikhsya [Onomastic Dictionary-Type Manual as a Source of General Background Knowledge for Foreign Learners]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3, pp. 108–113.
- Burchenkova, A. A., Ermachkova, N. V. (2009). *Russkii yazyk v uchebno-professional'noi sfere. Chast' 1. Fizika* [Russian Language in the Educational and Professional Sphere. Part I. Physics]. Smolensk, Voennaya akademiya voiskovoi protivovozdushnoi oborony Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. 126 p.
- Burchenkova, A. A., Ruzhentseva, E. N. (2012). *Russkii yazyk v uchebno-professional'noi sfere. Taktika podrazdelenii voiskovoi PVO* [Russian Language in the Educational and Professional Sphere. Tactics of Military Air Defense Troops]. Smolensk, VA VPVO VS RF. 174 p.
- Denisova, S. A. (2014). Soderzhanie i struktura uchebno-poznavatel'noi kompetentsii studentov napravleniya podgotovki «Lingvistika» [The Content and Structure of the Educational and Cognitive Competence of Students of the Field of Study “Linguistics”]. In *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. Vol. 9. No. 11, pp. 220–227.
- Fedyukovsky, A. A. (2016). Mesto teoreticheskoi podgotovki v sisteme nepreryvnogo lingvisticheskogo obrazovaniya [Place of Theoretical Training in the System of Continuous Linguistic Education]. In *Sciences of Europe*. No. 1-1, pp. 31–33.
- Ginzburg, R. Z., Khidekel, S. S., Knyazeva, G. Yu., Sankin, A. A. (1979). *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [English Lexicology]. 2nd edition. Moscow, Vysshaya shkola. 270 p.
- Gmyzina, G. N., Grishenkova, E. G., Starostina, N. N. (2023). Razvitie nauchno-issledovatel'skoi kompetentsii studentov-lingvistov v khode obucheniya v vuze [Development of Research Competence of Linguistics Students During University Education]. In *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. No. 11, pp. 104–108. DOI: 10.17513/snt.39828.
- Gusevskaya, N. Yu. (2015). Problemy professional'noi yazykovoi podgotovki kadrov dlya razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Problems of Professional Language Training for the Development of International Cooperation]. In *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki*. No. 5 (64), pp. 76–80.
- Harlytska, T. (2022). Key Problems of English Lexicology in Higher Education Institution. In *International Journal of Social Science and Human Research*. Vol. 05. No. 08, pp. 3622–3629. DOI: 10.47191/ijsshr/v5-i8-37.
- Karpova, O. M. (2017). Novye tendentsii v sovremennoi leksikografii [New Trends in Modern Lexicography]. In *Leksika i leksikografiya*. Issue 11, pp. 63–72.
- Kazachikhina, I. A. (2011). *Leksikograficheskaya interpretatsiya kommunikativov russkoi razgovornoj rechi (model' uchebnogo posobiya slovarnogo tipa)* [Lexicographic Interpretation of Communicatives of Russian Colloquial Speech (Model of a Dictionary-Type Textbook)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, Izdatel'stvo OmGU. 23 p.
- Kazakova, O. A., Kraevskaya, I. O., Frik, T. B. (2019). Uchebnyi slovar' po professional'nomu russkomu yazyku (tekhnicheskii profil') dlya studentov iz Kitaya: makro- i mikrostruktura, lingvodidakticheskii potentsial [A Learner's Dictionary of Russian for Specific (Technical) Purposes for Students from China: Macro- and Microstructure, Linguodidactic Potential]. In *Voprosy leksikografii*, pp. 104–216.
- Kholmatova, D. A., Rakhmatova, O. K. (2021). Teoreticheskie osnovy razrabotki uchebnykh posobii [Theoretical Foundations of the Development of Textbooks]. In *Voprosy nauki i obrazovaniya*. No. 29 (154), pp. 30–38.
- Kosterina, E. V., Ruzhentseva, E. N. (2009). *Russkii yazyk v uchebno-professional'noi sfere. Chast' 2. Matematika* [Russian Language in the Educational and Professional Sphere. Part 2. Mathematics]. Smolensk, VA VPVO VS RF. 121 p.
- Lovtsevich, G. N., Trifonov, A. S. (2016). Definitsiya termina v ramkakh traditsionnogo i sotsiokognitivnogo podkhodov v terminovedenii [Term Definition within the Framework of Traditional and Sociocognitive Approaches in Terminology Studies]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. Vol. 2. No. 1, pp. 50–62.
- Makeeva, Z. P., Maksimchuk, N. A. (1985). *Obuchenie russkoi professional'noi rechi inostrannykh uchashchikhsya srednikh PTU* [Teaching Russian Professional Speech to Foreign Students of Secondary Vocational Schools]. Moscow, VNMTsentr. 162 p.
- Maksimchuk, N. A. (1986). Leksicheskie posobiya slovarnogo tipa kak osobyi razdel uchebnoi leksikografii [Vocabulary-Type Lexical Aids as a Special Section of Educational Lexicography]. In Morkovkin, V. V., Trushina, L. B. (Eds.). *Uchebniki i slovari v sisteme sredstv obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Moscow, Russkii yazyk, pp. 190–197.
- Mandrikova, G. M. (1994). *Uchebnoe komp'yuternoe leksikografirovanie v teoreticheskom i prakticheskom rassmotrenii* [Educational Computerized Lexicography in Theoretical and Practical Consideration]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 220 p.
- Morkovkin, V. V. (1990). *Osnovy teorii uchebnoi leksikografii* [Fundamentals of the Theory of Educational Lexicography]. Dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauchnogo doklada. Moscow. 71 p.

Nesova, N. M., Bobritskikh, L. Ya. (2018). Predstavlenie slovyara v teoreticheskoi i uchebnoi leksikografii [Representation of Vocabulary in Theoretical and Educational Lexicography]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 9. No. 2, pp. 439–450. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450.

Olkhovskaya, A. I. (2016). K voprosu o sredstvakh obucheniya leksike russkogo yazyka kak inostrannogo [To the Question of Means of Teaching Vocabulary of Russian as a Foreign Language]. In *Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh» Chelyabinsk, 20–22 aprelya 2016 goda*. Vol. 2. Chelyabinsk, Izdatel'stvo «Entsiklopediya», pp. 474–478.

Plotnikova, A. M., Slautina, M. V. (2019). Ideograficheskie slovari v praktike prepodavaniya lingvisticheskikh distsiplin [Ideographic Dictionaries in the Practice of Teaching Linguistic Disciplines]. In *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. No. 6 (42), pp. 172–182. DOI: 10.32744/pse.2019.6.14.

Pronchenko, E. N. (2019). Formirovanie professional'noi kompetentsii studentov-lingvistov cherez lingvisticheskuyu terminologiyu [Formation of Professional Competence of Linguistics Students Through Linguistic Terminology]. In *Universitetskie chteniya – 2019: materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGU, Pyatigorsk, 10–11 yanvarya 2019 goda*. Part IV. Pyatigorsk, Pyatigorskii gosuniversitet, pp. 35–40.

Shchitova O. G., Martsevich, N. A. (2023). Ideograficheskii slovar' arkhitekturno-dizainerskoi terminologii russkogo yazyka [Ideographic Dictionary of Architectural and Design Terminology of the Russian Language]. In *Voprosy leksikografii*. No. 27, pp. 86–104. DOI: 10.17223/22274200/27/5.

Shelov, S. D., Leychik, V. M. (2012). *Terminologiya i professional'naya leksika: sostav i funktsii* [Terminology and Professional Vocabulary: Composition and Functions]. Saint Petersburg, SPbGU. Filologicheskii fakul'tet. 96 p.

Sidelnikov, V. P., Marchenko, E. A. (2014). Nekotorye osobennosti metazyka sovremennoi lingvistiki [Some Features of the Meta-Language of Modern Linguistics]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*. Vol. 27 (66). No. 1. Part 1, pp. 25–29.

Susanto, A. (2017). The Teaching of Vocabulary: A Perspective. In *KATA*. Vol. 1. No. 2, pp. 182–191.

Volovich, M. I. (2002). *Teoreticheskie osnovy sozdaniya uchebnogo posobiya slovarnogo tipa (na materiale assotsiativnoi terminologii pod"yazyka meditsiny)* [Theoretical Bases of Creating a Dictionary-Type Textbook (on the Material of Associative Terminology of the Medical Sublanguage)]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow. 21 p.

Vostryakova, N. A. (2015). Osnovnye printsipy modelirovaniya uchebnogo posobiya leksikograficheskogo tipa dlya elementarnogo urovnya obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Basic Principles of Modeling a Lexicographic Textbook for Elementary Level of Teaching Russian as a Foreign Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 68–72.

Данные об авторах

Влавацкая Марина Витальевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия).
Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20.
E-mail: vlavatskaya@list.ru.

Джабиева Латифа Шарифовна – аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия).
Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20.
E-mail: kulieva-98@list.ru.

Authors' information

Vlavatskaya Marina Vitalievna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Djabieva Latifa Sharifovna – Postgraduate Student, Lecturer of Department of Foreign Languages, Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 10.11.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 10.11.2024; date of publication: 28.03.2025

УДК 372.881.161.1'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-185-195. ББК Ч426.819=411.2-24.
ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 5.8.2

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ 5 КЛАССА: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Шпильная Н. Н.

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

SPIN-код: 1935-0020

Ширяева О. Ю.

Шипуновская средняя общеобразовательная школа № 2 (Шипуново, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7796-7529>

А н н о т а ц и я . Статья выполнена в русле лингвоперсонологии. Основу работы составляет концепция лингвоперсонологии, сложившаяся в рамках Кемеровской школы лингвоперсонологии, возглавляемой Н. Д. Голевым. Актуальными для авторов являются следующие положения: во-первых, положение о том, что лингвоперсонологическое пространство языка имеет ментально-психологические основания; во-вторых, положение о том, что языковая личность есть носитель языковой способности особого, природно заданного качества. Цель статьи – представить типологию интерпретационной языковой способности школьников 5 класса. Под типом интерпретационной языковой способности понимаются индивидуально-типичные особенности восприятия и осмысления текстов разной природы и функциональной направленности. Были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сопоставление. Основным методом, применяемый в статье, – эксперимент, направленный на проявление интерпретирующей деятельности носителей языка. На основе проведенного эксперимента выделены и охарактеризованы 2 типа интерпретационной языковой способности школьников 5 класса: кратко-интерпретирующий и развернуто-интерпретирующий. Кратко-интерпретирующий тип – это такой тип интерпретационной способности, при котором текст интерпретируется поверхностно. Развернуто-интерпретирующий тип – это такой тип интерпретационной способности, при котором текст интерпретируется подробно, со всеми деталями. В работе уставлено, что в 5 классе доминирующим типом интерпретационной способности является кратко-интерпретирующий тип. Основанием для типологии языковой способности послужила степень воспроизведения в интерпретирующих высказываниях основной и дополнительной информации, содержащейся в тексте-основе. Материалом для выявления типов интерпретационной способности школьников послужил текст рекламного объявления о сдаче квартиры. Данный текст, с одной стороны, является прагматически ориентированным, а с другой стороны, он выходит за рамки актуальных интересов пятиклассников, что позволяет выявить природно заданные особенности интерпретационной деятельности школьников 5 класса. Полученные в работе результаты могут послужить основой для организации личностно-ориентированного обучения школьников смысловому восприятию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интерпретация; смысловое чтение; интерпретационная способность; эксперимент; языковая способность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шпильная, Н. Н. Интерпретационная языковая способность школьников 5 класса: опыт типологии / Н. Н. Шпильная, О. Ю. Ширяева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 185–195. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-185-195.

THE LANGUAGE INTERPRETIVE ABILITY OF FIFTH GRADE SCHOOLCHILDREN: AN EXPERIENCE OF TYPOLOGY

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Oksana Yu. Shiryaeva

Secondary Comprehensive School No. 2 of Shipunovo (Shipunovo, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-7796-7529>

A b s t r a c t . The article is written in the context of linguopersonology. The work is based on the concept of linguopersonology, which was developed within the framework of the Kemerovo school of linguopersonology, headed by N. D. Golev. The following ideas are considered urgent by the authors: firstly, it is the idea that the linguopersonological scope of language has mental-psychological foundations; secondly, it is a thought that a linguistic personality is a bearer of language ability of a special, nature-specified quality. The aim of the article is to present a typology of the language interpretive ability of fifth graders. The type of language interpretive ability is understood in this study as certain individual-typical features of perception and comprehension of texts of different nature and functional orientation. The following general scientific research methods are employed in the article: analysis, synthesis and comparison. The main method of research is experiment aimed at identification of the interpretive activity of the native speakers. Two types of language interpretive ability of fifth grade schoolchildren have been identified and characterized as a result of the undertaken experiment: a brief-interpretive ability and an expanded-interpretive ability. The brief-interpretive type means a kind of interpretive ability by which the text is interpreted superficially. The expanded-interpretive type is a kind of interpretive ability in the course of which the text is interpreted thoroughly paying close attention to every detail. The study argues that the dominant type of interpretive ability among fifth grade schoolchildren is the brief-interpretive type. The typology of the lan-

guage interpretive ability of children is based on the degree of reproduction of the basic and additional information contained in the original text in their own interpretive utterances. The types of interpretive ability of schoolchildren were identified on the material of the text of an apartment renting advertisement. This text, on the one hand, is pragmatically oriented, and on the other hand, goes beyond the current interests of fifth graders, which allows identifying the natural genuine features of the interpretive activity of fifth grade schoolchildren. The results obtained can serve as a basis for organizing person-centered development of semantic comprehension skills of fifth grade schoolchildren.

Key words: interpretation; reading comprehension; interpretive ability; experiment; language ability

For citation: Shpilnaya, N. N., Shiryayeva, O. Yu. (2025). The Language Interpretive Ability of Fifth Grade Schoolchildren: An Experience of Typology. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 185–195. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-185-195.

Введение

Настоящее исследование вписано в русло лингвоперсонологии, предметом изучения которой является языковая личность [Нерознак 1996; Караулов 1987]. Как известно, термин «языковая личность» был предложен Ю. Н. Карауловым [1987]. Введение данного термина спровоцировало «лингвоперсонологический бум», проявляющийся в изучении языковой личности в разных аспектах: лингвокультурологическом, социолингвистическом, психолингвистическом¹. При лингвокультурологическом подходе в центре внимания ученых оказываются лингвокультурные типы, представляющие собой узнаваемые типизируемые личности, в поведении которых прослеживаются ценности, нормы и традиции определенных этносов и групп в их составе [Карасик 2019]. При таком подходе исследуются лингвокультурные типы английского сноба [Коровина 2012], политического эксперта [Карасик 2019] и пр. Что касается социолингвистического аспекта изучения языковой личности, то в этом случае в фокусе внимания лингвистов оказывается речевое портретирование носителей языка, выделяемых по профессиональному признаку, социальному статусу, уровню владения речевой культурой и пр. [Бойко 2008; Гусева 2008; Гынгазова, Иванцова 2012; Иванцова 2002; Кишина, Пыхтина 2010; Курьянович 2010; Николаева 1991; Седов 1999; Сиротинина 2003 и др.]. Психолингвистический аспект моделирования языковой личности связан с именем К. Ф. Седова, который полагал, что объектом психолингвоперсонологии является «коммуникативное поведение в многообразии форм его дискурсивного функционирования существования (от текстов, речевых фрагментов, до однословных реакций в ассоциативных экспериментах)», а предметом – коммуникативная компетенция личности, конкретизируемая в различных ее аспектах, уровнях [Седов 2008: 13].

Для нас актуальной является концепция лингвоперсонологии, сложившаяся в рамках Кемеровской школы лингвоперсонологии, возглавляемой Н. Д. Голевым, отмечавшим, что лингвоперсонологическое пространство языка имеет ментально-психологические основания [Голев 2014]. Значимым для нас является тезис ученого, согласно которому языковая личность есть носитель языковой способности определенного, природно заданного, качества. При таком подходе моделирование язы-

ковой личности осуществляется в направлении от «текста к личности» и «от личности к языковой личности». При первом подходе к описанию языковой личности в центре внимания ученых находится текст как воплощение определенного типа языковой личности [Сайкова 2009; Ким 2009; Чабаненко 2007 и др.]; при втором подходе исследователи «стремятся доказать, что речевые характеристики включены в ряд ментальных и психологических признаков» [Голев 2014: 16]. В этом случае актуальна, например, лингвосоционическая модель языковой личности [Голев, Кузнецова 2009; Замилова 2013; Комиссарова 2002]. В этом же русле выполнена работа М. В. Ляпон «Картина мира: языковое видение интроверта» [Ляпон 2000], в которой автор анализирует языковую картину мира М. И. Цветаевой – интроверта, выделяя такие признаки идиостиля поэта, как «блуждание вокруг денотата», избыток пояснительности и пр.

Специфика предметного поля лингвоперсонологии в таком понимании заключается в выходе лингвоперсонологических исследований в лингводидактическую плоскость [Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку 2009]. Результаты лингвоперсонологических исследований в этом случае становятся основой для организации личностно-ориентированного обучения школьников. Связь лингвоперсонологии и личностно-ориентированного образования предполагает анализ вариантов различных аспектов проявления языковой способности носителей языка.

Актуальность обращения к этой проблеме обусловлена востребованностью новых эффективных методик формирования квалифицированного читателя-школьника, что невозможно без развития умения интерпретировать. Так, в трудах Н. С. Болотновой выделяются три вида текстовой деятельности: текстообразующая, текстовоспринимающая и интерпретационная. Текстообразующая деятельность проявляется в создании первичных и вторичных текстов, текстовоспринимающая деятельность – в декодировании сообщения в процессе чтения и слушания, интерпретационная деятельность – в создании нового («своего») текста, отражающего осознание адресатом авторской интенции [Болотнова 2002: 9]. Как видим, интерпретационная деятельность составляет основу читательской компетенции носителей языка, в том числе и школьников. Умение понимать авторский замысел, выявлять главную и второстепенную информацию в тексте – основа читательской компетенции.

¹ Полный обзор работ по лингвоперсонологии содержится в исследовании [Башкова 2011].

Предмет, цель и методологические основания исследования

В центре нашего внимания – описание типовых вариантов интерпретационной языковой способности школьников 5 класса. Интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий [Демьянков 1996: 31]. Опираясь на сказанное, в работе под интерпретационной способностью понимаются умения носителей языка распредмечивать смысл исходного сообщения. Говоря об интерпретационной языковой способности, мы не дифференцируем языковую и речевую компетенции, «поскольку и та и другая реализуют сформированную в ходе речевой деятельности индивида речевую организацию. Языковая (речевая) компетенция – наличие у индивида необходимых когнитивных операций (соединения ментального и вербального) и опыта для осуществления речевой деятельности на определенном (в первую очередь на родном) языке [Бутакова 2021: 63]. Под типом интерпретационной языковой способности мы понимаем индивидуально-типичные особенности восприятия и осмысления текстов разной природы и функциональной направленности.

Цель статьи – представить типологию интерпретационной языковой способности школьников 5 класса. Как представляется, интерпретационная способность определяет навыки смыслового чтения школьников. «Смысловое чтение – это такое качество чтения, при котором достигается понимание информационной, семантической и идейной сторон произведения. Цель такого чтения – максимально точно и полно понять содержание текста, учесть все детали и практически осмыслить извлеченную из текста информацию» [Граф, Чистякова 2020]. Другими словами, смысловое чтение – вид чтения, который связан с умениями определять тему, главную идею текста, различать основную и дополнительную информацию, устанавливать логические связи, выявлять детали, важные для раскрытия основной идеи, содержания текста.

Методологической основой работы является положение о приоритете природного качества языковой способности. Остановимся подробнее на проблеме соотношения природного и социального в языковой способности носителя языка. В современной лингвистике существует две основные точки зрения по этому поводу. Согласно первой точке зрения, языковая способность заложена биологически и развивается по мере развития ребенка. Согласно второй точке зрения, языковая способность есть социальное образование, которое формируется в процессе социализации носителя языка. Если биологическая точка зрения характерна для американской психолингвистики [Хомский 1962; 1972], то отечественная наука придерживается в основном социальной точки зрения [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 617]. Данная позиция подтверждается тем, что «механизм гуления является врожденным, поскольку есть у глухонемых детей, однако он никогда не переходит в лепет, если отсутствуют воспринимае-

мые на слух реакции взрослых, то есть нет влияния социальной среды» [Шахнарович 1995]. В соответствии с отечественной концепцией, идущей от Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, источником языкового развития является не врожденная схема, а социальная деятельность. Отмечается, что с момента рождения ребенок попадает в социальные условия существования, которые предполагают взаимодействие, что обеспечивается речевым общением. В отечественной психолингвистике языковую способность рассматривают в качестве номинации психофизиологического механизма, обеспечивающего владение и овладение языком [Леонтьев 1969: 7].

Мы развиваем идеи Н. Д. Голева о том, что языковая способность является природно заданной и обусловлена ментально-психологическими особенностями человека [Голев 2014]. Иными словами, мы полагаем, что с возрастом языковая способность окультуривается, но природное начало в ней остается неизменным.

Обзор литературы

На сегодняшний день наблюдается интерес ученых к описанию языковой способности носителей языка. Отдельно стоит отметить исследования, посвященные описанию уровневых параметров языковой способности: орфографической [Лебедева 2002; Татаринцева 2009], лексической [Душейко 2019], синтаксической [Панкрашова 2008]. Наряду с уровневыми параметрами типологии языковой способности в лингвоперсонологии предпринимаются попытки актуальной типологии языковой личности. В качестве таких аспектов можно назвать гендерный, жанровый и пр. Проблема типологии языковой способности тесно связана с проведением специальных диагностических процедур, направленных на выявление ее особенностей.

Не останавливаясь на проблеме типологии и диагностики языковой личности подробно, отметим, что в лингвоперсонологии предпринимались попытки выявления типов интерпретационной способности школьников. Так, например, в кандидатской диссертации С. А. Максимовой «Типы обыденной интерпретации художественных текстов рядовыми носителями русского языка подросткового возраста (на материале интерпретирующих высказываний)» выделяются типы интерпретационной языковой способности читателей младшего подросткового возраста, связанные с присущим носителю языка типом интерпретации: целостные и развернутые типы интерпретации; внутренне- и внешне-ориентированные типы интерпретации и пр. [Максимова 2011]. См. также: [Голев, Максимова 2008]. В указанной работе проблема типологии интерпретационной языковой способности решается на материале художественных текстов. Основным методом диагностики – эксперимент.

Выявлению особенностей восприятия (интерпретации) художественных текстов учащимися средней школы посвящена статья Е. Н. Гуц [2017].

В указанной работе применяется психолингвистический подход к описанию процесса восприятия текстов русской литературы разных жанров. Анализ результатов эксперимента посредством метода семантического дифференциала позволил выявить эмоционально-оценочную составляющую восприятия текста реципиентами-школьниками разного возраста, обладающими разными концептуальными системами [там же].

Надо сказать, что в специальной педагогике особое место занимают работы, посвященные изучению особенностей восприятия и понимания художественных текстов (лирических текстов) детьми с различными нарушениями здоровья. Так, например, в работах Н. Е. Граш и А. В. Дзюбань проводились исследования по восприятию лирических произведений глухими детьми и детьми с частичным нарушением слуха [Граш 1994; Дзюбань 2018].

Отметим, что к проблеме выявления особенностей интерпретационной деятельности школьников обращаются не только лингвисты и педагоги, но и психологи. При этом фокус исследования ученых сосредоточен на выявлении особенностей восприятия рекламных текстов. К примеру, в работе В. В. Хороших и У. В. Савченко в центре внимания оказываются особенности восприятия рекламных текстов вузов старшеклассниками. Используя метод контент-анализа и факторный анализ данных, ученые выявили основные категориальные структуры восприятия и оценки рекламы вузов, в их числе авторитетность вуза, своеобразия вуза, доступность вуза, контактность вуза [Хороших, Савченко 2019].

Проблема описания интерпретационных вариантов языковой способности в исследованиях ученых связывается не только с особенностями восприятия художественных и рекламных текстов, но и с особенностями интерпретации невербального поведения носителей языка (экспрессивных «текстов») и публицистических текстов. В. А. Лабунская занимается решением проблемы, связанной с диагностикой способности к адекватной интерпретации невербального поведения [Лабунская 2008]. Ученым разрабатывается методика диагностики невербального поведения носителей языка, реализующего экспрессивное поведение. На первом этапе определяется уровень развития способностей к интерпретации различных форм невербального поведения; на втором этапе фиксируется уровень интерпретации невербального поведения: психологический и социально-психологический; на третьем этапе диагностируется уровень развития способностей к невербальной регуляции отношений в диаде и группе; на четвертом этапе определяется уровень развития способности к кодированию экспрессивного поведения, следовательно, к контролю и управлению экспрессией [там же]. В работе Л. А. Ходяковой и А. В. Супрунова представлен опыт диагностики читательской компетенции учащихся 5-8 классов, направленный на выявление степени развития общего кругозора учащихся 5-8-го классов и уровня сформированности у них таких метапредметных (общекультур-

ных) умений, как поиск информации и понимание текста, преобразование и интерпретация информации, оценка информации [Ходякова, Супрунова 2015]. Для диагностики читательской компетенции был выбран метод теста, включающий задания различного типа: с выбором единственного верного ответа из четырех предложенных и с кратким ответом. «Ученикам были предложены задания, позволяющие определить как уровень читательских умений: искать, извлекать и понимать смысловую информацию, толковать и интерпретировать прочитанное, оценивать содержание текста, так и общий кругозор учащихся: знать, понимать и объяснять значение слов, обозначающих основные объекты, события, явления, понятия отечественной и мировой культуры, воспринимать и понимать несплошной текст (карты, схемы, рисунки и т. п.), уметь пользоваться разного рода словарями, интернет-ресурсами» [там же].

Как видим, проблема описания интерпретационной способности носителей языка связывается обычно с анализом и диагностикой сформированности читательской компетенции учащихся, проявляемой при восприятии и осмыслении художественного, публицистического, рекламного текстов и невербального поведения носителей языка (экспрессивных «текстов»).

Методы и материал исследования

Мы полагаем, что для выявления типов интерпретационной языковой способности школьников нужно обратиться к особенностям восприятия прагматически ориентированных текстов. В качестве такого текста может выступить рекламное объявление. Выбор текста объявления обусловлен тем, что в реальной коммуникации дети чаще встречаются с рекламными текстами, чем с художественными или публицистическими. При выборе текста важно учитывать, чтобы он выходил за пределы кругозора учащихся и их интересов, это способствует выявлению реальных (природно заданных) свойств интерпретационной способности школьников. Мы полагаем, что объявление о сдаче квартиры является примером такого текста: с одной стороны, он является прагматически ориентированным, с другой стороны, он выходит за рамки актуальных интересов пятиклассников.

Для типологии интерпретационной языковой способности школьников был взят следующий текст объявления о сдаче квартиры:

«Сдаю светлую и уютную однокомнатную квартиру на длительный срок от собственника. Площадь – 38 кв. м. Этаж – 2. Квартира находится на улице Крижановского в 5 минутах от метро. Внутри есть всё для комфортного проживания: новый 2-х спальный раскладной диван, шкаф-купе, комод с зеркалом, плазменный телевизор, интернет.

На кухне – холодильник, электрочайник, микроволновка, кухонный гарнитур, набор посуды. Санузел раздельный. Ванная комната отделана кафельной плиткой, имеется стиральная машинка-автомат. Цена 35 тысяч рублей в месяц. Без залога. Квартира сдаётся на длительный срок работающим

людям или семейным парам. Просмотр в любой день.

89238907654 (Александр)

К данному объявлению были разработаны следующие вопросы:

1. О чём данное объявление?
2. Какими словами хозяин описывает свою квартиру?
3. Какая мебель есть в квартире?

4. Какая техника есть в квартире?
5. Сколько слов вам было непонятно из данного объявления? Какие это слова?
6. Какой вы представили себе квартиру, которая описана в объявлении?

Представим исследовательские задачи, которые решаются при постановке данных вопросов, в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика вопросов для типового задания

1. О чём данное объявление?	Вопрос открытого характера, требующий воспроизведения содержания текста
2. Какими словами хозяин описывает свою квартиру?	Уточняющий вопрос, который помогает выяснить значимые для школьников компоненты содержания текста.
3. Какая мебель есть в квартире?	Вопрос открытого характера, направленный на получение информации о степени детализации восприятия текста.
4. Какая техника есть в квартире?	Вопрос открытого характера, направленный на получение информации о степени детализации восприятия текста.
5. Сколько слов вам было непонятно из данного объявления? Какие это слова?	Уточняющий вопрос, который помогает получить информацию о помехах интерпретации.
6. Какой вы представили себе квартиру, которая описана в объявлении?	Творческий вопрос, направленный на воспроизведение информации из текста, актуальной с точки зрения школьника.

При такой постановке вопросов мы стремимся выявить особенности текста, которые обусловлены спецификой интерпретационной языковой способности школьников. Как отмечает Н. Д. Голев, особенности языковой способности можно выделить при сопоставлении текстов разных авторов, осуществлённом при максимально тождественных условиях [Голев 2014: 14].

В эксперименте приняли участие учащиеся 5 класса, общее количество респондентов – 42 человека. Мы полагаем, что интерпретационная способность формируется у школьников еще с начальных классов. В 5 классе уже отчетливо можно наблюдать типовые особенности интерпретационной способности. Учителю-предметнику способно понимать, какой тип интерпретационной способности присущ школьнику. Это может помочь учителю в дальнейшей работе по развитию данной способности у школьников. Иными словами, учет типа интерпретационной способности позволяет формировать языковую личность школьника, что соответствует концепции личностно-ориентированного языкового образования, изложенной Н. Д. Голевым [Голев 2009]. Согласно мнению ученого, обучение родному языку предполагает учет своеобразия личности школьника, учет типов языковых личностей, основанных на ментально-психологических качествах, которые во многом заданы ученику «от природы» [Голев 2009: 9].

Обращение к рекламному тексту оправданно, так как школьники способны понять содержание данного текста, о чем говорят их ответы на первый вопрос анкеты, о чем этот текст, – *о сдаче квартиры*. Для чистоты эксперимента в опросник специально были включены вопросы: *сколько слов вам было непонятно из данного объявления, какие это слова?* Важно отметить, что при ответе на данный вопрос школь-

ники отмечали лишь некоторые слова, которые являлись помехами для восприятия текста (единичные реакции): *залог, комфортная, шкаф-купе, кафельная*.

Заметим также, что выбор текста объявления о сдаче квартиры обусловлен тем, что это текст, чтение и понимание которого связано с применением интерпретационных навыков, необходимых для решения реальных жизненных задач и осуществления реальной коммуникации. Подобные навыки связаны с формированием функциональной грамотности обучаемых.

Можно предположить, что выявленные в результате эксперимента типы интерпретационной способности школьников будут проявляться при пересказе текста, при интерпретации художественного и/или публицистического текстов. Мы полагаем, что интерпретирующие тексты и высказывания данной аудитории в большей степени отражают особенности языковой способности личности, чем тексты, созданные взрослыми реципиентами.

Результаты исследования

Анализ результатов эксперимента позволил выделить следующие типы интерпретационной языковой способности школьников 5 класса:

- 1 тип: кратко-интерпретирующий тип языковой способности;
- 2 тип: развёрнуто-интерпретирующий тип языковой способности;

В основе предложенной типологии интерпретационной языковой способности школьников лежит их умение выделять главную и второстепенную (детали) информацию в тексте.

Охарактеризуем каждый из данных типов. Для кратко-интерпретирующего типа способности характерен краткий, лишённый эмоциональности ответ. К каждому вопросу ученики пишут по

1–3 слова, отчего их ответы не полные, а поверхностные. Так, например, при ответе на первый вопрос ученики пишут: *о квартире*. Носители данного типа интерпретационной способности не придают деталям (например, таким как описание или уточнение, что диван раскладной, шкаф-купе и т. д.) большого значения. В вопросе 3, 4, где нужно перечислить мебель и технику, школьники пишут только по 2-3 названия (*диван, шкаф*), хотя в объявлении их гораздо больше. На последний вопрос учащиеся отвечают: *отличной, никакой*.

Для развернуто-интерпретирующего типа языковой способности характерен развернутый ответ со всеми деталями и подробностями, которые были в тексте объявления: *В квартире всё есть, она маленькая; Светлая и уютная, однокомнатная*.

Ответы учащихся полные, что говорит о том, что текст объявления эти школьники хорошо усвоили. Например, на вопрос, какая мебель есть в квартире, носители языка отвечают: *Холодильник, микроволновка и чайник, телевизор, стиральная машинка*. В 6 вопросе, где спрашивается про то, какой они представляют себе эту квартиру, каждый из учащихся не только ответил на вопрос, но ещё и написал своё мнение: *красивой и с одной комнатой, Я представила себе квартиру очень красивой и уютной*. Данные рассуждения также говорят о том, что текст объявления был усвоен хорошо.

Представим количественные данные о типах интерпретационной языковой способности школьников 5 класса в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Количественные данные о типах интерпретационной языковой способности школьников 5 класса

Тип интерпретационной языковой способности	Количество человек
Кратко-интерпретирующий тип	27
Развернуто-интерпретирующий тип	15

Заключение

Таким образом, в статье представлена типология интерпретационной языковой способности школьников 5 класса. Диагностика интерпретационного компонента языковой способности предполагает проведение эксперимента, направленного на проявление интерпретирующей деятельности школьников. В качестве такого эксперимента может служить текст объявления, при интерпретации которого проявляются типовые варианты языковой способности школьников 5 класса.

Результаты проведенного эксперимента позволили выделить два типа интерпретационной языковой способности учащихся 5 классов: кратко-интерпретирующий, развернуто-интерпретирующий. Кратко-интерпретирующий тип – это такой тип интерпретационной языковой способ-

ности, при котором текст интерпретируется поверхностно. При интерпретации не уделяется внимание деталям и подробностям, а вычленяются только основные моменты, но при отсутствии деталей. При таком типе текст не всегда может быть интерпретирован правильно. Развернуто-интерпретирующий тип – это такой тип интерпретационной языковой способности, при котором текст интерпретируется подробно, со всеми деталями. При интерпретации внимание уделяется как основным моментам, так и подробностям, что способствует полному пониманию текста. В работе установлено, что в 5 классе доминирующим типом интерпретационной способности является кратко-интерпретирующий тип.

Данные типы отличаются степенью воспроизведения основной и дополнительной информации в ответах на поставленные вопросы.

Литература

- Башкова, И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике / И. В. Башкова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 472 с.
- Бойко, Б. Л. Социально-речевой портрет человека на войне (на материале дневниковых записей) / Б. Л. Бойко // Вестник Новосибирского университета. – 2008. – Вып. 2: Филология. – С. 49–52.
- Болотнова, Н. С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста : методическое пособие / Н. С. Болотнова. – Томск : UFO-PRESS, 2002. – 64 с.
- Бутакова, Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z / Л. О. Бутакова // Русский язык в школе. – 2021. – № 82 (4). – С. 61–74.
- Голев, Н. Д. Лингвоперсонологические основания личностно-ориентированного обучения / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку / под ред. Н. В. Мельник. – Кемерово : Издательство КемГУ, 2009. – С. 8–16.
- Голев, Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) / Н. Д. Голев // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – С. 10–32.
- Голев, Н. Д. Лингвосоционическое моделирование экстравертного и интровертного типов языковой личности / Н. Д. Голев, А. В. Кузнецова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 95–98.
- Голев, Н. Д. К основаниям гендерной типологии читателей (на материале рефлексий о художественном тексте младших подростков) / Н. Д. Голев, С. А. Максимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 4 (36). – С. 119–126.

- Граф, С. В. Технологии смыслового чтения как инструмент формирования профессиональных знаний у бакалавров / С. В. Граф, Л. Н. Чистякова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-smyslovogo-chteniya-kak-instrument-formirovaniya-professionalnyh-znaniy-u-bakalavrov> (дата обращения: 20.09.2024).
- Граш, Н. Е. Формирование эмоционально-эстетического восприятия пейзажной лирики глухими школьниками 2–6 классов : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. Е. Граш. – СПб., 1994.
- Гурдаева, Н. А. Особенности понимания художественных текстов младшими школьниками с нормальным и нарушенным речевым развитием / Н. А. Гурдаева, Г. Н. Кобякова // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 8. – С. 83–87.
- Гусева, М. А. Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности / М. А. Гусева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1 : в 2 ч. Ч. II. – С. 25–30.
- Гуц, Е. Н. Восприятие художественного текста учащимися средней школы: психолингвистический подход / Е. Н. Гуц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 93–98.
- Гынгазова, Л. Г. «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 7–11.
- Демьянков, В. З. Интерпретация / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 31–33.
- Дзюбань, А. В. Теоретические основы проблемы овладения стихотворным текстом младшими школьниками с нарушением слуха в условиях инклюзивного обучения / А. В. Дзюбань // Наука и школа. – 2018. – № 5. – С. 108–114.
- Душейков, А. С. Измерение лексического компонента языковой способности: создание, апробация и анализ теста : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Душейко. – Кемерово : [б. и.], 2019. – 210 с.
- Замилова, А. В. Метод лингвосоционического моделирования русской языковой личности (на примере моделирования сенсорного и интуитивного типов языковой личности) / А. В. Замилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1. – С. 69–72.
- Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Издательство ТГУ, 2002. – 312 с.
- Карасик, В. И. Политический эксперт как лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Актуальные проблемы стилистики. – 2019. – № 5. – С. 87–95.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
- Ким, Л. Г. Вариативность интерпретации текста как проявление особенностей русского метаязыкового мышления (на материале экспериментальных данных) / Л. Г. Ким // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2009. – № 3. – С. 24–34.
- Кишина, Е. В. Речевой портрет регионального журналиста (по материалам кузбасских СМИ) / Е. В. Кишина, Т. Л. Пыхтина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 99–102.
- Комиссарова, Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке: на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Комиссарова. – Барнаул, 2002.
- Коровина, А. Ю. Лингвокультурный типаж «Английский сноб»: ценностные характеристики / А. Ю. Коровина // Проблемы современной науки и образования. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-angliyskiy-snob-tsennostnyye-harakteristiki-1> (дата обращения: 19.09.2024).
- Курьянович, А. В. Языковая личность ученого – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В. И. Вернадского) / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 188–197.
- Лабунская, В. А. Теоретико-эмпирические основания создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» / В. А. Лабунская // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5, № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-empiricheskie-osnovaniya-sozdaniya-metodiki-dagnostika-urovnya-razvitiya-sposobnosti-k-adekvatnoy-interpretatsii> (дата обращения: 19.09.2024).
- Лебедева, Н. Б. Орфографические типы языковой личности (по материалам эксперимента) / Н. Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1. Проблемы письменной речи и развития языкового чувства : материалы конференции. – Барнаул, 2002. – С. 101–113.
- Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку / под ред. Н. В. Мельник. – 2009. – 384 с.
- Ляпон, М. В. Картина мира: языковое видение интроверта / М. В. Ляпон // Русский язык сегодня. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 199–207.

Максимова, А. С. Типы обыденной интерпретации художественных текстов рядовыми носителями русского языка подросткового возраста (на материале интерпретирующих высказываний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Максимова. – Кемерово, 2011.

Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод : сборник научных трудов. – М. : МГЛУ, 1996. – С. 112–116.

Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 2. – М., 1991. – С. 69–74.

Панкрашова, О. С. Лингвоперсонологический аспект функционирования вводных конструкций / О. С. Панкрашова // Культура и текст. – 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskii-aspekt-funktsionirovaniya-vvodnykh-konstruktsiy> (дата обращения: 20.09.2024).

Сайкова, Н. В. Лингвоперсонологический анализ вторичного текста / Н. В. Сайкова // Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 110–118.

Седов, К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. Вып. 28. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. – С. 3–29.

Седов, К. Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 320 с.

Сиротинина, О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2003. – С. 3–20.

Татаринцева, Е. Н. Моделирование принципов русской орфографии как единиц лингвоперсонологического функционирования языка (на шкале «отражательное – условное») / Е. Н. Татаринцева // Филология и человек. – 2009. – № 1. – С. 121–127.

Ходякова, Л. А. Читательская компетенция как составляющая общекультурной компетентности (диагностика метапредметных умений) / Л. А. Ходякова, А. В. Супрунова // Наука и школа. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatelskaya-kompetentsiya-kak-sostavlyayuschaya-obschekulturnoy-kompetentnosti-diagnostika-metapredmetnykh-umeniy> (дата обращения: 19.09.2024).

Хомский, Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М., 1962. – С. 412–527.

Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М. : Издательство МГУ, 1972. – 259 с.

Хороших, В. В. Восприятие рекламы вузов старшеклассниками с разной актуальностью ситуации выбора ступени образования / В. В. Хороших, У. В. Савченко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-reklamy-vuzov-starsheklassnikami-s-raznoy-aktualnostyu-situatsii-vybora-stupeni-obrazovaniya> (дата обращения: 24.09.2024).

Чабаненко, М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Чабаненко. – Кемерово : [б. и.], 2007. – 198 с.

Шахнарович, А. М. Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М. : Наука, 1995. – С. 213–233.

References

Bashkova, I. V. (2011). *Izuchenie yazykovoi lichnosti v sovremennoi rossiiskoi lingvistike* [Study of Linguistic Personality in Modern Russian Linguistics]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet. 472 p.

Bolotnova, N. S. (2002). *Tekstovaya deyatelnost' na urokakh russkoi slovesnosti: metodiki lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta* [Text-based Activity in Russian Literature Lessons: Methods of Literary Text Linguistic Analysis]. Tomsk, UFO-PRESS. 64 p.

Boyko, B. L. (2008). *Sotsial'no-rechevoi portret cheloveka na voine (na materiale dnevnikovyykh zapisei)* [Social and Speech Portrait of a Man in War (Based on Diary Entries)]. In *Vestnik Novosibirskogo universiteta*. Issue 2: Filologiya, pp. 49–52.

Butakova, L. O. (2021). *Yazykovaya sposobnost', rechevaya kompetentsiya, rechevaya deyatelnost' predstavitelei pokoleniya Z* [Language Ability, Speech Competence, Speech Activity of Generation Z Representatives]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 82 (4), pp. 61–74.

Chabanenko, M. G. (2007). *Molodezhnyi diskurs kak realizatsiya tipovoi i individual'noi yazykovoi lichnosti* [Youth Discourse as a Realization of Typical and Individual Linguistic Personality]. Dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo. 198 p.

Chomsky, N. (1962). *Sintaksicheskie struktury* [Syntactic Structures]. In *Novoe v lingvistike*. Issue 2. Moscow, pp. 412–527.

Chomsky, N. (1972). *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 259 p.

Demyankov, V. Z. (1996). *Interpretatsiya* [Interpretation]. In Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. Moscow, Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, pp. 31–33.

Dusheykov, A. S. (2019). *Izmerenie leksicheskogo komponenta yazykovoi sposobnosti: sozdanie, aprobatsiya i analiz testa* [Measuring the Lexical Component of the Language Ability: Generation, Testing and Analysis of the Test]. Dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo. 210 p.

Dzyuban, A. V. (2018). *Teoreticheskie osnovy problemy ovladeniya stikhotvornym tekstom mladshimi shkol'niki s narusheniem slukha v usloviyakh inklyuzivnogo obucheniya* [Theoretical Foundations of Mastering Poetic Text with Hearing Impairment in Inclusive Education Conditions].

Issues by Primary Schoolchildren with Hearing Impairments in the Context of Inclusive Education]. In *Nauka i shkola*. No. 5, pp. 108–114.

Golev, N. D. (2009). Lingvopersonologicheskie osnovaniya lichnostno-orientirovannogo obucheniya [Linguistic and Personological Foundations of Personality-Oriented Learning]. In Melnik, N. V. (Ed.). *Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie yazyku*. Kemerovo, Izdatel'stvo KemGU, pp. 8–16.

Golev, N. D. (2014). Mental'no-psikhologicheskie aspekty tipologii yazykovoi lichnosti (k probleme vzaimootnosheniya yazykovogo i personnogo prostranstva) [Mental Psychological Aspects of Linguistic Personality Typology (Referring the Relation Issues of the Linguistic and Personal Space)]. In Golev, N. D., Shpilnaya, N. N. (Eds.). *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya*. Part 1. Moscow, LENAND, pp. 10–32.

Golev, N. D., Kuznetsova, A. V. (2009). Lingvosotsionicheskoe modelirovanie ekstravertnogo i introvertnogo tipov yazykovoi lichnosti [Linguistic Socionic Modeling of Extroverted and Introverted Types of Linguistic Personality]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 95–98.

Golev, N. D., Maksimova, S. A. (2008). K osnovaniyam gendernoi tipologii chitatelei (na materiale refleksii o khudozhestvennom tekste mladshikh podrostkov) [The Foundations of Gender Typology of Readers (Based on Reflections on Literary Texts by Young Adolescents)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (36), pp. 119–126.

Graf, S. V., Chistyakova, L. N. (2020). Tekhnologii smyslovogo chteniya kak instrument formirovaniya professional'nykh znaniy u bakalavrov [Technologies of Reading Comprehension as a Tool for Generation of Professional Knowledge in Bachelors]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-smyslovogo-cheniya-kak-instrument-formirovaniya-professionalnyh-znaniy-u-bakalavrov> (mode of access: 20.09.2024).

Grash, N. E. (1994). *Formirovanie emotsional'no-esteticheskogo vospriyatiya peizazhnoi liriki glukhimi shkol'nikami 2–6 klassov* [Formation of Emotional and Aesthetic Perception of Landscape Lyrics by Deaf 2–6 Grade Schoolchildren]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Saint Petersburg.

Gurdaeva, N. A., Kobyakova, G. N. (2019). Osobennosti ponimaniya khudozhestvennykh tekstov mladshimi shkol'nikami s normal'nym i narushennym rechevym razvitiem [Features of Literary Texts Comprehension by Primary Schoolchildren with Standard and Impaired Speech Development]. In *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. No. 8, pp. 83–87.

Guseva, M. A. (2008). Gendernye i sotsiolingvisticheskie kharakteristiki yazykovoi lichnosti [Gender and Sociolinguistic Characteristics of Linguistic Personality]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 1, in 2 parts. Part II, pp. 25–30.

Guts, E. N. (2017). Vospriyatie khudozhestvennogo teksta uchashchimisya srednei shkoly: psikholingvisticheskii podkhod [Perception of Literary Text by Secondary Schoolchildren: A Psycholinguistic Approach]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. Vol. 16. No. 2, pp. 93–98.

Gyngazova, L. G., Ivantsova, E. V. (2012). «Chto takoe khorosho...» v predstavlenii nositelya traditsionnoi narodno-rechevoi kultury [“What is Good...” in the Mind of a Bearer of Traditional Folk Speech Culture]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 4 (20), pp. 7–11.

Ivantsova, E. V. (2002). *Fenomen dialektnoi yazykovoi lichnosti* [The Phenomenon of Dialectal Language Personality]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 312 p.

Karasik, V. I. (2019). Politicheskii ekspert kak lingvokul'turnyi tipazh [Political Expert as a Linguistic and Cultural Model]. In *Aktual'nye problemy stilistiki*. No. 5, pp. 87–95.

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka. 261 p.

Khodyakova, L. A., Suprunova, A. V. (2015). Chitatel'skaya kompetentsiya kak sostavlyayushchaya obshchekul'turnoi kompetentnosti (diagnostika metapredmetnykh umenii) [Reading Competence as a Component of General Cultural Competence (Diagnostics of Metasubject Skills)]. In *Nauka i shkola*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chitatelskaya-kompetentsiya-kak-sostavlyayushchaya-obshchekulturnoy-kompetentnosti-diagnostika-metapredmetnyh-umeniy> (mode of access: 19.09.2024).

Khoroshikh, V. V., Savchenko, U. V. (2019). Vospriyatie reklamy vuzov starsheklassnikami s raznoi aktual'nost'yu situatsii vybora stupeni obrazovaniya [Perception of University Advertising by High School Students with Different Relevance of Education Choosing Context]. In *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-reklamy-vuzov-starsheklassnikami-s-raznoy-aktualnostyu-situatsii-vybora-stupeni-obrazovaniya> (mode of access: 24.09.2024).

Kim, L. G. (2009). Variativnost' interpretatsii teksta kak proyavlenie osobennosti russkogo metayazykovogo myshleniya (na materiale eksperimental'nykh dannyykh) [Variability of Text Interpretation as a Manifestation of the Peculiarities of Russian Metalinguistic Thinking (Based on Experimental Data)]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. No. 3, pp. 24–34.

Kishina, E. V., Pykhtina, T. L. (2010). Rechevoi portret regional'nogo zhurnalista (po materialam kuzbasskikh SMI) [Speech Portrait of a Regional Media Journalist (Based on Materials by Kuzbass Mass Media)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 99–102.

Komissarova, L. M. (2002). *Lingvosotsionicheskaya metodologiya izucheniya yazykovoi lichnosti v russkom yazyke: na materiale proizvedenii M. Tsvetaevoi, O. Mandel'shtama, A. Akhmatovoi, N. Gumileva, B. Pasternaka* [Linguistic Socionical Methodology of Linguistic Personality Studies in Russian Language: Based on the Works of M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, A. Akhmatova, N. Gumilyov, B. Pasternak]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul.

Korovina, A. Yu. (2012). Lingvokul'turnyi tipazh «Angliiskii snob»: tsennostnye kharakteristiki [“English Snob” Linguistic and Cultural Model: Value Based Characteristics]. In *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-angliyskiy-snob-tsennostnye-harakteristiki-1> (mode of access: 19.09.2024).

Kuryanovich, A. V. (2010). Yazykovaya lichnost' uchenogo – nositelya elitarnoi rechevoi kul'tury (na materiale epistol'yarnogo diskursa V. I. Vernadskogo) [The Linguistic Personality of a Scientist – a Bearer of Elite Speech Culture (Based on the Epistolary Discourse of V. I. Vernadsky)]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 188–197.

Labunskaya, V. A. (2008). Teoretiko-empiricheskie osnovaniya sozdaniya metodiki «Diagnostika urovnya razvitiya sposobnosti k adekvatnoi interpretatsii neverbal'nogo povedeniya» [Theoretical and Empirical Foundations for the Creation of the Methodology “Diagnostics of the Development Level of Ability to Adequately Interpret Non-verbal Behavior”]. In *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 5. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-empiricheskie-osnovaniya-sozdaniya-metodiki-diagnostika-urovnya-razvitiya-sposobnosti-k-adekvatnoy-interpretatsii> (mode of access: 19.09.2024).

Lebedeva, N. B. (2002). Orfograficheskie tipy yazykovoi lichnosti (po materialam eksperimenta) [Orthographic Types of Linguistic Personality (Based on Experimental Data)]. In *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skii i obrazovatel'nyi aspekty. Part 1. Problemy pis'mennoi rechi i razvitiya yazykovogo chuvstva: materialy konferentsii*. Barnaul, pp. 101–113.

Leontyev, A. A. (1969). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, Speech, Speech Activity]. Moscow, Prosveshchenie. 214 p.

Lyapon, M. V. (2000). Kartina mira: yazykoe videnie introverta [The World Picture: The Linguistic Vision of an Introvert]. In *Russkii yazyk segodnya*. Moscow, Azbukovnik, pp. 199–207.

Maksimova, A. S. (2011). *Tipy obydennoi interpretatsii khudozhestvennykh tekstov ryadovymi nositelyami russkogo yazyka podrostkovogo vozrasta (na materiale interpretiruyushchikh vyskazyvaniy)* [Types of Everyday Interpretation of literary Texts by Regular Russian Teenagers (Based on Interpretive Utterances)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo.

Melnik, N. V. (Ed.). (2009). *Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie yazyku* [Linguistics and Person-Centered Language Teaching]. 384 p.

Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic Personology: Referring the Definition of the Discipline Status]. In *Yazyk. Poetika. Perevod: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, MGLU, pp. 112–116.

Nikolaeva, T. M. (1991). «Sotsiolingvisticheskii portret» i metody ego opisaniya [“Sociolinguistic Portrait” and Methods of its Description]. In *Russkii yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki*. Part 2. Moscow, pp. 69–74.

Pankrashova, O. S. (2008). Lingvopersonologicheskii aspekt funktsionirovaniya vvodnykh konstruktsii [Linguistic Personological Aspect of Introductory Constructions Functioning]. In *Kul'tura i tekst*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskii-aspekt-funktsionirovaniya- vvodnykh-konstruktsiy> (mode of access: 20.09.2024).

Saykova, N. V. (2009). Lingvopersonologicheskii analiz vtorichnogo teksta [Linguistic Personological Analysis of the Secondary Text]. In *Filologicheskie nauki*. No. 3, pp. 110–118.

Sedov, K. F. (1999). Portrety yazykovykh lichnostei v aspekte ikh stanovleniya (printsipy klassifikatsii i usloviya formirovaniya) [Portraits of Linguistic Personalities in the Aspect of Their Formation (Classification Principles and Conditions of Formation)]. In *Voprosy stilistiki*. Issue 28. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo uni-versiteta, pp. 3–29.

Sedov, K. F. (2008). *Ontopsikholingvistika: stanovlenie kommunikativnoi kompetentsii cheloveka* [Ontopsycholinguistics: The Development of Human Communicative Competence]. Moscow, Labirint. 320 p.

Shakhnarovich, A. M. (1995). Yazykovaya lichnost' i yazykovaya sposobnost' [Language Personality and Language Ability Language]. In *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'*. Moscow, Nauka, pp. 213–233.

Sirotnina, O. B. (2003). Kharakteristika tipov rechevoi kul'tury v sfere deistviya literaturnogo yazyka [Characteristics of Speech Culture Types in the Sphere of Literary Language]. In *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Issue 2. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 3–20.

Tatarintseva, E. N. (2009). Modelirovanie printsipov russkoi orfografii kak edinitov lingvopersonologicheskogo funktsionirovaniya yazyka (na shkale «otrazhatel'noe – uslovnoe») [Modeling of Russian Spelling Principles as Units of Linguistic Personological Functioning of the Language (on the “Reflective – Conditional” Scale)]. In *Filologiya i chelovek*. No. 1, pp. 121–127.

Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 685 p.

Zamilova, A. V. (2013). Metod lingvosotsionicheskogo modelirovaniya russkoi yazykovoi lichnosti (na primere modelirovaniya sensor'nogo i intuitivnogo tipov yazykovoi lichnosti) [Method of Linguo-sociological Modeling of Russian Linguistic Personality (Considering the Example of Modeling Sensory and Intuitive Types of Linguistic Personality)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 9-1, pp. 69–72.

Данные об авторах

Шпильная Надежда Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия).

Адрес: 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

E-mail: venata85@mail.ru.

Ширяева Оксана Юрьевна – учитель русского языка и литературы, Шипуновская средняя общеобразовательная школа № 2 Шипуновского района, Алтайского края (Шипуново, Россия).

Адрес: 658392, Россия, Алтайский край, Шипуновский р-н, с. Шипуново (Российского с/с), ул. Школьная, 35.

E-mail: schentsova.oxana@yandex.ru.

Authors' information

Shpilnaya Nadezhda Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of General and Russian Linguistics and Teaching Russian as a Foreign Language, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Shiryayeva Oksana Yurievna – Teacher of Russian Language and Literature, Secondary Comprehensive School No. 2 of Shipunovo, Shipunovsky District, Altai Region (Shipunovo, Russia).

Дата поступления: 25.09.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 25.09.2024; date of publication: 28.03.2025

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 30. 2025. № 1

Цена свободная

Редактор О. А. Адясова
Верстка О. А. Адясовой

Дата подписания в печать 23.03.2025. Дата выхода в свет 28.03.2025. Формат 60×84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya.
Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 500 экз. Заказ 5545.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru